ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1915 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

РАЗСКАЗЫ 1892—1902 г.

ПЕРЕВАЛЪ.

Ночь давно, а я все еще бреду по горамъ къ перевалу, бреду подъ вѣтромъ, среди холоднаго тумана, и безнадежно, но покорно идетъ за мной въ поводу мокрая, усталая лошадь, звякая пустыми стременами.

Въ сумерки, отдыхая у подножія сосновыхъ лѣсовъ, за которыми начинается этотъ голый, пустынный подъемъ, я смотрѣлъ въ необъятную глубину подо мною съ тѣмъ особымъ чувствомъ гордости и силы, съ которымъ всегда смотришь съ большой высоты. Еще можно было различить огоньки въ темнѣющей долинѣ далеко внизу, на прибрежьѣ тѣснаго залива, который, уходя къ востоку, все расширялся и, поднимаясь туманно-голубой стѣной, обнималъ полъ-неба. Но въ горахъ уже наступала ночь. Темнѣло быстро, я шелъ, приближался къ лѣсамъ—и горы вырастали все мрачнѣй и величавѣе, а въ пролеты между ихъ отрогами съ бурной стремительностью валился косыми, длинными облаками густой туманъ, гонимый бурей сверху. Онъ срывался съ плоскогорья, которое окутывалъ гигантской рыхлой грядой, и своимъ паденіемъ какъ бы увеличивалъ хмурую глубину пропастей между горами. Онъ уже задымилъ лѣсъ, надвигаясь на меня вмѣстѣ съ глухимъ, глубокимъ и нелюдимымъ гуломъ сосенъ. Повѣяло зимней свѣжестью, понесло снѣгомъ и вѣтромъ... Наступила ночь, и я долго шелъ подъ темными, гудящими въ туманѣ сводами горнаго бора, склонивъ голову отъ вѣтра.

„Скоро перевалъ, — говорилъ я себѣ. — Скоро я буду въ затишьѣ, за горами, въ свѣтломъ, людномъ домѣ...“

Но проходитъ полчаса, часъ... Каждую минуту мнѣ кажется, что перевалъ въ двухъ шагахъ отъ меня, а голый и каменистый подъемъ не кончается. Уже давно остались внизу

сосновые лѣса, давно прошли низкорослые, искривленные кустарники, и я начинаю уставать и дрогнуть. Мнѣ вспоминается нѣсколько могилъ среди сосенъ недалеко отъ перевала, гдѣ похоронены какіе-то дровосѣки, сброшенные съ горъ зимней бурей. Я чувствую, на какой дикой и безлюдной высотѣ я нахожусь, чувствую, что вокругъ меня только туманъ, обрывы, и думаю: какъ пройду я мимо одинокихъ камней-памятниковъ, когда они, какъ человѣческія фигуры, зачернѣютъ среди тумана? хватитъ ли у меня силъ спуститься съ горъ, когда я уже и теперь теряю представленіе о времени и мѣстѣ?

Впереди что-то смутно чернѣетъ среди бѣгущаго тумана... какіе-то темные холмы, похожіе на спящихъ медвѣдей. Я пробираюсь по нимъ, съ одного камня на другой, лошадь, срываясь и лязгая подковами по мокрымъ голышамъ, съ трудомъ влѣзаетъ за мною, — и вдругъ я замѣчаю, что дорога снова начинаетъ медленно подниматься въ гору! Тогда я останавливаюсь, и меня охватываетъ отчаяніе. Я весь дрожу отъ напряженія и усталости, одежда моя вся промокла отъ снѣга, а вѣтеръ такъ и пронизываетъ ее насквозь. Не крикнуть ли? Но теперь даже чабаны забились въ свои гомеровскія хижины вмѣстѣ съ козами и овцами, — кто услышитъ меня? И я съ ужасомъ озираюсь:

— Боже мой! Неужели я заблудился?

Поздно. Боръ глухо и сонно гудитъ въ отдаленіи. Ночь становится все таинственнѣе, и я чувствую это, хотя не знаю ни времени ни мѣста. Теперь погасъ послѣдній огонекъ въ глубокихъ долинахъ, и сѣдой туманъ воцаряется надъ ними, зная, что пришелъ его часъ, долгій часъ, когда кажется, что все вымерло на землѣ и уже никогда не настанетъ утро, а будутъ только возрастать туманы, окутывая величавыя въ своей полночной стражѣ горы, будутъ глухо гудѣть лѣса по горамъ и все гуще летѣть снѣгъ на пустынномъ перевалѣ.

Закрываясь отъ вѣтра, я поворачиваюсь къ лошади. Единственное живое существо, оставшееся со мною! Но лошадь не глядитъ на меня. Мокрая, озябшая, сгорбившись подъ высокимъ сѣдломъ, которое неуклюже торчитъ на ея спинѣ, она стоитъ, покорно опустивъ голову съ прижатыми ушами. И я злобно дергаю поводъ и снова подставляю лицо мокрому снѣгу и вѣтру, и снова упорно иду навстрѣчу имъ. Когда я пытаюсь разглядѣть то, что̀ окружаетъ меня, я вижу только сѣдую бѣгущую мглу, которая слѣпитъ снѣгомъ. Когда я вслушиваюсь, я различаю только свистъ вѣтра въ уши и однообразное позвякиваніе за спиною: это стучатъ стремена, сталкиваясь другъ съ другомъ...

Но, странно—мое отчаяніе начинаетъ укрѣплять меня! Я начинаю шагать смѣлѣе, и злобный укоръ кому-то за все, что̀ я выношу, радуетъ меня. Онъ уже переходитъ въ ту мрачную и стойкую покорность всему, что̀ надо вынести, при которой сладостна безнадежность...

Вотъ наконецъ и перевалъ. Но мнѣ уже все равно. Я иду по ровной и плоской степи, вѣтеръ несетъ туманъ длинными космами и валитъ меня съ ногъ, но я не обращаю на него вниманія. Уже по одному свисту вѣтра и по туману чувствуется, какъ глубоко овладѣла поздняя ночь горами, — уже давнымъ-давно спятъ въ долинахъ, въ своихъ маленькихъ хижинахъ маленькіе люди; но я не тороплюсь, я иду, стиснувъ зубы, и бормочу, обращаясь къ лошади:

— Иди, иди. Будемъ брести, пока не свалимся. Сколько уже было въ моей жизни этихъ трудныхъ и одинокихъ перевaловъ! Какъ ночь, надвигались на меня горести, страданія, болѣзни, измѣны любимыхъ и горькія обиды дружбы—и наступалъ часъ разлуки со всѣмъ, съ чѣмъ сроднился. И, скрѣпивши сердце, опять бралъ я въ руки свой странническій посохъ. А подъемы къ новому счастью были высоки и трудны, ночь, туманъ и буря встрѣчали меня на высотѣ, жуткое одиночество охватывало на перевалахъ... Но—идемъ, идемъ!

Спотыкаясь, я бреду, какъ во снѣ. До утра далеко. Цѣлую ночь придется спускаться къ долинамъ и только на зарѣ удастся, можетъ-быть, уснуть гдѣ-нибудь мертвымъ сномъ,—сжаться и чувствовать только одно — сладость тепла послѣ холода.

День опять обрадуетъ меня людьми и солнцемъ, и опять надолго обманетъ меня... Гдѣ-то упаду я и уже навсегда останусь среди ночи и вьюги на голыхъ и отъ вѣка пустынныхъ горахъ?

1892—98 г.

ТАНЬКА.

Танькѣ стало холодно, и она проснулась.

Высвободивъ руку изъ попонки, въ которую она неловко закуталась ночью, Танька вытянулась, глубоко вздохнула и опять сжалась. Но все-таки было холодно. Она подкатилась подъ самую „голову“ печи и прижала къ ней Ваську. Тотъ открылъ глаза и взглянулъ такъ свѣтло, какъ смотрятъ со сна только здоровыя дѣти. Потомъ повернулся на бокъ и затихъ. Танька тоже стала задремывать. Но въ избѣ стукнула дверь: мать, шурша, протаскивала изъ сѣнецъ охапку соломы.

— Холодно, тетка?—спросилъ странникъ, лежа на коникѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтила Марья:—туманъ. А собаки валяются,—безпремѣнно къ мятели.

Она искала спичекъ и гремѣла ухватами.

Странникъ спустилъ ноги съ коника, зѣвалъ и обувался.

Въ окна брезжилъ синеватый холодный свѣтъ утра; подъ лавкой шипѣлъ и крякалъ проснувшійся хромой селезень. Теленокъ поднялся на слабыя растопыренныя ножки, судорожно вытянулъ хвостъ и такъ глупо и отрывисто мякнулъ, что странникъ засмѣялся и сказалъ:

— Сиротка! Корову-то прогусарили?

— Продали.

— И лошади нѣту?

— Продали.

Танька раскрыла глаза.

Продажа лошади особенно врѣзалась ей въ память. „Когда еще картохи копали“, въ сухой, вѣтреный день, мать на полѣ полудновала, плакала и говорила, что ей „кусокъ въ горло не идетъ“, и Танька все смотрѣла на ея горло, не понимая, о чемъ толкъ.

Потомъ въ большой крѣпкой телѣгѣ съ высокимъ перед-

комъ пріѣзжали „анчихристы“. Оба они были похожи другъ на дружку—черны, засалены, подпоясаны по кострецамъ. За ними пришелъ еще одинъ, еще черньe, съ палкой въ рукѣ, что-то громко кричалъ и, немного погодя, вывелъ со двора лошадь и побѣжалъ съ нею по выгону; за нимъ бѣжалъ отецъ, и Танька думала, что онъ погнался отнимать лошадь, догналъ и опять увелъ ее во дворъ. Мать стояла на порогѣ избы и голосила. Глядя на нее, заревѣлъ во все горло и Васька... Потомъ „черный“ опять вывелъ со двора лошадь, привязалъ ее къ телѣгѣ и рысью поѣхалъ подъ гору... И отецъ уже не погнался...

„Анчихристы“, лошадники-мѣщане, были, и правда, свирѣпы на видъ, особенно послѣдній — Талдыкинъ. Онъ пришелъ позднѣе а до него два первые только цѣну сбивали. Они наперебой пытали лошадь, драли ей морду, били палками.

— Ну,—кричалъ одинъ:—смотри сюда, получай съ Богомъ деньги!

— Не мои опѣ, побереги, полцѣны брать не приходится,—уклончиво отвѣчалъ Корнѣй.

— Да какая же это полцѣна, ежели, къ примѣру, кобыленкѣ болѣ годовъ, чѣмъ намъ съ тобой? Молись Богу!

— Что̀ зря толковать,—разсѣянно возражалъ Корнѣй.

Тутъ-то и пришелъ Талдыкинъ, здоровый, толстый мѣщанинъ съ физіономіей мопса: блестящіе, злые черные глаза, форма носа, скулы,—все напоминало въ немъ эту собачью породу.

— Что̀ за шумъ, а драки нѣту? — сказалъ онъ, входя и улыбаясь, если только можно назвать улыбкой раздуваніе ноздрей.

Онъ подошелъ къ лошади, остановился и долго равнодушно молчалъ, глядя на нее. Потомъ повернулся, небрежно сказалъ товарищамъ: „поскорѣича, ѣхать время, я на выгонѣ дожду“, и пошелъ къ воротамъ.

Корнѣй нерѣшительно окликнулъ:

— Что̀ жъ не глянулъ лошадь-то?

Талдыкинъ остановился.

— Долгаго взгляда не стоитъ,—сказалъ онъ.

— Да ты поди, побалакаемъ...

Талдыкинъ подошелъ и сдѣлалъ лѣнивые глаза.

— Ну?

Онъ внезапно ударилъ лошадь подъ брюхо, дернулъ ее за хвостъ, пощупалъ подъ лопатками, понюхалъ руку и отошелъ.

— Плоха?—стараясь шутить, спросилъ Корнѣй.

Талдыкинъ хмыкнулъ:

— Долголѣтня?

— Лошадь не старая.

— Тэкъ. Значитъ, первая голова на плечахъ?

Корнѣй смутился.

Талдыкинъ быстро всунулъ кулакъ въ уголъ губъ лошади, взглянулъ какъ бы мелькомъ ей въ зубы и, обтирая руку о полу, насмѣшливо и скороговоркой спросилъ:

— Такъ не стара? Твой дѣдъ не ѣздилъ вѣнчаться на ней?.. Ну, да намъ сойдетъ, получай одиннадцать желтенькихъ.

И, не дожидаясь отвѣта Корнѣя, досталъ деньги и взялъ лошадь за оброть.

— Молись Богу, да полбутылочки ставь.

— Что ты, что ты?—обидѣлся Корнѣй.—Ты безъ креста, дядя!

— Что?—воскликнулъ Талдыкинъ грозно:—обабурился? Денегъ не желаешь? Бери, пока дуракъ попадается, бери, говорятъ тебѣ!

— Да какія же это деньги?

— Такія, какихъ у тебя нѣту.

— Нѣтъ, ужъ лучше не надо...

— Ну, черезъ нѣкоторое число за семь отдашь, съ удовольствіемъ отдашь,—вѣрь совѣсти...

Корнѣй отошелъ, взялъ топоръ и съ дѣловымъ видомъ сталъ тесать подушку подъ телѣгу.

Потомъ пробовали лошадь на выгонѣ... И какъ ни хитрилъ Корнѣй, какъ ни сдерживался, не отвоевалъ-таки!

Когда же пришелъ октябрь и въ посинѣвшемъ отъ холода воздухѣ замелькали, повалили бѣлые хлопья, занося выгонъ, лазины и завалинку избы, Танькѣ каждый день пришлось удивляться на мать.

Бывало, съ началомъ зимы, для всѣхъ ребятишекъ начинались истинныя мученія, проистекавшія, съ одной стороны, отъ желанія удрать изъ избы, пробѣжать по поясъ въ снѣгу черезъ лугъ и, катаясь на ногахъ по первому синему льду пруда, бить по немъ палками и слушать, какъ онъ гулькаетъ, а съ другой стороны—отъ грозныхъ окриковъ матери:

— Ты куда? Чичеръ, холодъ—а она, накося! Съ мальчишками на прудъ! Сейчасъ лѣзь на печь, а то смотри у меня, демоненокъ!

Бывало, съ грустью приходилось довольствоваться тѣмъ, что на печь протягивалась чашка съ дымящимися разсыпчатыми картошками и ломоть пахнущаго клѣтью, круто посо-

леннаго хлѣба. Теперь же мать совсѣмъ не давала по утрамъ ни хлѣба ни картошекъ, на просьбы объ этомъ отвѣчала:

— Иди, я тебя одѣну, ступай на прудъ, дѣточка!

Прошлую зиму Танька и даже Васька ложились спать поздно и могли спокойно наслаждаться сидѣньемъ на „групкѣ“ печки хоть до полуночи. Въ избѣ стоялъ распаренный, густой воздухъ; на столѣ горѣла лампочка безъ стекла, и копоть темнымъ, дрожащимъ фитилемъ достигала до самаго потолка. Около стола сидѣлъ отецъ и шилъ полушубки; мать чинила рубахи или вязала варежки; наклоненное лицо ея было въ это время кротко и ласково. Тихимъ голосомъ пѣла она „старинныя“ пѣсни, которыя слыхала еще въ дѣвичествѣ, и Танькѣ часто хотѣлось отъ нихъ плакать. Въ темной избѣ, завѣянной снѣжными вьюгами, вспоминалась Марьѣ ея молодость, вспоминались жаркіе сѣнокосы и вечернія зори, когда шла она въ дѣвичей толпѣ полевою дорогой съ звонкими пѣснями, а за ржами опускалось солнце и золотою пылью сыпался сквозь колосья его догорающій отблескъ... Пѣсней говорила она дочери, что и у нея будутъ такія же зори, будетъ все, что̀ проходитъ такъ скоро и надолго, надолго смѣняется деревенскимъ горемъ и заботою...

Когда же мать собирала ужинать, Танька въ одной длинной рубашонкѣ съерзывала съ печи и, часто перебирая босыми ножками, бѣжала на коникъ, къ столу. Тутъ она, какъ звѣрокъ, садилась на корточки и быстро ловила въ густой похлебкѣ сальце и закусывала огурцами и картошками. Толстый Васька ѣлъ медленно и таращилъ глаза, стараясь всунуть въ ротъ большую ложку... Послѣ ужина она съ тугимъ животомъ также быстро перебѣгала на печь, дралась изъ-за мѣста съ Васькой и, когда въ темныя оконца смотрѣла одна морозная ночная муть, засыпала сладкимъ сномъ подъ молитвенный шопотъ матери: „Угодники Божіи, святителю Микола милосливый, столпъ-охраненіе людей, Матушка Пресвятая Пятница — молите Бога за насъ! Хрестъ въ головахъ, хрестъ у ногахъ, хрестъ отъ лукаваго“...

Теперь мать рано укладывала спать, говорила, что ужинать нечего, и грозила „глаза выколоть“, „слѣпымъ въ сумку отдать“, если она, Танька, спать не будетъ. Танька часто ревѣла и просила „хоть капуски“, а спокойный, насмѣшливый Васька лежалъ, дралъ ноги вверхъ и ругалъ мать:

— Вотъ домовой-то,—говорилъ онъ серьезно:—все спи да спи! Дай бати дождать!

Батя ушелъ еще съ Казанской, былъ дома только разъ, говорилъ, что вездѣ „бѣда“,—полушубковъ не шьютъ, больше

помираютъ, — и онъ только чипитъ кое-гдѣ у богатыхъ мужиковъ. Правда, въ тотъ разъ ѣли селедки, и даже „вотъ такой-то кусокъ“ соленаго судака батя принесъ въ тряпочкѣ: „на кстинахъ, говоритъ, былъ третьяго-дня, такъ вамъ, ребята, спряталъ“... Но когда батя ушелъ, совсѣмъ почти ѣсть перестали...

Странникъ обулся, умылся, помолился Богу; широкая его спина въ засаленномъ кафтанѣ, похожемъ на подрясникъ, сгибалась только въ поясницѣ, крестился онъ широко. Потомъ расчесалъ бородку-клинушекъ и выпилъ изъ бутылочки, которую досталъ изъ своего походнаго ранца. Вмѣсто закуски закурилъ цыгарку. Умытое лицо его было широко, желто и плотно, носъ вздернутъ, глаза глядѣли остро и удивленно.

— Что жъ, тетка,—сказалъ онъ,—даромъ солому-то жжешь, варева не ставишь?

— Что варить-то?—спросила Марья отрывисто.

— Какъ что? Ай нечего?

— Вотъ домовой-то...—пробормоталъ Васька.

Марья заглянула на печку:

— Ай проснулся?

Васька сопѣлъ спокойно и ровно.

Танька прижукнулась.

— Спятъ,—сказала Марья, сѣла и опустила голову.

Странникъ исподлобья долго глядѣлъ на нее и сказалъ:

— Горевать, тетка, нечего.

Марья молчала.

— Нечего,—повторилъ странникъ.—Богъ дастъ день, Богъ дастъ пищу. У меня, братъ, ни крова ни дома, пробираюсь бережками и лужками, рубежами и межами, да по задворкамъ—и ничего себѣ... Эхъ, не почевывала ты на снѣжку подъ ракитовымъ кустомъ—вотъ что!

— Не ночевывалъ и ты,—вдругъ рѣзко отвѣтила Марья, и глаза ея заблестѣли,—съ ребятишками съ голодными, не слыхалъ, какъ голосятъ они во снѣ съ голоду! Вотъ, что я имъ суну сейчасъ, какъ встанутъ? Всѣ дворы еще до разсвѣту обѣгала—Христомъ Богомъ просила, одну краюшечку добыла... и то спасибо Козелъ далъ... у самого, говоритъ, оборочки на лапти не осталось... А вѣдь ребятъ-то жалко — въ отдѣлку спорились...

Голосъ Марьи зазвенѣлъ.

— Я вонъ,—продолжала она, все болѣе волнуясь,—гоню ихъ каждый день на прудъ... „Дай капуски, дай картоше-

чекъ“... А что я дамъ? Ну, и гоню: „Иди, молъ, поиграй, дѣточка, побѣгай по ледочку“...

Марья всхлипнула, но сейчасъ же дернула по глазамъ рукавомъ, поддала ногой котенка („У, погибели на тебя нѣту!..“) и стала усиленно сгребать на полу солому.

Танька замерла. Сердце у ней стучало. Ей хотѣлось заплакать на всю избу, побѣжать къ матери, прижаться къ ней... Но вдругъ она придумала другое. Тихонько поползла она въ уголъ печки, торопливо, оглядываясь, обулась, закутала голову платкомъ, съерзнула съ печки и шмыгнула въ дверь.

„Я сама уйду на прудъ, не буду просить картохъ, вотъ она и не будетъ голосить, — думала она, спѣшно перелѣзая черезъ сугробъ и скатываясь въ лугъ. — Ажъ къ вечеру приду...“

По дорогѣ изъ города ровно скользили, плавно раскатываясь вправо и влѣво, легкіе „козырьки“; меренокъ шелъ въ нихъ лѣнивой рысцою. Около саней легонько бѣжалъ молодой мужикъ въ новомъ полушубкѣ и одеревянѣвшихъ отъ снѣгу нагольныхъ сапогахъ, господскій работникъ. Дорога была раскатистая, и ему поминутно приходилось, завидѣвъ опасное мѣсто, соскакивать съ передка, бѣжать нѣкоторое время и затѣмъ успѣть задержать собой на раскатѣ сани и снова вскочить бочкомъ на облучокъ.

Въ саняхъ сидѣлъ сѣдой старикъ, съ нависшими бровями, баринъ Павелъ Антонычъ. Уже часа четыре смотрѣлъ онъ въ теплый, мутный воздухъ зимняго дня и на придорожныя вѣшки въ инеѣ.

Давно ѣздилъ онъ по этой дорогѣ... Послѣ Крымской кампаніи, проигравъ въ карты почти все состояніе, Павелъ Антонычъ навсегда поселился въ деревнѣ и сталъ самымъ усерднымъ хозяиномъ. Но и въ деревнѣ ему не посчастливилось. Умерла жена... Потомъ пришлось отпустить крѣпостныхъ... Потомъ проводить въ Сибирь сына-студента... И Павелъ Антонычъ сталъ совсѣмъ затворникомъ. Онъ втянулся въ одиночество, въ свое скупое хозяйство, и говорили, что во всей округѣ нѣтъ человѣка болѣе жаднаго и угрюмаго. А сегодня онъ былъ особенно угрюмъ.

Морозило, и за снѣжными полями, на западѣ, тускло просвѣчивая сквозь тучи, желтѣла заря.

— Погоняй, потрогивай, Егоръ, — сказалъ Павелъ Антонычъ отрывисто.

Егоръ задергалъ вожжами.

Онъ потерялъ кнутъ и искоса оглядывался.

Чувствуя себя неловко, онъ сказалъ:

— Чтой-то Богъ дастъ намъ на весну въ саду: прививочки, кажись, всѣ цѣлы, ни одного, почитай, морозомъ не тронуло.

— Тронуло, да не морозомъ, — отрывисто сказалъ Павелъ Антонычъ и шевельнулъ бровями.

— А какъ же?

— Объѣдены.

— Зайцы-то? Правда, провалиться имъ, объѣли кое-гдѣ.

— Не зайцы объѣли.

Егоръ робко оглянулся.

— А кто жъ?

— Я объѣлъ.

Егоръ поглядѣлъ на барина въ недоумѣніи.

— Я объѣлъ, — повторилъ Павелъ Антонычъ. — Кабы я тебѣ, дураку, приказалъ ихъ, какъ слѣдуетъ, закутать и замазать, такъ были бы цѣлы... Значитъ, я объѣлъ.

Егоръ растянулъ губы въ неловкую улыбку.

— Чего оскаляешься-то? Погоняй! .

Егоръ, роясь въ передкѣ, въ соломѣ, пробормоталъ:

— Кнутъ-то, кажись, соскочилъ, а кнутовище...

— А кнутовище?—строго и быстро спросилъ Павелъ Антонычъ.

— Переломился...

И Егоръ, весь красный, досталъ надвое переломленное кнутовище. Павелъ Антонычъ взялъ двѣ палочки, посмотрѣлъ и сунулъ ихъ Егору.

— На тебѣ два, дай мнѣ одинъ. А кнутъ — онъ, братъ, ременный—вернись, найди.

— Да онъ, можетъ... около городу.

— Тѣмъ лучше. Въ городѣ купишь... Ступай. Придешь пѣшкомъ. Одинъ доѣду.

Егоръ хорошо зналъ Павла Антоныча. Онъ слѣзъ съ передка и пошелъ назадъ по дорогѣ.

А Танька, благодаря этому, ночевала въ господскомъ домѣ. Да, въ кабинетѣ Павла Антоныча былъ придвинутъ къ лежанкѣ столъ, и на немъ тихо звенѣлъ самоваръ, На лежанкѣ сидѣла Танька, около нея Павелъ Антонычъ. Оба пили чай съ молокомъ.

Танька запотѣла, глазки у нея блестѣли ясными звѣздочками, шелковистые бѣленькіе ея волосики были причесаны на косой рядъ, и она походила на мальчика. Сидя прямо, она

пила чай отрывистыми глотками и сильно дула въ блюдечко. Павелъ Антонычъ ѣлъ крендели, и Танька тайкомъ наблюдала, какъ у него двигаются низкія сѣрыя брови, шевелятся пожелтѣвшіе отъ табаку усы и смѣшно, до самаго виска ходятъ челюсти.

Будь съ Павломъ Антонычемъ работникъ, этого бы не случилось. Но Павелъ Антонычъ ѣхалъ по деревнѣ одинъ. На горѣ катались мальчишки. Танька стояла въ сторонкѣ и, засунувъ въ ротъ посинѣвшую руку, грѣла ее. Павелъ Антонычъ остановился.

— Ты чья?—спросилъ онъ.

— Корнѣева,—отвѣтила Танька, повернулась и бросилась бѣжать.

— Постой, постой,—закричалъ Павелъ Антонычъ:—я отца видѣлъ, гостинчика привезъ отъ него.

Танька остановилась.

Ласковой улыбкой и обѣщаніемъ „прокатить“ Павелъ Антонычъ заманилъ ее въ сани и повезъ. Дорогой Танька совсѣмъ было-ушла. Она сидѣла у Павла Антоныча на колѣняхъ. Лѣвой рукой онъ захватилъ ее вмѣстѣ съ шубой. Танька сидѣла, не двигаясь. Но у воротъ усадьбы вдругъ ерзнула изъ шубы, даже заголилась вся, и ноги ея повисли за санями. Павелъ Антонычъ успѣлъ подхватить ее подъ мышки и опять началъ уговаривать. Все теплѣй становилось въ его старческомъ сердцѣ, когда онъ куталъ въ мѣхъ оборваннаго, голоднаго и иззябшаго ребенка. Богъ знаетъ, что онъ думалъ, но брови его шевелились все живѣе.

Въ домѣ онъ водилъ Таньку по всѣмъ комнатамъ, заставлялъ для нея играть часы... Слушая ихъ, Танька хохотала, а потомъ настороживалась и глядѣла удивленно: откуда эти тихіе перезвоны и рулады идутъ? Потомъ Павелъ Антонычъ накормилъ ее черносливомъ—Танька сперва не брала—„опъ чернищій, ну-ко-сь умрешь“, далъ ей нѣсколько кусковъ сахару. Танька спрятала и думала:

— Васькѣ не дамъ, а какъ мать заголоситъ, ей дамъ.

Павелъ Антонычъ причесалъ ее, подпоясалъ голубенькимъ пояскомъ. Танька тихо улыбалась, встащила поясокъ подъ самыя мышки и находила это очень красивымъ. На разспросы она отвѣчала иногда очень поспѣшно, иногда молчала и мотала головой.

Въ кабинетѣ было тепло. Въ дальнихъ темныхъ комнатахъ четко стучалъ маятникъ... Танька прислушивалась, но уже не могла одолѣть себя. Въ головѣ у нея роились сотни смутныхъ мыслей, но онѣ уже облекались соннымъ туманомъ.

Вдругъ на стѣнѣ слабо дрогнула струна на гитарѣ и пошелъ тихій звукъ. Танька засмѣялась.

— Опять?—сказала она, поднимая брови, соединяя часы и гитару въ одно.

Улыбка освѣтила суровое лицо Павла Антоныча, и давно уже не озарялось оно такою добротою, такою старчески-дѣтскою радостью.

— Погоди,—шепнулъ онъ, снимая со стѣны гитару.

Сперва онъ сыгралъ „Качучу“, потомъ „Маршъ на бѣгство Наполеона“ и перешелъ на „Зореньку“:

Заря ль моя, зоренька,
Заря ль моя ясная!

Онъ глядѣлъ на задремывающую Таньку, и ему стало казаться, что это она, уже молодой деревенской красавицей, поетъ вмѣстѣ съ нимъ пѣсни:

По зарѣ-зарѣ
Играть хочется!

Деревенской красавицей! А что̀ ждетъ ее? Что̀ выйдетъ изъ ребенка, повстрѣчавшагося лицомъ къ лицу съ голодною смертью?

Павелъ Антонычъ нахмурилъ брови, крѣпко захвативъ струны...

Вотъ теперь его племянницы во Флоренціи... Танька и Флоренція!..

Онъ всталъ, тихонько поцѣловалъ Таньку въ голову, пахнущую курной избой.

И пошелъ по комнатѣ, шевеля бровями.

Онъ вспомнилъ сосѣднія деревушки, вспомнилъ ихъ обитателей. Сколько ихъ, такихъ деревушекъ,—и вездѣ онѣ томятся отъ голода!

Павелъ Антонычъ все быстрѣе ходилъ по кабинету, мягко ступая валенками, и часто останавливался передъ портретомъ сына...

А Танькѣ снился садъ, по которому она вечеромъ ѣхала къ дому. Сани тихо бѣжали въ чащахъ, опушенныхъ, какъ бѣлымъ мѣхомъ, инеемъ. Сквозь нихъ роились, трепетали и потухали огоньки, голубые, зеленые — звѣзды... Кругомъ стояли какъ будто бѣлыя хоромы, иней сыпался на лицо и щекоталъ щеки, какъ холодный пушокъ... Снился ей Васька, часовыя рулады, слышалось, какъ мать по то плачетъ, не то поетъ въ темной дымной избѣ старинныя пѣсни...

1892 г.

КАСТРЮКЪ.

I.

Внезапно выскочивъ изъ-за крайней избы, съ полевой дороги, во всю прыть маленькихъ лошадокъ, летѣли по деревенской улицѣ барчуки изъ Залѣснаго. Подпрыгивая и хватаясь за холки, они гнались вперегонки, и вѣтеръ пузырями надувалъ на ихъ спинахъ ситцевыя рубашки. Теленокъ шарахнулся отъ нихъ въ сѣнцы, куры и впереди нихъ пѣтухъ, присѣдая къ землѣ, неслись куда глаза глядятъ. Но отчаяннѣе всѣхъ улепетывала по деревенской улицѣ маленькая бѣлоголовая дѣвочка въ одной рубашонкѣ. Обезумѣвъ отъ страха, она вскочила на огороды, нѣсколько разъ съ размаху упала по дорогѣ и вдругъ увидала въ воротахъ риги дѣдушку. Съ звонкимъ крикомъ бросилась она въ его колѣни.

— Что̀ ты, что̀ ты, дурочка? — закричалъ и дѣдъ, ловя ее за рубашку.

— Барчуки... на жеребцахъ! — захлебываясь отъ слезъ, едва могла выговорить внучка.

Дѣдъ усадилъ ее на колѣни, началъ уговаривать.

Внучка скоро затихла и, изрѣдка всхлипывая, обиженнымъ вздрагивающимъ голосомъ начала разсказывать, какъ было дѣло.

Поглаживая ее по головѣ, дѣдъ задумчиво улыбался.

Въ ригѣ было прохладно и уютно. Въ мягкую темноту ея изъ глубины яснаго весенняго неба влетали ласточки и съ чиликаньемъ садились на переметы, на сани, сложенныя въ уголъ риги. Все было ясно и мирно кругомъ—и на деревнѣ, и въ далекихъ зазеленѣвшихъ поляхъ. Утреннее солнце мягко пригрѣло землю, и по-весеннему дрожалъ вдали тонкій паръ надъ ней. Тамъ, въ поляхъ, подымалась пашня, блестящіе черные грачи перелетали около сохъ. Здѣсь, на деревнѣ, въ хо-

лодкѣ отъ избъ, только дѣвочки тоненькими голосками напѣвали пѣсни, сидя на травѣ за коклюшками. Кромѣ ребятишекъ и стариковъ, всѣ были въ полѣ — даже всѣ Орелки, Буянки и Шарики.

Дѣдъ сегодня первый разъ за всю жизнь остался дома на стариковскомъ положеніи. Старуха померла мясоѣдомъ. Самъ онъ пролежалъ всю раннюю весну и не видалъ, какъ деревня уѣхала на первыя полевыя работы. Къ концу Ѳоминой онъ сталъ выходить, но еще и теперь не поправился какъ слѣдуетъ. И вотъ всѣми обстоятельствами деревенской жизни вынужденъ онъ проводить самое дорогое для работы утро дома.

— Ну, Кастрюкъ (дѣда всѣ такъ звали на деревнѣ, потому что, выпивши, онъ любилъ пѣть про Кастрюка старинныя веселыя прибаутки), ну, Кастрюкъ, — говорилъ ему на зарѣ сынъ, выравнивая гужи на сохѣ, между тѣмъ какъ его баба зашпиливала веретье на возу съ картошками: — не тужи тутъ, поглядывай обаполъ дому да за Дашкой-то... Кабы ее телушка не забрухала...

Дѣдъ, безъ шапки, засунувъ руки въ рукава полушубка, стоялъ около него.

— Кому Кастрюкъ—тебѣ дяденька,—говорилъ онъ съ разсѣянной улыбкой.

Сынъ, не слушая, затягивалъ зубами веревку и продолжалъ дѣловымъ тономъ:

— Твое дѣло, братъ, теперь стариковское. Да и горевать-то, почесть, не по чемъ: оно только съ виду сладко хрипъ-то гнуть.

— Да ужъ чего лучше,—отвѣчалъ дѣдъ машинально.

Когда сынъ уѣхалъ, онъ сходилъ за чѣмъ-то въ пуньку, потомъ передвинулъ въ тѣнь водовозку—все искалъ себѣ дѣла. То онъ бережливо, согнувъ старую спину, сметалъ муку въ закромѣ, то тамъ и сямъ тюкалъ топоромъ... Въ ригѣ онъ сѣлъ и пристально чистилъ трубку мѣдной капаушкой. Иногда ворчалъ:

— Долго ли пролежалъ, — глядь, ужъ вездѣ безпорядокъ. А умри—и все прахомъ пойдетъ.

Иногда старался подбодрить себя. „Небось!“ — говорилъ онъ кому-то съ задоромъ и значительно; иногда подергивалъ плечами и съ ожесточеніемъ выговаривалъ: „Эхъ, мать твою не замать, отца твоего не трогать! Былъ конь, да уѣздился...“ Но чаще опускалъ голову.

Закипѣли въ колодезяхъ воды,
Заболѣло во молодца сердце—

напѣвалъ онъ, и ему вспоминалось прежнее, мысли тянулись къ тому времени, когда онъ самъ былъ хозяиномъ, работникомъ, молодымъ и выносливымъ... Гладя внучку по головѣ, онъ съ любовью перебиралъ въ памяти, что̀ въ такой-то годъ, въ эту пору онъ сѣялъ, и съ кѣмъ выходилъ въ поле, и какая была у него тогда кобыла...

Внучка шопотомъ предложила пойти наломать вѣничковъ, про которые мать уже давно толковала. Дѣдъ легкомысленно забылъ про пустую избу и, взявъ за руку внучку, повелъ ее за деревню. Идя по мягкой, давно неѣзженной полевой дорогѣ, они незамѣтно отошли отъ деревни съ версту и принялись ломать полынь.

Вдругъ Дашка встрепенулась.

— Дѣдушка, глянь-ка!—заговорила она и быстро и нараспѣвъ:—глянь-ка! Ахъ, ма-а-тушки!

Дѣдъ глянулъ и увидалъ бѣгущій вдали поѣздъ. Онъ торопливо подхватилъ внучку на руки и вынесъ ее на бугорокъ, а она тянулась у него съ рукъ и радостно твердила:

— Дѣдушка! Рысью, рысью!

Поѣздъ разрастался и подъ уклонъ работалъ все быстрѣе, весь блестя на солнцѣ. Долго и напряженно глядѣла Дашка на бѣгущіе вагоны.

— Должно, къ завтрему пріѣдетъ,—сказала она въ раздумьѣ.

Блестя трубой, цилиндрами, мелькающимъ поршнемъ, колесами, поѣздъ тяжелымъ взмахомъ урагана пронесся мимо, завернулъ и, мелькнувъ заднимъ вагономъ, сталъ сокращаться и пропадать вдали.

Жаворонки пѣли въ тепломъ воздухѣ... Весело и важно кагакали грачи... Цвѣли цвѣты въ травѣ около линіи... Спутанный меренокъ, пофыркивая, щипалъ подорожникъ, и дѣдъ чувствовалъ, какъ даже мерину хорошо и привольно на весеннемъ корму въ это ясное утро.

— Здорово, сударушка, — закричалъ онъ, завидѣвъ идущаго по рельсамъ сторожа-солдата.—„Здравія желаемъ, ваше благородіе!“—прибавилъ онъ, чтобы поддѣлаться къ солдату и поболтать немного.

— Здравствуй, — сказалъ солдатъ сухо, не вынимая изо рта трубки.

— Иди, сударушка, покуримъ,—продолжалъ дѣдъ:—погуторь съ Кастрюкомъ. Я, братъ, нонѣ тоже замѣстъ часового приставленъ.

— Я путь должо̀нъ обревизовать къ прибытію второго номера,—отвѣтилъ сторожъ, и, наклонившись, тюкнулъ молоткомъ по рельсѣ и пошелъ дальше.

Дѣдъ застѣнчиво улыбнулся и крикнулъ солдату вдогонку:

— А то погодилъ бы!

Солдатъ не обернулся.

По дорогѣ назадъ дѣдъ поболталъ съ пастухами и полюбовался на стадо.

— Дюже хороши нонѣ корма будутъ!—сказалъ онъ.

— Хороши, — отвѣтилъ подпасокъ и вдругъ, съ крикомъ: азадъ, смёртныя!—бросился за свиньями.

Стадо привольно разбрелось по пару. Жеманно, на разные лады, тонкими голосками перекликались ягнята. Одинъ, упавъ на колѣни, засовалъ мордочкой подъ пахъ матери и такъ торопливо, дрожа хвостикомъ и подталкивая ее, сталъ сосать, что дѣдъ засмѣялся отъ удовольствія...

II.

Поспѣшно подходя къ своей избѣ, онъ увидалъ, что по выгону, прямо къ ней, ѣдетъ молодой баринъ изъ Залѣснаго, и бросился отгонять подъ гору сосѣдскую кобылу: вороной барскій жеребецъ весь заигралъ и заплясалъ, выгибая шею.

Сдерживая его и сгибая своей тяжестью дрожки, баринъ въѣхалъ въ тѣнь избы и остановился. Дѣдъ почтительно сталъ у порога.

— Здравствуй, Кастрюкъ, — сказалъ баринъ ласково и, отирая красное лицо съ рыжей бородой, досталъ папиросы.

— Жарко!—прибавилъ онъ и протянулъ папироску и дѣду.

— Непривычны, Миколай Петровичъ,—захихикалъ тотъ.—Трубочку вотъ, а то шкаликъ-другой красенькаго — это мы, старики, любимъ!

— А я было къ вамъ по дѣльцу,—началъ Николай Петровичъ, отдуваясь.—Ѣздилъ повѣщать на Мажаровку... надѣвай шапку-то, Семенъ!.. да вотъ, кстати, и къ вамъ. Дѣвокъ своихъ не пошлете ли ко мнѣ?

— Аль еще не сажали?—спросилъ дѣдъ участливо.

— Запоздали нынче... не я одинъ.

— Запоздали, Миколай Петровичъ, запоздали...

— Я...—продолжалъ баринъ и вдругъ такъ зычно гаркнулъ: „балуй“, что дѣдъ со всѣхъ ногъ бросился держать жеребца.

— Немножко-то посадилъ,—опять началъ баринъ:—а пора и совсѣмъ управиться. Дѣвчонокъ-то своихъ и турили бы ко мнѣ.

— Разя одинъ совладаешь, Миколай Петровичъ?

— Да ты скажи своимъ-то...

— Солдатка-то дома, что ль? — спросилъ дѣдъ дѣловымъ тономъ у подошедшей старухи и замялся.

— Кабы солдатка была, она бы сбила,—сказалъ онъ, какъ бы оправдываясь.—А я, сударушка, дома нонѣ сижу... Мнѣ и отойтить нельзя... Кабы прежнее мое дѣло, покоситься тамъ али подъ паринку,—я бы единымъ духомъ.

— Жалко,—сказалъ баринъ задумчиво.—Видно, вечеркомъ заверну,—и взялся за вожжи.

Чтобы какъ-нибудь задержать его, дѣдъ вдругъ сказалъ:

— Ты, сударушка, нанялъ бы меня въ работники...

— Что жъ, нанимайся,—сказалъ баринъ, разсѣянно улыбаясь.

— А когда заступать?

Баринъ пристально поглядѣлъ на него и качнулъ головою.

— Заступать когда? Эка ты—шустрый какой!

— Я-то, сударушка? Да я ихъ всѣхъ, молоденькихъ, за поясъ заткну! Я еще жениться хочу! Да на свадьбѣ еще плясать буду!

— Да ужъ ты! — перебилъ баринъ, усмѣхаясь, ударилъ вожжой жеребца и покатилъ по выгону.

Дѣдъ постоялъ, подумалъ...

Все говорило ему, что онъ теперь отжившій человѣкъ. Такъ только, для дому нуженъ, пока еще ноги ходятъ... „Ишь покатилъ!“ — подумалъ онъ съ сердцемъ, глядя вслѣдъ убѣгающимъ дрожкамъ, и пошелъ вынимать изъ печки похлебку.

Пообѣдавъ, внучка съ ребятишками ушла въ лужокъ за баранчиками. Всѣ они такъ жалобно просились пустить ихъ, что дѣдъ не могъ устоять. Только сказалъ:

— Не найдете, ребята, развѣ снытку только...

Въ избѣ онъ отъ-нечего-дѣлать снова принялся за ѣду. Онъ натеръ себѣ картошекъ, налилъ въ нихъ немного молока (боялся, что и за это сноха будетъ ругаться) и долго ѣлъ мѣсиво.

Въ пустой избѣ стоялъ горячій, спертый воздухъ. Солнце сквозь маленькія, склеенныя изъ кусочковъ, мутныя стекла било жаркими лучами на покоробленную доску стола, которую, вмѣстѣ съ крошками хлѣба и большой ложкой, черномъ роемъ облѣпили мухи.

Вдругъ дѣдъ съ радостью вспомнилъ, что есть еще дѣло—достать изъ-подъ крыши пачку листовой махорки, раскрошить ее и набить трубку. Влѣзая въ сѣнцахъ по каменной стѣнѣ подъ застрѣху, онъ едва не сорвался—голова у него закружилась, въ спинѣ заломило... Онъ опять съ горечью подумалъ о своей старости и, уже лѣниво дотащившись до порога избы, на который еще падала тѣнь, медленно занялся дѣломъ.

Въ полдень деревня вся точно вымерла. Тишина весенняго знойнаго дня очаровала ее...

Старухи-сосѣдки долго „искались“ подъ старой лозиной на выгонѣ, потомъ легли, накрыли головы занавѣсками и заснули. Самые маленькіе ребятишки хлопотливо лѣпили изъ глины ульи, собравшись въ размытомъ спускѣ около пруда. Изрѣдка мычалъ теленокъ, привязанный за колъ около спящихъ бабъ. Изрѣдка доносился крикъ пѣтуха и нагонялъ на деревню тихую дрему. А въ поляхъ попрежнему заливались жаворонки, зеленѣли всходы и по горизонтамъ, какъ расплавленное стекло, дрожалъ и струился паръ.

Дѣдъ легъ около пуньки, стараясь заснуть. Для этого онъ старался представить себѣ, какъ шумитъ лѣсъ, какъ ходитъ волнами рожь на буграхъ по вѣтру и шуршитъ, переливается, и слегка покачивался самъ. Но сонъ не приходилъ.

Лежа съ закрытыми глазами, дѣдъ все думалъ о своей старости.

Теперь, небось, Андрей крѣпко спитъ подъ телѣгою. Дѣду же, можетъ-быть, до самой смерти не придется больше заснуть въ полѣ. Въ рабочую пору онъ будетъ проводить долгіе, знойные дни наединѣ съ внучкою... А вѣдь было время—лучше его не косилъ никто во всей округѣ. Бывало, когда всей деревней косили у барина, онъ всѣхъ велъ за собою. Да никто не могъ и выпить больше его, когда, вернувшись гурьбой съ поля на господскій дворъ, мужики усаживались около амбара за ведромъ водки и начиналась „веселая бесѣдушка“.

Никогда, однако, не пропивалъ онъ ума и разума. Все у него было всегда въ порядкѣ: и изба каждую осень крылась новой соломой, и кобыла была всегда въ тѣлѣ („печка!—говорили мужики,— хоть спать ложись на спинѣ!“), и свадьбу сына онъ справилъ всѣмъ на удивленіе. Вся деревня собралась смотрѣть, когда на первый, послѣ княжаго пира, престольный праздникъ Андрей поѣхалъ къ тестю. Рядомъ со своей разряженной бабой сѣлъ онъ въ новые „козырьки“, покрытые цвѣтной попоной, выставилъ за грядку одну ногу въ валенкѣ и покатилъ по выгону... Дѣдъ надѣялся тогда, что подъ старость будетъ у него первая во всей деревнѣ семья, что никому не позволитъ онъ ссориться, заводить дѣлежи...

— Пироги ситные въ обмочку, думалъ, буду ѣсть,— пробормоталъ онъ.

Анъ все вышло не по-гаданному.

Младшій сынъ отдѣлился, а старшій хотя и остался съ

нимъ, да немного вышло проку... Главное же—старуха всѣхъ подрѣзала. Умерла въ самое плохое, голодное время. Да ослабѣли и его ноженьки, и придется ему теперь до смерти сидѣть съ ребятишками, въ родѣ караульщика.

— Ишь, ровесникъ-то мой,—подумалъ онъ съ озлобленіемъ:— Салтанъ-то—и то убёгъ со двора!

И чего онъ, дѣдъ, маялся на свѣтѣ и на что надѣялся—Богъ его знаетъ!

— Ни почету не дождался,—думалъ дѣдъ, вспоминая сына, посадившаго его караульщикомъ, — ни богачества — ничего! И помрешь вотъ-вотъ и ни одинъ кобель по тебѣ не взвоетъ!

III.

Дологъ этотъ день показался ему!

Дашка воротилась изъ лужка и присоединилась къ ребятамъ, игравшимъ въ спускѣ.

— Ай ужъ и мнѣ пойтить къ нимъ свистульки лѣпить?— думалъ дѣдъ съ горькой улыбкой и наконецъ не выдержалъ.

— Посмотри, сударушка, за избой,—сказалъ онъ старухѣ-сосѣдкѣ, которая около пуньки медленно скатывала холсты.

— Ай соскучился?—спросила та жалобно.

— Соскучился, сударушка! И какъ только это вы, бабы, дома сидите!

— А ты надолго, небось?

— Нѣтъ, я сейчасъ, въ одну минутую...

До заката было еще далеко. Но Андрей долженъ былъ, по расчетамъ дѣда, управиться раньше вечера. Онъ поглядывалъ на солнце и рѣшалъ, что осминникъ надо досадить именно къ этой порѣ.

На выгонѣ онъ встрѣтилъ возвращавшагося съ поля Глѣбочку. Глѣбочка, высокій, худощавый мужикъ съ веснушками на блѣдномъ лицѣ и съ опухшими красными вѣками, въ старомъ полушубкѣ, изъ лохматыхъ дыръ котораго виднѣлась бѣлая рубаха, покачивался, сидя бокомъ на спинѣ лошади; перевернутая соха тащилась сзади, дребезжа палицей о подвои.

— Ай, сударушка, разсохи-то пропилъ?—пошутилъ дѣдъ.

— Пропилъ,—съ блѣдной улыбкой отвѣтилъ Глѣбочка.

— А мои скоро?

— Должно, ѣдутъ.

— Гдѣ жъ дѣвки-то твои?

— Дѣвти идутъ,— отвѣтилъ Глѣбочка картаво.

На валу, подъ молодыми лозинками, дѣдъ сѣлъ и, щурясь отъ низкаго солнца, глядѣлъ въ даль, по дорогѣ.

Тишина кроткаго весенняго вечера стояла въ полѣ. На востокѣ чуть вырисовывалась гряда неподвижныхъ нѣжно-розовыхъ облаковъ. Къ закату собирались длинныя перистыя ткани тучекъ... Когда же солнце слегка задернулось одной изъ нихъ, въ полѣ, надъ широкой равниной, влажно зеленѣющей всходами и пестрѣющей паромъ, тонко, нѣжно засинѣлъ воздухъ. Безмятежнѣе и еще слаще, чѣмъ днемъ, заливались жаворонки. Съ паровъ пахло свѣжестью, зацвѣтающими травами, мѣдовой пылью желтаго донника... Дѣдъ закрывалъ глаза, прислушивался, убаюкиваясь.

— Эхъ, кабы теперь дождичка, — думалъ онъ: — то-то бы ржи-то поднялись! Да нѣтъ, опять солнышко чисто садится!

Вспоминая, что и завтра предстоитъ ему стариковскій день, онъ морщился, придумывалъ, какъ бы избавиться отъ него. Онъ досадливо качалъ головою, скребъ спину, облеченную въ длинную стариковскую рубаху... и наконецъ пришелъ къ счастливой мысли.

— Ну, прикончилъ? — говорилъ онъ черезъ полчаса заискивающимъ тономъ, шагая рядомъ съ сыномъ и держась за оглоблю сохи.

— Кончить-то кончилъ,—отвѣчалъ Андрей ласково,—а ты-то какъ? Небось, соскучился?

— И-и, не приведи Богъ! — воскликнулъ дѣдъ ото всего сердца.—Сослужилъ, братъ, службу... не хуже какого-нибудь солдата стараго на капустѣ!

И смѣясь, не желая придавать своимъ словамъ просящаго выраженія, попросился въ ночное.

— Съ ребятами... а?—сказалъ онъ, заглядывая сыну въ глаза.

— Что жъ, веди!—отвѣтилъ Андрей.—Только не забудь на поляхъ кобылу напоить.

Дѣдъ закашлялся, чтобы скрыть свою радость.

IV.

На закатѣ, послѣ ужина, положилъ онъ на спину кобылы зипунъ и полушубокъ, взвалился на нее животомъ и рысцой тронулъ за ребятами.

— Эй, погоди старика,—кричалъ онъ имъ.

Ребята не слушали. Старостинъ сынишка обскакалъ его, растаращивъ босыя ножки на спинѣ кругленькаго и екающаго селезенкой мерина. Легкая пыль стлалась по дорогѣ. Топотъ небольшого табуна сливался съ веселыми криками и смѣхомъ.

— Дѣдъ, — кричали нѣкоторые тоненькими голосками: — давай на обгонки!

Дѣдъ легонько поталкивалъ лаптями подъ брюхо кобылы. Въ лощинкѣ, за версту отъ деревни, онъ завернулъ на прудъ.

Отставивъ увязшую въ тину ногу и нервно вздрагивая всей кожей отъ тонко поющихъ комаровъ, кобыла долго-долго однообразно сосала воду, и видно было, какъ вода волнисто шла по ея горлу. Передъ концомъ питья она оторвалась на время отъ воды, подняла голову и медленно, тупо оглядѣлась кругомъ. Дѣдъ ласково посвисталъ ей. Теплая вода капала съ губъ кобылы, а она не то задумалась, не то залюбовалась на тихую поверхность пруда. Глубоко-глубоко отражались въ прудѣ и берегъ, и вечернее небо, и бѣлыя полоски облаковъ. Плавно качались части этой отраженной картины и сливались въ одну отъ тихо раскатывающагося все шире и шире круга по водѣ... Потомъ кобыла сдѣлала еще нѣсколько глотковъ, глубоко вздохнула и, съ чмоканьемъ вытащивъ изъ тины одну за другою ноги, вскарабкалась на берегъ.

Позвякивая полуоторванной подковой, бодрой иноходью пошла она по темнѣющей дорогѣ. Отъ долгаго дня у дѣда осталось такое впечатлѣніе, словно онъ пролежалъ его въ болѣзни и теперь выздоровѣлъ. Онъ весело покрикивалъ на кобылу, вдыхалъ полной грудью свѣжѣющій вечерній воздухъ.

— Не забыть бы подкову оторвать,—думалъ онъ.

Въ полѣ ребята курили донникъ, спорили, кому въ какой чередъ дежурить.

— Будя, ребята, спорить-то,—сказалъ дѣдъ.—Карауль пока ты, Васька, — вѣдь, правда, твой чередъ-то. А вы, ребята, ложитесь. Только смотри, не ложись головой на межу—домовой отдавитъ!

А когда лошади спокойно вникли въ кормъ и прекратилась возня улегшихся рядышкомъ ребятъ, смѣхъ надъ коростелью, которая оттого такъ скрипитъ, что деретъ нога объ ногу, дѣдъ постлалъ себѣ у межи полушубокъ, зипунъ и съ чистымъ сердцемъ, съ благоговѣніемъ сталъ на колѣни и долго молился на темное, звѣздное, прекрасное небо, на мерцающій Млечный путь—святую дорогу ко граду Іерусалиму.

Наконецъ, и онъ легъ.

Темнота разливалась надъ безбрежной равниной. Въ свѣжести весенней степной ночи тонули поля. За ними, за ночнымъ мракомъ, слабо, какъ одинокая мачта, на слабомъ фонѣ заката маячилъ силуэтъ далекой-далекой мельницы...

1892 г.

НА ХУТОРѢ.

Долго-долго погорала заря блѣднымъ румянцемъ. Неуловимый свѣтъ и неуловимый сумракъ мѣшались надъ равнинами хлѣбовъ. Темнѣло и въ деревнѣ, — одни оконца избъ на выгонѣ еще отсвѣчивали мѣднымъ блескомъ. Вечеръ былъ молчаливъ и спокоенъ. Загнали скотину, пришли съ работъ, поужинали на камняхъ передъ избами и затихли... Не играли пѣсенъ, не кричали ребятишки...

Все задумалось вечерней думой, — задумался и Капитонъ Иванычъ, сидя у поднятаго окна.

Усадьба его стояла на горѣ; мелкорослый садъ, состоявшій изъ акацій и сирени, заглохшій въ лопухахъ и чернобыльникѣ, шелъ внизъ, къ лощинѣ. Изъ окна, черезъ кусты, было далеко видно.

Поле молчало, лежало въ блѣдной темнотѣ. Воздухъ былъ сухой и теплый. Звѣзды въ небѣ трепетали скромно и таинственно. И одни только кузнечики неутомимо стрекотали подъ окнами въ чернобыльникѣ, да въ степи отчетливо выкрикивалъ „пать-пальвать“ перепелъ.

Капитонъ Иванычъ былъ одинъ—какъ всегда.

Ему словно на роду было написано всю жизнь прожить одиноко. Мать и отецъ его, очень бѣдные, мелкопомѣстные дворяне, проживавшіе у князей Ногайскихъ, умерли, когда ему было меньше году отъ рожденія. Дѣтство и отрочество онъ провелъ въ домѣ сумасшедшей тетки, старой дѣвы, и въ школѣ кантонистовъ. Въ юности онъ писалъ пѣсни, подражая Дельвигу и Кольцову, называлъ ее въ своихъ стансахъ Валентиной—на дѣлѣ ее звали Анютой и была она дочь чиновника, служившаго въ комиссаріатѣ,—но взаимности не имѣлъ.

Имя у него было „какъ у дворецкаго“, наружность не обращающая на себя вниманія; смуглый, худощавый и вы-

сокій, онъ похожъ былъ, по отзывамъ пріятелей, на семинариста даже тогда, когда, по протекціи князя (недаромъ говорили, что князь—отецъ Капитона Ивановича), добился офицерскаго чина. Тутъ ему досталось имѣньице отъ тетки, и онъ вышелъ въ отставку. Онъ еще воображалъ себя порою то героемъ изъ какого-нибудь романа Марлинскаго, то даже Печоринымъ, стригся по новѣйшей модѣ — „а ля полька“... Но ничего не вышло изъ этого. „Валентина“ поѣхала гостить къ подругѣ и вышла замужъ. А онъ „до гробовой доски“ заперъ стихи въ шифоньеркѣ.

Онъ сталъ хозяйствовать; думалъ служить въ только-что открывшемся земствѣ, но и въ земствѣ ему не повезло: предводитель, закусывая однажды въ буфетѣ дворянскаго собранія, сказалъ, что Капитонъ Иванычъ „добрякъ, но фантазеръ... старый фантазеръ... отживающій свое время типъ...“ Капитонъ Иванычъ перезнакомился съ сосѣдями мелкопомѣстными и увлекся охотой, пріобрѣтя себѣ незамѣнимаго друга въ легавой Джальмѣ. И дни пошли за днями и стали слагаться въ годы... Онъ сталъ настоящимъ мелкопомѣстнымъ, носилъ „тужурку“ и длинные черные усы; забылъ даже думать о своей наружности и, вѣроятно, не зналъ, что его смуглое, немного рябое лицо очень привлекательно своей спокойной добротою...

Нынче онъ грустилъ. Утромъ зашла богомолка Агаѳья, бывшая дворовая Капитона Иваныча, и, между прочимъ, сказала:

— А помните, сударь, Анну Григорьевну?

— Помню,—сказалъ Капитонъ Иванычъ.

— Умерла-съ. Великимъ постомъ схоронили.

Цѣлый день потомъ Капитонъ Иванычъ неопредѣленно улыбался. А вечеромъ... Вечеръ насталъ такой тихій и грустный!

Капитонъ Иванычъ не сталъ ужинать, не легъ спать рано, какъ ложился обыкновенно. Онъ свернулъ толстую папиросу изъ чернаго крѣпкаго табаку и все сидѣлъ у окна, поджавъ подъ себя одну ногу.

Ему хотѣлось куда-то пойти. Какъ человѣкъ, привыкшій все спокойно обдумывать, онъ спрашивалъ себя: „куда?“. Развѣ перепеловъ ловить? Но заря уже прошла, да и итти не съ кѣмъ. Семенъ нынче въ ночномъ... Да и что̀ перепела!

Онъ вздыхалъ и почесывалъ свой давно не бритый подбородокъ.

Какъ, въ сущности, коротка и бѣдна человѣческая жизнь! Давно ли былъ онъ мальчикомъ, юношей? Школа кантонистовъ—хорошо, что теперь ихъ нѣтъ болѣе!—холодъ, голодъ,

поѣздки къ теткѣ... Вотъ былъ человѣкъ! Онъ отлично помнилъ ее, старую худую дѣву съ растрепанными, сухими черными волосами, съ безумными глазами, — говорили, отъ несчастной любви сошла съ ума, — помнилъ, какъ она, по старой институтской привычкѣ, твердила наизусть французскія басни, закатывая глаза и дѣлая блаженную, важную физіономію; помнилъ и „Полонезъ Огинскаго“... Страстно и необычно звучалъ онъ, потому что съ безумной страстью играла его старая дѣва... Ахъ, этотъ полонезъ! И она играла его...

Звѣзды въ небѣ свѣтятъ такъ скромно и загадочно; сухо трещатъ кузнечики, и убаюкиваетъ и волнуетъ этотъ шопотъ-трескъ... Въ залѣ стоятъ старинныя фортепіаны. Тамъ открыты окна... Если бы туда вошла теперь она, легкая, какъ привидѣніе, и заиграла, тронула старыя звонко-отзывчивыя клавиши! А потомъ они вышли бы изъ дома и пошли рядомъ полевой дорогою, между ржами, прямо туда, гдѣ далеко-далеко брезжитъ свѣтъ запада...

Капитонъ Иванычъ поймалъ себя и усмѣхнулся.

— Расфа-нта-зировался...—протянулъ онъ вслухъ.

Трещали кузнечики въ тихомъ вечернемъ воздухѣ и изъ сада пахло лопухами, блѣдной, высокой „зарей“ и крапивой. И этотъ запахъ напоминалъ—вечера, когда онъ пріѣзжалъ домой, изъ города, и сладко было ему думать о ней, обманывать себя надеждами на счастье.

Ни одного огонька не свѣтилось на деревнѣ, когда онъ поднимался въ гору. Все спало подъ открытымъ звѣздным небомъ. Темны и теплы были апрѣльскія ночи; мягко благоухали сады черемухой, лягушки заводили въ прудахъ дремотную, чуть звенящую музыку, которая такъ идетъ къ ранней веснѣ... И долго не спалось ему тогда на соломѣ, въ садовомъ шалашѣ! По часамъ слѣдилъ онъ за каждымъ огонькомъ, что̀ мерцалъ и пропадалъ въ мутно-молочномъ туманѣ дальнихъ лощинъ; если оттуда съ забытаго пруда долеталъ иногда крикъ цапли—таинственнымъ казался этотъ крикъ и таинственно стояла темнота въ аллеяхъ... А когда передъ зарею, охваченный сочной свѣжестью сада, онъ открывалъ глаза — сквозь полураскрытую крышу шалаша на него глядѣли цѣломудренныя предутреннія звѣзды...

Капитонъ Иванычъ всталъ и пошелъ по дому. Шаги его отдавались по комнатамъ, полы кое-гдѣ гнулись и скрипѣли.

— Восемьдесятъ лѣтъ домику! — думалъ Капитонъ Иванычъ. — Вотъ осенью надо звать плотниковъ, а то холодъ зимою будетъ ужасный!

Шагая по залѣ, онъ чувствовалъ себя какъ-то неловко. Высокій, худой, немного сгорбленный, въ длинныхъ старыхъ сапогахъ и разстегнутой тужуркѣ, изъ-подъ которой виднѣлась ситцевая косоворотка, онъ бродилъ по залу и, поднимая брови, покачивая головою, напѣвалъ „Полонезъ“. Онъ чувствовалъ, что онъ самъ слѣдитъ за своею походкою и фигурою, представляетъ себя какъ другого человѣка, шагающаго въ полусвѣтѣ старинной залы, человѣка, который бродитъ одинъ-одинешенекъ, которому грустно и котораго ему до боли жаль... Онъ взялъ картузъ и вышелъ изъ дому.

На дворѣ было свѣтлѣе. Свѣтъ зари, поднимающей за деревней, еще слабо разливался по двору.

— Михайла! — тихонько позвалъ Капитонъ Иванычъ стараго пастуха. Никто не откликнулся. Михайла ушелъ „ко двору, рубаху смѣнить“.

Стараясь придумать себѣ дѣло, онъ направился по двору къ варку: накосилъ ли Митька травы коровамъ? Но, думая совсѣмъ о другомъ, Капитонъ Иванычъ только постоялъ у варка.

— Митька! — позвалъ онъ.

Опять никто не отозвался. Только за воротами тяжело-тяжело вздохнула корова и завозились и затрепыхали крыльями на насѣстѣ куры.

— Да и на что они мнѣ нужны? — подумалъ Капитонъ Иванычъ и не спѣша пошелъ за каретный сарай, туда, гдѣ начинались на косогорѣ ржи. Шурша, пробрался онъ по глухой крапивѣ на бугоръ, закурилъ и сѣлъ.

Широкая равнина лежала внизу въ блѣдной темнотѣ. Съ косогора была далеко видна молчаливо утонувшая въ сумракѣ окрестность.

— Сижу, какъ сычъ на бугрѣ,—подумалъ Капитонъ Иванычъ.—Вотъ, скажетъ народъ, дѣлать нечего старику!

— А вѣдь правда — старикъ я,—продолжалъ онъ размышлять.—Умирать скоро... Вотъ и Анна Григорьевна померла... Гдѣ же это все дѣвалося, все прежнее?

Онъ долго смотрѣлъ въ далекое поле, долго прислушивался къ вечерней тишинѣ...

— Какъ же это такъ?—сказалъ онъ вслухъ. — Будетъ все попрежнему, будетъ садиться солнце, будутъ мужики съ перевернутыми сохами ѣхать съ поля... будутъ зори въ рабочую пору, а я ничего этого не увижу, да не только не увижу — меня совсѣмъ не будетъ! И хоть тысяча лѣтъ пройдетъ — я никогда не появлюсь на свѣтѣ, никогда не приду и не сяду на этомъ бугрѣ! Гдѣ же я буду?

Сгорбившись, закрывши глаза и потягивая лѣвою рукой черный, сѣдѣющій усъ, онъ сидѣлъ, покачивался...

Сколько лѣтъ представлялось, что вотъ тамъ-то, впереди, будетъ что-то значительное, главное... Былъ когда-то мальчикомъ, былъ молодъ... Потомъ... въ жаркій день на выборы на дрожкахъ ѣхалъ по большой дорогѣ! — И Капитонъ Иванычъ самъ усмѣхнулся на такой скачокъ своихъ мыслей...

Но и это уже давно было. И вотъ доходишь до такой поры, въ которой, говорятъ, все кончается; семьдесятъ, восемьдесятъ лѣтъ... а дальше уже и считать не принято! Что же наконецъ, долга или коротка жизнь?

— Долга! — подумалъ Капитонъ Иванычъ. — Да, все-таки долга!

Въ темномъ небѣ вспыхнула и прокатилась звѣзда. Онъ поднялъ кверху старческіе грустные глаза и долго смотрѣлъ въ небо. И отъ этой глубины, мягкой темноты звѣздной безконечности ему стало легче. „Ну, такъ что же! Тихо прожилъ, тихо и умру, какъ въ свое время высохнетъ и свалится листъ вотъ съ этого кустика...“ Очертанія полей едва-едва обозначались теперь въ ночномъ сумракѣ. Сумракъ сталъ гуще, и звѣзды, казалось, сіяли выше. Отчетливѣе слышался рѣдкій крикъ перепеловъ. Свѣжѣе пахло травою... Онъ легко, свободно вздохнулъ полной грудью. Какъ живо чувствовалъ онъ свое кровное родство съ этой безмолвной природой!

1892 г.

ВѢСТИ СЪ РОДИНЫ.

— А право,—съ улыбкой подумалъ Волковъ, сидя вечеромъ въ собраніи сельскохозяйственнаго общества: — нигдѣ такъ не развиваются способности къ живописи, какъ на засѣданіяхъ! Ишь, какъ старательно выводятъ!

Головы сидящихъ за зеленымъ освѣщеннымъ столомъ были наклонены; всѣ рисовали — вензеля, монограммы, необыкновенные профили. Чай, безшумно разносимый сторожами, изрѣдка прерывалъ эти занятія. Споръ вице-президента съ однимъ изъ членовъ общества на время оживилъ всѣхъ; но докладъ, который монотонно началъ читать секретарь, снова заставилъ всѣхъ взяться за карандаши. Разсѣянно глядя на бѣлую руку президента, въ которой дымилась папироса, Волковъ почувствовалъ, что его трогаютъ за рукавъ: передъ нимъ стоялъ его товарищъ по агрономическому институту и сожитель по меблированнымъ комнатамъ, полякъ Свида, высокій, худой и угловатый въ своемъ старомъ мундирѣ.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ шопотомъ:—о чемъ рѣчь?

— Докладъ Толвинскаго: „Изъ практики сохраненія кормовой свекловицы“.

Свида сѣлъ и, протирая спятыя очки, утомленными глазами посмотрѣлъ на Волкова.

— Тамъ вамъ телеграмму принесли,—сказалъ онъ и поднялъ очки, разглядывая ихъ на свѣтъ.

— Изъ института?—быстро спросилъ Волковъ.

— Не могу знать.

— Изъ института, вѣрно,—сказалъ Волковъ.

И, поднявшись торопливо на цыпочкахъ, пошелъ изъ залы. Въ швейцарской, гдѣ уже не надо было держать себя напряженно, онъ вздохнулъ свободнѣе, быстро надѣлъ шинель и вышелъ на улицу.

Дулъ сырой мартовскій вѣтеръ. Темное небо надъ освѣщенной улицей казалось чернымъ, тяжелымъ пологомъ. Около колеблющихся въ фонаряхъ газовыхъ рожковъ видно было, какъ изъ этой непроглядной темноты одна за другой неслись бѣлыя снѣжинки. Волковъ поднялъ воротникъ и быстро пошелъ по мокрымъ и блестящимъ асфальтовымъ панелямъ, засовывая руки въ карманы.

— И чего только ни рисуютъ:—думалъ онъ.—И какъ старательно!

Темнота, сырой вѣтеръ, трескъ проносящихся экипажей не мѣшали его спокойному и бодрому настроенію. Телеграмма, вѣрно, изъ института... Да она теперь и не нужна. Онъ уже зналъ, что черезъ полмѣсяца будетъ помощникомъ директора опытнаго поля; перевезетъ туда всѣ свои книги, гербаріи, коллекціи, образцы почвъ... Все это надо будетъ уставить, разложить (онъ уже ясно представлялъ себѣ свою комнату и себя самого, за столомъ, въ блузѣ), а затѣмъ начать работать серьезно—и практически и по части диссертаціи...

— „Возста-аньте изъ гробовъ!“—пропѣлъ онъ съ веселымъ паѳосомъ, заворачивая за уголъ, и столкнулся съ невысокимъ господиномъ, у котораго изъ-подъ шапки блеснули очки.

— Иванъ Трофимычъ?

Иванъ Трофимычъ живо вскинулъ кверху бородку и, улыбаясь, стиснулъ руку Волкова своею холодною и мокрою маленькой рукою.

— Вы откуда?

— Изъ сельскохозяйственнаго,—отвѣтилъ Волковъ.

— Что же такъ рано?

— „По домашнимъ обстоятельствамъ“. А вы?

— Изъ конторы. Работаемъ, батенька...

— У васъ, значитъ, и вечернія занятія?

— Да, то-есть нѣтъ, только весною—къ отчету подгоняемъ... Да скверно, знаете... Даже не скверно, собственно говоря, а прямо-таки—подло... Безсмыслица...

Иванъ Трофимычъ запустилъ руки въ карманы и съежился въ своемъ пальтишкѣ съ небольшимъ, потѣшнымъ воротникомъ изъ стараго мѣха.

— Почему?—спросилъ Волковъ.

Иванъ Трофимычъ встрепенулся.

— То-есть какъ почему? Да на кой чортъ кому нужна эта работа? Какой смыслъ, позвольте спросить, въ этихъ пудоверстахъ, осе-верстахъ, пробѣгахъ и во всякихъ этихъ столахъ переборовъ и всяческихъ ахинеяхъ?

— Ну, положимъ, смыслъ-то есть...

— Белиберда!—воскликнулъ Иванъ Трофимычъ съ сердцемъ. Волковъ снисходительно улыбнулся.

— Ну, идите куда-нибудь еще,—сказалъ онъ спокойно.

— То-есть куда это?

— Да у васъ вѣдь имѣется дипломъ?

— Самый форменный.

— Ну, и что же?

— Ну и что же?—повторилъ Иванъ Трофимычъ, поднимая брови и сверкая очками.—Вы думаете, я не ушелъ бы? Да ради Бога—куда угодно! Вы подумайте только,—началъ онъ съ напряженіемъ, отчетливо, беря Волкова за бортъ пальто, но Волковъ перебилъ его:

— Отчего же не идете?

— Вамъ сколько лѣтъ?—вдругъ спросилъ Иванъ Трофимычъ.

— Двадцать четыре года, пять мѣсяцевъ. А что?

— Ну, вотъ видите! А мнѣ сорокъ... И, главное, никуда, то-есть такъ-таки никуда меня не пустятъ. Я вѣдь якутскій человѣкъ. Понимаете? Вотъ теперь люди мрутъ отъ голода, есть живое, святое дѣло... Понимаете? Святое! А развѣ насъ съ вами пустятъ туда?

— Я занимаюсь наукой и работаю, могу сказать, серьезно,—сказалъ Волковъ.

— И пудо-верстами вы бы занялись также серьезно?

— Пожалуй, и пудо-верстами... Я, право, не понимаю, господа...

— Прекрасно,—почти закричалъ Иванъ Трофимычъ:—я отлично знаю, что вы, господа, многаго дѣйствительно не понимаете! Только вотъ что, батенька,—утѣшаю себя недовѣріемъ, понимаете, утѣшаю себя тѣмъ, что многіе изъ васъ только играютъ въ эту трезвость! Разумѣется, уже сама по себѣ эта игра...

— Именно играть-то мы и не хотимъ,—перебилъ Волковъ.—Вы говорите: идите, помогайте. А мы будемъ помогать наукой, а не „хорошими“ словами.

Иванъ Трофимычъ махнулъ рукой.

— Мы, знаете, такъ раскричались съ вами,—сказалъ онъ съ улыбкой и крѣпко пожалъ руку Волкова:—будьте здоровы!

И, повернувшись, съежился и скрылся за угломъ.

Волковъ постоялъ, подумалъ... И, мгновенно забывъ объ Иванѣ Трофимычѣ, зашагалъ еще быстрѣе.

Онъ торопливо пробѣжалъ лѣстницу своихъ меблированныхъ комнатъ, отперъ номеръ и при спичкѣ разорвалъ телеграмму.

„Посылаются пятницу девятнадцатаго“,—стояло въ ней.

На столѣ, кромѣ телеграммы, лежали два письма. Адресъ на одномъ изъ нихъ написанъ былъ рукой зятя. Волковъ зажегъ свѣчи, сѣлъ на диванъ и съ улыбкой принялся за письмо.

„Любезный братъ Дмитрій,—читалъ онъ:—мы, разумѣется, всѣ живы и здоровы, про тебя, конечно, ничего не знаемъ: какъ уѣхалъ, прислалъ два слова; пиши, братъ, пожалуйста, поскорѣе, пріѣдешь ли ты хоть къ Святой недѣлѣ. Отвѣчай поскорѣе, а то вотъ-вотъ полая вода и на станцію не будетъ ни проходу ни проѣзду“...

Волковъ перевернулъ страницу и сталъ просматривать конецъ письма:

„Невозможно проѣхать въ городъ, все мятели, а голодаютъ у насъ здорово. Впрочемъ, я тебѣ не писалъ со Святокъ, и ты не знаешь, что въ Дворикахъ умерло нѣсколько человѣкъ. Умерла, братъ, наша Ѳедора, кривой солдатъ воргольскій и Мишка Шмыренокъ. У Мишки прежде умеръ ребенокъ, а на первой недѣлѣ и самъ онъ—отъ голоднаго тифа...“

Волковъ вдругъ опустилъ письмо... переставилъ подсвѣчникъ и снова съ ужасомъ и напряженіемъ перечиталъ эти двѣ строки:

„...Умерла Ѳедора, кривой солдатъ воргольскій и Мишка Шмыренокъ...“

— Не можетъ быть!—сказалъ онъ громко, поднимаясь:—не можетъ быть! Мишка, другъ дѣтства... головастиковъ вмѣстѣ ловили... отъ голода!

Волковъ опять сѣлъ, криво улыбнулся, снова вскочилъ и торопливо пошелъ къ дверямъ. Но отъ двери онъ круто повернулся и зашагалъ по комнатѣ, быстро пощелкивая пальцами и ловя разлетѣвшіяся мысли...

Онъ читалъ въ газетахъ, что тамъ-то и тамъ-то люди пухнутъ отъ голода, уходятъ цѣлыми деревнями побираться, покупалъ сборники и всякія книжки въ пользу голодающихъ или, какъ на нихъ печаталось, „въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая“. Но тѣ, пухнувшіе отъ голода, казанскіе мужики не отдѣлялись отъ газетныхъ строкъ; а это не казанскіе мужики, это истомился и свалился съ ногъ и скончался на холодной печкѣ Мишка Шмыренокъ, съ которымъ онъ когда-то, какъ съ роднымъ братомъ, спалъ на своей дѣтской кроваткѣ, звонко перекликался, купаясь въ прудѣ, ловилъ головастиковъ. И вотъ онъ умеръ, и въ распутицу для него ѣздили въ село за тесомъ на гробъ. Максимъ, колесникъ, сколотилъ этотъ гробъ, и въ него положили дѣтски-худое тѣло Мишки. У него и прежде были узкія плечи, худощавое лицо... Но

еще худѣе сталъ онъ, когда его, въ бѣлой новой рубахѣ, клали въ гробъ. И на утро этотъ гробъ поставили на розвальни и повезли по весеннимъ полямъ въ село...

Наклонившись подъ кровать, Волковъ вытащилъ оттуда большой деревянный ящикъ. Въ ящикѣ лежало нѣсколько ветхихъ дѣтскихъ учебниковъ, и на исподней сторонѣ ихъ переплетовъ Волковъ увидалъ рисунки Мишки: кривой домъ съ зигзагообразнымъ дымомъ изъ трубы, удивительно изогнувшійся конь съ хвостомъ, похожимъ на этотъ дымъ, и разъѣхавшіяся въ разныя стороны каракули: „Михаилъ Колесовъ“...

Еще до сихъ поръ отъ этихъ книгъ пахло курной избой. Вмѣстѣ съ Мишкой бѣгалъ онъ въ Дворики учиться по нимъ у солдата Савелія. Тамъ, при тускломъ свѣтѣ коптящей лампочки, за столомъ сидѣла толпа ребятишекъ. Поминутно чмокала отворявшаяся дверь и словно вплывали въ волнахъ пара новые ученики. Шумно усаживались они за столъ и, положивъ на него локти и болтая подъ лавкой ногами, наперебой начинали долбить уроки.

— „Богородица - дево - радуйся... Богородица - дево - радуйся...“—тоненькимъ голоскомъ заливался Мишка.

— „А ну-ка, Бишка, почитай, что въ книжкѣ...“—сосредоточенно бубнилъ старостинъ сынъ Никитка, толстый малый, который всегда сидѣлъ безъ полушубка, но въ шарфѣ.

Самъ Догадунъ, староста, коренастый мужикъ съ румянымъ лицомъ и сивыми кудрями, расчесанными на прямой рядъ, стоялъ противъ стола, опершись на сажень, съ которой не разставался.

— Никитъ,—перебивалъ онъ иногда важно:—ты что учишь?

Никитка рѣшительно откашливался, краснѣлъ и отвѣчалъ сиплымъ шопотомъ.

— Выучилъ?

— Нѣтъ еще.

— Ну, такъ стой, погоди, ребята,—продолжалъ Догадунъ:—разгадай задачу... А вы всѣ, ребята, тоже не дреми!

И онъ начиналъ:

— Шли пять старицъ и несли онѣ, ребята, по пяти костылей. На каждомъ костылю—по пяти суковъ, на каждомъ суку—по пяти кошелей, у каждомъ кошелѣ—по пяти пироговъ, у каждомъ пирогу... къ примѣру сказать, по пяти воробьевъ. Сколько это воробьевъ выходитъ?.. Ну-ка, барчукъ?

И съ какимъ удовольствіемъ барчукъ забивался тогда съ Мишкой въ уголъ и какимъ торопливымъ шопотомъ начиналъ считать воробьевъ, пока явившаяся за нимъ кухарка не увозила ихъ обоихъ на розвальняхъ домой!

Мать Мишки жила тогда у Волковыхъ. Теперешній помощникъ директора опытнаго поля ревѣлъ тогда по цѣлымъ вечерамъ, если къ нему не пускали Мишку. У Мишки болѣли съ лѣта губы отъ лопуховъ и козельчиковъ, и боялись, что это пристанетъ къ барчуку. Но Мишка успѣвалъ-таки иногда удрать въ хоромы. Вечеромъ онъ внезапно влеталъ въ дѣтскую.

— Насилушка убёгъ,—говорилъ онъ, запыхавшись, и его глазки сверкали радостью.

Отъ него пахло снѣгомъ, зимней свѣжестью; онъ летѣлъ по сугробамъ босой, въ изорванной на животѣ рубашонкѣ и коротенькихъ портчонкахъ. Нянька съ неудовольствіемъ поглядывала на него, грязнаго отъ сажи, оборваннаго и взлохмаченнаго. Но Митя испускалъ при его появленіи звонкій крикъ, настаивалъ, чтобы Мишка непремѣнно остался съ нимъ въ дѣтской на ночь. Весь вечеръ они строили на постели „кутки“, были „нарочно разбойники“, разглядывали и вырѣзывали картинки...

Какъ же такъ случилось, думалъ Волковъ, какъ могло это случиться—эта голодная смерть?

Его повезли въ лѣтній день въ тарантасѣ въ городъ, въ гимназію. Мишка только за гумномъ успѣлъ увидѣть его. Онъ съ утра сидѣлъ въ коноплянникѣ, желая проститься съ нимъ. Въ домъ, гдѣ была суета, его не пускала мать... И когда Митя довольно холодно попрощался съ нимъ, онъ повернулся, заплакалъ и тихо пошелъ по межѣ къ деревнѣ, поддерживая одной рукой штанишки и ступая босыми ножками по горячей пыли... Митя же глядѣлъ впередъ, всѣ мысли его заняты были только новымъ кэпи...

Въ гимназіи онъ стоялъ на актахъ и ждалъ книжки съ золоченымъ переплетомъ, а Мишка въ это время стоялъ съ плетушкой колоса около риги... Надвигались зимнія сумерки... все было сѣро, тихо въ деревушкѣ, пріютившейся около лощинки, среди снѣжныхъ полей, слившихся съ темнымъ небомъ... слышались голоса бабъ, скликавшихъ выпущенныхъ овецъ—„вычь, вычь, вычь!..“ Покачивая бадьей, его мать шла въ лощинку за снѣговой водою...

Митя въ безсознательномъ весельѣ напивался на первыхъ студенческихъ вечеринкахъ, а Мишка былъ въ это время уже хозяинъ, мужикъ, обремененный горемъ и семьею. Въ тѣ зимнія ночи, когда Митя, среди говора, дыма и хлопанья пивныхъ пробокъ, до хрипоты спорилъ или пѣлъ: „Изъ страны, страны далекой...“, Мишка шелъ съ обозомъ въ городъ... Въ полѣ бушевала вьюга... Въ темнотѣ брели по поясъ въ снѣгу

мужики, не присаживаясь до самаго разсвѣта: на саняхъ были навалены бочки съ винокуреннаго завода. Иногда весь обозъ останавливался... Сквозь вьюгу и вѣтеръ слышалась перекличка, ругань... Мишкѣ приходилось лазить по сугробамъ, отыскивая дорогу, или одеревянѣвшими пальцами и зубами затягивать оборвавшуюся завертку...

Когда Митя пріѣзжалъ гимназистомъ на каникулы, онъ еще былъ близокъ съ Мишкой. Онъ просилъ его говорить ему „ты“, они ходили съ нимъ ловить перепеловъ, вели задушевныя бесѣды, лежа по ночамъ на межахъ, среди ржей. Но потомъ...

Волковъ закрылъ лицо руками. Онъ вспомнилъ свою послѣднюю встрѣчу съ Мишкой,—мѣсяца три тому назадъ, на Рождествѣ.

Волковъ былъ въ деревнѣ. На хуторъ съѣхалось много гостей. На другой день Новаго года задумали ѣхать въ городъ, въ театръ, и ночью поѣхали на тройкахъ на станцію.

Ночь была страшно морозная и вѣтреная; сухой, мерзлый снѣгъ визжалъ и скрипѣлъ подъ санями; за необозримымъ мертвымъ полемъ всходилъ красный огромный мѣсяцъ, и въ его низкомъ свѣтѣ видно было, какъ задирала и дымилась поземка. Волковъ, отвернувшись отъ колючаго вѣтра, слушалъ визгъ саней и курилъ папиросу; вѣтеръ разносилъ красныя искры и доносилъ до него отрывки разговоровъ, смѣхъ, звонъ бубенчиковъ на другой тройкѣ... Кто-то крикнулъ: „пошелъ“, лошади рванулись, вѣтеръ сталъ кидать снѣгомъ въ лицо и размахивать и отбрасывать обмерзшій воротникъ. Волковъ приподнялся, чтобы поправить шубу... Чья-то пѣшая, занесенная снѣгомъ фигура мелькнула передъ нимъ.

На станціи пришлось ждать долго, и когда Волковъ пошелъ предъ приходомъ поѣзда въ залу третьяго класса за билетомъ, то увидалъ эту фигуру около дверей.

— Мишка! Ты?—воскликнулъ Волковъ.

И вдругъ случилось то, отъ чего теперь у него облилось сердце кровью: Мишка, прежде веселый, бойкій, торопливо сдернулъ шапчонку и отвѣтилъ испуганно и покорно:

— Я-съ, Дмитрій Петровичъ...

— Ты зачѣмъ здѣсь?—спросилъ Волковъ, подавая ему руку.

Онъ былъ въ растрепанныхъ лаптяхъ, и углы воротника его рванаго зипуна торчали по-нищенски, закрывая исхудалое, больное лицо.

— Попроситься въ городъ,—отвѣчалъ Мишка простуженнымъ голосомъ.

— Какъ попроситься?

— На машину...

— Да какъ попроситься?

Мишка слабо улыбнулся:

— Даромъ не проѣдешь,—сказалъ онъ тихо.

Волковъ купилъ ему билетъ, всунулъ его въ руку ему. Мишка, стоя безъ шапки, долго и безучастно глядѣлъ на билетъ.

Въ поѣздѣ Волковъ вспомнилъ про Мишку снова и пошелъ искать его. Въ промерзломъ, трещащемъ на ходу вагонѣ онъ увидалъ его около красной, раскаленной печки.

— Ты зачѣмъ въ городъ-то?

— Бѣда!—заговорилъ Мишка монотонно.—Може, въ городѣ что̀ найду... Совсѣмъ обезживотѣлъ...

— Не можетъ быть! — воскликнулъ опять Волковъ. — Не можетъ этого быть!.. Коллекціи, гербаріи... „Кормовая свекловица“... Какая галиматья!

И, стискивая пальцы, сталъ хохотать и качаться, какъ отъ зубной боли.

1893 г.

НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ.

На вокзалѣ не было обычной суматохи: наступала святая ночь. Когда прошелъ курьерскій девятичасовой поѣздъ, всѣ поспѣшили докончить только самыя неотложныя дѣла, чтобы поскорѣе разойтись по квартирамъ, вымыться, надѣть все чистое и въ семьѣ, съ облегченнымъ сердцемъ, дождаться праздника, отдохнуть хотя ненадолго отъ безпорядочной жизни.

Полутемная зала третьяго класса, всегда переполненная людьми, гуломъ нестройнаго говора, тяжелымъ теплымъ воздухомъ, теперь была пуста и прибрана. Въ отворенныя окна и двери вѣяло свѣжестью южной ночи. Въ углу восковыя свѣчи слабо озаряли аналой и золотыя иконы, и среди нихъ грустно глядѣлъ темный ликъ Спасителя. Лампада краснаго стекла тихо покачивалась передъ нимъ, по золотому окладу двигались полосы сумрака и свѣта...

Проѣзжимъ мужикамъ изъ голодающей губерніи некуда было пойти приготовиться къ празднику. Они сидѣли въ темнотѣ, на концѣ длинной платформы.

Они чувствовали себя гдѣ-то страшно далеко отъ родныхъ мѣстъ, среди чужихъ людей, подъ чужимъ небомъ. Первый разъ въ жизни имъ пришлось двинуться на „низы“, на дальніе заработки. Они всего боялись и даже передъ носильщиками неловко и торопливо сдергивали свои растрепанныя шапки. Уже второй день томились они скукой, ожидая, пока къ нимъ выйдетъ тщедушная и горделивая фигурка помощника начальника станціи (они уже успѣли прозвать его „кочеткомъ“) и строго объявитъ, когда и какой товарный поѣздъ потянетъ ихъ на Харцызскую. Со скуки они весь день проспали.

Надвигались тучи. Изрѣдка обдавалъ теплый благовонный

вѣтеръ, запахъ распускающихся тополей. Не смолкая ни на минуту, несся съ ближняго болота злорадный хохотъ лягушекъ и, какъ всякій непрерывный звукъ, не нарушалъ тишины. Направо едва-едва свѣтилъ закатъ; тускло поблескивая, убѣгали туда рельсы. Налѣво уже стояла синяя темнота. Огонекъ диска висѣлъ въ воздухѣ одинокой зеленовато-блѣдной звѣздочкой. Оттуда, съ неизвѣстныхъ степныхъ мѣстъ, шла ночь...

— Охъ, должно, не скоро еще!—шопотомъ сказалъ одинъ, полулежавшій около вокзальныхъ ведеръ, и протяжно зѣвнулъ.

— Служба-то?—отозвался другой.—Должно, не скоро. Теперь не болѣе семи.

— А то и всѣхъ восемь наберется,—добавилъ третій.

Всѣмъ было тяжко. Только одинъ не хотѣлъ сознаться въ этомъ.

— Ай соскучился? „А-а-а...“—зѣвнулъ онъ, передразнивая перваго говорившаго.—Гляди, ребята, зареветъ еще, пожалуй!

— Будя, Кирюхъ, буровить-то,—серьезно отвѣтилъ первый и дѣловымъ тономъ обратился къ сосѣду:—Парменычъ, поди глянь на часы, ты письмённый.

Парменычъ отозвался добрымъ слабымъ голосомъ:

— Не уразумѣю, малый, по тутошнимъ, все сбиваюсь: цѣлыхъ три стрѣлки.

— Да ай не все равно?—опять замѣтилъ Кириллъ насмѣшливо.—Хушь смотри, хушь не смотри—одна честь...

Долго молчали. Тучи надвинулись, густая темнота теплой ночи мягко обнимала все. Старикъ открылъ трубку, помялъ пальцемъ краснѣвшій въ ней огонь и на время такъ жарко раскурилъ ее, что смутно освѣтилъ свои сѣдые солдатскіе усы и воротъ зипуна. На мгновеніе выступили изъ мрака и бѣлая рубаха лежащаго на животѣ Кирилла, и заскорузлые, изорванные полушубки двухъ другихъ пожилыхъ мужиковъ. Потомъ онъ закрылъ трубку, попыхтѣлъ и покосился влѣво, на своего племянника. Тотъ дремалъ. Длинныя худыя ноги его, завернутыя въ бѣлыя суконныя портянки, лежали безъ движенія; по очертаніямъ худощаваго тѣла было видно, что это совсѣмъ еще мальчикъ, истомленный и до времени вытянувшійся на работѣ.

— Ѳедоръ, спишь?—тихо окликнулъ его старикъ.

— Н-нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ сиплымъ голосомъ.

Старикъ ласково наклонился къ нему и, улыбаясь, шопотомъ спросилъ:

— Ай соскучился?

Отвѣтъ послѣдовалъ не сразу:

— Чего жъ мнѣ скучать?

— Да ну! Ты скажи, не бойся.

— Я и такъ не боюсь.

— То-то, молъ, не таись...

Ѳедька молчалъ. Старикъ поглядѣлъ на его худенькія плечи... потомъ тихонько отвернулся.

Уже и на закатѣ стемнѣло. Контуры вокзальныхъ крышъ едва рисовались на фонѣ ночного неба. Тамъ, гдѣ оно сливалось съ темнотою земли, перекрещивались и мигали зеленые, синіе и красные огоньки. Осторожно лязгая колесами, прокатился мимо платформы паровозъ, освѣтилъ ее краснымъ отблескомъ растопленной печки, около которой, какъ въ тѣсномъ уголкѣ ада, копошились какіе-то черные люди, и все опять потонуло въ темнотѣ. Мужики долго прислушивались, какъ онъ гдѣ-то въ сторонѣ сипѣлъ горячимъ паромъ.

Потомъ издалека гнусаво запѣлъ рожокъ. Изъ темноты и изъ-за разноцвѣтныхъ огней выдѣлился треугольникъ огненныхъ глазъ. Онъ разгорался и приближался медленно-медленно, а за нимъ тянулся длинный, безконечно длинный товарный поѣздъ; подвигаясь все слабѣе, онъ остановился и затихъ. Черезъ минуту что-то завизжало, заскрипѣло, вагоны дрогнули, подались назадъ—и замерли. Раздались чьи-то громкіе голоса и тоже смолкли. Кто-то невидимый несъ фонарь, и свѣтлый кругъ, колеблясь, двигался по землѣ, подъ стѣной вагоновъ.

— Тридцать четыре,—сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

— Кого? Вагоновъ-то? Болѣ будя.

— А можетъ, и болѣ...

Ѳедька облокотился на руку и долго глядѣлъ на темную массу паровоза, смутно освѣщенную по серединѣ, слушалъ, какъ что-то клокотало и замирало въ немъ, какъ потомъ онъ отдѣлился отъ поѣзда и, облегченно и тяжело дохнувъ нѣсколько разъ, ушелъ въ темноту, отрывистыми свистками требуя пути... Ничто, ничто не напоминало тутъ праздника!

— Я думалъ, они хушь въ праздникъ-то не ходятъ,—сказалъ Ѳедька.

— Ну да, не ходятъ! Имъ нельзя не ходить...

И послышались несмѣлыя предположенія, что, можетъ-быть, съ этимъ-то поѣздомъ ихъ и отправятъ. Тяжело въ такую ночь сидѣть въ темнотѣ товарныхъ вагоновъ, да ужъ все одно, лучше бы отправили!

Старикъ заговорилъ о Харцызской. Но впереди была полная неизвѣстность: и гдѣ эта Харцызская, и когда они пріѣдутъ туда, и какая будетъ работа, да и будетъ ли еще?

Вотъ, если бы земляковъ встрѣтить, которые направили бы на хорошее мѣсто! А то, пожалуй, опять придется сидѣть гдѣ-нибудь въ томительномъ ожиданіи, запивать сухой хлѣбъ теплой водой изъ вокзальной кадки. И тоска, тревога снова овладѣла всѣми. Даже Кириллъ заворочался, безпокойно зачесался, сѣлъ и опустилъ голову...

— И чего тутъ остались?—послышался одинъ неувѣренный голосъ. — Хушь бы въ городъ пошли — авось, всего версты четыре...

— А ну какъ сейчасъ велятъ садиться?—угрюмо отвѣтилъ Кириллъ.—Его пропустишь, а тамъ и сиди опять десять дёнъ.

— Надо пойтить спросить...

— Спросить? У кого?

— Да у начальника...

— И правда, пожалуй...

— Да его теперь, небось, нѣту...

— Ну, кто-нибудь за него...

— Служба-то и тутъ такая же будетъ,—проговорилъ Кириллъ попрежнему угрюмо.

— Не такая же, короткая, сказывали, будетъ... И разговѣться тоже нечѣмъ...

— А какъ совсѣмъ пойдешь Христа ради?

И всѣ съ тоской поглядѣли на вокзальныя постройки, гдѣ свѣтились окна, гдѣ въ каждой семьѣ шли приготовленія къ празднику.

— Дни-то, дни-то какіе!—со вздохомъ, слабымъ задушевнымъ голосомъ сказалъ старикъ.—А мы, какъ татаре какіе, и въ церкви ни разу не были!

— Ты бы теперь ужъ на клиросѣ читалъ, дѣдушка...

Но старикъ не слыхалъ этихъ мягко и грустно сказанныхъ словъ. Онъ сидѣлъ и бормоталъ въ раздумьѣ:

„Предходятъ сему лицы ангельстіи со всякимъ началомъ и властью... лице закрывающе и вопіюще пѣснь аллилуія...“

И, помолчавъ, прибавилъ увѣреннѣе, глядя въ одну точку передъ собою:

„Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ...“

Всѣ упорно молчали.

Всѣ думали объ одномъ, всѣхъ соединяла одна грусть, одни воспоминанія. Вотъ наступаетъ вечеръ, наступаетъ сдержанная суматоха послѣднихъ приготовленій къ церкви. На дворахъ запрягаютъ лошадей, ходятъ мужики въ новыхъ сапогахъ и еще распоясанныхъ рубахахъ, съ мокрыми расчесанными волосами; полунаряженныя дѣвки и бабы то и дѣло

перебѣгаютъ отъ избъ къ пунькамъ, въ избахъ завязываютъ въ платки куличи и пасхи... Потомъ деревня остается пустою и тихою... Надъ темной чертой горизонта, на фонѣ заката, видны силуэты идущихъ и ѣдущихъ на село... На селѣ, около церкви, поскрипываютъ въ темнотѣ подъѣзжающія телѣги; церковь освѣщается... Въ церкви уже идетъ чтеніе, уже тѣснота и легкая толкотня, пахнетъ восковыми свѣчами, новыми полушубками и свѣжими ситцами... А на паперти и на могилахъ, съ другой стороны церкви, темнѣютъ кучки народа, слышатся голоса...

Вдругъ гдѣ-то далеко ударили въ колоколъ. Мужики запевелились, разомъ поднялись и, крестясь, съ обнаженными головами, до земли поклонились на востокъ.

— Ѳедоръ! Вставай!—взволнованно пробормоталъ старикъ.

Мальчикъ вскочилъ и закрестился быстро и нервно. Засуетились и прочіе, торопливо накидывая на плечи котомки.

Въ окнахъ вокзала уже трепетали огни восковыхъ свѣчей. Золотыя иконы сливались съ золотымъ ихъ блескомъ. Зала третьяго класса наполнялась служащими, рабочими. Мужики стали на платформѣ, у дверей, не смѣя войти въ нихъ.

Поспѣшно прошелъ молодой священникъ съ причтомъ и сталъ облачаться въ свѣтлыя ризы, шуршащія глазетомъ; онъ что-то говорилъ и зорко вглядывался въ полусумракъ наполнявшейся народомъ залы. Зажигаемыя свѣчи осторожно потрескивали, вѣтерокъ колебалъ ихъ огни. А издалека, подъ темнымъ ночнымъ небомъ, лился густой звонъ.

„Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небеси...“—торопясь, началъ священникъ звонкимъ теноромъ.

И какъ только онъ сказалъ это, вся толпа заволновалась, задвигалась, крестясь и кланяясь, и сразу стало свѣтлѣе въ залѣ, на всѣхъ лицахъ засіялъ теплый отблескъ восковыхъ свѣчей, загорѣвшихся во всѣхъ рукахъ.

Одни мужики стояли въ темнотѣ. Они опустились на колѣни и торопливо крестились, то надолго припадая лбами къ порогу, то жадно и скорбно смотря въ глубину освѣщенной залы, на огни и иконы, подняв свои худыя лица съ пепельными губами, свои голодные глаза...

— Воскресни, Боже, суди земли!

1893 г.

НА КРАЙ СВѢТА.

I.

То, что̀ такъ долго всѣхъ волновало и тревожило, наконецъ разрѣшилось: Великій Перевозъ сразу опустѣлъ наполовину. Много бѣлыхъ и голубыхъ хатъ осиротѣло въ этотъ лѣтній вечеръ. Много народу навѣкъ покинуло родимое село—его зеленые переулки между садами, пыльный базарный выгонъ, гдѣ такъ весело въ солнечное воскресное утро, когда кругомъ стоитъ говоръ, гудитъ бранью и спорами корчма, выкрикиваютъ торговки, поютъ нищіе, пиликаетъ скрипка, меланхолично жужжитъ лира, а важные волы, прикрывая отъ солнца глаза, сонно жуютъ сѣно подъ эти нестройные звуки; покинуло разноцвѣтные огороды и густыя верболозы съ матово-блѣдной длинной листвой надъ криницею, при спускѣ къ затону рѣки, гдѣ въ тихіе вечера въ водѣ что-то стонетъ, глухо и однотонно, словно дуетъ въ пустую бочку; навсегда покинуло родину для далекихъ уссурійскихъ земель и ушло „на край свѣта“...

Когда на село, расположенное въ долинѣ, легла широкая прохладная тѣнь отъ горы, закрывающей западъ, а въ долинѣ, къ горизонту, все зарумянилось отблескомъ заката, зардѣлись рощи, вспыхнули алымъ глянцемъ изгибы рѣки, и за рѣкой какъ золото засверкали равнины песковъ, народъ, нестрѣющій яркими, праздничными нарядами, собрался на зеленую леваду, къ бѣлой старинной церковкѣ, гдѣ молились еще казаки и чумаки передъ своими далекими походами.

Тамъ, подъ открытымъ небомъ, между нагруженныхъ телѣгъ, начался молебенъ, и въ толпѣ воцарилась мертвая тишина. Голосъ священника звучалъ внятно и раздѣльно, и каждое слово молитвы проникало до глубины каждаго сердца...

Много слезъ упало на этомъ мѣстѣ и въ былые дни.

Стояли здѣсь когда-то снаряженные въ далекій путь „лыцари“. Они тоже прощались, какъ передъ кончиной, и съ дѣтьми и съ женами, и не въ одномъ сердцѣ заранѣе звучала тогда величаво-грустная „дума“ о томъ, „якъ на Черному морю, на білому камені сидить ясенъ сокілъ-білозірецъ, жалібненько квилить-проквиляе...“ Многихъ изъ нихъ ожидали „кайданы турецькіі, каторга бусурманьская“, и „сиви туманы“ въ дорогѣ, и одинокая смерть подъ степнымъ курганомъ, и стаи орловъ сизокрылыхъ, что̀ будутъ „на чорніи кудри наступати, зъ лоба очи козацькіі видирати...“ Но тогда надо всѣмъ витала гордая казацкая воля. А теперь стоитъ сѣрая толпа, которую навсегда выгоняетъ на край свѣта не прихоть казацкая, а нищета, эти желтые пески, что̀ сверкаютъ за рѣкою. И какъ на великой панихидѣ, заказанной по самомъ себѣ, тихо стоялъ народъ на молебнѣ съ поникшими, обнаженными головами. Только ласточки звонко щебетали надъ ними, проносясь и утопая въ вечернемъ воздухѣ, въ голубомъ глубокомъ небѣ...

А потомъ поднялись вопли. И среди гортаннаго говора, плача и криковъ двинулся обозъ по дорогѣ въ гору. Въ послѣдній разъ показался Великій Перевозъ въ родной долинѣ—и скрылся... И самъ обозъ скрылся наконецъ за хлѣбами, въ поляхъ, въ блескѣ низкаго вечерняго солнца...

II.

Провожавшіе возвращались домой.

Народъ толпами валилъ подъ гору, къ хатамъ. Были и такіе, что̀ только вздохнули и пошли домой торопливо и безпечно. Но такихъ было мало.

Молча, покорно согнувшись, шли старики и старухи; хмурились суровые хозяйственные мужики; плакали дѣти, которыхъ тащили за маленькія ручки отцы и матери; громко кричали молодыя бабы и дивчата.

Вотъ двѣ спускаются подъ гору, по каменистой дорогѣ. Одна, крѣпкая, невысокая, хмуритъ брови и разсѣянно смотритъ своими черными серьезными глазами куда-то въ даль, по долинѣ. Другая, высокая, худенькая, плачетъ... Объ наряжены по-праздничному, но какъ горько плачетъ одна, прижимая къ глазамъ рукава сорочки! Спотыкаются сафьяновые сапоги, на которые такъ красиво падаетъ изъ-подъ плахты бѣлоснѣжный подолъ...

— Зинька, слухай же! — говоритъ ей подруга быстрымъ умоляющимъ шопотомъ:—хай ему чортъ, чого ты плачешь?

Она никого не провожала—ни родныхъ ни близкихъ; но

и она крѣпко сдвигаетъ черныя брови, чтобы не расплакаться.

— Та слухай! — повторяетъ она.

— Отчепись!—почти вскрикиваетъ Зинька злобно. Но плечи ея вздрагиваютъ, и сквозь слезы она прибавляетъ совсѣмъ по-дѣтски:

— Охъ, хиба жъ я чаяла!

Звонко, съ неудержимой радостью пѣла она до глубокой почи, бѣгая на рѣку съ ведрами, когда отецъ Юхыма твердо сказалъ, что не пойдетъ на новыя мѣста! А потомъ...

— Прокинулись сю нічь,—говорилъ Юхымъ растерянно,—прокинулись воны, Зинька, та й кажуть: „Идемо на переселеніе!“—„Якъ же такъ, тату, вы жъ казали...“—„Ні, кажуть, я сонъ бачивъ...“

А вотъ на горѣ, около мельницъ, стоитъ въ толпѣ стариковъ старый Василь Шкуть. Онъ высокъ, широкоплечъ и сутулъ. Отъ всей фигуры его еще вѣетъ степной мощью, но какое у него скорбное лицо! Ему вотъ-вотъ собираться въ могилу, а онъ уже никогда больше не услышитъ родного слова и помретъ въ чужой хатѣ, и некому будетъ ему глаза закрыть. Передъ смертью оторвали его отъ семьи, отъ дѣтей и внучатъ. Онъ бы дошелъ, онъ еще крѣпокъ, но гдѣ же взять эти семьдесятъ рублей, которыхъ не хватило для разрѣшенія итти на новыя земли?

Старики, разсѣянно переговариваясь, каждый со своей думой, стоятъ на горѣ. Они все глядятъ въ ту сторону, куда отбыли земляки.

Ужъ давно не стало видно и послѣдней телѣги. Опустѣла степь. Весело и кротко распѣваютъ, сыплютъ трели жаворонки. Мирно и спокойно догораетъ ясный день. Привольно зеленѣютъ кругомъ хлѣба и травы, далеко-далеко темнѣютъ курганы; а за курганами необъятнымъ полукругомъ простерся горизонтъ, между землей и небомъ охватываетъ степь полоса голубоватой воздушной бездны, какъ полоса далекаго моря.

— Що воно таке, сей Уссурійскій край?—думаютъ старики, прикрывая глаза отъ солнца, и напрягаютъ воображеніе представить себѣ эту сказочную страну на концѣ свѣта и то громадное пространство, что̀ залегаетъ между ней и Великимъ Перевозомъ, мысленно увидать, какъ тянется длинный обозъ, нагруженный добромъ, бабами и дѣтьми, медленно скрипятъ колеса, бѣгутъ собаки и шагаютъ за обозомъ по мягкой пыльной дорогѣ, пригрѣтой догорающимъ солнцемъ, „дядьки“ въ широкихъ шароварахъ.

Небось, и они все глядятъ въ эту загадочную голубоватую даль:

— Що воно таке, сей Уссурійскій край?

А старый Шкуть, опершись на палку, надвинувъ на лобъ шапку, представляетъ себѣ возъ сына и съ покорной улыбкой бормочетъ:

— Я ему, бачите, і пилу і фуганокъ давъ... і якъ хату строить вінъ теперь знае... Не пропаде!

— Богато людей загинуло!—говорятъ, не слушая его, другіе.—Богато, богато!

III.

Темнѣетъ—и странная тишина царитъ въ селѣ.

Теплыя южныя сумерки неясной дымкой смягчаютъ вечернюю синеву глубокой долины, затушевываютъ эту огромную картину широкой низменности съ темными кущами прибрежныхъ рощъ, съ тускло блестящими изгибами рѣчки, съ одинокими тополями, что̀ чернѣютъ надъ долиной. Старинный Великій Перевозъ сѣрѣетъ своими скученными хатами въ котловинѣ у подошвы каменистой горы. Смутно, какъ полосы спѣлыхъ ржей, желтѣютъ за рѣкой пески. За песками опять, уже совсѣмъ неясно, темнѣютъ лѣса. И даль становится дымчато-лиловой и сливается съ сумеречными небесами.

Все какъ всегда бывало въ этой мирной долинѣ въ лѣтнія сумерки... Но нѣтъ, не все! Много стоитъ хатъ темныхъ, забитыхъ и нѣмыхъ...

Уже почти всѣ разбрелись по домамъ. Пустѣетъ дорога. Медленно бредетъ по ней нѣсколько человѣкъ, провожавшихъ переселенцевъ до ближняго перекрестка.

Они чувствуютъ ту внезапную пустоту въ сердцѣ и непонятную тишину вокругъ себя, которая всегда охватываетъ человѣка послѣ тревоги проводовъ, при возвращеніи въ опустѣвшій домъ. Спускаясь подъ гору, они глядятъ на село другими глазами, чѣмъ прежде,—точно послѣ долгой отлучки...

Вотъ растилается пахучій дымокъ надъ чьей-то хатой... покойно и будничнo...

Вотъ красной звѣздочкой, среди темныхъ садовъ, среди скученныхъ дворовъ, загорѣлся огонекъ...

Глядя на огоньки и въ долину, медленно расходятся старики, и на горѣ, близъ дороги, остаются одни темные вѣтряки съ неподвижно распростертыми крыльями.

Молча идетъ подъ гору, улыбаясь своей странной улыбкой старческаго горя, Василь Шкуть. Медленно отложилъ онъ калитку, медленно пропелъ черезъ дворикъ и скрылся въ хатѣ.

Хата родная. Но Шкуть въ ней больше не хозяинъ. Ее купили чужіе люди и позволили ему только „дожить“ въ ней. Это надо сдѣлать поскорѣе...

Въ тепломъ и душномъ мракѣ хаты выжидательно трюкаетъ сверчокъ изъ-за печки... словно прислушивается... Сонныя мухи гудятъ по потолку... Старикъ, согнувшись, сидитъ въ темнотѣ и безмолвіи.

Что-то онъ думаетъ? Можетъ-быть, про то, какъ гдѣ-то тамъ, по смутно бѣлѣющей дорогѣ, тихо поскрипываетъ обозъ?—Э, да что про то и думать!

На блѣдно-свинцовомъ фонѣ маленькаго окошечка, выходящаго въ садъ, чернѣютъ силуэты покосившихся намогильныхъ крестовъ. Въ саду, возлѣ хаты, давнымъ-давно почиваютъ вѣчнымъ сномъ почти всѣ его родные... Онъ остался съ ними. Надо поскорѣе къ нимъ, въ ихъ „домовину“, въ дубовую „труну“. Пора на покой, на отдыхъ...

Звонкій дѣвическій голосъ замираетъ за рѣкою:

Ой, зійди, зійди,
Ясенъ місяцю!

Глубокое молчаніе. Южное ночное небо въ крупныхъ жемчужныхъ звѣздахъ. Темный силуэтъ неподвижнаго тополя рисуется на фонѣ ночного неба. Подъ нимъ чернѣетъ крыша, бѣлѣютъ стѣны хаты. Звѣзды сіяютъ сквозь листья и вѣтви...

IV.

А они еще недалеко.

Они ночуютъ въ степи, подъ роднымъ небомъ, но имъ уже кажется, что они за тысячу верстъ ото всего привычнаго, родного.

Какъ цыганскій таборъ, расположились они у дороги. Распрягли лошадей, сварили ужинъ; то вели безпокойные разговоры, то угрюмо молчали и сторонились другъ друга...

Наконецъ все стихло.

Въ звѣздномъ свѣтѣ темнѣли безпорядочно скученные возы, виднѣлись фигуры лежащихъ людей и наклоненныхъ къ травѣ лошадей. Сторожевые, съ кнутами въ рукахъ, сонно ёжились возлѣ телѣгъ, зѣвали и съ тоской глядѣли въ темную степь...

Но съ какой радостью встрепенулись они, когда услыхали скрипъ проѣзжей телѣги! Землякъ! Они окружили его, улыбались и жали ему руку, словно не видались много-много лѣтъ.

Разбуженные говоромъ, подымались съ земли и другіе и, застѣнчиво скрывая свою радость, тоже толпились у телѣги

проѣзжаго, закуривали трубки и были готовы говорить хоть до самаго свѣта...

Потомъ опять все затихло.

Взволнованные встрѣчей, засыпали они, закрывая головы свитками, и все думали объ одномъ,—о далекой неизвѣстной странѣ на краю свѣта, о дорогахъ и большихъ рѣкахъ въ пути, о родномъ покинутомъ селѣ...

Холоднѣло. Все спало крѣпкимъ сномъ—и люди, и дороги, и межи, и росистые хлѣба.

Съ отдаленнаго хутора чуть слышно донесся крикъ пѣтуха. Серпъ мѣсяца, мутно-красный и поникшій на сторону, показался на краю неба. Онъ почти не свѣтилъ. Только небо около него приняло зеленоватый оттѣнокъ, почернѣла степь отъ горизонта, да на горизонтѣ выступило что-то темное. Это были курганы. И только звѣзды и курганы слушали мертвую тишину на степи и дыханіе людей, позабывшихъ во снѣ свое горе и далекія дороги.

Но что̀ имъ, этимъ вѣковымъ молчаливымъ курганамъ, до горя или радости какихъ-то существъ, которыя проживутъ мгновеніе и уступятъ мѣсто другимъ такимъ же — снова волноваться и радоваться и также безслѣдно исчезнуть съ лица земли? Много ночевавшихъ въ степи обозовъ и становъ, много людей, много горя и радости видѣли эти курганы.

Однѣ звѣзды, можетъ-быть, знаютъ, какъ свято человѣческое горе!

1894 г.

УЧИТЕЛЬ.

I.

Наканунѣ сочельника учитель земской школы въ Можаровкѣ, Николай Нилычъ Турбинъ, занимался очень неохотно. Классъ былъ наполовину пустъ. Турбинъ съ усиліемъ дотягивалъ занятія до половины второго. За послѣднее время во многихъ непріятностяхъ и въ утомительной работѣ онъ подкрѣплялъ себя напряженнымъ ожиданіемъ праздника и надеждой съѣздить домой. Но ѣхать оказалось не на что. Турбинъ давно уже понялъ, что никуда не поѣдетъ, но сказать себѣ это опредѣленно все оттягивалъ. Теперь больше всего хотѣлось остаться одному. „Обсудимъ, обсудимъ!“ — думалъ онъ безпокойно, прикрывая глаза, и ребята думали, что онъ или сердитъ, или нездоровъ. И правда, къ концу занятій у него начало ломить въ лѣвой сторонѣ головы.

Когда же школа опустѣла, Турбинъ со злобой прихлопнулъ дверь въ передней и быстро пошелъ въ свою комнату.

— Пусть будетъ такъ! — сказалъ онъ и, хмурясь, скинулъ съ себя пиджакъ. Повѣсивъ его подъ простыню на стѣну, онъ накинулъ на себя длинный тулупъ, крытый казинетомъ, и легъ на кровать. „Ночной зефиръ струитъ эѳиръ...“—напѣвалъ онъ мысленно. Въ головѣ стояло одно и то же: „Пусть будетъ такъ! — чортъ его побери, не ѣхать, такъ не ѣхать... эка важность!“ Тащиться къ дьячку обѣдать не хотѣлось. Лѣвая сторона головы продолжала болѣть. Онъ обмялъ плечомъ подушку поудобнѣе и старался не шевелиться.

Сквозь дремоту онъ слышалъ, какъ приходилъ сторожъ Павелъ, обивалъ отъ снѣга лапти, крякалъ съ мороза, сморкался и гремѣлъ ведрами; видѣлъ сквозь полузакрытыя вѣки, что въ комнатѣ разливается отсвѣтъ заката, и чувствовалъ, что отъ холода стынутъ ноги и кончикъ носа...

II.

Турбину шелъ двадцать четвертый годъ. Былъ онъ бѣлокуръ, очень высокъ ростомъ, худъ и отъ застѣнчивости очень неловокъ. Былъ онъ сынъ сельскаго дьякона, учился въ семинаріи, но курса не кончилъ: по бѣдности пришлось вернуться домой; дома онъ все выписывалъ программы, думая приготовиться то въ юнкерскую, то въ межевую школу. Кончилъ, однако, экзаменомъ на сельскаго учителя и радъ былъ этому. Жить дома было тяжело. Матери онъ не помнилъ, а дьяконъ отличался болѣзненно-угрюмымъ характеромъ; лицо у него было какъ на старинныхъ иконахъ у схимниковъ,—темное, деревянное, фигура сухая, сутулая; говорилъ онъ глухимъ басомъ и все кашлялъ, заправляя за ухо длинныя косицы сѣдыхъ волосъ. Даже тонъ его былъ всегда одинъ—такой, словно онъ старался вразумить, растолковать, образумить.

Однако, проживши годъ одиноко, Турбинъ сталъ вспоминать объ отцѣ съ тоской и нѣжностью, дни и ночи мечталъ о поѣздкѣ домой. Онъ все обманывалъ себя надеждами на будущее: вотъ, молъ, дай только это время пережить, а тамъ... все пойдетъ прекрасно. Лѣто онъ пробылъ на кондиціи — изъ-за одного содержанія — у богатаго лѣсорубщика, и думалъ отправиться домой въ августѣ, хотя недѣльки на двѣ. Но нужно было справить къ зимѣ тулупъ. Осенью онъ надѣялся на Святки. Со всѣми подробностями представлялъ онъ себѣ, какъ пріѣдетъ домой... долго будетъ сидѣть съ отцомъ въ первый вечеръ за самоваромъ, въ знакомой чистой и теплой хатѣ, задушевно будетъ говорить съ нимъ до поздней ночи... А потомъ поѣдетъ въ большое торговое село къ двоюродной сестрѣ; у сестры будутъ каждый вечеръ гости, барышни и молодые люди съ фабрики. „Надо будетъ захватить съ собою гитару“,—думалъ Турбинъ.

Чтобы скопить денегъ, онъ отъ священника перешелъ обѣдать и ужинать къ дьячку. Но въ ноябрѣ отецъ написалъ ему, что онъ долженъ ѣхать въ губернскій городъ лѣчиться, и просилъ денегъ. Чтобы предупредить отказъ, письмо было строго и властно. Внизу же была приписка: „А послѣднее мое слово: имѣй Бога и сознаніе, пожалѣй мою старость“. И учитель отослалъ все свое сбереженіе. Осталась надежда заработать корреспонденціями. Онъ сталъ почти ежедневно посылать въ губернскій городъ статейки подъ заглавіемъ: „Родные отголоски“ и за подписью: „Аріель“. Но изъ нихъ взяли только пару замѣтокъ — о дождяхъ и о несчастномъ случаѣ на винокуренномъ заводѣ.

III.

Школа стояла одиночкой, на горѣ. Слѣва были церковь и кладбище, походившее на запущенный садъ, справа — косогоръ. Дорога шла изъ полей мимо училища влѣво подъ гору. Подъ горой, ниже кладбища, жили духовные; противъ нихъ, черезъ дорогу, стояли лавка и кабакъ Грибакина. На той сторонѣ, за рѣчкой, была усадьба Линтварева съ бѣлыми хоромами и скучно-синѣющими рядами елей передъ ними. Винокуренный заводъ вѣчно дымился въ сторонѣ отъ нея, надъ рѣчкой. Подлѣ него находились неуклюжія заводскія строенія — очистныя, подвальныя — и домики на манеръ желѣзнодорожныхъ — для служащихъ.

Съ завода приходили къ Грибакину гости—старый барскій поваръ, всѣми уважаемый за его поѣздку въ Іерусалимъ, о которой онъ постоянно со смиреніемъ и важностью разсказывалъ, и за его близкое знакомство съ интимной жизнью господъ, конторщики, подвальные, дистилляторъ, мѣдникъ. Это былъ народъ лавочнику нужный; по вечерамъ они забавлялись у него стуколкой. Турбинъ избѣгалъ попадать на такіе вечера: его усаживали за карты, а онъ не любилъ проигрываться. Да и Грибакинъ обходился съ нимъ учтиво, но холодно. Весной онъ замѣтилъ, что у его жены, нахально-красивой молодой женщины, стали завязываться съ учителемъ какіе-то особенные разговоры, замѣтилъ и не подалъ вида, выжидая, что̀ дальше будетъ: такой онъ былъ благообразный и вѣжливый старичокъ въ опрятной сѣрой поддевочкѣ. И правда, учитель нравился лавочницѣ. При видѣ ея молодого лица съ раздувающимися ноздрями и смѣющимися глазами подъ завитой чолкой охватывало и его волненіе. Онъ старался отдѣлываться шуточками. Она сперва покрикивала на него— „это еще что̀ за новости?“, — а потомъ начала звать гулять на кладбище и все чаще напѣвать сдержанно-страстно, прикрывая, какъ бы въ изнеможеніи, глаза:

Вотъ скоро, скоро я уѣду,
Забудь мой ростъ, мои черты!

Тогда Турбинъ сталъ пропадать по вечерамъ въ полѣ. „Пойдутъ сплетни,—думалъ онъ,—различныя непріятности... немыслимо!“ И лавочница стала говорить ему при встрѣчахъ дерзости.

— Ага,—думалъ Грибакинъ,—перековала язычокъ!

Въ гостяхъ на заводской сторонѣ учитель бывалъ у дистиллятора Таубкина. Таубкинъ, молодой еврей, рыжій и зо-

лотушный, въ золотыхъ очкахъ для близорукихъ, былъ человѣкъ очень радушный, и у него собиралась большая компанія. Но между нею и учителемъ отношенія тоже какъ-то не завязывались. Учитель дичился, а заводскіе всѣ были другъ съ другомъ за панибрата, — всѣ жили дружно, одними интересами, часто бывали другъ у друга, пили портвейнъ и закусывали сардинами, танцовали подъ аристонъ, а послѣ играли въ „шестьдесятъ шесть“. Старшіе рабочіе на заводѣ и въ очистной, здоровые мужики въ фартукахъ, отличались во всемъ грубой рѣшительностью и собственнымъ достоинствомъ. Учитель нѣкоторыхъ изъ нихъ побаивался даже,—напримѣръ, посыльнаго на почту: говорилъ ему „вы“, давалъ на водку, но посыльный все-таки поражалъ его своимъ презрительнымъ спокойствіемъ.

IV.

Осень началась солнечными днями.

По воскресеньямъ Турбинъ съ утра уходилъ въ поле, туда, гдѣ видны были на горизонтѣ станція и одинъ за другимъ уходящіе въ даль телеграфные столбы. Его тянуло туда, потому что въ ту сторону поѣздъ долженъ былъ унести его на родину.

Съ утра было свѣтло и тихо. Низкое солнце блестѣло ослѣпительно. Бѣлый, холодный туманъ затоплялъ рѣку. Бѣлый дымъ таялъ въ солнечныхъ лучахъ надъ крышами избъ и уходилъ въ бирюзовое небо. Въ барскомъ паркѣ, прохваченномъ ночною сыростью, на низахъ стояли холодныя синія тѣни и пахло прѣлымъ листомъ и яблоками; на полянахъ, въ солнечномъ блескѣ, сверкали паутины и неподвижно рдѣли свѣтло-золотые клены. Рѣзкій крикъ дроздовъ иногда нарушалъ тишину. Листья, пригрѣтые солнцемъ, слабо колеблясь, падали на темныя, сырыя дорожки. Садъ пустѣлъ и дичалъ; далеко виденъ былъ въ немъ полураскрытый, покинутый шалашъ садовника.

Не спѣша, учитель всходилъ на гору. Село лежало въ широкой котловинѣ. Ровно тянулся въ высь дымъ заводa; въ ясномъ небѣ кружили и сверкали бѣлые голуби. На деревнѣ всюду рѣзко желтѣла новая солома, слышался говоръ, съ громомъ неслись черезъ мостъ порожнія телѣги... А въ открытомъ полѣ — подъ солнцемъ, къ югу — все блестѣло; къ сѣверу горизонтъ былъ теменъ и тяжелъ и рѣзко отдѣлялся грифельнымъ цвѣтомъ отъ желтой скатерти жнивья. Издалека можно было различить фигуры женщинъ, работающихъ на картофельныхъ полосахъ, медленно ѣдущаго по полю

мужика. Золотистыми кострами пылали въ лощинахъ лѣсочки. Кирпично краснѣли крыши помѣщичьихъ хуторовъ. Учитель напряженно смотрѣлъ на нихъ. Имъ овладѣвало безпокойство одиночества, тянуло въ эту неизвѣстную ему среду, въ новую обстановку, гдѣ жизнь, какъ ему казалось, проходитъ свободно, легко, весело. И за думами о помѣщичьей жизни онъ совсѣмъ не видалъ простора, красоты, которая была вокругъ.

На мѣстѣ срубленнаго лѣса бѣлѣла щепа, среди обрубленныхъ сучьевъ и поблекшихъ листьевъ возвышались три длинныя, тонкія березки съ уцѣлѣвшими макушками. Ихъ очертанія такъ хорошо гармонировали съ открытыми далями. А Турбинъ, при видѣ этихъ березокъ, всегда вспоминалъ, что здѣсь онъ встрѣтилъ жену Линтварева. Съ Линтваревыми онъ познакомился и встрѣчался нѣсколько разъ на станціи. Они держали себя съ нимъ просто и даже ласково. Про Линтварева было слышно, что онъ окончилъ курсъ въ университетѣ, увлеченъ земскими дѣлами, профессіональнымъ образованіемъ. Все это, съ придачей богатства и знатности, внушило Турбину большое уваженіе къ Линтваревымъ. При встрѣчѣ съ нимъ жена Линтварева такъ ласково улыбнулась ему и показалась такъ изящна и аристократична, что учитель покраснѣлъ отъ радости и тутъ же рѣшилъ непремѣнно побывать у нихъ въ гостяхъ, завязать прочное знакомство. Онъ долго глядѣлъ вслѣдъ ея англійскому шарабану. Онъ не видѣлъ, куда идетъ, мечтая о томъ, какъ онъ будетъ сидѣть у Линтварева на балконѣ, вести интересный, живой разговоръ, пить прекрасный чай и курить дорогую сигару...

V.

Въ концѣ сентября, въ октябрѣ дожди лили съ утра до ночи. Линтваревы уѣхали. Садъ ихъ почернѣлъ, сталъ какъ будто ниже и меньше. Деревня приняла темный, жалкій видъ. Холодный вѣтеръ затягивалъ окрестности туманной сѣткой дождя. Въ училищѣ запахло кислой печной сыростью, стало холодно, темно и неуютно.

Турбинъ вставалъ еще при огнѣ, въ ту непріязненную пору, когда, послѣ мрачной дождливой ночи, надъ грязными полями, надъ колеями дорогъ, полными водою, недовольно начиналъ дымиться блѣдный разсвѣтъ. Будилъ стукъ дверей. Ребята натаскивали на лаптяхъ въ переднюю грязи, возились, топали и кричали. Въ двери несло ледяной сыростью. Съ дрожью подходилъ учитель къ умывальнику. Потомъ спѣшно пилъ горячій жидкій чай въ при

куску и тушилъ лампочку. Послѣ ея желтаго свѣта въ комнатѣ синѣлъ холодный утренній сумракъ. Въ этомъ сумракѣ учитель входилъ въ классъ и, завернувшись въ тулупъ, натягивая его на холодѣющія колѣни, садился за свой столъ. Начиналась упорная работа. Сперва онъ горячился, напрягалъ всѣ усилія говорить понятнѣе и сдержаннѣе, потомъ только смотрѣлъ, какъ сѣчетъ въ окна косой дождь и тянутся обозы къ заводу; мужики шлепали по грязи, накрывшись рогожами; отъ потныхъ, потемнѣвшихъ лошадей валилъ паръ. И все представлялъ учитель самого себя ѣдущимъ на вокзалъ въ телѣгѣ: телѣга медленно качается, хлюпаетъ по дорогѣ, и заливается-стонетъ вѣтеръ, гнетъ въ полѣ одинокую голую березку...

Оживлялся онъ при говорѣ и толкотнѣ уходившихъ учениковъ.

— Здòрово льетъ?—спрашивалъ онъ Павла, засовывая ноги въ старыя большія калоши.

— Кажись, перестаетъ, — каждый день отвѣчалъ на это Павелъ.

— По морю, яко по суху, — каждый день говорилъ лавочникъ, стоя подъ навѣсомъ кабака, и снисходительно смѣялся.

Турбинъ, всегда въ этотъ моментъ перебиравшійся отъ лавки на другую, менѣе грязную сторону дороги, махалъ съ отвѣтнымъ смѣхомъ рукой и вдругъ дѣлалъ со всѣхъ своихъ длинныхъ ногъ гигантскій, отчаянный шагъ. Шлепнувъ калошей въ лужу и видя, что надъ этимъ прыжкомъ покатывается со смѣху сидящая за шитьемъ подъ окномъ лавочница, онъ, съ кривой улыбкой, неловко пробирался подъ плетнемъ дальше.

— Писемъ, Иванъ Филимоновичъ, нѣту? — кричалъ онъ издалека лавочнику.—Вы, говорятъ, на станціи были?

— Пишутъ-съ!

— То-то несуразный-то!—говорила лавочница, какъ бы съ сожалѣніемъ, качая головою и откусывая нитку.

Дьячокъ Скрябинъ былъ самый убогій человѣкъ въ селѣ. Унылый, поблекшій носъ, жидкая коса, слезящіеся глаза, — все въ немъ напоминало старуху. Тяжело было глядѣть, какъ онъ весной, въ полую воду, или осенью, подъ дождемъ, брелъ по выгону въ огромныхъ растрепанныхъ валенкахъ, внутри которыхъ была солома. На клиросѣ онъ читалъ и подпѣвалъ разбитымъ голосомъ такъ, словно онъ былъ выпивши или бредилъ. Въ избѣ у него, какъ и у большинства духовныхъ, было довольно чисто и уютно, но толклось семь человѣкъ дѣ-

тей. Никто не обращалъ на нихъ вниманія. И самъ Скрябинъ и жена его только и думали съ утра до ночи, что объ ѣдѣ. Скрябинъ ѣлъ походя: то лазилъ въ печку за картофелемъ, то пекъ яйца, то наливалъ черезъ полчаса послѣ обѣда чашку похлебки, то жевалъ хлѣбъ. Раза три или четыре въ день онъ возился съ самоваромъ, собиралъ щепки, раздувалъ его то губами, то старымъ голенищемъ. У жены Скрябина было привѣтливое, открытое и покорное лицо. Когда въ октябрѣ она умерла передъ концомъ беременности, Турбинъ долго не могъ безъ содроганія видѣть ея хибарки.

Чаще всего послѣ обѣда онъ бывалъ въ гостяхъ у священника, о. Ѳедора Рокотова. Священникъ выходилъ заспанный, съ свѣтлыми, слезящимися глазами и красными полосами на вискѣ отъ рубцовъ подушки. Онъ улыбался и говорилъ съ благодушнымъ снисхожденіемъ къ своей слабости:

— А я прилегъ на минуту да и задремалъ, какъ сурокъ...

Вечеромъ затѣвалась игра въ преферансъ на орѣхи. Иногда Турбинъ игралъ съ поповной на двухъ гитарахъ „Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла“, „Раздумье Вольтера“ или на мотивъ малороссійскаго казачка „Прибѣжали въ избу дѣти“... Томной меланхоліей звучали струны гитаръ. Священникъ острилъ насчетъ худобы и роста Турбина. И Турбинъ всегда при этомъ смѣялся, прикрывая, по своей манерѣ, ротъ рукою.

VI.

Деревня тонула въ сырыхъ сумеркахъ, зажигались на заводѣ огни и тянуло дымомъ самоваровъ, а онъ скользилъ по липкой грязи, мучился медленнымъ восхожденіемъ на гору. Темь, холодъ, запахъ угарной печки и одиночество встрѣчали его въ безмолвномъ училищѣ. Но первое время это не смущало его. Первый годъ въ школѣ прошелъ какъ-то удивительно быстро. Турбинъ мечталъ. Молодымъ скрытнымъ семинаромъ онъ мечталъ о многомъ— думалъ стать миссіонеромъ, городскимъ священникомъ. Представлялъ онъ себя въ губернскомъ городѣ, о. Николаемъ, въ шелковой лиловой рясѣ, на которую падаютъ выхоленные кудри, даже почему-то въ золотыхъ очкахъ, какъ протоіерей въ Вознесенскомъ соборѣ. Мечталъ о жизни съ достаткомъ, думалъ вести хорошее знакомство, быть человѣкомъ просвѣщеннымъ, слѣдящимъ за наукой, за политикой. Эти мечты погибли. Ѣдучи въ школу, онъ весь былъ переполненъ рвеніемъ поскорѣе начать работать, сразу сдѣлать свою школу образцовой, пописывать статейки по народному образованію, приняться за составленіе учебниковъ. День за днемъ тускнѣли

эти мечты. Въ Можаровкѣ близость завода наводила его на мысль попасть на службу по акцизу, да такъ, чтобы годиковъ черезъ пять получать тысячи три, а то и четыре,—бывали примѣры.

Но прежде всего необходимо заняться самообразованіемъ,—рѣшалъ онъ,—это прежде всего; завести знакомство, почувствовать себя человѣкомъ. Вотъ только пройдетъ эта осень! Съѣзжу домой, а вернусь—буду ходить къ Линтвареву, буду, Богъ дастъ, съ живыми, настоящими людьми общаться...

И, волнуясь, онъ расхаживалъ по своей комнатѣ. Потомъ бралъ выпрошенную еще въ семинаріи у товарища книжку журнала и принимался за статью: „Взглядъ на русское судоустройство и судопроизводство“. Но статья была невеселая. Осиливъ нѣсколько страницъ, Турбинъ опускалъ книгу, закрывалъ глаза и опять отдавался думамъ... Иногда, поздней ночью, растроганный нѣжностью къ отцу, Турбинъ писалъ къ нему длинныя письма; но на утро они казались ему витіеватыми и невыразительными и онъ не посылалъ ихъ...

Когда обнаружилось, что ѣхать не на что, вечера измѣнились. Онъ сталъ проводить ихъ въ безпокойной тоскѣ и безплодныхъ придумываніяхъ, какъ устроить эту поѣздку. Иногда онъ рѣшался даже на послѣднее средство — занять денегъ. Но тотчасъ же отказывался отъ него. „Немыслимо! Долги—погибель!“ Проклиная въ душѣ и себя, и темноту, и училище, онъ шагалъ къ дьячку ужинать. Возвратясь, тотчасъ же завертывался въ тулупъ и ложился въ постель. Вся тоска осеннихъ дней охватывала его тогда. Черная ночь глядѣла въ окна. На деревнѣ во мракѣ зіялъ огнями заводъ; огненными искрами роились его высокія трубы; когда тяжелымъ взмахомъ налеталъ вѣтеръ, чаще и гуще стрекалъ косой дождь въ стекла оконъ и еще жалобнѣе завывало въ печкѣ... А на разсвѣтѣ отдаленными-отдаленными, протяжными стонами доносилась перекличка пѣтуховъ; медленно-медленно пробуждалась послѣ долгой ночи жизнь. Дождь стихалъ; холоднѣло; вѣтеръ гналъ въ холодномъ небѣ бѣлесыя космы тучъ. Надъ деревней, надъ голыми полями занимался новый скучный день...

А потомъ пошли мятели, засыпая снѣгомъ избы, слѣпя окна. Побѣлѣвшая деревня еще болѣе опустѣла и затихла—даже собаки забивались въ сѣнцы.

Съ утра до ночи неслась надъ ней вьюга и стояли мутныя сумерки. Въ бѣлой пыли тонули и заводъ и церковь. Вѣтеръ по ночамъ жалобно перезванивалъ на колокольнѣ...

VII.

Часовъ около шести Пазелъ съ громомъ уронилъ на полъ вьюшку. Чтобы загладить свою неловкость, онъ закряхтѣлъ и чмокнулъ губами:

— Ну и студено же на дворѣ! Вызвѣздило—страсть!

— А ты плѣшивыхъ посчитай,—раздался изъ темноты спокойный голосъ учителя.

— Ай проснулись?

— Подремалъ,—отвѣчалъ учитель, зѣвая.

На душѣ у него было пусто. Онъ спустилъ длинныя ноги съ кровати и соображалъ, итти или нѣтъ къ дьячку. Ѣсть хотѣлось,—надо было итти.

На селѣ было темно и тихо. Морозило; на черномъ небѣ сверкали крупныя звѣзды. Лай собачонки съ того боку деревни звонко отдавался въ чистомъ воздухѣ. Свѣжесть зимней ночи ободрила Турбина.

— Отцу Алексѣю—почтеніе!—сказалъ онъ шутливо-громко и съ удареніемъ на „о“, нагибаясь и входя въ избушку дьячка.—Съ преддверіемъ!

Дьячокъ чинилъ хомутъ, сидя на лавкѣ около коптившей лампочки. Онъ медленно поднялъ голову и, приложивъ большой палецъ къ ноздрѣ, сильно дунулъ носомъ въ сторону. И опять посмотрѣлъ на Турбина сквозь висѣвшія на кончикѣ носа очки.

— Не на званомъ ли обѣдѣ были? — спросилъ онъ, слабо улыбаясь и утирая носъ полою.

— На званомъ, о. Алексѣй, на званомъ.

Старшая дочка дьячка, косенькая, миловидная и тихая дѣвочка лѣтъ шести, шлепая босыми ножками по полу, собрала на столъ. Турбинъ молча принялся хлебать щи.

— Попробую и я съ вами... — сказалъ дьячокъ, откладывая хомутъ въ сторону, подошелъ къ лейкѣ надъ лоханью, плеснулъ водой на руки и взялся за ложку.

Косенькая дѣвочка молча стояла у печки. Дьячокъ посмотрѣлъ на нее, опустилъ голову и сказалъ:

— Еже во плоти Рождество Господа нашего Іисуса Христа... Да... воспоминаніе избавленія церкви и державы... А тамъ и отданіе праздника, и Новый годъ... Что-то я забылъ, когда восходъ солнца? Заходъ знаю, а вотъ восходъ? Вы не помните?

Турбинъ захохоталъ, откинувшись къ стѣнѣ и закрывъ ротъ рукою.

— А на что онъ вамъ, о. Алексѣй?

Дѣвочка подошла къ столу и серьезно стала убирать ложки. Турбинъ смолкъ и поскорѣе выбрался на улицу.

— Эхе-хе-хе-хе! — говорилъ онъ, шагая въ гору и качая головой.

На полугорѣ онъ остановился и глубоко вздохнулъ свѣжимъ воздухомъ...

— Какой же собственно смыслъ въ тоскѣ?—подумалъ онъ.— Живутъ и хуже моего!

Къ удивленію его, въ училищѣ свѣтился огонь. Не отецъ ли пріѣхалъ? Или кто-нибудь изъ забытыхъ товарищей? Но тогда у крыльца были бы лошади... „Навѣрно, Слѣпушкинъ или Кондратъ Семенычъ“.

VIII.

Кондратъ Семенычъ былъ сынъ обѣднѣвшаго помѣщика, учился въ гимназіи, но дотянулъ только до 5-го класса. Этому, впрочемъ, помогло и то, что на охотѣ съ борзыми онъ сломалъ себѣ ногу. Отъ отца Кондрату Семенычу осталось только тридцать десятинъ земли, небольшой флигелекъ на выѣздѣ Можаровки, шитье съ дворянскаго мундира, портретъ Николая I, два бронзовые шандала и дорожный ларчикъ краснаго дерева, изъ затѣйливыхъ ящиковъ котораго пахло старинными кислыми духами. Кондратъ Семенычъ сдалъ исполу мужикамъ землю, нанялъ кучера, записного охотника и пьяницу Ваську, и уже не разлучался съ нимъ.

Кондратъ Семенычъ былъ широкоплечъ, небольшого роста, особенно тогда, когда осѣдалъ на лѣвый бокъ, на хромую ногу; черные волосы его кудрявились, а загорѣлое, кирпичнаго цвѣта лицо оживлялось маленькими веселыми глазками; нижняя челюсть выдавалась у него, но это придавало ему только добродушное выраженіе; концы черныхъ усиковъ на короткой верхней губѣ лихо завивались кверху.

Душа у Кондрата Семеныча была добрая, открытая. Пилъ онъ и въ кабакахъ, и въ гостяхъ, и на охотѣ, лгалъ, хвастался отчаянно и не скрывалъ этого:—„А я тебѣ, братъ, чертовски брехалъ вчера“,—сплетничалъ безъ всякой предвзятой цѣли—просто подъ вліяніемъ расположенія къ другу, а друзьями у него на селѣ были почти всѣ. Колтыхая по деревенской улицѣ, онъ такъ же дружески встрѣчался и съ помѣщикомъ, какъ и ставилъ ногу на втулку колеса къ мужику, насыпая изъ его кисета цыгарку махоркой. Носилъ, какъ всѣ мелкопомѣстные, длинные сапоги, шаровары, картузъ и поддевку, которая издавала какой-то особенный запахъ — запахъ по-

роха и лошади; какъ и они, любилъ хвастнуть своей рыженькой троечкой.

Турбинъ былъ у него раза два. Онъ надѣялся черезъ Кондрата Семеныча познакомиться со многими помѣщиками. Но тотъ только силился напоить его. Къ тому же и обстановка у него была не такая, какую думалъ встрѣтить Турбинъ: крыльцо передъ домомъ было разрушено; въ „лакейской“ полъ былъ какъ въ свиной закутѣ — такъ онъ былъ унавожепъ жившими здѣсь и зиму и лѣто турманами, которые при входѣ людей поднимались тучей, съ шумомъ и свистомъ крыльевъ, и совсѣмъ затемняли свѣтъ, проникавшій въ лакейскую сквозь радужныя отъ времени стекла. Въ углу залы былъ насыпанъ ворохъ овса; тутъ же на соломѣ повизгивали, ползали и тыкались слѣпыми мордами гончіе щенята; большая красивая сука, спавшая возлѣ нихъ, подняла голову съ лапъ и наполнила всю залу музыкальнымъ лаемъ. Голыя стѣны кабинета были темны отъ табаку и мухъ; надъ турецкимъ диваномъ висѣли нагайки, кинжалы и желтыя шкурки лисицъ. Подъ окномъ, на письменномъ столѣ, кучей была насыпана махорка, стояла коробка колесной мази, лежала шлея; изъ-подъ стола зеленѣла четверть водки. Турбинъ чувствовалъ себя непріятно. Не нравилось ему и то, что Кондратъ Семенычъ говорилъ ему „ты“ и называлъ его циркулемъ.

Слѣпушкинъ служилъ на заводѣ подкурщикомъ; лицо у него было толстое, обрюзглое и темное, какъ у заправскаго алкоголика, голосъ тяжелый, фигура медвѣдя, пиджакъ и штаны изъ верблюжьей шерсти. Пилъ Слѣпушкинъ водку, смѣшанную съ пивомъ: такой составъ назывался „ершомъ“, по трудности проглотить его сразу. Въ гостяхъ у Турбина онъ засиживался до трехъ часовъ ночи и часто просилъ писать къ лавочнику записки, чтобы тотъ прислалъ „дюжинку“.

— Не понимаю, — говорилъ онъ сонно, облокотясь на столъ и глядя на учителя свинцовыми глазами, — не понимаю этихъ нѣжностей: вѣдь мнѣ онъ не повѣритъ... а я, надѣюсь, въ состояніи заплатить вамъ этотъ несчастный цѣлковый.

— Само собой, — говорилъ Турбинъ, расхаживая по комнатѣ,—я не сомнѣваюсь, но право же...

— Само собой, само собой!—дразнилъ Слѣпушкинъ.

— Пусть будетъ такъ...—начиналъ Турбинъ,—но главная вещь...

Тогда Слѣпушкинъ подымался.

— А ужъ этого „пусть будетъ такъ“ я совсѣмъ не вы-

ношу!—говорилъ онъ съ искреннимъ презрѣніемъ.—Вѣроятно, мы теперь не скоро увидимся.

IX.

Съ неудовольствіемъ вспоминая все это, Турбинъ подопелъ къ училищу и заглянулъ въ окно.

Кондратъ Семенычъ лежалъ на кровати. Таубкинъ, выгнувъ сутулую спину и запустивъ руки въ карманы модныхъ узкихъ брюкъ, сверкалъ очками. Слѣпушкинъ сосредоточенно игралъ на гитарѣ, опустивъ голову и покачиваясь. Ему вторилъ на гармоникѣ одинъ изъ подвальныхъ, Митька Лызловъ, бѣлобрысый и безусый. Онъ игралъ и съ блаженной усмѣшкой тянулъ фальцетомъ:

А всѣмъ барышнямъ-модисткамъ
По поклончику по низкомъ!

Но кто-то былъ еще, какой-то благообразный господинъ съ лысиной во всю голову, съ длинными черными баками. Осторожно Турбинъ пробрался къ противоположному окну, и даже руки у него похолодѣли: это былъ Прохоръ Матвѣичъ, линтваревскій лакей.

— Значитъ, Линтваревъ пріѣхалъ,—думалъ Турбинъ.—Но какова это будетъ штука, если я пойду къ нему, буду сидѣть въ залѣ—и вдругъ входитъ Прохоръ Матвѣевичъ?

Стукъ двери и голоса послышались на крыльцѣ. Турбинъ прижался за уголъ. По снѣгу заскрипѣли шаги, Лызловъ звонко заигралъ на гармоникѣ. Турбинъ осторожно пробрался въ школу. Дверь на крыльцо осталась открытой; въ комнатѣ пахло табакомъ и свѣжестью морознаго воздуха. Турбинъ поморщился. Но вдругъ взглядъ его упалъ на столъ: конвертъ изъ плотной бумаги! Турбинъ смѣшался, покраснѣлъ, неловко рванулъ его...

„Многоуважаемый Николай Нилычъ,—стояло въ письмѣ,—простите за поздній отвѣтъ. Въ тотъ пріѣздъ, какъ получилъ ваше письмо, я не успѣлъ отвѣтить, а теперь хотѣлось бы поговорить съ вами лично по поводу вашей просьбы, почему надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи видѣть васъ у себя на второй день праздника вечеромъ. Преданный вамъ Линтваревъ“.

Это былъ отвѣтъ на просьбу Турбина помочь школѣ учебниками. Но теперь Турбину было не до учебниковъ; онъ ходилъ по комнатѣ и бормоталъ съ сіяющимъ лицомъ:

— Преданный! Гм... Вотъ, ей-Богу, чудакъ!..

И внутри у него все дрожало отъ радости.

X.

Къ утру сочельника комната его сильно настудилась. Вода въ умывальникѣ замерзла. Стекла оконъ были съ верху до низу запушены инеемъ и зарисованы серебряными пальмовыми листьями, узорчатыми папоротниками. Турбинъ спалъ крѣпко, а проснулся съ ощущеніемъ какой-то хорошей цѣли. Онъ вскочилъ и отдернулъ примерзшую форточку. Рѣзкій скрипъ саней стоялъ надъ всѣмъ выгономъ: изъ-подъ горы тянулся длинный обозъ, весь завѣянный ночной поземкой; морды лошадей были въ кудрявомъ инеѣ. Все тонуло въ яркихъ, но удивительно нѣжныхъ краскахъ сѣвернаго утра. Выгоны, лозины, избы—все казалось снѣговыми изваяніями. И на всемъ уже сіялъ огнистый блескъ восходящаго солнца. Турбинъ заглянулъ изъ форточки влѣво и увидалъ его за церковью во всемъ ослѣпительномъ великолѣпіи, въ морозномъ кольцѣ съ двумя другими, отраженными солнцами.

— Поразительно!—воскликнулъ онъ и, торопливо захлопнувъ форточку, юркнулъ подъ одѣяло.

— Уши!—сказалъ онъ громко и засмѣялся, вспомнивъ, что мужики называютъ эти отраженія солнца „ушами“.

Передняя, куда онъ вышелъ умываться, вся была озарена солнцемъ. Онъ долго и особенно тщательно мылся борно-тимоловымъ мыломъ, потомъ заглянулъ въ классную: и тамъ было теперь весело отъ солнца и тишины предпраздничнаго утра. „Не шуми ты, рожь...“—затянулъ онъ во все горло... Голосъ гулко отдался въ пустой комнатѣ, и это напомнило ему его одиночество. Онъ замолкъ и пошелъ въ переднюю пить чай на окнѣ, при солнцѣ. Сообразивши, что итти къ обѣднѣ уже поздно, онъ даже обрадовался. Его тянуло обдумать, получше обдумать что-то. Но, подавляя внутреннюю торопливость, онъ убралъ чашки и самоваръ, надѣлъ новое пальто и медленно вышелъ.

Щурясь отъ ослѣпительнаго сверканья на парчѣ снѣга, отъ блестящихъ, отшлифованныхъ, какъ слоновая кость, ухабовъ дороги, глубоко дыша холоднымъ воздухомъ, онъ шелъ и все любовался деревней, синими рѣзкими тѣнями около строеній и горизонтомъ зеленоватаго неба надъ далекимъ лѣсочкомъ въ снѣжномъ полѣ: туда, къ горизонту, небо было особенно нѣжно и ясно. Иней пріятно садился на вѣки, паръ шелъ отъ дыханья, солнце пригрѣвало щеку... Хорошо бы теперь откинуться въ задокъ барскихъ саней, полузакрыть глаза и только покачиваться, слушая, какъ заливается колокольчикъ надъ тройкой, запряженной впротяжку!

Мужикъ съ подводой догналъ Турбина въ полѣ. На розвальняхъ дымилась бочка, вся облитая пахучей бардой и заткнутая соломой.

— Ты съ завода, хлопецъ?—спросилъ Турбинъ.

— Съ завода.

— Баринъ-то давно пріѣхалъ?

— Мы этихъ дѣловъ не знаемъ. А вы сами-то ай дальніе?

— Изъ тридевятаго государства,—засмѣялся Турбинъ.

Мужикъ долго съ удивленіемъ оглядывался на его высокую фигуру.

А Турбинъ уже забылъ о немъ и старался начать обдумывать.

— Ну, такъ какъ же? Иду, значитъ? Или нѣтъ — не стòитъ?

Въ душѣ онъ еще вчера рѣшилъ, что пойдетъ. „Да, такъ лучше,—говорилъ онъ себѣ,—пойду на третій день, утромъ, по дѣлу, ненадолго. Немыслимо сразу въ гости прійти... это онъ для приличія... Поговорю и уйду. А тамъ, на Новый годъ, примѣрно, ужъ и вечеркомъ можно. Обязательно такъ, вѣрно, какъ въ аптекѣ“.

Незамѣтно онъ уходилъ все дальше и, говоря одно, повторялъ въ то же время другое: „Ну, такъ какъ же?..“ Представивъ себѣ всѣ непріятности этого посѣщенія, онъ тотчасъ же началъ разубѣждать себя въ этомъ, говорилъ, что „глупо рисовать все въ дурномъ смыслѣ“, что онъ не хуже другихъ... Въ концѣ концовъ эта путаница мысли испортила ему настроеніе, утомила, стала мучить. Онъ поспѣшно пошелъ обѣдать.

Вернувшись и увидя свою бѣдную комнатку вымытой и прибранной къ празднику, онъ почувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ и сталъ думать спокойнѣе, серьезнѣе.

XI.

Наступилъ праздникъ.

Турбинъ чувствовалъ себя какъ-то особенно, какъ привыкъ чувствовать себя съ дѣтства въ большіе праздники, чинно стоялъ въ церкви, чинно разговлялся у батюшки. Дома, не зная за что приняться, онъ безцѣльно походилъ по классу, заглянулъ въ окно... Въ безлюдьѣ села чувствовалось: всѣ дождались чего-то, одѣлись получше и не знаютъ, что̀ дѣлать. Съ утра было сѣро и вѣтрено. Послѣ полудня воздухъ прояснился, облачное небо посинѣло, блѣдно-желтымъ пятномъ обозначилось солнце, снѣгъ сталъ ярче и желтѣе, поземка струйками закурилась на гребняхъ сугробовъ, подхватываясь

и развѣваясь бѣлой пылью, криво понеслись по вѣтру галки. Проѣзжій мужикъ повязалъ уши платкомъ, сталъ на колѣни и погналъ лошадь. Розвальни бѣжали, разрывая переносы сухого снѣга на обмерзлой дорогѣ, постукивая и раскатываясь...

Скука съ новой силой охватила Турбина.

Но вечеромъ, когда онъ пошелъ на заводскую сторону, онъ неожиданно столкнулся съ Линтваревымъ и совершенно потерялся отъ смущенія.

— Съ праздникомъ!—сказалъ онъ не то галантно, не то въ шутку, неестественно изгибаясь.

Линтваревъ былъ средняго роста, съ простымъ пріятнымъ лицомъ, съ русою бородкой и ласковыми глазами. На немъ былъ полушубокъ и валенки, на головѣ—барашковая шапка.

— Ахъ, Николай Нилычъ!—сказалъ онъ, встрепенувшись, какъ будто даже заискивающе. — Здравствуйте, здравствуйте!.. Благодарю васъ... Ну, что, какъ вы, — не соскучились?

— Пока еще нѣтъ,—отвѣтилъ Турбинъ, краснѣя и силясь вложить въ каждое слово не то что-то особенное, не то ироническое.

— Да, да...

Постояли, помялись.

— Ну, такъ увидимся? До завтра?

Турбинъ опять не то галантно, не то комически раскланялся.

Домой онъ шелъ очень быстро. Какъ быть, гдѣ взять крахмальную рубашку? Въ вышитой положительно невозможно!

XII.

Вечеромъ онъ долго, съ великимъ трудомъ зашивалъ задникъ сапога нитками и замазывалъ ихъ чернилами.

Все утро онъ ходилъ по комнатамъ въ одномъ бѣльѣ, умывался, нѣсколько разъ принимался чистить сапоги, пачкалъ и опять мылъ руки и все думалъ о рубашкѣ.

— Ничего не придумаешь!—говорилъ онъ, останавливаясь среди комнаты.—Послать къ Слѣпушкину? Немыслимо! Начнутъ судить, рядить... дойдетъ до Линтварева... Гадость!

Но нѣчто подобное случилось.

Около полудня къ крыльцу школы подлетѣла тройка Кондрата Семеныча. Съ мороза его лицо было особенно свѣжо и темно-красно. Подбородокъ былъ выбритъ, усы чернѣли ярко и лихо. На немъ была сюртучная пара; въ передней онъ сбросилъ енотовую шубу. Коренастый, приземистый,—объ дорогу не расшибешь, что называется, — бойко прихрамывая, онъ быстро вошелъ къ Турбину, крѣпко по-

цѣловался съ нимъ, причемъ на Турбина пахнуло морозной свѣжестью и запахомъ закуски, и тотчасъ принялъ живѣйшее участіе въ заботахъ о его нарядѣ.

— Валяй, братъ, валяй смѣлѣй!

Турбинъ, хотя и относился къ Кондрату Семенычу, какъ къ человѣку пустому, однако зналъ, что Кондратъ Семенычъ „бывалъ въ обществѣ“ и можетъ подать совѣтъ.

— Какъ валять-то? — говорилъ онъ, сдерживая улыбку.— Тутъ такая непріятная исторія! Рубашки крахмальной нѣтъ!

Кондратъ Семенычъ качнулъ головой.

— Это, братъ, скверно. Въ вышитой явиться въ первый разъ въ домъ—нахальство!

— Ну, такъ какъ же?—говорилъ Турбинъ растерянно.

— Ни чертà,—сказалъ Кондратъ Семенычъ.—Не робѣй!

И, отворивъ форточку, онъ своимъ хриплымъ охотничьимъ голосомъ гаркнулъ:

— Васька! Домой валяй! Духомъ доставь рубашку крахмальную... въ сундукѣ, подъ лѣтней поддевкой...

Пока Василій ѣздилъ за рубашкой, Кондратъ Семенычъ разсказалъ, гдѣ онъ успѣлъ уже побывать, и съ улыбкой сатира, отъ которой заблестѣли его маленькіе каріе глаза, вытащилъ изъ рукава шубы бутылку водки.

— Хвати для храбрости! Хочешь?—говорилъ онъ, обивая сургучъ съ горлышка.

— Ну ужъ нѣтъ!

— Что̀, думаешь, пахнуть будетъ? Ни капельки. Только чаемъ зажуй. А впрочемъ, чортъ съ тобой. Нѣтъ ли чашечки?

Выпивъ и закусивъ кренделемъ, Кондратъ Семенычъ заговорилъ серьезно:

— Ты, братъ, себя поразвязнѣй держи, посвободнѣе. А то вѣдь будешь сидѣть, какъ кнутъ проглотилъ.

— А какъ брюки—ничего?—спрашивалъ Турбинъ.

Кондратъ Семенычъ оглядѣлъ ихъ съ полной добросовѣстностью и подумалъ.

— Сойдетъ! — сказалъ онъ рѣшительно, — за милую душу сойдетъ. Только вотъ смяты немного. Снимай, давай разгладимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пустяки, — пробормоталъ Турбинъ, густо краснѣя.

— Ну, какъ знаешь.

Кондратъ Семенычъ легъ на постель и вполголоса запѣлъ:

Вода — для рыбы, раковъ.
А мы, герои, водку пьемъ!

Въ это время Васька внесъ рубашку. Но едва Турбинъ надѣлъ ее, Кондратъ Семенычъ такъ и покатился со смѣху.

— Нѣтъ... Не срамись!—хрипѣлъ онъ, задирая ее на голову Турбина,—не годится!

Правда, рубашка не годилась. Накрахмалена она была отвратительно—вся была грязно-синяя, воротъ ея былъ непомѣрно широкъ.

— Декольтэ!—повторялъ Кондратъ Семенычъ сквозь смѣхъ.

Турбинъ снова покраснѣлъ и даже запотѣлъ отъ злобы.

— Я вамъ не шутъ гороховый!—крикнулъ онъ бѣшено.

— Да за что жъ серчаешь-то?—заговорилъ Кондратъ Семенычъ растерянно. — Самъ тонокъ, какъ шестъ, хоть грачей доставать, а на меня серчаетъ... Ну, хочешь, достану?

— Не понимаю — гдѣ? — глядя въ сторону, пробормоталъ Турбинъ.

— Да ужъ это мое дѣло. Ну, хочешь?

И, не дожидаясь отвѣта, хлопнулъ дверью, накинулъ на себя шубу и выскочилъ на крыльцо. Рыженькая троечка подхватила подъ гору. Турбинъ бросился къ дверямъ:

— Кондратъ Семенычъ! Кондратъ Семенычъ!

Но Кондратъ Семенычъ только рукой махнулъ.

— Это Богъ знаетъ что̀ такое!—сказалъ Турбинъ, чуть не плача.—Это значитъ, всему заводу будетъ извѣстно!..

Однако, когда Кондратъ Семенычъ черезъ десять минутъ явился обратно и привезъ съ собой Таубкина и его крахмальную рубашку, когда Таубкинъ самымъ задушевнымъ тономъ сталъ просить „не безпокоиться“ и когда рубашка оказалась какъ разъ впору, Турбинъ, весь красный отъ волненія, началъ улыбаться.

— Что̀ вы безпокоитесь? — говорилъ Таубкинъ фальцетомъ.—Что̀ такое? Развѣ я не понимаю? Конечно, это останется между нами. Хотите мои часы?

Турбинъ отказывался. Кондратъ Семенычъ преувеличенно расхваливалъ его костюмъ.

Наконецъ Турбинъ былъ готовъ. Онъ повеселѣлъ, хотя и чувствовалъ себя наряженнымъ и точно связаннымъ. Онъ садился то на одинъ, то на другой стулъ.

— Вы къ нему по дѣлу?—вдругъ спросилъ Таубкинъ, какъ будто вскользь.

— Да, то-есть такъ... по дѣлу отчасти.

— Такъ вамъ, пожалуй, пора.

Турбинъ уже давно думалъ про это. „Пожалуй, что и правда пора,—соображалъ онъ, — что̀ же, къ шапочному

разбору-то прійти? Только хозяевъ въ неловкое положеніе поставишь...“

— А который часъ?

— Четверть восьмого.

— Вали, братъ, вали,—сказалъ Кондратъ Семенычъ.

— Пожалуй,—согласился Турбинъ, медленно подымаясь.

Напѣвая, Кондратъ Семенычъ накинулъ на себя шубу, осмотрѣлъ пальто Турбина.

— Молодецъ! — сказалъ онъ, смѣясь глазами. — Хочешь, подвезу?

Турбинъ заторопился отказаться.

— Ну, чортъ съ тобой! Ѣдемъ.

Онъ сунулся лицомъ къ лицу Турбина для поцѣлуя, вывалился въ сани рядомъ съ Таубкинымъ и крикнулъ:

— Обрати посерьезнѣе вниманіе на Линтвариху. Хороша, анаѳема!

XIII.

Уже подходя къ аллеѣ передъ линтваревскимъ домомъ, Турбинъ вдругъ оробѣлъ, оглянулся и поспѣшно зашагалъ опять подъ гору. „Рано, рано, немыслимо такъ рано!..“

Волнуясь, онъ дошелъ до моста и опять оглянулся. Вотъ будетъ скверно, если видѣли, что онъ приходилъ! Но никого не было кругомъ. Только на деревнѣ горлапили на „улицѣ“ дѣвки. Изъ дома черезъ аллею загадочно свѣтились окна. Что тамъ, въ домѣ? Начался вечеръ или нѣтъ? И кто тамъ, и что дѣлаютъ? А обстановка? „Небось, люстры, паркетъ, бархатъ, фамильные портреты“... „Вотъ отсчитаю сто... нѣтъ, двѣсти, и тогда пойду“.

Вдругъ на мосту послышался скрипъ шаговъ. Турбинъ быстро повернулся и, не оглядываясь, почти побѣжалъ по аллеѣ. Не думая, онъ быстро растворилъ дверь, шагнулъ черезъ три ступеньки въ сѣняхъ и сталъ шарить по притолкѣ звонка. Въ дверяхъ щелкнулъ замокъ, и нарядная горничная появилась на порогѣ.

— Павелъ Андреевичъ дома?

— Пожалуйте-съ.

Горничная помогла ему снять пальто. Какъ въ туманѣ, увидалъ онъ большую свѣтлую залу, открытый блестящій рояль, тонкіе стулья, тропическія растенія... Поразили его только ширмочки около нихъ изъ матоваго стекла; все остальное показалось ему черезчуръ просто. Цапаясь когтями по паркету, изъ столовой выбѣжала щеголевато-тонкая черная собачка, а за нею быстро вышелъ Линтваревъ.

— Имѣю честь поздравить! — сказалъ Турбинъ и въ смущеніи вынулъ носовой платокъ.

Предупредительно-ласково Линтваревъ пожалъ ему руку.

— Милости просимъ, милости просимъ!

И, пропуская Турбина впередъ, повелъ его въ столовую.

— А, Николай Нилычъ!—сказала Надежда Константиновна такъ, словно давно ждала его.

Турбинъ расшаркался, оглянулся.

— Николай Иванычъ Турбинъ... Г-нъ Турбинъ... — поспѣшно говорилъ хозяинъ.

Молодой, свѣжій, красивый флотскій офицеръ всталъ быстро и поклонился съ преувеличенной вѣжливостью. Невысокій, худощаво-широкоплечій, съ обвѣтреннымъ, инородческаго типа лицомъ докторъ пожалъ ему руку просто и безъ улыбки. Пожилой, солидный господинъ, не вставая, сдержанно-вѣжливо наклонилъ голову.

— Присаживайтесь-ка! — сказала хозяйка опять такъ, словно хотѣла сказать: „Ну, наконецъ-то, вотъ теперь все пойдетъ прекрасно“.

Турбинъ сѣлъ, вытеръ платкомъ лобъ, все еще глядя словно черезъ воду. То, что одинъ изъ гостей не подалъ ему руки, заставило его ощутить почти физическую боль въ сердцѣ.

— Николай Нилычъ, вамъ сколько кусковъ сахару?—обратилась къ нему хозяйка съ улыбкой.

Турбинъ встрепенулся.

— Я бы попросилъ безъ сахару,—сказалъ онъ.

И онъ взялъ стаканъ, замирая отъ страха повалить его на скатерть или прикоснуться руками къ рукамъ Надежды Константиновны. Такъ какъ общій разговоръ на минуту прервался, то она продолжала:

— Ну что̀, какъ ваша школа?

— Ничего, прекрасно, — отвѣтилъ Турбинъ, и его голосъ ему показался чужимъ и слишкомъ громкимъ.

— А въ Можаровкѣ вы на всѣ Святки остались? — заботливо прибавилъ хозяинъ.

— Да, ужъ нынѣшній годъ, думаю... рѣшилъ такъ, что не ѣздить лучше.

— Да?

Линтваревъ наклонилъ голову, словно пріятно изумился. Затѣмъ торопливо, съ виноватой улыбкой—по необходимости, молъ—обернулся къ сосѣду.

Стараясь держаться свободнѣе, Турбинъ сталъ осматриваться.

XIV.

Тотъ, что̀ не подалъ руки Турбину, Беклемишевъ, былъ богатый помѣщикъ и видный человѣкъ въ земствѣ. Онъ былъ плотенъ, родовитъ, съ матовымъ цвѣтомъ моложаваго лица, сѣдъ. Держался съ удивительнымъ хладнокровіемъ. И Турбинъ старался не глядѣть на него.

Земскій докторъ держался строго, но просто, и его черемисское лицо и взгляды сквозь очки между быстрыми глотками чая не пугали. Родственницы хозяйки, княжны Трипольскія, часто вставляли свои замѣчанія въ разсказъ Беклемишева о его поѣздкѣ къ Ермолову лѣнивымъ тономъ, гримасничая, когда улыбались. Ихъ Турбинъ уже видѣлъ нѣсколько разъ осенью, когда онѣ амазонками проѣзжали по селу кататься. И у священника и у лавочника велись тогда безконечные разговоры о нихъ. Отъ стараго повара всѣ знали, что княжны очень богаты, живутъ то въ Петербургѣ, то въ своемъ имѣніи, то гостятъ у Линтварева, а больше всего — за границей.

— Что̀ жъ имъ? Катайся въ свое удовольствіе да и только! — говорилъ лавочникъ съ умиленіемъ.

Когда о Турбинѣ забыли, онъ успокоился и только чувствовалъ себя какъ-то странно-хорошо въ этой новой обстановкѣ, среди легко развивающагося разговора, сидя около хозяйки, похожей на англійскую лэди: такихъ изящныхъ чертъ лица, такой чистоты и нѣжности кожи онъ еще никогда не видывалъ. А когда онъ вставалъ, такъ было легко и пріятно отодвигать тонкій красивый стулъ, ходить по паркету въ этой просторной столовой, ярко озаренной большой лампой надъ столомъ, видѣть блескъ серебрянаго самовара и посуды изъ тончайшаго стекла. Было, правда, одно очень непріятное обстоятельство: во время разсказа Беклемишева, Турбинъ, не зная, что̀ дѣлать, наклонился и поймалъ собачку; но та, какъ стальная, выскочила изъ рукъ и при этомъ такъ пронзительно взвизгнула, что хозяйка схватилась за високъ и всѣ встрепенулись, обратили на него глаза, и Турбинъ готовъ былъ провалиться сквозь землю отъ смущенія. Но сама же хозяйка и сумѣла замять эту исторію: такъ непринужденно, словно ничего и не было, обратилась къ нему: „Николай Нилычъ, вы позволите еще чаю?“ — что онъ ободрился и смогъ очень ловко отвѣтить: „Нѣтъ, merci... достаточно уже“.

Онъ выпилъ два стакана, наслаждаясь ароматомъ рома, который съ тихой лаской подливалъ ему въ чай хозяинъ, и

отъ рому оживился, почувствовалъ смѣлость и вѣрную упругость въ ногахъ. Онъ даже не смутился, когда пріѣхало еще нѣсколько человѣкъ гостей: красивая, полная вдова-помѣщица, завитая, съ горящими отъ мороза ушками, старикъ-помѣщикъ, который немножко рисовался простотой, но котораго всѣ любили за эту простоту и тотчасъ окружили съ веселыми улыбками, еврей-инженеръ, сухой, черненькій, подвижной, въ родѣ той собачки, которую поймалъ Турбинъ, и наконецъ членъ суда, такой чистый, какъ всѣ судейскіе, свободный и веселый острякъ, дѣлавшій умные насмѣшливые глаза.

Говорили о театрѣ. Трипольскіе съ восторгомъ разсказывали объ игрѣ Заньковецкой въ Петербургѣ, бранили Мазини, хвалили Фигнера... разсказывали про своихъ знакомыхъ, про Толстого, про поэта Надсона. Какъ будто желая описать, какой онъ милый и больной человѣкъ, княжны разсказывали, что онъ у нихъ былъ въ гостяхъ, а потомъ онѣ его навѣстили въ Ниццѣ. Членъ суда декламировалъ пародіи Буренина на надсоновскіе стихи. Потомъ разговоръ разбился—въ одномъ мѣстѣ слышались имена земцевъ, въ другомъ все еще Мазини и Фигнера. Учитель, изгибаясь и покачиваясь, подходилъ то къ одной, то къ другой группѣ и все время былъ въ напряженномъ состояніи отъ желанія хоть что-нибудь сказать. Но все разговоръ шелъ о неизвѣстномъ, и онъ молчалъ или смѣялся сдержанно и неискренно, когда смѣялись другіе.

— А вы все о своемъ профессіональномъ образованіи? — сказалъ онъ наконецъ, подходя къ Линтвареву и Беклемишеву.

Беклемишевъ тихо поднялъ на него глаза.

— Нѣтъ, почему же...—сказалъ Линтваревъ, улыбаясь.

Турбинъ, тоже улыбаясь, поднялся на носки, отчего сталъ еще выше, опустился и продолжалъ:

— Вы хотите, какъ я слышалъ, такъ серьезно имъ заняться?

Отъ неловкости Турбинъ подчеркивалъ слова, и ихъ можно было принять за насмѣшку. Особенно нехорошо ему было отъ пристальнаго и спокойнаго взгляда Беклемишева. Но все-таки онъ присѣлъ къ столу, предварительно посмотрѣвъ на стулъ и раздвинувъ полы сюртука, разставилъ острыми углами свои тонкія ноги и, поставивъ локоть на колѣно, сталъ пощипывать кончики своихъ жидкихъ бѣлесыхъ усовъ.

— Меня, по правдѣ сказать, очень интересуетъ этотъ вопросъ,—сказалъ онъ, помолчавъ, какъ-то внезапно.—Я, конечно, говорю искренно...

— Съ какой же именно стороны васъ интересуетъ?—спросилъ Беклемишевъ.

— То-есть какъ съ какой стороны? Вообще... въ примѣненіи его въ жизни.

Беклемишевъ, поставивъ руки на столъ и, соединяя ладони, смотрѣлъ, ровно ли приходятся пальцы одинъ къ другому. Линтваревъ старательно набивалъ машинкой папиросы.

— Я читалъ, — продолжалъ Турбинъ уже съ усиліемъ: — недавно въ одной газеткѣ про книжицу какого-то Весселя о профессіональномъ образованіи... Меня собственно удивило, что къ его мыслямъ, очевидно, многіе относятся враждебно: напримѣръ, директоръ ремесленнаго училища Цесаревича Николая... Мнѣ кажется, что тутъ есть несправедливость... Онъ говоритъ, напримѣръ, что школа, собственно, несовмѣстима съ мастерской...

— То-есть это,—мягко перебилъ Линтваревъ,—Песталоцци мнѣніе, а Вессель, хотя и...

— Ну да, и Песталоцци, — перебилъ въ свою очередь Турбинъ, и въ немъ уже загорѣлось желаніе спора.—Только, по моему мнѣнію, это и понятно... Когда мнѣ, позвольте спросить, обучать своего какого-либо мальца мастерить разныя бездѣлушки, когда онъ самъ, въ своемъ быту, такъ сказать...

— Зачѣмъ же непремѣнно бездѣлушки?

Турбинъ ласково улыбнулся.

— Мнѣ, собственно, это все представляется какъ бы игрушками... Мнѣ трудно это объяснить, но всѣ эти затѣи... Говорить, подспорье хозяйству... но вѣдь смѣшно поднирать то, что̀ разваливается окончательно... да и не соотвѣтствуетъ все это духу нашего народа, истаго земледѣльца... А учить его, напримѣръ, дѣлать плетушки...

— Ну да, ученаго учить только портить, — насмѣшливо сказалъ Беклемишевъ.

Турбинъ хотѣлъ продолжать, сказать, что̀ онъ думаетъ, болѣе ясно и связно. Но Беклемишевъ, какъ бы забывъ о его присутствіи, тихо и спокойно промолвилъ Линтвареву:

— Да, такъ я думаю, что это еще гадательно: князь слишкомъ глупъ для этого, а Гарницкій—юнъ.

Линтваревъ виновато посмотрѣлъ на Турбина. Турбинъ смолкъ. Теперь ему хотѣлось одного — поскорѣе уйти изъ столовой. Но встать сразу было неловко.

— А я все хотѣлъ попросить у васъ какой-либо книжицы изъ вашей библіотеки,—сказалъ онъ наконецъ, подымаясь.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—поспѣшилъ отвѣтить Линтваревъ.

Турбинъ всталъ и медленно прошелся по столовой. Онъ долго стоялъ передъ каминомъ, разсматривалъ большой портретъ Толстого, писанный масляными красками. Но ему уже было не по себѣ. Музыка въ залѣ ударила ему по сердцу какъ-то болѣзненно. И, подъ предлогомъ, что онъ идетъ слушать, онъ вышелъ въ залу.

XV.

Игралъ членъ суда.

— Что это?—спросилъ сидѣвшій около него старикъ-помѣщикъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Соната Грига. Вы не знаете?

— Десять лѣтъ не игралъ, — сказалъ помѣщикъ со вздохомъ,—а хорошо!

— Чудно!—подтвердила хозяйка.

Музыка Грига рѣшительно не нравилась Турбину. Звуки лились вычурно, быстро и не трогали его сердца. Онъ чувствовалъ, что она такъ же чужда ему, какъ все общество, окружавшее его. Въ началѣ вечера онъ все ждалъ, что будетъ что-то хорошее. Теперь это чувство ослабѣло. Онъ думалъ, что надо итти домой, что никому онъ не нуженъ. Никто даже не поинтересовался имъ, не поговорилъ, чтобы узнать, что онъ за человѣкъ. Даже хозяинъ только предупредительно, безпокойно вѣжливъ съ нимъ...

Музыка смолкла. „Посижу еще, послушаю немного и уйду“, рѣшилъ Турбинъ. Но поднялся разговоръ о Григѣ. Старикъ-помѣщикъ добродушно-насмѣшливо покачивалъ головой. „Хорошо, а не забирючиваетъ“,—говорилъ онъ. Членъ суда горячился, доказывая, что „Григъ великолѣпенъ“.

И, покачивая головою, тихо началъ „Бѣлыя ночи“ Чайковскаго:

Какая ночь! На всемъ какая нѣга!

Турбинъ не зналъ ни этихъ словъ ни Чайковскаго; но при первыхъ же чистыхъ звукахъ мелодіи у него дрогнуло сердце; что-то нѣжно-призывающее было въ нихъ; а когда эти зовущіе звуки опредѣлились въ томительно-грустные, Турбину захотѣлось заплакать.

Но рояль стихъ. Турбинъ всталъ: ему хотѣлось еще музыки, но онъ не зналъ, что назвать. Онъ подумалъ о „Молитвѣ дѣвы“... но это было какъ-то неловко сказать.

— Будьте добры, сыграйте еще что-нибудь, — обратился онъ къ члену суда.

— Что же?—спросилъ тотъ, перебирая ноты.

— Что-нибудь Бетховена.

Членъ суда посмотрѣлъ на него внимательно.

— Сонату?—спросилъ онъ.

Турбинъ въ смущеніи качнулъ станомъ.

— Да, сонату...

— Какую же?

— Все равно...—пробормоталъ Турбинъ, чувствуя, что надъ нимъ смѣются.

— Неужели все равно?

Но тутъ позвали къ столу. Турбинъ настроилъ себя чинно и шелъ медленнѣе всѣхъ.

Хозяинъ особенно хвалилъ и предлагалъ селедку. Членъ суда, съ видомъ знатока, попробовалъ ее и нашелъ „геніальной“.

— Николай Нилычъ! Водки?—сказалъ хозяинъ.

— Можно!—отвѣтилъ Турбинъ.

— Хинной или простой?

— Хинной, такъ хинной.

— Такъ будьте добры—распоряжайтесь сами.

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь, пожалуйста!

Около стола тѣснились, оживленно переговаривались. Съ тарелкою въ рукахъ Турбинъ долго стоялъ въ концѣ всѣхъ. Онъ не обѣдалъ и съ особеннымъ удовольствіемъ выпилъ рюмку водки, погонялся вилкой за ускользающимъ грибкомъ и ограничился на первое время пирогомъ. Послѣ первой же рюмки онъ почувствовалъ легкій хмель, очень захотѣлъ ѣсть и долго, поглядывая искоса и стараясь не торопиться, ѣлъ однихъ омаровъ. Членъ суда уже дружески предлагалъ ему выпить съ нимъ, и Турбинъ выпилъ еще рюмку простой водки. И водка и дружескій тонъ члена суда совсѣмъ размягчили его.

Первыя минуты опьянѣнія онъ чувствовалъ себя такъ же, какъ въ самомъ началѣ вечера: какъ сквозь воду видѣлъ блескъ огней и посуды, лица гостей, слышалъ говоръ и смѣхъ, чувствовалъ, что теряетъ способность управлять своими словами и движеніями, хотя сознавалъ еще все ясно. Раскраснѣвшееся, потное лицо затягивало паутиной; въ головѣ слегка шумѣло. Но все-таки онъ старался оглядываться смѣло и весело своими томными глазами. Ему было жарко. Когда же Линтваревъ (Турбину казалось, что и Линтваревъ запьянѣлъ) взялъ его подъ руку и повелъ къ столу ужинать, онъ почувствовалъ себя очень большимъ и неловкимъ.

— Не выпьемъ ли еще по единой?—сказалъ членъ суда.

— Блаженный Теодоритъ велитъ повторить,—отвѣчалъ Турбинъ со смѣхомъ.

— Repetitio est mater studiorum. Не такъ ли?—промолвилъ съ другого конца стола флотскій офицеръ, явно поддѣлываясь подъ семинарскую рѣчь.

Турбинъ понялъ это и вызывающе поглядѣлъ на офицера.—„Ну, и чортъ съ тобой!“—подумалъ онъ и, усмѣхаясь, крикнулъ:

— Optime!

Члегъ суда поспѣшилъ налить. Хозяйка какъ будто вскользь, но значительно поглядѣла на него. И это Турбинъ замѣтилъ, но никакъ не могъ обидѣться: такъ просто и тепло стало у него на душѣ.

— Да и послѣднял! — сказалъ онъ, выпивая и махая рукой.—Я и такъ мокрый, какъ мышь.

Удерживаясь отъ смѣха, младшая княжна зажала ротъ платкомъ.

Ужинъ, какъ показалось, прошелъ чрезвычайно быстро. Турбинъ запомнилъ только, что ѣлъ горячій ростбивъ, что сои огнемъ охватили ему ротъ, что онъ пилъ мадеру, лафитъ и плохо соображалъ, о чемъ идетъ говоръ.

Когда подали шампанское (былъ день рожденія хозяйки), Турбинъ быстро всталъ и оглушительно крикнулъ „ура!“. Но за оживленіемъ на это не обратили особеннаго вниманія. Всѣ столпились въ кучу, поздравляя хозяйку и самого Линтварева. Линтваревъ, съ бокаломъ въ одной рукѣ, прижималъ другую къ сердцу и старался казаться и трогутымъ и шутливымъ.

— Ура!—крикнулъ еще разъ Турбинъ, но уже потише и улыбнулся слабой, жалкой улыбкой.

— Не стòитъ!—шепнулъ докторъ, сжимая ему локоть.

— Ну, не надо...

И, улыбаясь, Турбинъ медленно пошелъ въ залу. Теперь онъ уже освоился съ тѣмъ, что не можетъ управлять собою.

XVI.

Въ залѣ Прохоръ Матвѣичъ разносилъ чай, снова предложенный хозяиномъ. „Люблю, грѣшный человѣкъ! — говорилъ онъ. — Господа, кто желаетъ китайскаго зелья?“ Всѣ приняли это предложеніе съ шумными одобреніями, какъ на земскихъ собраніяхъ: „Просимъ, просимъ!..“

— Отклонить!—крикнулъ старикъ-помѣщикъ, Сергѣй Львовичъ, среди общаго смѣха.

— Сергѣй Львовичъ, сыграть просимъ!—крикнулъ хозяинъ.

— Благодарю, господа, я чувствую себя слишкомъ уто-

мленнымъ,—отнѣкивался Сергѣй Львовичъ, продолжая пародировать гласныхъ. Но тутъ поднялся такой шумъ и крикъ, что отказываться стало невозможно.

— Просимъ!—крикнулъ Турбинъ уже послѣ всѣхъ.

— Давненько я не бралъ въ руки шашекъ, — говорилъ Сергѣй Львовичъ, кряхтя и усаживаясь за рояль.

— Сергѣй Львовичъ! Вебера!—крикнулъ членъ суда.

Сергѣй Львовичъ поднялъ брови и подумалъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ съ улыбкой,—попробуемъ блеснуть техникой. Ну-ка...

— Тарантелла... — шепнулъ флотскій офицеръ. — Николая Рубинштейна.

Членъ суда утвердительно кивнулъ головой.

Изъ медленныхъ, въ которыхъ сказывалась хитрая, сдержанная удаль, звуки быстро превратились въ шумные, быстрые и затрепетали въ какомъ-то дикомъ восторгѣ. Возгласы одобренія помимутно заглушали ихъ. Казалось, что, если бы танецъ не кончился, можно было бы задохнуться отъ напряженія... Турбинъ хохоталъ нервнымъ смѣхомъ.

— Вотъ это такъ такъ,—бормоталъ онъ въ восторгѣ.

— А теперь,—крикнулъ Линтваревъ,—гроссъ-фатеръ!

Подъ церемонные звуки старинной музыки дамы во главѣ съ хозяиномъ и членомъ суда начали комически двигаться, раскланиваться, но спутались, перемѣшались и со смѣхомъ остановились.

— Ну, лянсье!—взывалъ хозяинъ.

— Не выйдетъ!

— Выйдетъ!

Турбинъ тоже порывался танцовать и быстро оглядывался кругомъ.

— Сергѣй Львовичъ!—вдругъ завопилъ онъ,—пожалуйста!.. ту, веселую...

— Тарантеллу?

— Да, да!

Сергѣй Львовичъ, мелькомъ взглянулъ на него и ударилъ по клавишамъ. И не успѣли опомниться гости и хозяинъ, какъ произошло нѣчто дикое: не слушая музыки, безъ всякаго такта, Турбинъ вдругъ зашаркалъ ногами, потомъ все быстрѣе, быстрѣе пошелъ мелкой дробью и вдругъ стукнулъ въ паркетъ, подпрыгнулъ и пустилъ руки между ногами, словно разрубилъ что-то со всего размаха.

— Браво!—крикнулъ кто-то насмѣшливо—Бисъ!

И подъ разрастающіеся звуки Турбинъ охотно побѣжалъ назадъ, заплетая и размахивая ногами какъ веслами, хотѣлъ

еще разъ стукнуть въ полъ — и вдругъ замеръ: въ двухъ шагахъ отъ него стоялъ отецъ Линтварева! Шаркая и подаваясь впередъ, онъ поторопился изъ маленькой гостиной, гдѣ игралъ въ карты, на шумъ въ залѣ. Увидавъ пляску, онъ съ изумленіемъ поднялъ свою сѣдую большую голову и, приложивъ къ переносицѣ пенснэ, глядѣлъ прямо въ лицо Турбину остановившимися глазами.

Турбинъ качнулся въ сторону и съ жалкой улыбкой махнулъ рукой. Докторъ быстро подошелъ къ нему.

— Поѣдемте, батенька, домой,—сказалъ онъ ему строго.

— Нѣтъ, чего же?—отвѣтилъ Турбинъ.—Я еще не хочу.

Лицо его было блѣдно, холодный потъ крупными каплями покрывалъ лобъ.

— Нельзя, нельзя,—повторилъ докторъ еще строже и, взявъ его подъ руку, повелъ въ переднюю.

Турбинъ, приплясывая, покорно пошелъ...

XVII.

Спалъ или не спалъ онъ, добравшись домой? До головокруженія живы и безпокойны были сновидѣнія. Казалось, что онъ все еще въ гостяхъ: люди двигались, перетасовывались, проходили передъ нимъ какъ въ пантомимѣ, и онъ самъ во всемъ участвовалъ и чувствовалъ, что все выходитъ хорошо и ловко, хотя и безпокоитъ что-то, спутываетъ все. Турбинъ старался вспомнить, что̀ же это мѣшаетъ, и никакъ не могъ, и мучился, осаждаемый сновидѣніями. Истомленный до послѣдней степени, онъ наконецъ открылъ глаза. Дневной свѣтъ сразу отрезвилъ его,—и стыдъ, жгучій стыдъ до слезъ, до физической боли пронзилъ его душу. Онъ стиснулъ зубы, крѣпко прижалъ голову къ подушкѣ.

Вдругъ онъ вскочилъ. Онъ рѣшился переломить себя, задавить всѣ эти воспоминанія. Онъ поспѣшно одѣвался, убиралъ комнату. Въ ногахъ была слабость, но голова не болѣла. Онъ старался дѣлать все какъ можно правильнѣе и серьезнѣе. И въ то же время безпокойно выискивалъ оправданія себѣ...

Отворилась дверь.

— Самоваръ-то ставить, что ль?—спросилъ Павелъ.

— А почему же не ставить?—хрипло крикнулъ Турбинъ.

— Да то-то, молъ, надо ли?

Турбинъ отвернулся и еще крѣпче стиснулъ зубы. Павелъ помолчалъ, потомъ вдругъ лукаво заглянулъ Турбину въ глаза и, съ просіявшимъ лицомъ, быстрымъ шопотомъ спросилъ:

— Ай слетать къ Ивану Филимонычу?

— Это зачѣмъ?

— За похмелочкой? А?

— Убирайся ты отъ меня къ шуту со своими безсмысленными глупостями! — закричалъ Турбинъ, багровѣя отъ злобы.

Послѣ чая онъ лежалъ на кровати и съ глухой яростью придумывалъ самыя оскорбительныя фразы, которыя, вѣроятно, посыпались по его адресу, какъ только онъ вышелъ, въ домѣ Линтварева. А на селѣ! Съ какими глазами показаться теперь на село?

Однако онъ заставилъ себя одѣться и пошелъ къ дьячку обѣдать. „Знаютъ или нѣтъ?“ — думалъ онъ, боязливо глядя на заводскую сторону.

Около лавки онъ постарался итти какъ можно медленнѣе.

— Съ праздникомъ, Иванъ Филимонычъ! — сказалъ онъ, увидя лавочника, стоявшаго около саней съ ящикомъ водки.

Лавочникъ считалъ бутылки, передавая ихъ въ лавку мальчику, и отвѣтилъ учтиво и поспѣшно:

— И васъ также! Милости просимъ.

— Постараюсь.

— Николай Нилычъ теперь загордѣлъ, — вдругъ раздался голосъ лавочницы съ крыльца.

Она смотрѣла на Турбина насмѣшливо-пристально. Лавочникъ вдругъ обернулся къ ней съ строгимъ взглядомъ, и по одному этому взгляду Турбинъ понялъ, что все извѣстно, все... и съ замирающимъ сердцемъ поспѣшилъ скрыться въ избѣ дьячка.

Обѣдъ прошелъ спокойно. Но, когда Турбинъ уже поднялся изъ-за стола, дьячокъ, глядя въ сторону, сказалъ такъ, словно продолжалъ давно начатый разговоръ:

— И совсѣмъ не стоило туда ходить. И батюшка то же говоритъ, и Иванъ Филимонычъ.

Турбина словно ударили по головѣ.

— Куда это?—черезъ силу спросилъ онъ.

— Если, гыртъ, — продолжалъ дьячокъ уныло-невозмутимымъ тономъ, — если, гыртъ, съѣсть-спитъ, такъ и у меня былъ бы сытъ, не попрекнулъ бы кускомъ... Да и правда: не намъ съ вами бывать у такихъ персонъ!

— Ну, да я... я, о. Алексѣй, кажется, самъ не маленькій...

Дьячокъ только вздохнулъ. Дрожащими руками Турбинъ нашелъ скобку и хлопнулъ дверью.

— И прекрасно! И прекрасно!—съ злобной радостью похохатывалъ онъ, почти бѣгомъ взбираясь на гору.

XVIII.

— Дома?—раздался въ передней голосъ Слѣпушкина, какъ только Турбинъ вошелъ къ себѣ и, скинувъ пальто, упалъ на постель.

Павелъ отвѣчалъ что-то торопливымъ шопотомъ.

— Ну, ну, не надо; не буди... Богъ съ нимъ.

Дверь хлопнула, все стихло. Турбинъ лежалъ безъ движенія...

— Поздравляю!—раздался вдругъ крикъ Кондрата Семеныча, со смѣхомъ ввалившагося въ комнату.—Ты, говорятъ, чортъ знаетъ какихъ штукъ тамъ натворилъ? Какой это ты танецъ своего изобрѣтенія плясалъ?

— Оставьте, пожалуйста, меня въ покоѣ!—тихо отвѣтилъ Турбинъ.

— Да нѣтъ, какъ же, братъ, — ты, говорятъ, въ дребезги насадился?

Ухмыляясь, Кондратъ Семенычъ присѣлъ на кровать и продолжалъ уже съ искреннимъ участіемъ, обращаясь къ Турбину, какъ къ завѣдомому пьяницѣ:

— Гм, пожалуй, правда, свинство! Ты бы хоть на первый-то разъ поддержался немного... Надо сходить извиниться. Еще, пожалуй, съ мѣста попрутъ...

А черезъ полчаса на столѣ стояла бутылка водки. Турбинъ, уже захмелѣвшій, облокотившись на столъ и положивъ голову на руки, сидѣлъ молча.

— Чортъ знаетъ что! — говорилъ Кондратъ Семенычъ, — говорятъ, тебя за крыльцо выкинули?

— Кто это?

— Что?

— Говоритъ-то?

— Слѣпушкинъ.

Турбинъ злорадно захохоталъ.

А Кондратъ Семенычъ съ серьезнымъ лицомъ грустно продолжалъ:

— Онъ, братъ, Линтваревъ-то этотъ, глумился надъ тобой, сукинъ сынъ. Я бы на твоемъ мѣстѣ ему морду разбилъ. Оплевать, воспользоваться твоей необразованностью! Подло, братъ! Мнѣ тебя отъ души жаль.

Турбинъ вдругъ сморщился, захлюпалъ, хотѣлъ что-то сказать, но захлебнулся слезами и только зубами скрипнулъ.

— Ну, вотъ, опять готовъ!—сказалъ Кондратъ Семенычъ съ сожалѣніемъ.—Тебѣ, братъ, стоитъ бросить пить.

— Да не пьянъ я!—закричалъ Турбинъ бѣшено, съ красными, полными слезъ глазами, и треснулъ кулакомъ по столу.

XIX.

— Э-эй, держись! — крикнулъ Васька, когда рыженькая троечка что̀ есть духу разнеслась въ темнотѣ подъ гору и толпа ребятъ и дѣвокъ, какъ стадо овецъ, шарахнулась въ сторону.

Взрывъ хохота и криковъ на время покрылъ звонъ колокольчиковъ... Мелькнули огни кабака... Турбина охватило отчаянное чувство смѣлости и веселья.

— Дѣлай!—крикнулъ онъ Васькѣ.

Сани налетѣли на водовозку, сбили ее въ сторону. Около завода какая-то фигура вынырнула изъ темноты и упала на ноги Турбина.

— Митька? Ты?—крикнулъ Кондратъ Семенычъ.

— Ребята гнались,—молчи!

И на поворотѣ въ село фигура выпрыгнула изъ саней и опять скрылась въ темнотѣ.

Въ избахъ свѣтились огни, чернѣли кучки народа на улицѣ, шумъ и гамъ покрывали горластыя пѣсни, толкотня, пляска, гармоники. Стономъ стояла и разливалась протяжная „страдательная“, ее заглушалъ азартный трепакъ, топотъ ногъ и взвизгиванія...

Сперва попали въ какую-то избу, биткомъ набитую народомъ. Съ непривычки Турбину показалось даже страшно въ ней: такъ было жарко, низко и людно. Шла игра въ „короли“. Неиграющіе, ложась другъ къ другу на плечи и почти доставая головами до потолка, покрытаго отъ черной топки словно чернымъ густымъ лакомъ, тѣснились къ столу. За столомъ сидѣли ребята въ разстегнутыхъ полушубкахъ и чистыхъ рубахахъ, дѣвки въ красныхъ ситцахъ, сильно пахнущихъ краскою. У всѣхъ были сжаты корабликомъ карты въ рукахъ и напряженно-веселы лица. Ребятишки шмыгали по ногамъ, лѣзли изъ сѣнецъ въ избу. „Выстудили избу, окаянные!“— кричала на нихъ хозяйка и громко спрашивала Кондрата Семеныча:

— А это чей же будетъ?

— Свой, тетка!—отвѣтилъ Турбинъ съ хохотомъ и, сѣвши на лавку, не удержался, завалился за сидящихъ и задралъ ноги.

А черезъ минуту онъ былъ опять въ саняхъ.

Кондратъ Семенычъ втащилъ въ нихъ какую-то хохочущую солдатку и, стоя, крикнулъ Васькѣ:

— Къ печнику!

— Попала шлея подъ хвостъ!—подхватилъ Турбинъ.

XX.

Отъ посѣщенія печника болѣе всего осталось въ памяти его пѣніе. И самъ печникъ, волосатый, пожилой мужикъ, и жена его, всегда веселая и разбитная баба, больше всего на свѣтѣ любили водку и пѣсни. Гости за посѣщеніе ихъ избы напаивали ихъ, и безпутные супруги бывали очень довольны такими вечерами. И теперь тотчасъ же въ печкѣ запылалъ огонь, зашипѣла и затрещала яичница съ ветчиной, загудѣла труба на самоварѣ. Запьянѣвшая, раскраснѣвшаяся хозяйка поддувала пламя подъ таганчикомъ и съ ласковой улыбкой останавливалась, разсматривая Турбина. Затѣмъ начался пиръ. За каждымъ кускомъ слѣдовала водка; ошалѣвшій Турбинъ не отставалъ отъ другихъ, хотя уже чувствовалъ, что съ великимъ трудомъ слышитъ говоръ и пѣсни вокругъ себя. Пѣсни началъ печникъ. Положивъ голову на руку, онъ что̀ ни есть мочи разливался такимъ неистовымъ крикомъ, что на шеѣ у него вздувались синія жилы.

— Ѣшьте, что̀ ль, ветчину-то!—кричала хозяйка.

Турбинъ машинально, кусокъ за кускомъ, ѣлъ страшно соленую ветчину, и челюсти у него ломило отъ безплодныхъ усилій разжевать эти жареные брусочки.

На печника уже не обращалъ никто вниманія. Перебивая его пѣсни, Кондратъ Семенычъ съ Васькой лихо играли на двухъ гармоникахъ „Барыню“, а бабы, съ прибаутками, съ серьезными, неподвижными лицами выхаживали другъ передъ другомъ, постукивая каблуками:

Посылала меня мать
Караулить гусака—

вычитывала хозяйка.

Ужъ я ее кнутомъ,
И кнутомъ, и прутомъ—

бойко покрикивала въ отвѣтъ солдатка, то прихлопывая въ ладоши, то упирая руки въ бока.

— Дѣлай!—повторялъ Васька, потрясая гармоникой надъ головою и пускаясь въ самыя отчаянныя варьяціи „Барыни“. Въ чаду безпричинной напряженной веселости сознаніе учителя иногда прояснялось. „Гдѣ это я? Что̀ такое?“—спрашивалъ онъ себя, но тотчасъ начиналъ хлопать въ ладоши и въ тактъ „Барыни“ стучать сапогами въ полъ.

А за окномъ, которое завѣсили попоной, галдѣлъ народъ, порываясь въ избу. Горькій пьяница, рабочій съ завода, „Бу-

бенъ“, огромный худой мужикъ, съ лошадинымъ лицомъ, съ растрепанными пьяными губами, нѣсколько разъ отворялъ дверь.

— Не пускай, ну его къ чорту!—говорилъ Кондратъ Семенычъ.

— Ну, что ты? Кого тебѣ?—спрашивала хозяйка, загораживая порогъ.

Улыбаясь и качаясь, „Бубенъ“ придерживался за притолку и говорилъ:

— Да чего? Да ничего! Зайтить закурить только.

— Никого тутъ нѣтути. Иди.

— Буде, буде толковать-то!

— Тури его въ шею!—кричалъ Кондратъ Семенычъ.

У Турбина нестерпимо ломило въ темени отъ жары и водки. Но онъ все еще не отставалъ отъ другихъ и, когда раздались крики, что съ лошадей сняли вожжи и черезсѣдельникъ, онъ даже выскочилъ вмѣстѣ съ Васькой на улицу, готовый на отчаянную драку. На морозѣ водка еще болѣе разобрала его, и съ этого момента воспоминанія его совершенно путаются.

Запомнилъ онъ только то, что долго бродилъ по сѣнцамъ, а когда Кондратъ Семенычъ выпихнулъ къ нему какую-то бабу, онъ потащилъ ее на скотный дворъ, и она вырывалась и торопливо шептала:

— Что ты, что ты? Ай подѣялось?.. Ай очумѣлъ?.. Охъ, батюшки, пусти, пусти-и!.. Тутъ погребица!..

И ошалѣвшій Турбинъ опять съ трудомъ отыскалъ дверь въ избу и очутился въ полномъ мракѣ, и эта темнота, шопотъ, возня на соломѣ еще болѣе взбудоражили его кровь. Онъ долго шарилъ по соломѣ трясущимися руками, наткнулся на печника, который сидѣлъ на полу и бормоталъ что-то, повалилъ кочергу... потомъ потерялъ всякое представленіе о томъ, гдѣ онъ...

Чувствовалъ только во снѣ, что откуда-то по ногамъ несетъ холодомъ. Онъ тщетно пряталъ ихъ подъ солому. Потомъ началась страшная жажда. Все внутри у него горѣло, и онъ чувствовалъ это сквозь сонъ и никакъ не могъ проснуться, и все шепталъ горячечнымъ шопотомъ:

— Пить... Бога ради пить!..

Казалось, что какая-то толпа растетъ вокругъ него, а онъ пляшетъ подъ „Тарантеллу“, пляшетъ, пляшетъ безъ конца и вдругъ слышитъ надъ самой своей головой рукоплесканія и крики, отчаянный крикъ. Онъ вскочилъ: пѣтухъ еще разъ крикнулъ на всю избу и затрепыхалъ крыльями.

Холодъ плылъ по ногамъ. Еле-еле свѣтало. Въ смутномъ сумракѣ было видно нѣсколько человѣкъ, спящихъ на соломѣ. Шатаясь, Турбинъ началъ шарить по печуркамъ спичекъ; въ печуркахъ были какія-то сырыя теплыя перья; на групкѣ лежала деревянная спичечница, но она была пуста. Турбинъ задыхался отъ жажды.

— Бога ради, напиться!—сказалъ онъ громко.

— Охъ, чтобъ тебѣ совсѣмъ! Вотъ напужалъ-то!

Солдатка вскочила и, заспанная, торопливо и неловко стала завязывать юбку и завертывать подъ платокъ сбитые волосы.

— Нить нѣтъ ли? Душа запеклась!

— Посмотри въ углѣ, въ щербатомъ чугунчикѣ.

Турбинъ съ жадностью припалъ къ чугунчику. Но квасъ былъ такъ киселъ и холоденъ, что Турбина съ первыхъ глотковъ подхватила лихорадка, и, не попадая зубъ на зубъ, онъ бросился по нарамъ, черезъ Кондрата Семеныча, на печку; Кондратъ Семенычъ замычалъ и заскрипѣлъ во снѣ зубами.

Какой-то тяжелый запахъ и тепло охватили Турбина, и онъ заснулъ, какъ убитый. Но и этотъ сонъ продолжался какъ будто мгновеніе. Затопили печку „по черному“, и дымъ, пеленой потянувшійся подъ потолкомъ въ дверь, завѣшенную попоной, сталъ душить Турбина. Онъ зарывалъ голову въ солому и соръ, но ничто не помогало. Тогда онъ свѣсилъ голову съ печки, кое-какъ приладилъ ее къ кирпичамъ и такъ и проспалъ до самыхъ завтраковъ.

Въ завтраки Кондратъ Семенычъ, съ опухшимъ лицомъ, но уже въ спокойномъ, будничномъ настроеніи, сидѣлъ за столомъ противъ печника, похмелялся и, вертя цыгарку, поглядывалъ на сонное лицо Турбина. Оно было какъ мертвое: истомленное, страдальческое и кроткое.

— Вотъ-те и педагогъ!—сказалъ онъ съ сожалѣніемъ.— Пропалъ малый!

— Сирота, небось!—задумчиво произнесъ печникъ.

1894 г.

БАЙБАКИ.

I.

Темнѣетъ, къ ночи поднимается вьюга...

Завтра Рождество, большой веселый праздникъ, и отъ этого еще грустнѣе кажутся непогожія сумерки, безконечная глухая дорога и поле, утопающее во мглѣ поземки. Небо все ниже нависаетъ надъ нимъ; слабо брезжитъ синевато-свинцовый свѣтъ угасающаго дня, и въ туманной дали уже начинаютъ появляться тѣ блѣдные неуловимые огоньки, которые всегда мелькаютъ передъ напряженными глазами путника въ зимнія степныя ночи...

Кромѣ этихъ зловѣщихъ таинственныхъ огоньковъ, въ полуверстѣ ничего не видно впереди. Хорошо еще, что морозно, и вѣтеръ легко сдуваетъ съ дороги жесткій снѣгъ. Но зато онъ бьетъ имъ въ лицо, засыпаетъ съ шипѣньемъ придорожныя дубовыя вѣшки, отрываетъ и уноситъ въ дыму поземки ихъ почернѣвшіе, сухіе листья, и, глядя на нихъ, чувствуешь себя затерянным въ пустынѣ, среди вѣчныхъ сѣверныхъ сумерекъ...

Въ полѣ, далеко отъ большихъ проѣзжихъ путей, далеко отъ большихъ городовъ и желѣзныхъ дорогъ, стоитъ хуторъ. Даже деревушка, которая когда-то была возлѣ самаго хутора, гнѣздится теперь верстахъ въ пяти отъ него. Хуторъ этотъ господа Баскаковы много лѣтъ тому назадъ наименовали Лучезаровкой, а деревушку—Лучезаровскими Двориками.

Лучезаровка! Шумитъ, какъ море, вѣтеръ вокругъ ися, и на дворѣ, по высокимъ бѣлымъ сугробамъ, какъ по могильнымъ холмамъ, исподтишка курится поземка. Эти сугробы окружены далеко другъ отъ друга разбросанными постройками: господскимъ домомъ, „каретнымъ“ сараемъ и „людской“ избой. Всѣ постройки на старинный ладъ—низкія и длинныя. Домъ

обшитъ тесомъ; передній фасадъ его глядитъ во дворъ только тремя маленькими окнами; крыльца—съ навѣсами на столбахъ; большая соломенная крыша почернѣла отъ времени. Была такая же и на людской, но теперь остался только скелетъ этой крыши и узкая, кирпичная труба возвышается надъ нимъ, какъ длинная шея...

И кажется, что усадьба вымерла: никакихъ признаковъ человѣческаго жилья, кромѣ начатаго омета возлѣ сарая, ни одного слѣда на дворѣ, ни одного звука людской рѣчи! Все забито снѣгомъ, все спитъ безжизненнымъ сномъ подъ напѣвы степного вѣтра, среди зимнихъ полей. Волки бродятъ по ночамъ около дома, приходятъ изъ луговъ по саду къ самому балкону.

Когда-то... Впрочемъ, кто не знаетъ, что̀ было когда-то въ Лучезаровкахъ! Въ „тырло“ превратилась Баскаковская Лучезаровка, и числится при ней уже всего-на-всего двадцать восемь десятинъ распашной и четыре десятины усадебной земли. Въ городъ переселилась семья Якова Петровича Баскакова: Глафира Яковлевна замужемъ за землемѣромъ, и почти круглый годъ живетъ у нея и Софья Павловна. Но Яковъ Петровичъ—старый степнякъ. Онъ на своемъ вѣку прогулялъ въ городѣ нѣсколько имѣній, но не пожелалъ кончать тамъ „послѣднюю треть жизни“, какъ выражался онъ о человѣческой старости. При немъ живетъ его бывшая крѣпостная, говорливая и крѣпкая старуха Дарья; она няньчила всѣхъ дѣтей Якова Петровича и навсегда осталась при баскаковскомъ домѣ. Кромѣ нея, Яковъ Петровичъ держитъ еще работника, замѣняющаго кухарку: кухарки не живутъ въ Лучезаровкѣ больше двухъ-трехъ недѣль.

— Тотъ-то у него будетъ жить!—говоритъ онъ.—Тамъ отъ одной тоски сердце изноетъ!

Поэтому-то и замѣняетъ ихъ Судакъ, мужикъ изъ Дворико̀въ. Онъ человѣкъ лѣнивый и неуживчивый, но тутъ ужился. Возить воду съ пруда, топить печи, варить „хлебово“, мѣсить рѣзку бѣлому мерину и курить по вечерамъ съ барином̀ махорку—невеликъ трудъ.

Землю Яковъ Петровичъ всю сдаетъ мужикамъ, домашнее хозяйство его чрезвычайно несложно. Прежде, когда въ усадьбѣ стояли амбары, скотный дворъ и рига, усадьба еще походила на человѣческое жилье. Но на что̀ нужны амбары, рига и скотные дворы при двадцати восьми десятинахъ, заложенныхъ, перезаложенныхъ въ банкѣ? Благоразумнѣе было ихъ продать и хоть нѣкоторое время пожить на нихъ веселѣе, чѣмъ обыкновенно. И Яковъ Петровичъ продалъ сперва

ригу, потомъ амбары, а когда употребилъ на топку весь верхъ со скотнаго двора, продалъ и каменныя стѣны его. И неуютно стало въ Лучезаровкѣ! Жутко было бы среди этого разореннаго гнѣзда даже Якову Петровичу, такъ какъ отъ голода и холода Дарья имѣла обыкновеніе на всѣ большіе зимніе праздники уѣзжать въ село къ племяннику, сапожнику, но къ зимѣ Якова Петровича выручалъ его другой, болѣе вѣрный другъ.

— Селямъ алекюмъ! — раздавался старческій голосъ въ какой-нибудь хмурый день въ „дѣвичьей“ лучезаровскаго дома.

Какъ оживлялся при этомъ, знакомомъ съ самой крымской кампаніи, татарскомъ привѣтствіи Яковъ Петровичъ! У порога почтительно стоялъ и, улыбаясь, раскланивался маленькій, сѣдой человѣкъ, уже разбитый, хилый, но всегда бодрящійся, какъ всѣ бывшіе дворовые люди. Это прежній денщикъ Якова Петровича, Гервасій Тимоѳеевичъ Ковалевъ. Сорокъ лѣтъ прошло со времени крымской кампаніи, но каждый годъ онъ является передъ Яковомъ Петровичемъ и привѣтствуетъ его тѣми словами, которыя напоминаютъ имъ обоимъ Крымъ, охоты на фазановъ, ночевки въ татарскихъ сакляхъ...

— Алекюмъ селямъ!—весело восклицалъ и Яковъ Петровичъ.—Живъ?

— Да вѣдь севастопольскій герой-то,—отвѣчалъ Ковалевъ.

Яковъ Петровичъ съ улыбкой осматривалъ его тулупъ, крытый солдатскимъ сукномъ, старенькую поддевочку, въ которой Ковалевъ казался сѣденькимъ мальчикомъ, поярковые валенки, которыми онъ такъ любилъ похвастать, потому что они поярковые...

— Какъ васъ Богъ милуетъ?—спрашивалъ Ковалевъ.

Яковъ Петровичъ осматривалъ и себя. И онъ все такой же: плотная фигура, сѣдая, стриженая голова, сѣдые усы, добродушное, безпечное лицо съ маленькими глазами и „польскимъ“ бритымъ подбородкомъ, эспаньолка...

— Байбакъ!—шутилъ онъ надъ собой.—Ну, раздѣвайся, раздѣвайся! Гдѣ пропадалъ? Удилъ, огородничалъ?

— Удилъ, Яковъ Петровичъ. Тамъ посуды полой водой унесло нынѣшній годъ—и не приведи Господи!

— Значитъ, опять въ блиндажахъ сидѣлъ?

— Въ блиндажахъ, въ блиндажахъ...

— А табакъ есть?

— Есть маленько.

— Ну, садись, давай завертывать.

— Какъ Софья Павловна?

— Въ городѣ. Я былъ у ней недавно, да удралъ скоро.

Тутъ скука смертная, а тамъ еще хуже. Да и зятекъ мой любезный... Ты знаешь, какой человѣкъ! Ужаснѣйшій холопъ, интересанъ!

— Изъ хама не сдѣлаешь пана!

— Не сдѣлаешь, братъ... Ну да чортъ съ нимъ!

— Какъ ваша охота?

— Да все пороху, дроби нѣту. На-дняхъ разжился, пошелъ, пришибъ одного косолобаго...

— Ихъ нынѣшній годъ страсть!

— Про то и толкъ-то. Завтра чѣмъ свѣтъ зальемся.

— Обязательно.

— Я тебѣ, ей-Богу, отъ души радъ!

Ковалевъ усмѣхался.

— А шашки цѣлы?—спрашивалъ онъ, свернувъ цыгарку и подавая Якову Петровичу.

— Цѣлы, цѣлы. Вотъ давай обѣдать и срѣжемся!

II.

Темнѣетъ. Наступаетъ предпраздничный вечеръ.

Разыгрывается на дворѣ мятель, все больше заноситъ снѣгомъ окошко, все холоднѣе и сумрачнѣе становится въ „дѣвичьей“. Это старинная комнатка съ низкимъ потолкомъ, съ бревенчатыми, черными отъ времени стѣнами и почти пустая: подъ окномъ длинная лавка, около лавки простой деревянный столъ, у стѣны комодъ, въ верхнемъ ящикѣ котораго стоятъ тарелки. Дѣвичьей по справедливости она называлась уже давнымъ-давно, лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ тому назадъ, когда тутъ сидѣли и плели при свѣтѣ „каганца“ кружева дворовыя дѣвки. Теперь дѣвичья—одна изъ жилыхъ комнатъ самого Якова Петровича. Одна половина дома, окнами во дворъ, состоитъ изъ дѣвичьей, лакейской и кабинета среди нихъ; другая, окнами въ вишневый садъ,—изъ гостиной и залы. Но зимой лакейская, гостиная и зала не топятся, и тамъ такъ холодно, что насквозь промерзаетъ и ломберный столъ, и портретъ Николая I.

Въ этотъ непогожій предпраздничный вечеръ въ дѣвичьей особенно неуютно. Яковъ Петровичъ сидитъ на лавкѣ и куритъ. Ковалевъ стоитъ у печки, склонивъ голову. Оба въ шапкахъ, валенкахъ и шубахъ; баранье пальто Якова Петровича надѣто прямо на бѣлье и подпоясано полотенцемъ. Смутно виденъ въ сумракѣ плавающій синеватый дымъ махорки. Слышно, какъ дребезжатъ отъ вѣтра разбитыя стекла въ окнахъ гостиной. Мятель бушуетъ кругомъ дома и часто прерываетъ разговоръ его обитателей: все кажется, что кто-то подъѣхалъ.

— Постой!—вдругъ останавливаетъ Ковалева Яковъ Петровичъ.—Должно-быть, это онъ.

Ковалевъ смолкаетъ. И ему почудился скрипъ саней у крыльца, чей-то голосъ, невнятно донесшійся сквозь шумъ мятели...

— Поди-ка, посмотри,—должно быть, пріѣхалъ.

Но Ковалеву вовсе не хочется выбѣгать на морозъ, хотя и онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ возвращенія Судака изъ села съ покупками. Онъ прислушивается очень внимательно и рѣшительно возражаетъ:

— Нѣтъ, это вѣтеръ.

— Да что тебѣ, трудно посмотрѣть-то?

— Да что жъ смотрѣть, когда никого нѣтъ?

Яковъ Петровичъ вздергиваетъ плечами; онъ начинаетъ раздражаться...

Такъ, было, все хорошо складывалось... Пріѣзжалъ богатый мужикъ изъ Калиновки съ просьбой написать прошеніе къ земскому начальнику (Яковъ Петровичъ славится въ околоткѣ какъ сочинитель прошеній) и привезъ за это курицу, бутылку водки и рубль денегъ. Правда, водка была выпита при самомъ сочиненіи и чтеніи прошенія, курица въ тотъ же день зарѣзана и съѣдена, но рубль остался цѣлъ,—Яковъ Петровичъ приберегъ его къ празднику... Потомъ вчера утромъ внезапно явился Ковалевъ и принесъ съ собой кренделей, полтора десятка яицъ, да еще и шестьдесятъ копеекъ. И старики были веселы и долго обсуждали, что купить. Въ концѣ концовъ развели въ чашкѣ сажи изъ печки, завострили спичку и жирными, крупными буквами написали въ село къ лавочнику: „Въ харчевню Николай Иванова. Отпусти 1 ф. махорки полуотборной, 1,000 спичекъ, 5 сельдей мариованныхъ, 2 ф. масла коноплянаго, 2 осьмушки фруктоваго чаю, 1 ф. сахару и 1½ ф. жамокъ мятныхъ“.

Но Судака нѣтъ съ самаго утра. А это влечетъ за собой то, что предпраздничный вечеръ пройдетъ вовсе не такъ, какъ думалось, и, главное, придется самимъ итти за соломой въ ометъ: отъ вчерашняго дня соломы осталось въ сѣнцахъ чуть. И Яковъ Петровичъ раздражается, и все начинаетъ рисоваться ему въ мрачныхъ краскахъ.

Мысли и воспоминанія идутъ въ голову самыя невеселыя... Вотъ ужъ около полугода онъ не видалъ ни жены ни дочери... Жить на хуторѣ становится съ каждымъ днемъ все хуже и скучнѣе...

— А, да чортъ его побери совсѣмъ!—говоритъ Яковъ Петровичъ свою любимую успокаивающую фразу.

Но сегодня она не успокаиваетъ...

— Ну, и холода же завернули!—говоритъ Ковалевъ.

— Ужаснѣйшій холодъ! — подхватываетъ Яковъ Петровичъ.—Вѣдь тутъ хоть волковъ морозь! Смотри.. Хх! Паръ отъ дыханія видно!

— Да,—продолжаетъ Ковалевъ монотонно.—А вѣдь, помните, мы подъ Новый годъ когда-то цвѣточки рвали въ однихъ мундирчикахъ! Подъ Балаклавой-то...

И опускаетъ голову.

— А онъ, видимое дѣло, не пріѣдетъ,—говоритъ Яковъ Петровичъ, не слушая.—Мы въ дурацкой ажитаціи, ни больше ни меньше!

— Не почевать же онъ останется въ харчевнѣ!

— А ты что̀ думаешь? Ему очень нужно!

— Положимъ, здорово мететъ...

— Ничего тамъ не мететъ. Обыкновенно, не лѣто...

— Да вѣдь трусъ государственный! Замерзнуть боится...

— Да какъ же это замерзнуть? День, дорога знакомая...

— Постойте! — перебиваетъ Ковалевъ. — Кажется, подъѣхалъ...

— Я говорю тебѣ, выйди, посмотри! Ты, ей-Богу, совсѣмъ отетеревѣлъ нынче! Надо же самоваръ ставить и соломы надергать.

— Да вѣдь, конечно, надо. А то что̀ жъ тамъ сдѣлаешь ночью?

Ковалевъ соглашается, что итти за соломой необходимо, но ограничивается приготовленіями къ топкѣ: онъ подставляетъ къ печкѣ стулъ, взлѣзаетъ на него, отворяетъ заслонку и вынимаетъ вьюшки. Въ трубѣ начинаетъ завывать на разные голоса вѣтеръ.

— Впусти хоть собаку-то!—говоритъ Яковъ Петровичъ.

— Какую собаку?—спрашиваетъ Ковалевъ, кряхтя и слѣзая со стула.

— Да что̀ ты дуракомъ-то прикидываешься? Флембо̀, конечно,—слышишь, визжитъ.

Правда, Флембо, старая сука, жалобно повизгиваетъ въ сѣнцахъ.

— Надо Бога имѣть!—прибавляетъ Яковъ Петровичъ.—Вѣдь она замерзнетъ... А еще охотникъ! Лодырь ты, братъ, какъ я погляжу! Ужъ, правда, байбакъ.

— Да оно и вы-то, должно-быть, изъ той же породы,—улыбается Ковалевъ, отворяетъ дверь въ сѣнцы и впускаетъ въ дѣвичью Флембо.

— **Затворяй**, затворяй. пожалуйста!—кричитъ Яковъ Пе-

тровичъ.—Такъ и понесло по ногамъ холодомъ... Кушъ тутъ!— грозно обращается онъ къ Флембо, указывая пальцемъ подъ лавку.

Ковалевъ же, прихлопывая дверь, бормочетъ:

— Тамъ несетъ—свѣту Божьяго не видно!.. А, должно-быть, скоро насъ потащутъ въ Богословское! Вотъ-вотъ о. Василій припожалуетъ за нами. Я ужъ вижу. Все мы ссоримся. Это передъ смертью.

— Ну, ужъ это обрекай себя одного, пожалуйста,—возражаетъ Яковъ Петровичъ задумчиво.

И опять выражаетъ свои мысли вслухъ:

— Нѣтъ, я ужъ больше не буду сидѣть въ этомъ тырлѣ сторожемъ! Кажется, скоро-скоро затрещитъ эта проклятая Лучезаровка...

Онъ развертываетъ кисетъ, насыпаетъ цыгарку махоркой и продолжаетъ:

— Дошло до того, что завяжи глаза да бѣги со двора долой! А все моя довѣрчивость дурацкая да друзья-пріятели! Я всю жизнь былъ честенъ, какъ булатъ, я никому ни въ чемъ не отказывалъ... А теперь что̀ прикажете мнѣ дѣлать? На мосту съ чашкой стоять? Пулю въ лобъ пустить? „Жизнь игрока“ разыграть? Вонъ у племянничка, Арсентія Михалыча, тысяча десятинъ, да развѣ у нихъ есть догадочка помочь старику? А ужъ самъ я по чужимъ людямъ не пойду кланяться! Я самолюбивъ, какъ порохъ!

И, окончательно раздраженный, Яковъ Петровичъ совсѣмъ зло прибавляетъ:

— Однако телиться нечего, надо за соломой отправляться!

Ковалевъ еще больше сгорбливается и запускаетъ руки въ рукава тулупа. Ему такъ холодно, что у него стынетъ кончикъ носа, но онъ все еще надѣется, что какъ-нибудь „обойдется“... можетъ-быть, Судакъ подъѣдетъ... Онъ отлично понимаетъ, что Яковъ Петровичъ ему одному предлагаетъ отправляться за соломой.

— Да вѣдь телиться!—говоритъ онъ.—Вѣтеръ-то съ ногъ сшибаетъ...

— Ну, барствовать теперь не приходится!

— Побарствуешь, когда поясницу не разогнешь. Не молоденькіе тоже! Слава Богу, двумъ-то намъ подъ сто сорокъ будетъ.

— Ужъ, пожалуйста, не прикидывайся мерзлымъ барапомъ!

Яковъ Петровичъ тоже отлично понимаетъ, что одинъ Ковалевъ ничего не подѣлаетъ въ занесенномъ снѣгомъ ометѣ. Но и онъ надѣется, что какъ-нибудь обойдется безъ него...

Между тѣмъ въ дѣвичьей становится уже совсѣмъ темно, и Ковалевъ наконецъ рѣшается посмотрѣть, не ѣдетъ ли Судакъ. Шаркая разбитыми ногами, идетъ онъ къ двери...

Яковъ Петровичъ пускаетъ черезъ усы дымъ, и такъ какъ ему уже очень хочется чаю, то мысли его принимаютъ нѣсколько иное направленіе.

— Гм!—бормочетъ онъ.—Какъ вамъ это покажется? Хорошъ праздничекъ! Лопать, какъ собакѣ, хочется. Вѣдь неѣдалаго царства нѣту... Прежде хоть венгерцы ѣздили!.. Ну, погоди же, Судакъ!

Двери въ сѣнцахъ хлопаютъ, вбѣгаетъ Ковалевъ.

— Нѣту!—восклицаетъ онъ.—Какъ провалился! Что жъ теперь дѣлать? Въ сѣнцахъ соломы чуть!

Въ снѣгу, въ тяжеломъ тулупѣ, маленькій и сгорбленный, онъ такъ жалокъ и безпомощенъ.

Яковъ Петровичъ вдругъ подымается.

— А вотъ я знаю что дѣлать!—говоритъ онъ, осѣненный какой-то хорошей мыслью,—наклоняется и достаетъ изъ-подъ лавки топоръ.

— Эта задача очень просто разрѣшается,—прибавляетъ онъ, опрокидывая стулъ, стоящій около стола, и взмахиваетъ топоромъ.—Таскай пока солому-то! Чортъ его побери совсѣмъ, мнѣ свое здоровье дороже стула!

Ковалевъ, тоже сразу оживившійся, съ любопытствомъ смотритъ, какъ летятъ щепки изъ-подъ топора.

— Вѣдь тамъ, небось, еще на потолкѣ много?—подхватываетъ онъ.

— Валяй на чердакъ, да самоваръ вытрясай!

Въ растворенную дверь несетъ холодомъ, пахнетъ снѣгомъ... Ковалевъ, спотыкаясь, таскаетъ въ дѣвичью солому, ручки старыхъ креселъ съ чердака...

— За милую душу истопимъ,—твердитъ онъ.—Крендели еще есть... Яицъ бы напечь!

— Тащи ихъ на-конъ. А то сидимъ плакучими ивами!

III.

Медленно протекаетъ зимній вечеръ. Не смолкая бушуетъ мятель за окнами...

Но теперь старики уже не прислушиваются къ ея шуму. Поставили въ сѣнцахъ самоваръ, затопили въ кабинетѣ печку и оба сѣли около нея на корточки.

Славно охватываетъ тѣло тепломъ! Иногда, когда Ковалевъ запихивалъ въ печку большую охапку холодной соломы, глаза Флембо, которая тоже пришла погрѣться къ двери кабинета,

какъ два изумрудные камня, сверкали въ темнотѣ. А въ печкѣ глухо гудѣло; просвѣчивая то тутъ, то тамъ сквозь солому и бросая на потолокъ кабинета мутно-красныя, дрожащія полосы свѣта, медленно разрасталось и приближалось гудящее пламя къ устью, прыскали, съ трескомъ лопаясь, хлѣбныя зерна... Мало-по-малу озарялась вся комната. Пламя совсѣмъ овладѣвало соломой, и, когда отъ нея оставалась только дрожащая груда „жара“, словно раскаленныхъ, золотисто-огненныхъ проволокъ, когда эта груда опадала, блекла, Яковъ Петровичъ скидывалъ съ себя пальто, садился задомъ къ печкѣ и поднималъ на спинѣ рубаху.

— Аа, аа,—говорилъ онъ.—Славно спину-то нажаритъ! Гервасій Тимоѳеевичъ, дери!

Ковалевъ принимался чесать ему спину.

— Аа, аа,—повторялъ Яковъ Петровичъ и, когда его толстая спина становилась багровой, отскакивалъ отъ печки и накидывалъ тулупъ.

— Вотъ такъ пробрало! А то вѣдь бѣда безъ бани... Ну да ужъ нынѣшній годъ обязательно поставлю!

Это „обязательно“ Ковалевъ слышитъ каждый годъ, но каждый годъ съ восторгомъ принимаетъ мысль о банѣ.

— Добро милое! Бѣда безъ бани,—соглашается онъ, нагрѣвая у печки и свою худощавую спину.

Когда дрова и солома прогорѣли, Ковалевъ поджаривалъ въ печкѣ крендели, отклоняя отъ жара пылающее лицо. Въ темнотѣ, озаренный красноватымъ жерломъ печки, онъ казался бронзовымъ. Яковъ Петровичъ хлопоталъ около самовара. Вотъ онъ налилъ себѣ въ кружку чаю, поставилъ ее около себя на лежанкѣ, закурилъ и, немного помолчавъ, вдругъ спросилъ:

— А что-то теперь подѣлываетъ премилая сова?

Какая сова? Ковалевъ хорошо знаетъ, какая сова! Лѣтъ 25 тому назадъ онъ подстрѣлилъ сову и гдѣ-то на ночлегѣ сказалъ эту фразу, но фраза эта почему-то не забылась и, какъ десятки другихъ, повторяется Яковомъ Петровичемъ. Сама по себѣ она, конечно, не имѣетъ смысла, но отъ долгаго употребленія стала смѣшной и, какъ другія, подобныя ей, влечетъ за собой много воспоминаній.

Очевидно, Яковъ Петровичъ совсѣмъ повеселѣлъ и приступаетъ къ мирнымъ разговорамъ о быломъ. И Ковалевъ слушаетъ съ задумчивой улыбкой.

— А помните, Яковъ Петровичъ?—начинаетъ онъ...

Медленно протекаетъ вечеръ, тепло и свѣтло въ маленькомъ кабинетѣ. Все въ немъ такъ просто, незатѣйливо, по-старинному: желтенькіе обои на стѣнахъ, украшенныхъ выцвѣтшими

фотографіями, вышитыми шерстью картинами (собака, швейцарскій видъ), низкій потолокъ оклеенъ „Сыномъ Отечества“; передъ окномъ дубовый письменный столъ и старое, высокое и глубокое кресло; у стѣны большая кровать краснаго дерева съ ящиками, надъ кроватью рогъ, ружье, пороховница; въ углу образничка съ темными иконами... И все это родное, давно-давно знакомое!

Старики сыты и согрѣлись. Яковъ Петровичъ сидитъ въ валенкахъ и въ одномъ бѣльѣ, Ковалевъ — въ валенкахъ и поддевочкѣ. Долго играли въ шашки, долго занимались своимъ любимымъ дѣломъ—осматривали одежду—нельзя ли какънибудь вывернуть?—искроили на шапку старую „тужурку“; долго стояли у стола, мѣрили, чертили мѣломъ.

Настроеніе у Якова Петровича самое благодушное. Только въ глубинѣ души шевелится какое-то грустное чувство. Завтра праздникъ, онъ одинъ... Спасибо Ковалеву, хоть онъ не забылъ!

— Ну,—говоритъ Яковъ Петровичъ:—возьми эту шапку себѣ.

— А вы-то какъ же?—спрашиваетъ Ковалевъ.

— У меня есть.

— Да вѣдь одна вязаная?

— Такъ что жъ? Безподобная шапка!

— Ну, покорнѣйше благодаримъ.

У Якова Петровича страсть дѣлать подарки. Да и не хочется ему шить...

— Который-то теперь часъ?—размышляетъ онъ вслухъ.

— Теперь?—спрашивалъ Ковалевъ.—Теперь десять. Вѣрно, какъ въ аптекѣ. Я ужъ знаю. Бывало, въ Петербургѣ, по двое серебряныхъ часовъ нашивалъ...

— Да и брешешь же ты, братъ!—замѣчаетъ Яковъ Петровичъ ласково.

— Да нѣтъ, вы позвольте, не фрапируйте сразу-то!

Яковъ Петровичъ разсѣянно улыбается.

— То-то, должно-быть, въ городѣ-то теперь!—говоритъ онъ, усаживаясь на лежанку съ гитарой.—Оживленіе, блескъ, суета! Вездѣ собранія, маскерады!

И начинаются воспоминанія о клубахъ, о томъ, сколько когда выигралъ и проигралъ Яковъ Петровичъ, какъ иногда Ковалевъ во-время уговаривалъ его уѣхать изъ клуба. Идетъ оживленный разговоръ о прежнемъ благосостояніи Якова Петровича. Онъ говоритъ:

— Да, я много надѣлалъ ошибокъ въ своей жизни. Мнѣ не на кого пенять. А судить меня будетъ ужъ, видно, Богъ, а не Глафира Яковлевна и не зятекъ миленькій. Что жъ, я

бы рубашку имъ отдалъ, да у меня и рубашекъ-то нѣту... Вотъ я ни на кого никогда не имѣлъ злобы... Ну, да все прошло, пролетѣло... Сколько было родныхъ, знакомыхъ, сколько друзей-пріятелей—и все это въ могилѣ!

Лицо Якова Петровича задумчиво. Онъ играетъ на гитарѣ и поетъ старинный, печальный романсъ:

Что ты замолкъ и сидишь одиноко?—

поетъ онъ въ раздумьѣ:

Дума лежитъ на угрюмомъ челѣ...
Иль ты не видишь бокалъ на столѣ?

И повторяетъ съ особенной задушевностью:

Иль ты не видишь бокалъ на столѣ?

Медленно вступаетъ Ковалевъ:

Долго на свѣтѣ не зналъ я пріюту—

разбитымъ голосомъ затягиваетъ онъ, сгорбившись въ старомъ креслѣ и глядя въ одну точку передъ собою.

Долго на свѣтѣ не зналъ я пріюту—

вторитъ Яковъ Петровичъ подъ гитару:

Долго носила земля сироту,
Долго имѣлъ я въ душѣ пустоту...

Вѣтеръ бушуетъ и реветъ крышу. Шумъ у крыльца... Эхъ, если бы хоть кто-нибудь пріѣхалъ! Даже старый другъ, Софья Павловна, забыла...

И, покачивая головой, Яковъ Петровичъ продолжаетъ:

Разъ въ незабвенную жизни минуту,
Разъ я увидѣлъ созданье одно,
Въ коемъ все сердце мое вмѣщено...
Въ коемъ все сердце мое вмѣщено...

Все прошло, пролетѣло... Грустныя думы клонятъ голову... Но печальной удалью звучитъ пѣсня:

Что жъ ты замолкъ и сидишь одиноко?
Стукнемъ бокалъ о бокалъ и запьемъ
Грустную думу веселымъ виномъ!..

— Не пріѣхала бы барыня,—говоритъ Яковъ Петровичъ, дергая струны гитары и кладя ее на лежанку. И старается не глядѣть на Ковалева.

— Кого! —отзывался Ковалевъ.—Очень просто.

— Избавь Богъ, плутаетъ... Въ рогъ бы потрубить... на всякій случай... Можетъ-быть, Судакъ ѣдетъ. Вѣдь замерзнуть-то недолго. По человѣчеству надо судить...

Черезъ минуту старики стоятъ на крыльцѣ. Вѣтеръ рветъ съ нихъ одежду. Дико и гулко заливается старый звонкій рогъ на разные голоса. Вѣтеръ подхватываетъ звуки и несетъ въ непроглядную степь, въ темноту бурной ночи.

— Гопъ-гопъ!—кричитъ Яковъ Петровичъ.

— Гопъ-гопъ!—вторитъ Ковалевъ.

И долго потомъ, настроенные на героическій ладъ, не унимаются старики. Только и слышится:

— Понимаешь? Онѣ тысячами съ болота на овсяное поле! Шапки сбиваютъ!.. Да все матѣрыя, кряковыя! Какъ ни рѣзну— просто каши наварю!

Или:

— Вотъ, понимаешь, я и сталъ за сосной. А ночь мѣсячная — хоть деньги считай! И вдругъ претъ... Лобище вотъ этакій... Какъ я его брызну!

Потомъ идутъ случаи замерзанія, неожиданнаго спасенія... Потомъ восхваленіе Лучезаровки.

— Дѣ-смерти не разстанусь!—говоритъ Яковъ Петровичъ.— Я все-таки тутъ самъ себѣ голова. Имѣніе, надо правду сказать, золотое дно. Если бы немножко мнѣ перевернуться! Сейчасъ всѣ 28 десятинъ—картофелемъ, банкъ—долой, и опять я кумъ королю!

IV.

Всю долгую ночь бушевала въ темныхъ поляхъ вьюга.

Старикамъ казалось, что они легли спать очень поздно, но что-то не спится имъ. Ковалевъ глухо кашляетъ, съ головой закрытый тулупомъ; Яковъ Петровичъ ворочается и стдувается; ему жарко. Да и слишкомъ ужъ грозно буря потрясаетъ стѣны, слѣпитъ и засыпаетъ снѣгомъ окна! Слишкомъ непріятно дребезжатъ разбитыя стекла въ гостиной! Жутко тамъ теперь, въ этой холодной, необитаемой гостиной! Она пустая, мрачная, — потолки въ ней низки, амбразуры маленькихъ оконъ глубоки. Ночь же такая темная! Смутно отсвѣчиваютъ свинцовымъ блескомъ стекла. Если даже прильнешь къ нимъ, то развѣ едва-едва различишь забитый, занесенный сугробами садъ... А дальше мракъ и мятель, мятель...

И старики сквозь сонъ чувствуютъ, какъ одинокъ и безпомощенъ ихъ хуторокъ въ этомъ бушующемъ морѣ степныхъ снѣговъ. Ковалевъ трусливъ, ему все представляется, какъ когда-то давно-давно въ этой гостиной, на раздвинутомъ банкетномъ столѣ, на сѣнѣ, покрытомъ простыней, лежала полная и важная покойница, сестра Якова Петровича. Сколько тогда наѣхало на дворъ Лучезаровки сосѣдей, сколько толпи-

лось дворни, свободно вздохнувшей по случаю смерти барыни! И кажется Ковалеву, что онъ опять стоитъ въ изголовьѣ усопшей и читаетъ псалтирь. Двери изъ гостиной затворены во всѣ комнаты, тамъ много народу, но все-таки Ковалевъ боится и стоитъ, какъ въ туманѣ. Блики свѣта отъ мерцающихъ свѣчъ, какъ по желтой мѣди, скользятъ по лицу мертвеца. Въ комнатѣ еще синѣетъ дымъ кадила... Дымъ этотъ почему-то все сгущается, потолокъ опускается все ниже и ниже, грудь покойницы подымается... она хочетъ вздохнуть... и не можетъ... что-то давитъ ей грудь, и Ковалеву давитъ, и страшно имъ обоимъ... И Ковалевъ вскакиваетъ съ бьющимся сердцемъ.

— Ахъ ты, Господи, Господи!—слышится его бормотанье въ кабинетѣ.

Но опять странной дремотой обвѣваетъ его шумъ мятели. Онъ кашляетъ все тише и рѣже, медленно задремываетъ, словно погружается въ какое-то безконечное пространство... Но опять сквозь сонъ чувствуетъ что-то зловѣщее... Онъ слышитъ... Да, шаги! Тяжелые шаги наверху гдѣ-то... По потолку кто-то ходитъ... Ковалевъ быстро приходитъ въ сознаніе, но тяжелые шаги ясно слышны и теперь... Скрипитъ матица...

— Яковъ Петровичъ!—говоритъ онъ.—Яковъ Петровичъ!

— А? Что?—спрашиваетъ Яковъ Петровичъ.

— А вѣдь по потолку-то кто-то ходитъ.

— Кто ходитъ?

— А вы послушайте-ка!

Яковъ Петровичъ слушаетъ: ходитъ!

— Да нѣтъ, это всегда такъ,—вѣтеръ,—говоритъ онъ наконецъ, зѣвая.—Да и трусъ же ты, братъ! Давай-ка лучше спать.

И правда, сколько уже было толковъ про эти шаги на потолкѣ. Каждую непогожую ночь!

Но все-таки Ковалевъ, задремывая, шепчетъ съ глубокимъ чувствомъ:

— Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога Небеснаго... Не убоишися отъ страха нощнаго, отъ стрѣлы, летящія въ дни... На аспида и василиска наступиши и попреши льва и змія...

И Якова Петровича что-то безпокоитъ во снѣ. Подъ шумъ мятели мерещится ему то гулъ вѣкового бора, то звонъ отдаленнаго колокола; слышится невнятный лай собакъ гдѣ-то въ степи, крикъ работника Судака... Вотъ шуршатъ у крыльца сани, скрипятъ чьи-то лапти по мерзлому снѣгу въ сѣнцахъ... И сердце Якова Петровича сжимается отъ боли и ожиданія: это его сани, а въ саняхъ—Софья Павловна, Глаша... подъ-

ѣзжаютъ онѣ медленно, забитыя снѣгомъ, еле видныя въ темнотѣ бурной ночи... ѣдутъ, ѣдутъ, но почему-то мимо дома, все дальше, дальше... Ихъ увлекаетъ мятель, засыпаетъ ихъ снѣгомъ, и у Якова Петровича подступаютъ слезы къ горлу, и онъ торопливо ищетъ рогъ, хочетъ трубить, звать ихъ... И, почти задохнувшись отъ напряженія, онъ внезапно просыпается.

— Чортъ знаетъ, что̀ такое!—бормочетъ онъ, отдуваясь.

— Что̀ это вы, Яковъ Петровичъ?

— Не спится, братъ! А ночь давно, должно-быть!

— Да, давненько!

— Зажигай-ка свѣчку-то, да закуривай!

Кабинетъ озаряется. Щурясь отъ свѣчки, пламя которой колеблется передъ заспанными глазами, какъ лучистая, мутно-красная звѣзда, старики сидятъ, курятъ, съ наслажденіемъ чешутся и отдыхаютъ отъ сновидѣній... Хорошо проснуться въ долгую зимнюю ночь въ теплой, родной комнатѣ, покурить, поговорить, разогнать жуткія ощущенія веселымъ огонькомъ!

— А я,—говоритъ Яковъ Петровичъ, сладко зѣвая,—а я сейчасъ вижу во снѣ, какъ ты думаешь, что̀?.. Вѣдь приснится же!.. Будто я въ гостяхъ у турецкаго султана!

Ковалевъ сидитъ на полу, сгорбившись (какой онъ старенькій и маленькій безъ поддевочки и со сна!), въ раздумьѣ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, это что̀—у турецкаго султана! Вотъ я сейчасъ видѣлъ... Вѣрите ли? Одинъ за однимъ, одинъ за однимъ... съ рожками, въ пиджачкахъ... малъ-мала меньше... Да вѣдь какого трапташа̀ около меня раздѣлываютъ!

Оба врутъ. Они видѣли эти сны, даже не разъ видѣли, но совсѣмъ не въ эту ночь, и слишкомъ часто разсказываютъ ихъ они другъ другу, такъ что давно другъ другу не вѣрятъ. И все-таки разсказываютъ. И, наговорившись, въ томъ же благодушномъ настроеніи, тушатъ свѣчу, укладываются, одѣваются потеплѣй, надвигаютъ на лобъ шапки и засыпаютъ сномъ праведника...

Медленно наступаетъ день. Темно, угрюмо, буря не унимается. Сугробы подъ окнами почти прилегаютъ къ стекламъ и возвышаются до самой крыши. Отъ этого въ кабинетѣ стоитъ какой-то странный, блѣдный сумракъ...

Вдругъ съ шумомъ летятъ кирпичи съ крыши. Вѣтеръ повалилъ трубу...

Это плохой знакъ: скоро, скоро, должно-быть, и слѣда не останется отъ Лучезаровки!

1895 г.

НА ДОНЦѢ.

О, Донче! Не мало ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелену траву на свои сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами!

Сл. о Пл. Иг.

I.

Шляхъ отъ Путивля къ Донцу, къ древнему монастырю на Святыхъ Горахъ, пролегаетъ на юго-востокъ, на Азовскія степи... Раннимъ утромъ великой субботы я былъ подъ Славянскомъ. Но до Святыхъ Горъ оставалось еще верстъ двадцать, и нужно было итти поспѣшно. Этотъ день мнѣ хотѣлось провести въ обители.

Предо мной сѣрѣло пустынное поле. Одинъ сторожевой курганъ стоялъ вдалекѣ и, казалось, зорко глядѣлъ на равнины. Съ утра въ степи было по-весеннему холодно и вѣтрено; вѣтеръ просушивалъ колеи грязной дороги и шуршалъ прошлогоднимъ бурьяномъ. Но за мною, на западѣ, картинно рисовалась въ необозримой дали гряда мѣловыхъ горъ. Темнѣя пятнами лѣсовъ, какъ старинное, тусклое серебро чернью, она заворачивала къ югу и тонула въ голубомъ утреннемъ туманѣ. Вѣтеръ дулъ мнѣ навстрѣчу, холодилъ лицо и забирался въ рукава, степь увлекала, завладѣвала душой. Одиночество, жажда новизны — все наполняло ее чувствомъ молодости и свѣжести. А когда я подошелъ къ кургану и поднявшійся коршунъ вдругъ взмахнулъ надъ нимъ своими большими крыльями, я чуть не вскрикнулъ отъ радости.

Точно свѣтлый стальной щитъ, блеснула за курганомъ круглая ложбина, налитая весенней водою. Я свернулъ къ ней на отдыхъ. Есть что-то чистое и веселое въ этихъ по-

левыхъ апрѣльскихъ болотцахъ; надъ ними вьются звонкоголосые чибисы, сѣренькія трясогузки щеголевато и легко перебѣгаютъ по ихъ бережкамъ и оставляютъ на илѣ свои тонкіе, звѣздообразные слѣды, а въ мелкой, прозрачной водѣ ихъ отражается ясная лазурь и бѣлыя облака весенняго неба. Курганъ былъ дикій, еще ни разу не тронутый плугомъ. Онъ расплывался на два холма и, словно поблекшей скатертью изъ мутно-зеленаго бархата, былъ покрытъ прошлогодней травой. Сѣдой ковыль тихо покачивался на его склонахъ, жалкіе остатки ковыля. Время его, думалъ я, навсегда проходитъ: въ вѣковомъ забытьѣ онъ только смутно вспоминаетъ теперь далекое былое, прежнія степи и прежнихъ людей, души которыхъ были роднѣе и ближе ему, лучше насъ умѣли понимать его шопотъ, полный отъ вѣка задумчивости пустыни, такъ много говорящей безъ словъ о ничтожествѣ земного существованія. Пѣсни Востока звучатъ вѣчной скорбью, потому что онѣ родились въ тишинѣ необъятныхъ песчаныхъ равнинъ, гдѣ человѣкъ на каждомъ шагу убѣждается въ суетности и слабости своихъ земныхъ порывовъ; пѣсни степей заунывны и тихи, потому что онѣ родились въ душѣ одинокаго кочевника, когда лежалъ онъ на старомъ могильномъ курганѣ, видѣлъ молчаливое небо и тосковалъ невыразимой тоскою, чуялъ невнятный голосъ природы, говорящей намъ, что не на землѣ наша родина...

Отдыхая, я долго лежалъ на курганѣ. Съ полей потянуло теплomъ. Солнце согрѣвало облака, и они свѣтлѣли, таяли. Жаворонки, невидимые въ воздухѣ, напоенномъ парами и свѣтомъ, заливались надъ степью безотчетно-радостными трелями. Вѣтеръ сталъ ласковый, мягкій. Холодкомъ земли и рѣзкой свѣжестью молодой зелени вѣяло отъ кургана. Солнце согрѣвало меня, и я закрывалъ глаза, чувствуя себя вполнѣ счастливымъ. Въ южныхъ степяхъ каждый курганъ кажется молчаливымъ памятникомъ какой-нибудь поэтической были. А побывать на Донцѣ, на Маломъ Танаисѣ, воспѣтомъ „Словомъ“ — это была моя давнишняя мечта. Донецъ видѣлъ Игоря, — можетъ-быть, видѣлъ Игоря и Святогорскій монастырь. Сколько разъ разрушался онъ до основанія и пустѣли его разломанныя стѣны! Сколько перетерпѣлъ онъ потомъ, стоя на татарскихъ путяхъ, въ дикихъ степныхъ равнинахъ, когда иноки его были еще воинами, когда они переживали долгія осады отъ полчищъ дикихъ ордъ и воровскихъ людей, когда на его богослуженія въ рѣдкіе дни отдыха стекались со степей сторожевые люди съ суровыми лицами и желѣзными сердцами!

Скрипъ телѣги, на которой сидѣлъ старикъ, свѣсивъ съ грядки ноги въ допотопныхъ сапогахъ, и сопѣніе воловъ, которые, покачиваясь и вытягивая шеи, придавленныя тяжелымъ ярмомъ, медленно тащились по дорогѣ, разогнали мои думы. Я зашагалъ еще поспѣшнѣе.

Полоса лѣса чернѣла вдали, словно набросанная сепіей. Я не сводилъ съ нея глазъ, думая, что за лѣсомъ-то и откроется долина Донца и Горы. Лѣсъ оказался очень старымъ, заглохшимъ. Меня поразила его безжизненная тишина, его корявыя, изсохшія дебри. Замедляя шаги, я съ трудомъ пробирался по хворосту и бурелому, который гнилъ въ грязи глубокихъ рытвинъ дороги. Ни одной птицы не слышно было въ чащахъ. Иногда дорогу затопляло цѣлое болото весенней воды. Сухія деревья сквозили кругомъ; они сѣрѣли мшистой корою, а кривые ихъ сучья бросали такія слабыя, блѣдныя тѣни.

Скоро, однако, въ перспективѣ лѣсной дороги снова проглянула просторная и вольная даль. Сухой степной вѣтеръ все усиливался, разгоняя въ яркомъ весеннемъ небѣ бѣлыя облака, солнечный день разыгрывался вмѣстѣ съ нимъ... Монастыря же все не было.

Хохолъ, къ которому я подходилъ съ разспросами о дорогѣ, рослый мужикъ съ маленькой головою, одѣтый въ короткую, словно изъ осиновой коры сшитую свитку, не спѣша шелъ за плугомъ. Плугъ тащили четыре вола, а воловъ вела дѣвочка.

— Тату! — сказала она мужику, обращая его вниманіе на меня.

Онъ остановился.

— Эта дорога на Святыя Горы?—спросилъ я.

— А куды вамъ треба?

— Въ монастырь.

— Якій монастіръ?

— Да вы развѣ никогда не были на Святыхъ Горахъ?

— Въ якономіи?

— Да не въ экономіи, а въ самомъ монастырѣ, въ церкви.

— У церкві? Та у насъ своя церква на селі.

— А въ монастырѣ?

— Та бувъ, ще хлопцемъ. Тоді чума на скотъ була, такъ казали, що тамъ пробувавъ такій монахъ, що зналъ замовляти. Отъ і ходили усі, у кого скотина боліла; звісно, молебствіе служили і въ село привозили того инока. Ну, походивъ вінъ по дворахъ, покропивъ водою, а про те ничого не помоглось...

— А много въ монастырѣ народу бываетъ?

— Та богато. Кацапа найбільше.

— А ваши-то развѣ не ходятъ?

— Та й наши ходятъ. А дозвольте спитать, відкиля ви? Изъ-підъ Москви, мабудь?

— А что̀?

— Та такъ, видно, що чужесторонній.

И хохолъ, даже не взглянувъ на меня, снова спокойно пошелъ за плугомъ.

Я уже чувствовалъ усталость. Ноги ныли въ пыльныхъ горячихъ сапогахъ. Бодрое настроеніе ослабѣвало; нужно было развлекать себя. И я принялся считать шаги, и занятіе это такъ увлекло меня, что я очнулся только тогда, когда дорога круто завернула влѣво и вдругъ ослѣпила рѣзкой бѣлизной мѣла. Вдалекѣ, налѣво, на самомъ горизонтѣ, надъ чащею лѣса сверкалъ золотой звѣздой куполъ какой-то церкви. Но я едва взглянулъ туда. Донецъ былъ направо, въ ста шагахъ отъ меня, въ огромной, глубокой долинѣ.

Долго простоялъ я неподвижно, глядя на мутную синеву этихъ привольныхъ луговъ. Донецъ былъ въ разливѣ, вся долина была затоплена водою. Стальныя полосы рѣки тамъ и сямъ сверкали въ чащахъ коричневыхъ тростниковъ и залитыхъ половодьемъ прибрежныхъ лѣсовъ, а къ югу разливались все шире, совсѣмъ уже смутныя у подножія далекихъ мѣловыхъ горъ. И горы бѣлѣли смутно-смутно, и чайки кричали такъ слабо и странно, и вся меланхолія этого пейзажа такъ гармонировала со всѣмъ тѣмъ, что̀, казалось, еще незримо вѣетъ здѣсь изъ глубины вѣковъ.

Я обгонялъ идущій на богомолье народъ — женщинъ, подростковъ, дряхлыхъ калѣкъ съ выцвѣтшими отъ времени и степныхъ вѣтровъ глазами, и все думалъ о старинѣ, о той чудной власти, которая дана прошлому. Откуда она и что̀ она значитъ? Не въ ней ли заключается одна изъ величайшихъ тайнъ жизни? И почему она управляетъ человѣкомъ съ такой дивной силой? Въ чувствѣ религіозномъ наше, часто не сознаваемое, преклоненіе передъ прошлымъ, наше таинственное родство съ мыслями и дѣлами всѣхъ отжившихъ играетъ великую роль...

Между тѣмъ монастырь все еще не показывался. Небо потускнѣло, вѣтеръ началъ пылить по дорогѣ, и въ степи стало скучно. Донецъ скрылся за холмами... Я попросилъ проѣзжаго хлопца подвезти меня, и онъ посадилъ меня въ свою телѣжку на двухъ колесахъ. Мы разговорились, и я не замѣтилъ, какъ мы въѣхали въ лѣсъ и стали спускаться подъ гору.

Все круче, отвѣснѣе становилась горная дорога, каменистая, узкая, живописная. Мы спускались все ниже и ниже въ долину, а столѣтніе красноватые стволы мачтовыхъ сосенъ, гордо выдѣляясь среди разнообразной лѣсной заросли, мощно вцѣпившись корнями въ каменистые берега дороги, плавно подымались все выше и выше, возносились зелеными кронами къ голубому небу. Небо надъ нами казалось еще глубже и невиннѣе, и чистая, какъ это небо, радость наполняла душу. А внизу, сквозь зеленую чащу лѣса, между соснами, вдругъ проглянула глубокая и, какъ показалось, тѣсная долина, золотые кресты, купола и бѣлыя стѣны домовъ у подошвы лѣсистой горы—все скученное, картинно-сокращенное отдаленіемъ, — и свѣтлая полоса узкаго Донца, и густая синева воздуха надъ сплошными луговыми лѣсами за рѣкою...

II.

Сквозь сонъ я долго слышалъ, какъ казалось, надъ самой головою, странный перезвонъ колоколовъ. Я заснулъ на какихъ-то бревнахъ около пристани парома, и тѣло сразу оцѣпенѣло отъ переутомленія; но я чувствовалъ себя среди несмѣтной толпы народа, говоръ котораго гуломъ стоялъ надъ рѣкою; чувствовалъ, что прозябъ отъ весенней рѣчной свѣжести, и никакъ не могъ очнуться.

Новый монастырь, тотъ, что находится у подошвы горы, не такъ красивъ, какъ это кажется издали. Хозяйственныя его постройки, особенно громадное зданіе гостиницы, походятъ на казармы. Вездѣ было тѣсно отъ наѣхавшаго народа. Пожилой монахъ, дремавшій на крыльцѣ гостиницы, на мой вопросъ о помѣщеніи, только посмотрѣлъ на мою блузу и затянулся долгимъ лѣнивымъ зѣвкомъ. Послушникъ, котораго я встрѣтилъ въ воротахъ, такъ спѣшилъ куда-то, что я не успѣлъ остановить его. Онъ только оглянулся и зашагалъ еще шире и неуклюжѣе, махаясь и подаваясь впередъ всѣмъ тѣломъ, отчего на плечахъ его болтались блѣдно-желтые волосы. Другой какими-то тайными путями — темнымъ, узкимъ коридоромъ, гдѣ стоялъ тяжелый духъ склепа, воска, ладана и угаръ отъ самоваровъ, провелъ меня въ номеръ, уже занятый постояльцемъ.

Постоялецъ лежалъ на жесткомъ диванѣ, выставивъ кверху колѣни худыхъ ногъ, и лицо его было желто и постно, какъ у мертвеца. На немъ былъ сѣрый пиджакъ, слишкомъ широкій для его худощаваго тѣла, на шеѣ — шарфъ, на ногахъ — кромѣ сапогъ, рыжія голенища которыхъ виднѣлись подъ короткими штанами—резиновыя глубокія калоши. Коз-

линая бородка его изобличала „кацапа“, человѣка благочестиваго, подозрительнаго и очень любопытнаго. Очень зорко осмотрѣвъ меня, онъ прикрылъ глаза, полежалъ минуту молча и спросилъ:

— Изъ дальнихъ, позвольте спросить?

Я сказалъ.

— Та-акъ. По торговой части или, можетъ, въ услуженіи у кого?

— Нѣтъ.

— Значитъ, капиталъ свой имѣете?

— А что?

Сожитель мой поднялъ брови, искоса глянулъ на меня и закашлялся.

— О-охъ...—простоналъ онъ, тяжело повертываясь на бокъ.

— Вы нездоровы?

— Болѣзни не замѣчаю, а слабость большая во мнѣ, особливо теперь. Очень безъ пищи ослабѣлъ я.

— Какъ безъ пищи?

Онъ тускло улыбнулся.

— А вы, что же, развѣ Бога ни за что почитаете? Святые отцы, къ примѣру, прямо на то указываютъ, чтобъ не вкушать за эти дни пищи, особливо съ четверга...

И опять прикрылъ глаза.

— А вы—торгуете?—спросилъ я.

— Косники были.

— Косы продавали?

— Правильно-съ. Ну, а потомъ, хоть товаръ этотъ, прямо надо сказать, темный и прибыльный, и не сразу тутъ дойдешь до пониманія, восемь гривенъ коса аль два съ полтиной,—пришлось оставить.

— Отчего же?

— Результату нѣту настоящаго.

Онъ помолчалъ и злорадно добавилъ:

— Теперича господа коммерцію полюбили; господину земскому предсѣдателю тоже желается барышокъ себѣ имѣть.

— Да вѣдь это не въ пользу предсѣдателя идетъ.

— Понимаемъ тоже...

— Такъ вы и бросили торговлю?

— Ну, нѣтъ,—безъ дѣла нельзя-съ. Винную лавку содержимъ, черную...

— А въ монастырѣ-то вы часто бываете?

— Да, какъ теперича я недалеко живу. А вы къ чему же это? Про усердіе-то?

Онъ сдвинулъ брови и заговорилъ строго:

— Всякому это подобаетъ. И при дѣлѣ всякій долженъ состоять и храмы Божіи не оставлять безъ вниманія. Хочешь, не хочешь, а исполняй. У меня теперича, къ примѣру сказать, самое горячее дѣло, а я вотъ все на жену бросилъ...

Онъ опять закашлялся слабымъ, внутреннимъ кашлемъ и замолкъ.

— Вамъ нуженъ покой,—сказалъ я, вставая:—лучше я гдѣ-нибудь еще переночую.

— Теперь не до покоя.

— Да нѣтъ, все-таки...

— Ну, съ Богомъ!— сказалъ лавочникъ уже совсѣмъ непріязненно.

Весь берегъ передъ монастыремъ былъ занятъ, какъ на ярмаркѣ, телѣгами и народомъ. Тутъ были и смоленскіе мужики въ бараньихъ шлыкахъ, и туляки, и полтавцы, и волжане. Многіе спали подъ телѣгами, другіе закусывали, умывались; говоръ стоялъ сдержанный и сливался въ однообразный гулъ. Подъ этотъ говоръ я и заснулъ. Когда же проснулся, берегъ уже опустѣлъ: всѣ были въ церкви.

III.

Донецъ подъ Святыми Горами быстръ и узокъ. Берега его заросли лѣсомъ. Правый горный берегъ возвышается почти отвѣсною стѣною и щетинится лѣсной чащей. Подъ нимъ-то и пріютилась бѣлокаменная обитель съ величавымъ, грубо раскрашеннымъ соборомъ посреди двора. Выше, на полугорѣ, бѣлѣя въ зелени лѣса, висятъ два мѣловыхъ конуса, два утеса, сѣрыхъ отъ времени и непогодъ, за которыми держится старинная церковка. А еще выше, уже на самомъ горномъ перевалѣ, рисуется на фонѣ неба другая. Горы какъ будто уносятъ ее въ свѣтлое царство лазури...

Съ юга надвигалась туча, но весенній вечеръ былъ еще ясенъ и тепелъ, и солнце медленно уходило за горы; широкая тѣнь стлалась по Донцу отъ нихъ. И странная тишина царила всюду: какъ одинъ человѣкъ, стояли тамъ, въ церкви, сотни молящихся въ благоговѣйномъ молчаніи.

По мощеному церковному двору, мимо собора, я пошелъ къ крытымъ галлереямъ, что̀ ведутъ въ гору. Въ этотъ часъ пусто было въ ихъ безконечныхъ переходахъ. И чѣмъ выше подымался я, тѣмъ все болѣе вѣяло на меня суровой монастырской жизнью—отъ этихъ картинокъ, изображающихъ скиты и кельи отшельниковъ съ гробами вмѣсто ночныхъ ложъ, отъ этихъ печатныхъ поученій, развѣшанныхъ на стѣнахъ, даже отъ каждой стертой ступеньки въ ветхой гал-

лерѣ. Въ полусумракѣ этихъ переходовъ чудились тѣни отошедшихъ отъ міра сего иноковъ, строгихъ и молчаливыхъ схимниковъ.

Но меня тянуло туда, къ мѣловымъ сѣрымъ конусамъ, къ мѣсту той пещеры, гдѣ въ трудахъ и молитвѣ, простой и возвышенный духомъ, проводилъ свои дни первый человѣкъ этихъ горъ, та великая душа, которая полюбила горный хребетъ надъ Малымъ Танаисомъ... Дико и глухо было тогда въ первобытныхъ лѣсахъ, куда пришелъ святой человѣкъ. Лѣсъ безконечно синѣлъ подъ нимъ. Лѣсъ глушилъ берега, и только рѣка, одинокая и свободная, плескала и плескала своими холодными волнами подъ его навѣсомъ. И какая тишина царила кругомъ! Рѣзкій крикъ птицы, трескъ сучьевъ подъ ногами дикой козы, хриплый хохотъ кукушки и сумеречное уханье филина — все гулко отдавалось въ лѣсахъ. Ночью величавый мракъ простирался надъ ними. По шороху и плеску воды угадывалъ инокъ, что вплавь переходятъ Донецъ люди. Молчаливо, какъ рать дьяволовъ, перебирались они черезъ рѣку, шуршали по кустамъ и исчезали во мракѣ. Жутко тогда было въ горной норѣ одинокому человѣку, но до разсвѣта мерцала его свѣчечка и до разсвѣта звучали его молитвы. А утромъ, изнуренный ночными ужасами и бдѣніемъ, но съ свѣтлымъ лицомъ выходилъ онъ на Божій день, на дневную работу, и опять кротко и тихо было въ его сердцѣ, и синѣли лѣса вдали, и важно и ровно шумѣли столѣтнія сосны по горнымъ обрывамъ...

Глубоко внизу подо мною все тонуло въ теплыхъ сумеркахъ, мелькали огни. Тамъ уже начиналась сдержанно-радостная тревога приготовленій къ свѣтлой заутренѣ. А здѣсь, за мѣловыми утесами, было тихо и еще брезжилъ свѣтъ зари. Птицы, живущія въ трещинахъ скалъ, подъ карнизами церковки, рѣяли вокругъ, визжа, какъ старый флюгеръ, и всплывали снизу и неслышно падали внизъ, въ сумракъ, на своихъ мягкихъ крыльяхъ. Туча съ юга заволокла все небо, вѣя теплотой дождя, весенней душистой грозы, и уже содрогалась отъ вспышекъ молній. Сосны горнаго обрыва слились въ темную опушку и черньли, какъ горбъ спящаго звѣря.

— О, Господи, Господи!—прошепталъ въ это время кто-то сзади меня и глубоко вздохнулъ.

Почти испуганный, я обернулся и увидалъ большую темную фигуру. Широкоплечій старикъ въ монашеской скуфьѣ, но одѣтый по-мірскому — въ толстой курткѣ и въ высокихъ сапогахъ — стоялъ за мною и пристально глядѣлъ въ даль. Лицо у него было широкое, съ крупными чертами, а брови

сурово сдвинуты. Въ глазахъ, маленькихъ и зоркихъ, свѣтилась глубокая, затаенная грусть.

— И сколько тутъ, милый, народу померло, — продолжалъ онъ, не глядя на меня:—не сосчитать никому!

— Гдѣ?—спросилъ я.

— Да тутъ-то, на этомъ мѣстѣ. Былъ я сейчасъ и на кладбищѣ монастырскомъ,—жутко тамъ, а хорошо! Мертвые, милый, видно, правда, лучше живыхъ...

Онъ помолчалъ, не обративъ вниманія на мой удивленный взглядъ, и продолжалъ медленно:

— Я, милый, издалека, астраханскій... Тамъ у меня сынъ живетъ въ подвальныхъ, пятнадцать рублей на всемъ готовомъ получаетъ, дочь въ горничныхъ у станціи начальника... Жена-то померла ужъ годовъ девять тому назадъ... А я все хожу. Гдѣ-гдѣ я ни былъ! Все нѣту мнѣ покоя! Службы я церковной не люблю, а вотъ тянетъ меня въ эту тоску... Не люблю и народа, на народѣ мнѣ хуже... Голоса эти...

— Какіе голоса?—тихо выговорилъ я.

— Ужъ не знаю, милый... Бѣсы превращенные, должно... Все, что̀ ни есть въ мысляхъ, все наговариваютъ...

— Да ты бы полѣчился.

— Лѣчился я. Только нѣту съ того толку. Видно, родился я такой. Да и пилъ я. Дюже пилъ, какъ жена померла. И все, бывало, на кладбище ходилъ, на еврейское.

— Отчего жъ на еврейское?

— Унылѣй тамъ!

Онъ опять помолчалъ, вздохнулъ и сказалъ твердо:

— Да, въ этомъ вся причина. Камни стоятъ старые-старые; и написано непонятно на нихъ, какъ узоры какіе... И одни только камни сѣрые... Ни рѣшетокъ этихъ, ни кустиковъ... Ну, и лучше мнѣ.. Вотъ и здѣсь лучше... Богъ-то, Господь Саваоѳъ, Онъ, Батюшка,—вонъ гдѣ!

И онъ таинственно указалъ въ полутемную галлерею.

„Онъ совсѣмъ боленъ“,—подумалъ я. И, какъ бы угадавъ мою мысль, старикъ улыбнулся и сказалъ:

— Такъ-то всѣ мнѣ говорятъ: что̀, молъ, ты бредишь? А развѣ не правда? Какая моя жисть теперь? А все лучше другихъ... Все лучше, ежели раздумье есть... А то какъ живутъ? Обуваются да разуваются...

Онъ такъ и остался тамъ, все смотря въ одну точку, въ темную даль передъ собой. А я еще успѣлъ сходить на вершину горы, въ верхнюю церковку, нарушилъ шагами ея гробовую тишину. Монахъ, какъ привидѣніе, стоялъ за ящикомъ съ свѣчами. Два-три огонька тихо потрескивали... Поставилъ

и я свою свѣчку за того, кто, слабый и преклонный лѣтами, падалъ ницъ въ этомъ маленькомъ храмѣ въ тѣ грозныя ночи, когда костры осады пылали подъ стѣнами обители...

IV.

Утро было праздничное, жаркое, свѣтлое; радостно, наперебой трезвонили надъ Донцомъ, надъ зелеными горами колокола; ихъ диссонансы такъ чудно сливались въ одну веселую пѣснь о Воскресеніи и уносились туда, гдѣ въ ясномъ воздухѣ стремилась къ небу бѣлая церковка на горномъ перевалѣ. Говоръ гуломъ снова стоялъ надъ рѣкою, а на баркасѣ прибывало по ней въ монастырь все больше народу. Все двигалось, ярко пестрѣли праздничные малороссійскіе наряды. Я нанялъ лодку, и молоденькая хохлушка легко и быстро погнала ее противъ теченія по прозрачной водѣ Донца, въ тѣни береговой зелени. И дѣвичье личико, и солнце, и тѣни, и быстрая рѣчка—все было такъ прелестно въ это милое утро!

Я побывалъ въ скиту—тамъ было тихо, и блѣдная зелень березокъ слабо шепталась, какъ на кладбищѣ—и сталъ взбираться на гору.

Взбираться безъ тропинки было трудно. Нога глубоко тонула во мху, буреломѣ и мягкой прѣлой листвѣ, гадюки то и дѣло быстро и упруго выскальзывали изъ-подъ ногъ, и я почти бѣжалъ, рискуя сорваться внизъ. Зной, полный тяжелаго смолистаго аромата, неподвижно стоялъ подъ навѣсами сосенъ. Зато какая даль открылась подо мною, какъ хороша была издали долина съ темнымъ бархатомъ лѣсовъ въ ней, какъ сверкали разливы Донца въ солнечномъ блескѣ, какою горячею жизнью юга дышало все кругомъ! То-то, должно-быть, дико-радостно билось сердце какого-нибудь воина полковъ Игоревыхъ, когда, выскочивъ на хрипящемъ конѣ на эту высь, повисалъ онъ надъ обрывомъ, среди могучей чащи сосенъ, убѣгающихъ внизъ!..

А въ сумеркахъ я уже опять шагалъ въ степи. Вѣтеръ ласково вѣялъ мнѣ въ лицо съ молчаливыхъ кургановъ. И, отдыхая на нихъ, одинъ-одинешенекъ среди ровныхъ безконечныхъ полей, я опять думалъ о старинѣ, о людяхъ, почивающихъ въ степныхъ могилахъ подъ смутный шелестъ сѣдого ковыля... Хороши эти мѣста, гдѣ находитъ „раздумье“!

1895 г.

НА ДАЧѢ.

I.

Окна въ садъ были открыты всю ночь. А деревья раскидывались густой листвой возлѣ самыхъ оконъ, и на зарѣ, когда въ саду стало свѣтло, птицы такъ чисто и звонко щебетали въ кустахъ, что отдавалось въ комнатахъ. Но еще воздухъ и молодая майская зелень въ росѣ были холодны и матовы, а спальни дышали сномъ, теплomъ и покоемъ.

Домъ не походилъ на дачный; это былъ обыкновенный деревенскій домъ, небольшой, но удобный и покойный. Петръ Алексѣевичъ Примо, архитекторъ, занималъ его уже пятое лѣто. Самъ онъ больше бывалъ въ разъѣздахъ или въ городѣ. На дачѣ жила его жена, Наталья Борисовна, и младшій сынъ, Гриша. Старшій, Игнатій, только-что кончившій курсъ въ университетѣ, такъ же, какъ и отецъ, появлялся на дачѣ гостемъ: онъ уже служилъ.

Въ четыре часа въ столовую вошла горничная. Сладко зѣвая, она переставляла мебель и шаркала половой щеткой. Потомъ она прошла черезъ гостиную въ комнату Гриши и поставила у кровати большія штиблеты на широкой подошвѣ безъ каблука. Гриша открылъ глаза.

— Гарпина!—сказалъ онъ баритономъ.

Гарпина остановилась въ дверяхъ.

— Чого?—спросила она шопотомъ.

— Поди сюда.

Гарпина покачала головой и вышла.

— Гарпина!—повторилъ Гриша.

— Та чого вамъ?

— Поди сюда... на минутку.

— Не пиду, хочъ зарижте!

Гриша подумалъ и крѣпко потянулся.

— Ну, пошва вонъ!

— Бариня загадалы вчора спытать васъ, чи поидете у городъ?

— А дальше?

— Казалы, щобъ не издылы, бо баринъ сьогодни прыидуть.

Гриша, не отвѣчая, одѣвался.

— Новотенце?—спросилъ онъ громко.

— Та на столи—онъ! Не збудить бариню...

Заспанный, свѣжій и здоровый, въ сѣромъ шелковомъ картузѣ, въ широкомъ костюмѣ изъ легкой матеріи, Гриша вышелъ въ гостиную, перекинулъ черезъ плечо мохнатое полотенце, захвативъ стоявшій въ углу крокетный молотокъ, и, пройдя переднюю, отворилъ дверь на улицу, на пыльную дорогу.

Дачи въ садахъ тянулись и направо и налѣво въ одну линію. Съ горы открывался обширный видъ на востокъ, на живописную низменность. Теперь все сверкало чистыми, яркими красками ранняго утра. Синеватые лѣса темнѣли по долинѣ; свѣтлой, мѣстами алой сталью блестѣла рѣка въ камышахъ и высокой луговой зелени; кое-гдѣ съ зеркальной воды снимались и таяли полосы серебрянаго пара. А вдали широко и ясно разливался по небу оранжевый свѣтъ зари: солнце приближалось...

Легко и сильно шагая, Гриша спустился съ горы и дошелъ по мокрой, глянцевитой и рѣзко пахнущей сыростью травѣ до купальни. Тамъ, въ дощатомъ номерѣ, странно озаренномъ матовымъ отсвѣтомъ воды, онъ раздѣлся и долго разглядывалъ свое стройное тѣло и гордо ставилъ свою красивую голову, чтобы походить на статуи римскихъ юношей. Потомъ, слегка прищуривая сѣрые глаза и посвистывая, вошелъ въ свѣжую воду, выплылъ изъ купальни и сильно взмахнулъ руками, увидавъ, что на горизонтѣ чуть-чуть показавшееся солнце задрожало тонкой огнистой полоской. Бѣлые гуси съ металлически-звонкими криками, распустивъ крылья и шумно бороздя воду, тяжело шарахнулись въ тростники. Широкіе круги, плавно перекатываясь, закачались и пошли къ рѣкѣ...

— Григорій Петровичъ!—крикнулъ чей-то голосъ съ берега.

Гриша перевернулся и увидалъ на берегу высокаго мужика съ русой бородою, съ открытымъ лицомъ и яснымъ взглядомъ большихъ голубыхъ глазъ на выкатѣ. Это былъ Каменскій, „толстовецъ“, какъ его называли на дачахъ.

— Вы придете сегодня?—крикнулъ Каменскій, снимая картузъ и вытирая лобъ рукавомъ замашной рубахи.

— Здравствуйте!.. Приду,—отозвался Гриша.—А вы куда, если не секретъ?

Каменскій съ улыбкой взглянулъ исподлобья.

— Вѣдь вотъ люди! — сказалъ онъ важно и ласково.—Все у нихъ секреты!

Гриша подплылъ къ берегу и, стоя и качаясь по горло въ водѣ, пробормоталъ:

— Ну, если хотите, не секретъ... Я просто полюбопытствовалъ, почему вы меня спросили?

— А мнѣ нужно побывать у знакомыхъ.

— Да, такъ вы въ городъ ѣдете!

— Развѣ въ городъ только ѣздятъ? — снова перебилъ Каменскій.—И развѣ знакомые бываютъ только въ городѣ?

— Конечно, нѣтъ. Только я не понимаю...

— Вотъ это вѣрно. Я сказалъ, что буду и въ городѣ и у знакомыхъ—вотъ тутъ недалеко—на огородахъ.

— Такъ, значитъ, попозднѣй прійти?

— Да, попозднѣй.

— Тогда до свиданія! — крикнулъ Гриша и подумалъ: „Правду говоритъ Игнатій—психопаты!“ Но, отплывши, онъ опять обернулся и пристально посмотрѣлъ на высокую фигуру въ мужицкой одеждѣ, уходившую по тропинкѣ вдоль рѣки.

На рѣкѣ еще было прохладно и тихо. За лугами, въ синѣющей рощѣ, куковала кукушка. У берега зашуршали камыши, и изъ нихъ медленно выплыла лодка. Сѣденькій старичокъ въ очкахъ и поломанной соломенной шляпѣ сидѣлъ въ ней, разсматривая удочку. Онъ поднялъ ее и соображалъ что-то, лодка остановилась и вмѣстѣ съ нимъ, съ его бѣлой рубашкой и шляпой, отразилась въ водѣ. А изъ купальни слышались крики, плескъ и хохотъ. По гнущимся доскамъ бѣжали съ берега, стуча сапогами, гимназисты, студенты въ бѣлыхъ кителяхъ, чиновники въ парусинныхъ рубашкахъ...

Гришѣ не хотѣлось возвращаться туда, и онъ сталъ нырять, раскрывать глаза въ темно-зеленой водѣ, и его тѣло казалось ему чужимъ и страннымъ, словно онъ глядѣлъ сквозь стекло. Караси и гольцы съ удивленными глазками останавливались противъ него и вдругъ таинственно юркали куда-то въ темную и холодную глубину. Вода мягко, упруго сжимала и качала тѣло, и пріятно было чувствовать подъ ногами жесткій песокъ и раковины... А наверху уже припекало. Теплая, неподвижная вода блестѣла кругомъ, какъ зеркало. Съ зеленыхъ прибрежныхъ лозинъ въ сѣрыхъ сережкахъ тихо плылъ бѣлый пухъ и тянуло запахомъ тины и рыбы.

II.

Ровно часъ послѣ купанья Гриша посвятилъ гимнастикѣ. Сперва онъ подтягивался по канату и висѣлъ на трапеціи

въ саду, потомъ въ своей комнатѣ становился въ львиныя позы, играя двухпудовыми гирями.

Со двора звонко и весело раздавалось кудахтанье куръ. Въ домѣ еще стояла тишина свѣтлаго лѣтняго утра. Гостиная соединялась со столовой аркой, а къ столовой примыкала еще небольшая комната, вся наполненная пальмами и олеандрами въ кадкахъ и ярко озаренная янтарнымъ солнечнымъ свѣтомъ. Канарейка возилась тамъ въ покачивающейся клѣткѣ, и слышно было, какъ иногда сыпались, четко падали на полъ зерна сѣмени. Въ большомъ трюмо, передъ которымъ Гриша ворочалъ тяжестями, вся эта комната отражалась въ усиленно-золотистомъ освѣщеніи съ неестественно-прозрачной зеленью широкой цвѣточной листвы.

Когда же Гриша вышелъ на балконъ, сѣлъ за накрытый столъ и, покачиваясь на переднихъ ножкахъ стула, сталъ, слегка расширяя ноздри, медленно пить молоко, въ тишинѣ дома раздался томный голосъ Натальи Борисовны:

— Гарпина!

— Какая скука! — подумалъ Гриша.—Каждый день начинается однимъ и тѣмъ же воззваніемъ!

— Гарпина!—повторила Наталья Борисовна нетерпѣливѣе.—Гри-иша!

Гриша лѣниво поднялся съ мѣста.

— Ну, что̀ тебѣ?—сказалъ онъ, входя въ спальню.

Наталья Борисовна, полная женщина лѣтъ сорока, сидѣла на постели и, поднявъ руки, подкалывала темные густые волосы. Увидавъ сына, она недовольно повела плечомъ.

— Ахъ, какой ты, братъ, невѣжа! — сказала она, смягчая слова улыбкой.

Гриша молча ждалъ. Въ комнатѣ съ опущенными шторами стоялъ пахучій полусумракъ. На ночномъ столикѣ возлѣ свѣчки тикали часики и лежала развернутая книжка „Вѣстника Европы“.

— Да какъ же, право!—добавила Наталья Борисовна еще ласковѣе.—Зову, зову!..

И она попросила достать изъ столика деньги, посмотрѣть, гдѣ записка, что̀ взять въ библіотекѣ, собрать журналы и позвать Гарпину.

— Гарпина сейчасъ ѣдетъ въ городъ, — сказала она:—не нужно ли тебѣ чего?.. Нынче пріѣдетъ отецъ и, вѣроятно, съ нимъ Игнатій.

— Будь добра, поскорѣе! — перебилъ Гриша. — Ты вѣдь знаешь, что сейчасъ я долженъ итти къ Каменскому.

— Ну, ты невозможенъ, наконецъ! — воскликнула Наталья

Борисовна.—Я же тебѣ и хотѣла про это сказать... Ты, напримѣръ, даже ничего не сообщилъ мнѣ о немъ...

— Ты сама его видѣла.

— Что же я могла видѣть въ десять минутъ, когда человѣкъ бралъ заказъ? Кромѣ какъ о шкапѣ, мы двухъ словъ не сказали.

— Но вѣдь и я хожу къ нему только третій день.

— Но все-таки?

— Обыкновенный толстовецъ.

— Ну, словомъ, позови его, пожалуйста, къ намъ сегодня вечеромъ. Ты знаешь, это будетъ интересно Игнатію. Только позови, голубчикъ, какъ-нибудь потоньше, а то вѣдь откажется!

Гриша кивнулъ головой и вышелъ.

III.

— Опять день, опять долгій день!—шевельнулось въ глубинѣ души Натальи Борисовны, когда она, послѣ чаю и переговоровъ съ кухаркой, взяла зонтикъ, книжку журнала и, покачиваясь, слегка щурясь отъ яркаго утренняго свѣта и придерживая лѣвой рукой подолъ широкаго чесучеваго платья, медленно сошла съ балкона и направилась въ общій дачный паркъ по своему саду, гдѣ, въ солнечномъ блескѣ, на яблоняхъ въ бѣлыхъ нарядныхъ цвѣтахъ, гудѣли пчелы, а въ чащахъ журчали горлинки.

— Какъ трогательно!—подумала она съ лѣнивой улыбкой, отворивъ калитку и увидавъ невдалекѣ профессора Камарницкаго подъ руку съ женою. И тотчасъ же ласково крикнула имъ слабымъ голосомъ:

— Откуда Богъ несетъ?

Профессоръ, грубоватый на видъ, рыжій и курносый, двигался не спѣша, и его толстыя очки блестѣли очень строго; въ петличкѣ у него краснѣлъ цвѣтокъ, въ рукахъ была корзина. Профессорша, маленькая еврейка, похожая на гитару, преклоняла свою черную головку къ его плечу.

— Здрасьте! — сказала она небрежно, сквозь зубы. Какъ всегда, въ ея меланхолическихъ глазахъ и во всемъ птичьемъ личикѣ было что-то надменное и брезгливое: никто не долженъ былъ забывать, что профессорша—марксистка, жила въ Парижѣ, была знакома съ знаменитыми эмигрантами.

— Что это вы такъ рано?—спросила Наталья Борисовна.

— По грибы,—отвѣтила профессорша, а профессоръ, силясь улыбнуться, прибавилъ:

— Дачей нужно пользоваться.

— Какіе скучные! — подумала Наталья Борисовна, глядя имъ вслѣдъ. — Ахъ, какіе скучные! — повторила она, выходя въ паркъ.

На обширной полянѣ парка стояли одни темно-зеленые, широковѣтвистые дубы. Тутъ обыкновенно собирались дачники. Теперь большинство ихъ, чиновники, шли по дорогѣ, пролегающей между дубами, къ желѣзнодорожной станціи. Барышни въ пестрыхъ легкихъ платьяхъ и мужчины въ чесучѣ, въ мягкой обуви, проходили мимо Натальи Борисовны и углублялись по узкой дорогѣ въ лѣсъ, гдѣ отъ листвы орѣшника стоялъ зеленоватый полусвѣтъ, сверкали въ тѣни золотые лучи, а воздухъ былъ еще легкій и чистый, напоенный рѣзкимъ запахомъ грибовъ и молодой лѣсной поросли.

И Наталья Борисовна снова почувствовала себя хорошо и покойно на этой дачной полянѣ, раскланиваясь съ знакомыми и садясь на скамейку подъ свой любимый дубъ. Она откинулась на ея спинку, развернула книгу и, еще разъ оправивъ складки платья, принялась за чтеніе. Иногда она тихо подымала голову, улыбалась и переговаривалась съ дачницами, расположившимися подъ другими дубами, и опять, не спѣша, опускала глаза на статью по переселенческому вопросу.

А поляна оживлялась. Подходили дамы и барышни съ работой и книгами, няньки и важныя кормилицы въ сарафанахъ и кокошникахъ. Изрѣдка, но все-таки безъ надобности щелкая, прокатывались велосипедисты въ своихъ дѣтскихъ костюмахъ. Худые проносились съ форсированной быстротой, согнувшись и работая ногами, какъ водяные пауки. Коренастые, у которыхъ узкій костюмъ плотно обтягивалъ широкіе зады, ѣхали тише, увѣренно и весело оглядываясь. Блестящія спицы велосипедовъ трепетали на солнцѣ частыми золотыми лучами. А дѣти взапуски бѣгали, звонко перекликались и прятались другъ отъ друга за дубами.

— Жарко! — сказала Наталья Борисовна, прищуриваясь, опуская на колѣни книгу и обращаясь къ молоденькой женщинѣ, сидѣвшей невдалекѣ съ вязаньемъ въ рукахъ.

— Жарко! — согласилась та, сдувая со щеки длинный волосъ.

Золотистый, чуть замѣтный туманъ стоялъ вдали въ знойномъ воздухѣ. На мѣстахъ солнечныхъ золотисто-зеленыя мухи словно прилипали къ дорожкамъ и деревьямъ. Вверху, надъ вершинами дубовъ, гдѣ ровно синѣла глубина неба, собирались облака съ причудливо округляющимися краями. Веселый и томный голосъ иволги мягкими переливами звучалъ въ чащѣ лѣса.

IV.

Гриша шелъ къ Каменскому, сбивая молоткомъ цвѣты по дорогѣ.

Каменскій занимался столярной работой, и Гриша бралъ у него уроки. Ему давно хотѣлось узнать какое-нибудь ремесло и потому, что это полезно для здоровья, и потому, что когда-нибудь будетъ пріятно показать, что вотъ онъ, образованный человѣкъ, умѣетъ работать и простую работу. Но дорогѣ онъ, между прочимъ, думалъ, что, выучившись, онъ самъ сдѣлаетъ себѣ идеальные шары и молотки для крокета, да, пожалуй, и всю мебель для своей комнаты... простую, удобную и оригинальную. Занимало и то, что теперь онъ можетъ похвалиться, что знаетъ „живого толстовца“.

Въ домѣ отца Гриша съ дѣтства видѣлъ самыхъ разнохарактерныхъ людей: тузовъ разныхъ службъ и профессій, имѣющихъ всегда такой видъ, словно они только-что плотно пообѣдали, богатыхъ толстыхъ евреевъ, которые важно, по-гусиному, переваливались на ходу, извѣстныхъ докторовъ и адвокатовъ, профессоровъ и бывшихъ радикаловъ. И отецъ называлъ за глаза тузовъ мошенниками, евреевъ — „жидовскими мордами“, остальныхъ — болтунами, ничтожествомъ. Когда Гриша только-что началъ читать серьезныя книги, знакомиться съ студентами, ему часто приходилось удивляться: вдругъ оказывалось, что какой-нибудь писатель или знаменитый профессоръ, который представлялся человѣкомъ необыкновеннымъ—ни больше ни меньше, какъ „идіотъ“, „посредственность“, вся извѣстность которой основывается на энциклопедическихъ иностранныхъ словаряхъ да на пріятельствѣ съ людьми вліятельными. И говорилъ это не кто-нибудь иной, а самъ Петръ Алексѣичъ, которому было достаточно разсказать въ шутливомъ тонѣ, что такая-то знаменитость затыкаетъ уши ватой, любитъ черносливъ и, какъ огня, боится жены, чтобы авторитетъ этой знаменитости навсегда померкъ въ глазахъ Гриши. Такія же новости привозилъ изъ столицы и Игнатій, а онъ, какъ человѣкъ крайне нервный, былъ еще болѣе рѣзокъ въ мнѣніяхъ,

— Что жъ, и терпентинъ на что-нибудь полезенъ, — сказалъ онъ однажды словами Пруткова, когда зашелъ разговоръ о толстовцахъ и о толстовскомъ ученіи,—этой „доморощенной философіи самоучки съ недисциплинированной головой“. И Гриша, робѣя Каменскаго, усвоилъ себѣ манеру насмѣшливо щуриться, думая о немъ.

Жилъ Каменскій на мельницѣ, въ верстѣ отъ деревни. Мельница стояла на зеленомъ выгонѣ, къ югу отъ дачныхъ садовъ, тамъ, гдѣ мѣстность еще болѣе возвышалась надъ долиной. Хозяинъ почему-то забросилъ ее: маленькое помѣстье съ высокимъ тополемъ надъ соломенной крышей избушки, съ бурьяномъ на огородѣ, медленно приходило въ запустѣніе. Внизу, въ широкой долинѣ, темнымъ бархатомъ синѣли и, сливаясь, округлялись вершины лѣсовъ. Мельница, какъ объятья, простирала надъ долиной свои изломанныя крылья дикаго цвѣта. Она, казалось, все глядѣла туда, гдѣ горизонтъ терялся въ меланхолической дымкѣ, а хлѣба со степи все ближе и ближе подступали къ ней; дворъ заросъ высокой травою; старые, сѣрые жернова, какъ могильные камни, уходили въ землю и скрывались въ глухой крапивѣ; голуби покинули крыши. Одни кузнечики таинственно шептались въ знойные лѣтніе дни у порога избушки, мирно дремлющей на солнцѣ.

— Вотъ и келья подъ елью! — усмѣхнулся Гриша, взглянувъ на мельницу въ первое утро. Онъ уже представлялъ себѣ, какъ Каменскій начнетъ поучать его, спасать его душу, и заранѣе вооружился враждебной холодностью. Однако Каменскій только показалъ ему, какъ надо распиливать доски; и это даже обидѣло Гришу: „не хочетъ снизойти до меня“, думалъ онъ, искоса поглядывая на работающаго учителя и стараясь подавить въ себѣ чувство невольнаго почтенія къ нему.

Сегодня онъ подходилъ къ этой кельѣ въ девятомъ часу. Обыкновенно Каменскій въ это время работалъ. Но теперь въ сѣнцахъ, гдѣ стоялъ верстакъ, никого не было.

— Алексѣй Александровичъ!—окликнулъ Гриша и, не получивъ отвѣта, пошелъ къ мельницѣ: тамъ вчера Каменскій распиливалъ большія доски. Но и въ мельницѣ было пусто. Только воробьи стаей снялись съ пола, да ласка таинственно, какъ змѣйка, шмыгнула по стояку въ развалившійся мучной ларь.

— Значитъ, у огородника загостился, — подумалъ Гриша, возвращаясь въ избу.

Въ сѣнцахъ, обращенныхъ дверями къ сѣверу, было прохладно отъ глинянаго пола; въ сумракѣ стоялъ уксусный запахъ стружекъ и столярнаго клея. Гришѣ нравился этотъ запахъ, и онъ долго сидѣлъ на порогѣ, помахивая на себя картузомъ и глядя въ поле, гдѣ дрожало и убѣгало дрожащими волнами марево жаркаго майскаго дня. Дачные сады казались въ немъ мутными, сѣрыми набросками на стеклѣ. Грачи, какъ всегда въ жару, кричали гдѣ-то въ степи тон-

кими, томными голосами. А на дворѣ мельницы не было ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка, на глазахъ сохла трава... Разгоняя дремоту, Гриша поднялся съ порога.

Близъ порога валялся топоръ. На верстакѣ, среди инструментовъ, въ бѣлой пыли пиленаго дерева, лежали двѣ обгорѣлыя печеныя картошки и книга въ покоробленномъ переплетѣ. Гриша развернулъ ее: Евангеліе. На заглавномъ листѣ его было написано: „Боже мой! Я стыжусь и боюсь поднять лицо мое къ Тебѣ, Боже мой, ибо беззаконія наши стали выше головы и вина наша возросла до небесъ“...

— Что̀ это такое? — пробормоталъ Гриша, чувствуя, какъ что-то новое, возвышенное коснулось его души.

— Странный человѣкъ! — прибавилъ онъ въ раздумьѣ и снова развернулъ Евангеліе. Въ серединѣ его были письма („Дорогіе братья во Христѣ Алексѣй Александровичъ и Павелъ Ѳедорычъ...“—пачиналось одно изъ нихъ), бумажки съ выписками... На одной было начало стихотворенія:

Долго я Бога искалъ въ городахъ и селеніяхъ шумныхъ,
Долго на небо глядѣлъ—не увижу ли Бога...

На другой опять тексты:

„Итакъ, станьте, препоясавъ чресла ваши истиною и облекшись въ броню праведности...“

Ласточка съ щебетаньемъ влетѣла въ сѣнцы и опять унеслась стрѣлою на воздухъ. Гриша вздрогнулъ и долго слѣдилъ за ней въ небѣ. Вспомнилось нынѣшнее утро, купальня, балконъ, теплица — и все это вдругъ показалось чужимъ и далекимъ... Онъ постоялъ передъ дверью въ избу, тихо отворилъ ее.

Въ передней узкой комнатѣ загудѣли мухи; воздухъ въ ней былъ душный, обстановка мрачная, почти нищенская: почернѣвшія бревенчатыя стѣны, развалившаяся кирпичная печка, маленькое, тусклое окошечко. Постель была сдѣлана изъ обрубковъ полѣнъ и досокъ, прикрытыхъ только попоной; въ головахъ лежалъ свернутый полушубокъ, а вмѣсто одѣяла — старое драповое пальто. На столѣ, среди истрепанныхъ книгъ, валялись странные для этой обстановки предметы—бронзовый позеленѣвшій подсвѣчникъ, большой ножъ изъ слоновой кости, головная щетка и фотографическій портретъ молодой женщины съ худощавымъ грустнымъ лицомъ. Изъ деликатности Гриша отвелъ глаза отъ стола—и сердце его сжалось при взглядѣ на эти старыя, засиженныя мухами, уже давно не бывшія въ употребленіи вещи и на этотъ портретъ.

Зачѣмъ это самоистязаніе? Онъ смотрѣлъ на бревенчатыя стѣны, на нищенское ложе, стараясь понять душу того страннаго человѣка, который одиноко спалъ на немъ. Были, значитъ, и у него другіе дни, былъ и онъ когда-то другимъ человѣкомъ... Что̀ же заставило его надѣть мужицкія вериги?

— Странный человѣкъ! — повторилъ Гриша, хмурясь на темную фототипію, висѣвшую надъ кроватью, — снимокъ съ картины знаменитаго художника. Это было жестокое изображеніе крестной смерти, написанное рѣзко, съ болью сердца, почти съ озобленіемъ. Все, что̀ вынесло человѣческое тѣло, пригвожденное по рукамъ и ногамъ къ грубому тяжелому кресту, было передано въ лицѣ почившаго Христа, исхудалаго, измученнаго допросами, пытками и страданіемъ медленной кончины. И тяжело было глядѣть на стриженую уродливую голову привязаннаго къ другому кресту и порывающагося впередъ разбойника, на его лицо съ безумными глазами и раскрытымъ ртомъ, испустившимъ дикій крикъ ужаса и изумленія передъ смертью Того, Кто назвалъ себя Сыномъ Божіимъ... Морщась, Гриша отворилъ дверь въ другую комнату.

Тутъ было очень свѣтло отъ солнца, совершенно пусто и пахло закромомъ. По полу когда-то прошелся широкими полукругами вѣникъ, но не докончилъ своего дѣла, и мучная пыль бѣлѣла въ углахъ и на каршизахъ. У одного окна, на которомъ грудами лежали литографированныя тетрадки, учебникъ „Эсперанто“, изреченія Эпиктета, Марка Аврелія и Паскаля, стоялъ стулъ. На немъ Каменскій, должно-быть, отдыхалъ и читалъ. На простѣнкѣ были приклеены хлѣбомъ печатныя разсужденія подъ разными заглавіями: „О Словѣ“, „О Любви“, „О плотской жизни“. Среди же нихъ ещѐ стихотвореніе, крупно написанное на бѣломъ листѣ бумаги:

Боже! Жизнь возьми—она
Вся Тебѣ посвящена!
Дни возьми—пусть каждый часъ
Слышишь Ты хвалебный гласъ!

А ниже—изъ псалмовъ Давида:

„Ты далъ мнѣ познать путь жизни; Ты исполнишь меня радостью передъ лицомъ Твоимъ!“

Какъ все это было странно и ново для Гриши! Онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ кругомъ, прислушивался къ тишинѣ этого заглохшаго помѣстья и къ тому, что̀ пробуждалось въ его сердцѣ, долго ходилъ изъ угла въ уголъ... Потомъ вернулся въ полутемную комнату, вышелъ въ сѣни, снова развернулъ Евангеліе...

„Дѣти! Недолго уже быть Мнѣ съ вами...“—читалъ онъ отмѣченныя карандашомъ слова послѣдней вечери Христа съ учениками.—„Да не смущается сердце ваше“... „Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ“... „Женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человѣкъ въ міръ“...

Отнявъ глаза отъ книги, Гриша долго и напряженно глядѣлъ въ уголъ, ничего не видя передъ собою. И онъ, этотъ странный человѣкъ, терпитъ скорбь, „ибо беззаконія наши стали выше головы!“ Запахъ избы отъ ветхаго переплета книги напомнилъ Гришѣ тяжелую работу, кусокъ коряваго хлѣба, жесткое деревянное ложе, черныя бревенчатыя стѣны. А пустая, безмолвная и вся озаренная солнцемъ комната — свѣтлое одиночество въ минуты отдыха и созерцательной, тихой жизни.

„Ты исполнишь меня радостью передъ лицомъ Твоимъ!“—вспомнилъ Гриша и почувствовалъ, какъ у него самого радостно и жутко затрепетало сердце и глаза наполнились слезами непонятнаго восторга... „Послѣ сихъ словъ,—читалъ онъ дальше, ощущая въ волосахъ словно дуновеніе морознаго вѣтра,—послѣ сихъ словъ Іисусъ возвелъ очи Свои на небо и сказалъ: Отче! Пришелъ часъ, прославь Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тебя... Я открылъ имя Твое человѣкамъ... Соблюди ихъ во имя Твое!..“

V.

— А, вы уже пришли!—раздался голосъ Каменскаго.

Гриша смущенно захлопнулъ книгу.

— Извините,—сказалъ онъ, подымаясь.

— Въ чемъ вы извиняетесь?—спросилъ Каменскій, стоя передъ нимъ съ мѣшкомъ въ рукѣ и пристально глядя ему въ лицо.

— Да вотъ залѣзъ въ ваши книги,—отвѣтилъ Гриша небрежно.

— Такъ что̀ жъ тутъ дурного?

— Я говорю, взялъ вашу книгу... ну, безъ спросу, что ли...

— Вашу? Что̀ это значитъ?

— Какъ что̀ значитъ?

— Да такъ. Зачѣмъ вы все такія слова употребляете?

Они стояли другъ противъ друга, и Гриша чувствовалъ, что пристальный взглядъ улыбающихся глазъ Каменскаго все болѣе подчиняетъ его себѣ.

— Что̀ это вы покупали? — спросилъ онъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— А вотъ луку немного и хлѣба.

И Каменскій опустилъ мѣшокъ на землю.

— Такъ, можетъ-быть, начнемъ?—добавилъ онъ.—Я вотъ покажу вамъ, разведу огонь и присоединюсь къ вамъ.

Гриша встрепенулся.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы сначала разведите.

— Успѣется,—отозвался Каменскій.—Давайте доску въ верстакъ, попробуйте фуганкомъ.

Гриша съ преувеличеннымъ вниманіемъ сталъ слушать, какъ надо работать фуганкомъ, и помогать заправлять доску въ верстакъ.

— Ну-ка попробуйте!—сказалъ Каменскій.

Гриша взялъ фуганокъ и съ такой силой зашаркалъ имъ по доскѣ, что въ два-три взмаха испортилъ ее.

— Да вы потише!—ласково засмѣялся Каменскій.

Онъ ушелъ въ избу, вынесъ оттуда чугунчикъ съ водой, поставилъ его на таганъ около порога и развелъ огонь. Синій дымокъ поплылъ по двору. Поглядывая на него, Каменскій взялъ изъ-за верстака кадушку, сѣлъ на порогъ и сталъ набивать обручи. Стукъ молотка звонко отдавался въ пустой кадкѣ. Подлаживая подъ этотъ стукъ, Гриша прилежно шмыгалъ фуганкомъ по доскѣ. Стружки кремоваго цвѣта, красиво загибаясь, падали на полъ.

— Вы живете только съ матерью?—спросилъ вдругъ Каменскій, опуская молотокъ.

— Нѣтъ, и отецъ часто пріѣзжаетъ,—поспѣшно отвѣтилъ Гриша, поднимая запотѣвшее и возбужденное лицо.—А въ городѣ всегда вмѣстѣ.

— Онъ что̀ же—все города украшаетъ?

— Какъ города украшаетъ?

— Строитъ дома богатымъ людямъ? Созидаетъ Вавилонъ?

— Ахъ, вотъ что̀... Если хотите, да.

— Ну, этого-то я не хочу!—серьезно сказалъ Каменскій.

И, положивъ въ воду картофелю и луку, поправивъ огонь, опять сѣлъ на порогъ за работу.

— Да,—сказалъ онъ задумчиво.—А братъ вашъ что̀ дѣлаетъ?

— Онъ только-что кончилъ курсъ... Теперь служитъ... т.-е. работаетъ у патрона.

— Такъ,—сказалъ Каменскій.—У патрона... А вы тоже думаете этимъ заняться?

Гриша помолчалъ.

— Не знаю,—сказалъ онъ тихо.

Каменскій тоже помолчалъ.

— Это хорошо, что не знаете,—сказалъ онъ почти строго и сталъ задумчиво глядѣть въ даль. — Люди все еще идутъ въ Египетъ за помощью. Но и египтяне—люди, а не Богъ, и кони ихъ—плоть, а не духъ.

И, поднявъ глаза на Гришу, прибавилъ:

— И вы будете также... также несчастны и одиноки, если будете не жить, а служить. Вы скоро забудете людей, будете знать только отношенія вмѣсто людей, и вамъ будетъ очень тяжело...

Гриша вспомнилъ свою семью и опустилъ глаза.

— Я испыталъ это на себѣ, — опять заговорилъ Каменскій. — Я видѣлъ, какъ растетъ пропасть между моими поступками и намѣреніями, какъ жизнь моя обращается въ служеніе крахмальнымъ рубашкамъ; видѣлъ, какъ растетъ пропасть между мной и людьми. И когда я пріѣхалъ въ деревню къ своимъ, гдѣ думалъ начать новую жизнь, я ясно увидѣлъ, какъ велика эта пропасть. Я могъ только съ крыльца слушать говоръ и весь этотъ смутный шумъ деревни, наблюдать жизнь простыхъ и добрыхъ людей, которыхъ я прежде намѣревался учить злымъ и ненужнымъ дѣламъ, думая, что эти дѣла добрыя и нужныя дѣла, — только наблюдать: между нами была пропасть. Я былъ какъ человѣкъ, стоящій у ручья, которому хотѣлось пить, но которому сказали, что, прежде чѣмъ пить, надо взмутить воду, и онъ сталъ пить мутную воду, хотя и зналъ, что мутить воду было не нужно...

Гриша слушалъ, стараясь не проронить ни одного слова. „Развѣ ты теперь-то не одинокъ?“—хотѣлось ему сказать. Но, боясь сказать это невпопадъ, неумѣло, боясь, что Каменскій заговоритъ съ нимъ какъ съ мальчикомъ, молчалъ.

— А про Египетъ, — спросилъ онъ наконецъ:—это чьи слова?

— Исаіи. Вы не читали?

— Никогда.

Каменскій подумалъ.

— Завтра воскресенье, — сказалъ онъ: — мы не будемъ работать. Если хотите, приходите, и мы почитаемъ вмѣстѣ.

— Во сколько?

— Когда хотите. Хоть часовъ въ десять. Раньше нельзя, такъ какъ я пойду въ городъ на почту.

— Непремѣнно приду!—воскликнулъ Гриша.—У васъ тутъ такъ хорошо!

Онъ помолчалъ и вдругъ съ трудомъ выговорилъ:

— А вы не будете ли добры пожаловать къ намъ сегодня вечеромъ?.. Мама будетъ очень рада васъ видѣть...

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Каменскій.—Я людей не избѣгаю.

Онъ попробовалъ палочкой картошки въ чугунѣ, всталъ и ушелъ въ избу. Гриша торопливо схватилъ картузъ. Очевидно, Каменскій сейчасъ будетъ обѣдать и пригласитъ его... и выйдетъ неловкость, непріятность, которая испортитъ все настроеніе. Ѣсть Гришѣ не хотѣлось, но отказаться неловко... да даже если бы и хотѣлось и онъ сѣлъ, вышло бы все-таки что-то фальшивое.

— Ну,—сказалъ онъ какъ можно спокойнѣе, когда Каменскій вышелъ изъ избы съ глиняной миской и ложкой въ рукахъ:—мнѣ необходимо домой...

И чувствуя, что краснѣетъ, Гриша поспѣшно добавилъ.

— Сегодня, знаете, братъ и отецъ пріѣдутъ... Такъ мнѣ необходимо... До вечера, значитъ?

— До свиданья, до вечера!—отвѣтилъ Каменскій ласково.

За мельницей Гриша вздохнулъ свободнѣе. Онъ былъ взволнованъ, ему хотѣлось подумать о чемъ-то, но онъ ничего не думалъ и только шелъ все дальше въ степь. Позади него живописно синѣла долина, но ему хотѣлось уйти въ открытое поле. И онъ шелъ по парамъ, уже заросшимъ высокой травой и цвѣтами, и ему было пріятно, что они щелкаютъ его по ногамъ, что поднявшійся вѣтеръ обвѣваетъ лицо солнечной теплотою, запахомъ зеленыхъ хлѣбовъ.

— Какъ хорошо!—воскликнулъ Гриша, останавливаясь и спимая картузъ.

Онъ постоялъ, подумалъ, послушалъ жаворонковъ и тихо добавилъ:

— Ты исполнишь меня радостью передъ лицомъ Твоимъ!

Потомъ легъ на межу навзничь и сталъ дѣлать то, что̀ дѣлалъ въ дѣтствѣ—медленно-медленно закрывать глаза такъ, чтобы солнечные лучи ярко-золотистою паутиною протянулись къ рѣсницамъ, а потомъ задрожали и превратились въ трепещущіе кружки, радужные, какъ хвостъ павлина...

— Какъ жить?—думалъ Гриша.—Какъ жить, чтобъ всегда было хорошо, легко, свободно, просто? И чтобъ и другимъ было такъ же? Какъ жить?

Онъ постарался представить себѣ, что̀ будетъ въ его жизни... въ тридцать, сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ... Но все было смутно и непонятно. Представилось только что-то похожее на туманную синеву въ долинѣ подъ мельницей...

VI.

— Откуда такъ стремительно?

Гриша остановился среди поляны и поднялъ голову. По дорогѣ отъ станціи шла въ большой шляпкѣ стройная и худощавая барышня, одна изъ служащихъ въ управленіи желѣзной дороги.

— А васъ, Марья Ивановна, почему это интересуетъ?— спросилъ Гриша съ тѣмъ неестественнымъ спокойствіемъ, съ которымъ говорятъ красивые молодые люди съ хорошенькими дѣвушками.

Марья Ивановна пожала ему руку. Темно-каштановые волосы локонами падали на ея плечи; простое и наивное личико съ голубыми глазами было очень миловидно. Глазами Марья Ивановна кокетничала, бойко и гордо прищуривала ихъ; однако бойкость не удавалась ей, и чаще всего, особенно при новыхъ людяхъ, взглядъ Марьи Ивановны пропадалъ въ пространствѣ, хотя болтала она въ это время безъ умолку.

— Какъ жарко!—начала она скороговоркой, стараясь не глядѣть на Гришу.—А въ вагонѣ просто дышать нечѣмъ... И работы сегодня была такая масса! Я уже заявила сегодня своему патрону, что, если будетъ такая жара, я не буду больше являться на службу.

— А кто же васъ заставляетъ являться?—спросилъ Гриша.

— Вотъ мило! Если бы у меня была пара сѣрыхъ въ яблокахъ и коляска на резинѣ, меня, можетъ-быть, и не заставляли бы.

Гриша улыбнулся.

— Вѣдь вотъ,—сказалъ онъ тономъ Каменскаго.—Они не могутъ безъ сѣрыхъ, все сѣрыя нужны!

— А что же прикажете дѣлать?

— Пахать,—отвѣтилъ Гриша полушутя, полусерьезно.

— Пахать!—воскликнула Марья Ивановна.—Это новость!

— Вовсе не новость.

— Сохой пахать?

— Сохой.

Марья Ивановна посмотрѣла куда-то вдаль и легонько вздохнула:

— Это хорошо въ теоріи, а не на практикѣ.

— А вы не отдѣляйте теоріи отъ практики! — добавилъ Гриша наставительно, поклонился и быстро пошелъ къ своему саду.

На балконѣ завтракала Наталья Борисовна.

— Игнатикъ пріѣхалъ!—сказала она.

Гриша промолчалъ и сѣлъ за столъ. На столѣ былъ приготовленъ ему приборъ и завтракъ: масло, яйца, глянцевито-зеленые огурцы. Среди стакановъ стоялъ серебряный кофейникъ, подогрѣваемый синими огнями бензиновой лампы. Наталья Борисовна старательно снимала ножомъ и вилкой мясо съ крылышка холоднаго цыпленка. Гриша посмотрѣлъ на ея плотную спину, на разставленныя и приподнятыя руки, и почему-то вспомнилъ черепаху. Красивое лицо его стало непріятно.

— Что такъ поздно?—спросила Наталья Борисовна немного заискивающимъ тономъ.

— Гдѣ же Игнатій?—сказалъ Гриша, вмѣсто отвѣта.

— Купаться ушелъ. А ты это все у Каменскаго?

Гриша сдѣлалъ усталое лицо.

— У Каменскаго,—пробормоталъ онъ.

Наталья Борисовна позвонила. Гарпина внесла на тарелкѣ сковородку съ шипящимъ въ маслѣ кускомъ бифштекса.

— Дайте вина!—коротко приказалъ Гриша. И, когда подали бутылку, залпомъ выпилъ стаканчикъ и принялся за ѣду очень поспѣшно.

— Уже?—спросила Наталья Борисовна.—А кофе?

Гриша бросилъ салфетку и всталъ.

— Merçi, не хочу.

— Мало же!..

Гриша прошелъ въ свою комнату и легъ на кровать. Ему хотѣлось еще подумать, какъ въ полѣ, удержать утреннее хорошее настроеніе. Но отъ вина и ѣды пріятно напряженнѣе билось сердце. Гриша съ удовольствіемъ вытянулъ ноги, положилъ ихъ на отвалъ кровати, прикрылъ глаза... и внезапно заснулъ крѣпкимъ сномъ.

А Наталья Борисовна, балуясь гусинымъ перышкомъ, откинулась на спинку стула и долго смотрѣла куда-то въ одну точку. О чемъ она думала? Она бы и сама не сказала. Но, подымаясь изъ-за стола, она почему-то глубоко вздохнула и пошла по дому лѣниво.

Въ спальнѣ она подняла штору, сѣла около окна и машинально взяла книгу. Но читать не хотѣлось. И она перевела глаза на портретъ Петра Алексѣевича, стоявшій на ея письменномъ столикѣ. Съ портрета пристально и насмѣшливо глядѣли на нее небольшіе, чуть-чуть прищуренные глаза еще бодраго и свѣжаго мужчины лѣтъ пятидесяти. Его правильная, яйцеобразная голова съ продолговатой бородой, въ которой сѣдина тронула волосы только около щекъ, еще до сихъ

поръ была гордо откинута назадъ. Было видно, что этотъ человѣкъ весь свой вѣкъ прожилъ въ холѣ и до старости сохранитъ барскую осанку высокой, въ мѣру полной фигуры.

— Подурнѣлъ!—подумала Наталья Борисовна.—Плечи подняты по-стариковски, подъ глазами мѣшки...

На мгновеніе она вспомнила свою молодость, прежняго Петра Алексѣевича, на мгновеніе ей стало непріятно, что онъ такъ опустился теперь... Но, въ сущности, онъ теперь былъ ей совсѣмъ чужой человѣкъ; а думать о прошломъ—это и утомительно и не приводитъ ни къ чему хорошему. И Наталья Борисовна припялась безцѣльно смотрѣть въ окно.

Вѣтеръ опять стихъ, и опять стало жарко и скучно. Но уже длинныя тѣни легли отъ садовъ и дачи дремали мирнымъ послѣобѣденнымъ сномъ долгаго лѣтняго дня. По улицѣ прокатилась со станціи линейка съ дачниками и скрылась, громыхая развинченными гайками. „Са-ахарно морожино...“—меланхолично доносилось откуда-то издалека.

А въ домѣ было такъ тихо, что по всѣмъ комнатамъ отдавалось ровное постукиванье часовъ въ столовой.

VII.

Вечеромъ на полянѣ около сада Примо играли въ крокетъ. Солнце скрылось въ густую чащу лѣса за поляной, и лѣсъ темнѣлъ на шафрановомъ фонѣ заката. Воздухъ былъ сухой и теплый, даже душный. Около играющихъ стояли знакомые и незнакомые барышни и студенты; потомъ они разбрелись, и зрителями остались маленькіе гимназисты. Ихъ очень занималъ не прекращающійся споръ между Гришей и Игнатіемъ.

— А я тебѣ говорю, что ты ее убилъ!—азартно кричалъ Игнатій, стоя передъ Гришей.—Я стоялъ вотъ здѣсь.—продолжалъ онъ, все болѣе волнуясь, отбѣгая и стукая молоткомъ по тому мѣсту, гдѣ стоялъ:—я стоялъ вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ и отлично видѣлъ, какъ шаръ Марьи Ивановны коснулся фока!

На толстаго Игнатія въ широкомъ, мѣшковатомъ костюмѣ изъ чесучи было смѣшно смотрѣть. Онъ неуклюже бѣгалъ среди дужекъ и поминутно снималъ соломенную шляпу, обтирая платкомъ круглую, коротко остриженную голову и красное лицо.

— Шнурки-то подбери, — презрительно говорилъ Гриша, указывая Игнатію на мотающіяся завязки его мягкихъ скороходовъ.

— Игнатикъ!—пробовала вмѣшаться Наталья Борисовна,

дѣлая страдальческое лицо и смѣясь внутреннимъ смѣхомъ.—Keep your temper, Sir!

— Оставь, пожалуйста, мама!—огрызался Игнатій. — Это же глупо наконецъ! Я отлично видѣлъ, какъ шаръ коснулся фока.

Гриша смотрѣлъ на Марью Ивановну и думалъ, что она сегодня была бы очень хороша, если бы не надѣла этой красной шелковой кофты, широкіе рукава которой она поминутно вздергивала и взбивала на плечахъ.

— Ты слѣпъ, мой милый!—лѣниво возражалъ онъ брату.

— Ты слѣпъ!

— Все равно, я не уступлю.

— И я не уступлю!

— Ты молотокъ сломаешь.

— Ну и отлично!

— Ничего тутъ нѣтъ отличнаго.

— Я тебѣ уже давеча разъ уступилъ,—опять стукая молоткомъ въ землю, кричалъ Игнатій:—ты еще давеча нарушилъ правила.

— Вѣчно съ правилами!

— Конечно, съ правилами! Разъ ты ихъ не исполняешь...

Въ это время къ крокету подошелъ профессоръ Камарницкій съ женой.

— Здрасьте, господа!—сказала Софья Марковна.—Продолжайте, продолжайте, пожалуйста.

Но Гришѣ совѣстно было продолжать споръ. Онъ отвернулся и сказалъ:

— Марья Ивановна! Вы должны рѣшить.

Марья Ивановна положила ручку молотка за голову на плечи, взялась за нее руками и, качаясь на носкахъ, отвѣтила дѣтскимъ тономъ:

— Я не знаю.

И не то улыбаясь, не то гримасничая, она разсѣянно смотрѣла своими голубыми глазами въ небо. Гришѣ страстно захотѣлось подойти и поцѣловать ее въ губы. И онъ машинально отвѣтилъ:

— Въ такомъ случаѣ давай новую партію. Мы считаемъ себя побѣжденными.

— Павелъ!—сказала профессорша.—Будемъ играть?

Профессоръ покорно согласился. Всѣ взяли молотки и собрались въ одно мѣсто. Игнатій обтеръ лобъ платкомъ, бросилъ на землю шляпу и быстрыми ударами молотка согналъ шары къ фоку.

— Итакъ, господа,—крикнулъ онъ тономъ герольда:—мы

играемъ въ слѣдующемъ порядкѣ: одну партію составляетъ Павелъ Антонычъ, Софья Марковна и Гриша; вторую—я, мама и Марья Ивановна. Гриша, мы начинаемъ: согласенъ?

— Согласенъ, согласенъ.

Широко шагая, Игнатій торжественно подошелъ къ фоку, отставилъ лѣвую ногу:

— Господа, начинаю!—крикнулъ онъ и ударилъ въ шаръ.

Шаръ прошелъ дужку, стукнулся о проволоку второй и наискось проскочилъ третью.

— Вотъ это ударъ!—восторженно завопилъ Игнатій, любуясь, какъ шаръ волчкомъ завертѣлся на одномъ мѣстѣ.

А черезъ минуту онъ уже снова раздраженно кричалъ на всю поляну:

— Если ты, мама, не умѣешь играть—брось! Это глупо наконецъ! Не умѣетъ даже крокировать!

— Да вѣдь нога же соскользнула!

И, улыбаясь, Наталья Борисовна снова приподняла край юбки, неумѣло поставила ботинку на шаръ, сильно размахнулась, но молотокъ бокомъ стукнулъ ее по ногѣ и выскользнулъ изъ рукъ.

— Не могу сегодня...—выговорила она, трясясь отъ смѣха, и отошла въ сторону. Зараженная этимъ смѣхомъ, Марья Ивановна принялась хохотать, какъ помѣшанная.

— Сначала, сначала!—кричала она, бѣгая за шарами и раскидывая ихъ въ разныя стороны. Игнатій въ отчаяніи поднялъ плечи, покраснѣлъ и сдѣлалъ ужасное лицо:

— Это чортъ знаетъ что̀ такое!—воскликнулъ онъ басомъ и, не выдержавъ, самъ расхохотался.

Подъѣхалъ еще знакомый — адвокатъ Викентьевъ. У него всюду были знакомые, и въ городѣ, съ извозчичьей пролетки (пѣшаго его трудно было себѣ представить) онъ широко и привѣтливо размахивалъ шляпой чуть не каждому встрѣчному. Всюду онъ держалъ себя какъ дома, всюду напѣвалъ отрывки оперныхъ арій съ мягкимъ удальствомъ итальянскаго тенора и считалъ себя общимъ любимцемъ.

— Стой, стой!—закричалъ онъ извозчику, соскакивая съ пролетки, и быстро, покачиваясь, пошелъ къ крокету. Это былъ человѣкъ небольшого роста, кругленькій, съ маленькими ногами и руками. Называя себя „вѣрнымъ шестидесятникомъ“, онъ небрежно повязывалъ галстукъ, не стригъ своихъ сѣрыхъ, мягкихъ волосъ и часто развязно закидывалъ ихъ назадъ. Матовое его лицо было моложаво и непріятно.

— Наталья Борисовна!—крикнулъ онъ, махая на себя шляпой.—Благовѣрнаго вашего лицезрѣлъ!

— Гдѣ?—спросила Наталья Борисовна, идя къ нему навстрѣчу.

— Въ городѣ-съ.—Викентьевъ быстро поцѣловалъ у ней руку, оглянулся. — Да-съ, на стогнахъ града... Оказывается, онъ вернулся еще вчера, „выпимши малость“... Здравствуйте, барышня!.. Мое почтеніе, Софья Марковна...

Онъ пожалъ всѣмъ руки и опять оглянулся:

— Коллегъ почтеніе! Давно изволили пожаловать?

— Только сегодня,—сказала Наталья Борисовна.—Да вы откуда, Александръ Ивановичъ?

Викентьевъ махнулъ рукой и вздохнулъ.

— И въ городѣ былъ и за городомъ былъ... у одного почтеннаго отца семейства... Ну что же? Я вамъ помѣшалъ? Примите меня въ заморскую игру?.. Хотя, по правдѣ сказать, я голоденъ, какъ сорокъ тысячъ братьевъ Фридриховъ...

Но играть было уже поздно. Сумракъ мягко синѣлъ въ паркѣ, и надъ вершинами дубовъ показывались серебряныя звѣзды... Хоръ молодыхъ голосовъ запѣлъ гдѣ-то далеко протяжную малороссійскую пѣсню, и Викентьевъ сталъ тихонько подтягивать:

Та налетилы гуси зъ далекаго краю...

— Отчего это,—сказалъ онъ:—когда поютъ хорошую пѣсню, становится кого-то жалко и совсѣмъ не знаешь, горя или радости хочется?.. Пойдемте гулять, господа! Въ такую ночь надо жить только природой.

Пошли смотрѣть на долину, въ сторону, противоположную мельницѣ Каменскаго, — туда, гдѣ видны были огни города; полежали на скатѣ, непринужденно, по-дачному, снявши шляпы. Синяя темнота все сгущалась отъ востока надъ долиной. Прошелъ за рѣкою поѣздъ, и долго слышенъ былъ его отдаленный шумъ... Потомъ все затихло. Городъ на горизонтѣ роился блѣдными огнями, а изъ парка доносилась то та, то другая печальная пѣсня.

— Славно! — сказалъ Викентьевъ. — Люблю я эту самую природу, люблю, грѣшнымъ дѣломъ, полежать вотъ такъ на травкѣ, но... „камергеръ рѣдко наслаждается природой“!.. Право, иной разъ хочется стать рыбакомъ, бродягой или хоть толстовцемъ... въ родѣ вашего новоявленнаго отца Каменскаго. Кстати, онъ еще тутъ обрѣтается?

Гриша насторожился.

— Да,—отвѣтила Наталья Борисовна.—Обѣщался сегодня быть у насъ.

— Вотъ какъ!— сказала Софья Марковна.—Это интересно. Павелъ, пойдемъ къ Натальѣ Борисовнѣ?

Профессоръ, запинаясь, отказался:

— Нѣтъ, ты ужъ будь добра, иди одна; мнѣ онъ не интересенъ, да и надо во-время лечь въ постель.

— Да, онъ не интересенъ, — подтвердилъ Викентьевъ.—Я съ нимъ встрѣчался. Говоритъ какъ по-писаному, но все это не ново и хорошо только на словахъ. „Нельзя объять необъятнаго“... Да и самъ Левъ Николаевичъ-то, кажется, ужъ соскучился забавляться...

Заговорили о томъ, что вліяніе Толстого проходитъ, что Толстой великъ, какъ романистъ, и слабъ, какъ философъ, что онъ умѣетъ только отрицать и ничего не даетъ положительнаго... Гриша внимательно слушалъ. Слова Викентьева заставили его задуматься.

— Болванъ!—думалъ онъ про Викентьева.—Но это-то, пожалуй, отчасти и правда... Не ново-то не ново...

Посидѣли еще, не зная, что дѣлать. Всѣмъ было хорошо, но всѣ чего-то ждали. И когда Наталья Борисовна сказала, что хочется чаю, поднялись очень живо, словно исполнили обязанность.

У крыльца профессоръ и Викентьевъ откланялись. Остальные вошли въ домъ. Въ сумракѣ на балконѣ кто-то медленно поднялся со стула.

— Здравствуйте!—сказалъ пріятный важный голосъ.

— Ахъ, это вы, Алексѣй Александровичъ! — воскликнула Наталья Борисовна, дружески пожимая ему руку. — Очень, очень рада васъ видѣть... Что же это Гарпина не зажгла вамъ лампы?

— Она у Петра Алексѣича.

— Развѣ онъ пріѣхалъ?

— Да, мы уже бесѣдовали съ нимъ. Онъ пошелъ въ кабинетъ обливать голову водою.

Наталья Борисовна покраснѣла. „Ахъ, Боже мой, какъ нарочно!“—подумала она, но тотчасъ же весело сказала:

— Ну, господа, вы незнакомы? Знакомьтесь, знакомьтесь, пожалуйста...

VIII.

По всѣмъ комнатамъ пахло сигарами. Изъ кабинета раздавались мужскіе голоса, слышны были сиплыя вскрикиванья Ильи Подгаевскаго, страннаго субъекта, безотлучно пребывавшаго при Петрѣ Алексѣевичѣ и участвовавшаго во всѣхъ его попойкахъ. Петръ Алексѣевичъ рѣдко появлялся одинъ

и на этотъ разъ привезъ съ собой еще какого-то военнаго доктора, котораго называлъ Васей, и своего секретаря, Бобрицкаго, молодого человѣка, очень похожаго на жирафа своей маленькой головой и большой длинной фигурой въ клѣтчатой парѣ.

Среди сидящихъ и разговаривающихъ за круглымъ столомъ въ ярко освѣщенной гостиной Каменскій рѣзко выдѣлялся своей высокой фигурой и одеждой. Присутствіе его однихъ смущало, другихъ очень интересовало. Марья Ивановна боялась взглянуть на него и, махая въ раскраснѣвшееся лицо платкомъ, быстро-быстро заговаривала то съ тѣмъ, то съ другимъ такъ, словно отвѣчала на экзаменѣ. Гришѣ очень хотѣлось уйти съ ней на качели въ садъ, но онъ зналъ, что будетъ споръ, такъ какъ замѣтилъ, съ какой порывистой привѣтливостью пожалъ руку Каменскаго Игнатій: очевидно, радъ новому человѣку, съ которымъ можно сцѣпиться. Однако разговоръ шелъ пока незначительный. Поддерживалъ его только агрономъ, человѣкъ въ золотомъ пенснэ, всегда сдержанный, вѣжливый и элегантный (агрономіей онъ занимался теоретически, въ городѣ). Въ тонъ ему держался и Бобрицкій. Немного отодвинувшись отъ стола и вытянувъ ноги, онъ держалъ стаканъ чаю въ рукахъ и, когда пилъ, далеко отставлялъ мизинецъ, украшенный перстнемъ съ большимъ кускомъ бирюзы.

— Вы позволите вамъ чаю?—съ легкой запинкой спросила Наталья Борисовна Каменскаго.

И всѣ тотчасъ съ любопытствомъ обратились въ его сторону: откажется или нѣтъ? И что возьметъ къ чаю?

— Пожалуйста,—очень вѣжливо отвѣтилъ Каменскій.

То, что онъ привѣтливъ, тоже немного удивляло всѣхъ. Вѣрно, онъ зналъ, что Примо устроили сегодня вечеръ съ толстовцемъ, зналъ, что за каждымъ его движеніемъ будутъ слѣдить, будутъ оглядывать его одежду, и потому надѣлъ чистую рубашку, умылся, причесалъ бороду и густые русые волосы, подстриженные въ скобку. Теперь его открытое лицо было красиво.

Подошелъ еще гость, статистикъ Бернгардтъ, бородатый, сумрачный человѣкъ. Онъ недавно вернулся изъ Сибири, и Гришѣ казалось, что это суровые сибирскіе мужики пріучили его быть такимъ скупымъ на слова. И теперь онъ молча сѣлъ въ уголъ со стаканомъ чаю и принялся разсматривать волосы въ своей большой темной бородѣ. Каменскій тотчасъ заговорилъ съ нимъ о Сибирской желѣзной дорогѣ. Бернгардтъ отвѣчалъ отрывисто, а всѣ поглядывали на нихъ, какъ бы

спрашивая: какой интересъ представляетъ Каменскому желѣзная дорога? Вѣдь „они“ отрицаютъ цивилизацію!

Вдругъ агрономъ почтительно промолвилъ:

— Правда, что Левъ Николаевичъ не совсѣмъ здоровъ?

— Да, да, — поспѣшилъ отвѣтить Бобрицкій: — я читалъ недавно самъ.

— Нѣтъ, неправда, — отвѣтилъ Каменскій. — Я недавно имѣлъ о немъ извѣстія.

Бобрицкій поднялъ брови.

— Но я же самъ, своими глазами читалъ въ „Новомъ Времени“!—сказалъ онъ.

— Вы не вѣрьте. Газеты для того же и существуютъ, чтобы выдумывать неправду,—возразилъ Каменскій съ снисходительной улыбкой.

Игнатій задвигался на стулѣ.

— Ну, знаете, это слишкомъ сильно сказано!—проговорилъ онъ съ непріятной улыбкой.

— А гдѣ онъ теперь? Въ Ясной Полянѣ?—перебила Марья Ивановна.

— Что вы?

Каменскій спросилъ очень ласково, но Марья Ивановна смѣшалась. Она встряхнула локонами и съ трудомъ выговорила:

— Правда, что онъ только лѣто живетъ въ деревнѣ?

— Да, вотъ это правда.

Всѣ переглянулись и помолчали. Каменскій налилъ въ блюдце чаю и уже началъ говорить съ агрономомъ о рамочныхъ ульяхъ, какъ вдругъ Софья Марковна выговорила громко и насмѣшливо:

— А правда, что онъ уже смѣнилъ пресловутую блузу на костюмъ велосипедиста?

— Вотъ это опять неправда, — уже совсѣмъ важнымъ тономъ возразилъ Каменскій.

Снова переглянулись, а Игнатій издалъ какой-то носовой звукъ.

— Я, собственно, не понимаю... — началъ онъ, собирая хлѣбныя крошки.

Но въ это время раздался насмѣшливо-отчетливый голосъ Петра Алексѣевича:

— А правда, что мы съ Илюшей еще пьяны?

Всѣ живо обернулись.

Улыбаясь, Петръ Алексѣевичъ медленно шелъ съ коробкой сигаръ въ одной и съ дымящейся папиросой въ другой рукѣ, немного приподнявъ плечи и не поворачивая головы, какъ

уходятъ богатые люди изъ ресторановъ среди кланяющихся лакеевъ. Послѣ холодной воды онъ посвѣжѣлъ и ободрился; слегка прищуренные глаза блестѣли, смуглое припухшее лицо было весело. И какъ всегда, онъ былъ очень представителенъ; небольшое брюшко, туго обтянутое жилетомъ, не портило его высокой, плотной фигуры; ноги сравнительно съ ней были тонки, но стройны.

Зато маленькій, тщедушный человѣкъ, который шелъ за нимъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ, производилъ странное впечатлѣніе: старческое лицо его, лицо скопца и алкоголика, было желто и испито; длинные, монашескіе волосы жидкими темными космами падали на плечи; маленькіе агатовые глаза неестественно блестѣли.

— Отставной профессоръ консерваторіи, потомъ монахъ, пьяница и мой другъ, Илья Подгаевскій, — отрекомендовалъ его Петръ Алексѣевичъ, здороваясь съ гостями и усаживаясь къ столу.

— Полно, Петръ!—съ паѳосомъ воскликнулъ Подгаевскій, кивнулъ всѣмъ головой и задумчиво зашагалъ изъ угла въ уголъ, бросая себѣ въ ротъ мятныя лепешечки.

Наступило минутное молчаніе. Каменскій пристально, безъ стѣсненія разсматривалъ то Подгаевскаго, то хозяина. Послѣдній, очевидно, замѣтилъ это, потому что отчетливо повторилъ, обращаясь уже къ одному Каменскому:

— Такъ какъ вы насъ находите? Пьяны мы, или уже можемъ вести душеспасительныя бесѣды?

— Мы этого еще не знаемъ,—отвѣтилъ Каменскій серьезно.

Петръ Алексѣевичъ сдѣлалъ видъ, что уже не слушаетъ, и обратился къ Натальѣ Борисовнѣ:

— Мамаша, — сказалъ онъ: — налейте и мнѣ стаканчикъ чаю, только, пожалуйста, безъ коньяку!

— Вотъ какъ!—засмѣялась Наталья Борисовна.

— Я слышу разговоръ о Толстомъ, — продолжалъ Петръ Алексѣевичъ, оглядывая всѣхъ и подчеркивая слова:—и вотъ мнѣ перестало хотѣться того, чего прежде хотѣлось, и стало хотѣться того, чего прежде не хотѣлось. И когда я понялъ то, что̀ понялъ, я пересталъ дѣлать то, чего не надо дѣлать, и сталъ дѣлать то, чего не дѣлалъ и что̀ нужно дѣлать.

Всѣ засмѣялись.

— Очень, очень удачно скопированъ Толстой!—подхватилъ Бобрицкій.

— Какой догадливый!—пробормоталъ Петръ Алексѣевичъ, раздувая ноздри.

— Нѣтъ, почему вы такъ противъ велосипедистовъ?—улы-

баясь, но уже нервно прикрывая глаза и волнуясь, заговорилъ Игнатій.

— Развѣ я это сказалъ?—спросилъ Каменскій и поднялъ брови.

— То-есть не сказали, но въ сущности это понятно... И это странно... Я думаю, что всякій трудъ, исполняемый съ наименьшимъ напряженіемъ мускуловъ...

Всѣ прислушались. Каменскій же немного наклонилъ голову, и по лицу его было видно, что онъ хочетъ вникнуть въ каждое слово. Но Игнатій запнулся, щелкнулъ пальцами и прибавилъ торопливо:

— Я хочу сказать, что такой трудъ, во всякомъ случаѣ, болѣе нуженъ, чѣмъ какой-либо другой...

— Я васъ не понимаю,—спокойно возразилъ Каменскій.

— Не понимаете?—переспросилъ Игнатій.

— Извините, не понимаю.

Игнатій вздернулъ плечами.

— Что же тутъ непонятнаго? Развѣ я темно выражаюсь?

— Нѣтъ, но вы, очевидно, не подумали, что сказали.

Игнатій прикрылъ глаза, соображая, подумалъ онъ или нѣтъ, и наконецъ выговорилъ:

— Нѣтъ, знаете, я темно выразился, но вполнѣ понятно, что я хотѣлъ сказать. Я хотѣлъ сказать, что всякій трудъ...

— Нужно всегда различать,—тихо, но властно перебилъ Каменскій, кладя ладони на столъ:—нужно всегда различать, что нужно и что не нужно въ жизни; именно, какъ сказалъ Петръ Алексѣевичъ, надо знать, что нужно дѣлать и чего не нужно дѣлать.

Онъ мелькомъ взглянулъ на Петра Алексѣевича и продолжалъ:

— Да, именно такъ. Поэтому слово „всякій“ очень часто не имѣетъ ни значенія ни смысла. Всякій трудъ! Да вотъ вѣдь и обезьяна трудилась и ей стало жарко и скучно наконецъ.

— То-есть, я не понимаю, про какую обезьяну вы говорите?

— А вотъ про ту, что катала чурбанъ. Помните басню? О трудѣ надо думать серьезно и избирать надо тотъ трудъ, который не ограничивается однимъ наименьшимъ напряженіемъ мускуловъ. Трудъ жизни...

Игнатій заволновался еще больше.

— Вы думаете, кажется, что я не имѣю понятія о трудѣ?

— О чьемъ трудѣ?

— Вообще о трудѣ... Я не меньше вашего работалъ и работаю...

— Я о васъ пока не говорилъ.

— Но вѣдь это понятно!

— Я о васъ не говорилъ. О васъ я еще буду говорить.

Игнатій вспыхнулъ.

— Но вѣдь это, конечно, и отъ меня будетъ зависѣть,— рѣзко возразилъ онъ.—Личности тутъ ни при чемъ.

— Нѣтъ, именно при чемъ. И отчего намъ не говорить другъ о другѣ? Мы не должны учить другихъ, когда еще не очистились сами, но мы должны быть братьями и помогать другъ другу.

— Однакоже вы говорите тономъ именно поученія!

Каменскій немного смутился, но тотчасъ же оправился.

— Я не поучаю,—сказалъ онъ серьезно:—я говорю только то, что̀ мнѣ кажется истиной, которую я уразумѣлъ сердцемъ. Я не насилую васъ—это главное. И вы напрасно сердитесь на меня.

— Я нисколько не сержусь, я сказалъ только, что знаю, что̀ такое трудъ, не хуже другого...

— По вашимъ рукамъ этого не видно.

— Если вы, — перебила Каменскаго Софья Марковна, и всѣ оглянулись на нее:—если вы подразумѣваете подъ трудомъ трудъ только физическій, то я думаю, что ограничивать настолько трудъ, по меньшей мѣрѣ, странно. Умственная жизнь человѣка нуждается въ полномъ развитіи и усовершенствованіи.

— Илья? — спросилъ Петръ Алексѣевичъ. — Справедливая это мысль? Правда, мы съ тобой труженики и умственно развиваемся?

И съ заигравшею въ глазахъ злою улыбкой оглядѣлъ всю компанію, долилъ чай коньякомъ и выпилъ, какъ воду.

— Илюша! Что̀ же ты? — добавилъ онъ, обращаясь къ Подгаевскому.

Подгаевскій, который шагалъ вокругъ стола, оживился.

— Изволь! — сказалъ онъ, наливая и себѣ коньяку: — но ты обратился ко мнѣ съ вопросомъ. Такъ я тебѣ скажу, мой милый, что мысль Софьи Марковны совершенно справедливая. И твоя обычная иронія тутъ ни при чемъ. „Оставь ее отжившимъ и нежившимъ!“

— Будто бы мы съ тобой еще не отжили? — спросилъ Петръ Алексѣевичъ.

— Мы тѣни, мой милый! Но сущность наша и красота вѣ-чны!—сипло вскрикнулъ Подгаевскій.

Петръ Алексѣевичъ дослушалъ его и спокойно выговорилъ:

— Вотъ и врешь! И мы съ тобой, къ сожалѣнію, не тѣни,

и красота не вѣчна. Напримѣръ, вотъ мамаша была очень красива, а теперь только старая корга.

Поднялся общій смѣхъ и говоръ.

— Виноватъ!..—говорилъ Каменскій съ блестящими глазами.

IX.

— Виноватъ, я не договорилъ,—повторилъ онъ.—Я васъ перебью на минуту,—продолжалъ онъ только для того, чтобы вдуматься въ то, что̀ хотѣлъ сказать, такъ какъ намѣревался говорить долго. — Я хотѣлъ отвѣтить вамъ, Софья Марковна... Оставимъ на минуту трудъ въ сторонѣ, нужно сперва говорить о жизни... И вотъ я думаю такъ: жизнь человѣка должна быть направлена прежде всего къ раскрытію и познанію...

— Къ раскрытію чего?

— Къ раскрытію того, что̀ нужно и важно для человѣка, къ развитію его добрыхъ чувствъ, чтобы онъ могъ любовно и радостно исполнять свое назначеніе на землѣ и волю Пославшаго его...

— Пославшаго его, — повторилъ Игнатій. — Кто же этотъ Пославшій?

— А это называйте, какъ хотите—Роману, Вишну, Фта... Духъ Жизни, однимъ словомъ.

— Духъ Жизни! Что̀ такое Духъ Жизни?

— А вамъ что̀ — хочется рѣшить его, какъ уравненіе?

— Нисколько, это уравненіе, состоящее изъ всѣхъ неизвѣстныхъ, слѣдовательно я и пытаться не буду рѣшать такое уравненіе... Да это и не уравненіе будетъ.

Петръ Алексѣевичъ насмѣшливо кивнулъ на Игнатія:

— Игнатій-то! — сказалъ онъ: — какъ уравненію-то обрадовался!

— Дай мнѣ, пожалуйста, говорить!—воскликнулъ Игнатій съ злобой.—Такъ я говорю: это для меня только звукъ, и я не знаю, что̀ онъ значитъ...

— Дѣло не въ звукѣ...

— Такъ позвольте: что̀ же такое Духъ Жизни?

— Духъ Жизни?.. „Свѣтъ, и нѣтъ въ немъ никакой тьмы“ — вотъ вамъ одно опредѣленіе. Добро, любовь — вотъ вамъ другое.

— А почему я долженъ поклоняться добру? — вмѣшался Подгаевскій, внезапно останавливаясь противъ Каменскаго.

— Въ самомъ дѣлѣ,—подхватилъ Игнатій:—почему?

— Да зачѣмъ вы ставите эти вопросы? Вы слѣдуйте велѣньямъ своего сердца, въ которомъ заключены добро и любовь.

— А если у меня не заключено ничего подобнаго?

— Это неправда. Еще Тертулліанъ сказалъ, что душа христіанка.

Игнатій заморгалъ, развелъ руками, поднялъ плечи:

— Да что же это за доказательство! — воскликнулъ онъ насмѣшливо и басомъ.—Добро, Любовь... А если я не вѣрю Тертулліану вашему, и моя башка, мои мозги...

Каменскій нахмурился и повторилъ уже на зло:

— Да, еще Тертулліанъ сказалъ. А царь Давидъ вотъ что: „и рече безумецъ въ сердцѣ своемъ — нѣсть Бога!“

— Не слѣдуетъ, я думаю, забывать того, что Давидъ совмѣщалъ въ себѣ массу достоинствъ, но еще болѣе недостатковъ, — перебила Софья Марковна.

— Господа, позвольте!—закричалъ Игнатій:—мы уклонились, такъ нельзя...

— Вы же не дали мнѣ договорить,—сказалъ Каменскій.

Лицо у него раскраснѣлось, руки нервно гладили скатерть.

— Ну, продолжайте, продолжайте, пожалуйста!

Каменскій подумалъ и опять заговорилъ размѣренно:

— Я говорилъ: человѣкъ долженъ уяснить себѣ, для чего онъ живетъ...

— Виноватъ,—снова не выдержалъ Игнатій:—одно слово... Какъ это уяснить, для чего я живу? Я могу сказать, для чего я сегодня въ городъ ѣздилъ...

— Да, вотъ именно такъ,—подтвердилъ Каменскій:—именно, надо уяснить себѣ цѣль жизни такъ же, какъ цѣль поѣздки въ городъ. И вотъ: есть жизнь тѣлесная и плотская и есть жизнь духовная и душевная. Жизнь тѣлесная...

— Ну, это уже начинается метафизика какая-то!—воскликнула Софья Марковна.

— Позвольте, — началъ Игнатій.

— Виноватъ, — заговорилъ и агрономъ, хотѣвшій примирить и успокоить всѣхъ.

А Петръ Алексѣевичъ выговорилъ громче всѣхъ:

— Мы вотъ съ Илюшей живемъ плотской жизнью!

— Метафизика—родня поэзіи! Я стою за метафизику! — почти закричалъ Подгаевскій.—Вы говорите: трудъ; но прогре-ссъ движется не трудомъ, а тво-рче-ствомъ!

— Это, положимъ, вздоръ!—добавила Софья Марковна.—Возьмите Липперта...

Каменскій почувствовалъ, что здѣсь нельзя говорить. Но то, что ему хотѣлось сказать этимъ людямъ, которые кричатъ только отъ скуки, волновало его, и онъ поднялся со стула. Всталъ и Игнатій.

— Что же вы сотворили? — почти строго спрашивалъ Каменскій. — Что? Я скажу вамъ, что вы сотворили: рабовладѣльчество, проституцію...

— А что вы такъ противъ проституціи?—вмѣшался Петръ Алексѣевичъ уже съ явной насмѣшкой. — Вотъ Илья иначе думаетъ.

Каменскій пристально посмотрѣлъ на Петра Алексѣевича, но тотъ сдѣлалъ мутные глаза и отвернулся.

— При со-вре-менныхъ условіяхъ это не-обхо-димо-е учрежденіе! — уже кричалъ Подгаевскій.

— Позвольте... Что же, современныя условія хороши?

— Нѣтъ, вы позвольте!

Лицо Подгаевскаго исказилось, глаза бѣгали; то, что у него не было двухъ верхнихъ зубовъ, еще болѣе дѣлало его некрасивымъ.

— Нѣтъ, дайте же мнѣ договорить!—пробовалъ какъ можно спокойнѣе возражать Каменскій.—Вы сказали именно то, что нужно; вы сказали, какъ человѣкъ, который на вопросъ: почему онъ ѣдетъ такъ плохо и тихо, отвѣтилъ, что у него сломана ось. Остановись же, — сказали ему: — почини ее.

— Позвольте-съ,—заговорилъ Бернгардтъ сумрачно, приближаясь къ Каменскому:—современныя условія зависятъ не отъ одного человѣка. Это не телѣга, въ которой ѣдетъ благодушный мечтатель и единственный обладатель ея, это — наполненный народомъ дилижансъ. И починка зависитъ не отъ единичной воли... Конечно, можно и пренебречь сломаннымъ экипажемъ, встать, махнуть рукой и отправиться пѣшечкомъ; только это и нечестно и навряд хорошо для отправившагося пѣшечкомъ...

— Да, — горячо подхватилъ Каменскій: — если дилижансъ плохъ, нужно его оставить и не тащиться въ немъ или не сваливать все на другихъ, на „обстоятельства“... И во всякомъ случаѣ починка дѣлается не злобой, а единеніемъ и любовью!

— А можетъ-быть, непротивленіемъ злу?—перебилъ Бернгардтъ и рѣзко захохоталъ.

Вдругъ Петръ Алексѣевичъ поднялся.

— Мамаша! — воскликнулъ онъ. — Это наконецъ подло съ вашей стороны! Вы меня, все равно, не пріучите къ духовной жизни, я не обѣдалъ сегодня!

— Господа, перейдемте въ столовую,—обратилась Наталья Борисовна къ окружающимъ.

Гриша поднялся и скрылся въ своей комнатѣ.

Понемногу стали подыматься и остальные. Разговоръ обо-

рвался, и по разсѣяннымъ взглядамъ было видно, что продолженіе его и нежелательно.

Агрономъ сѣлъ за рояль и, однимъ пальцемъ аккомпанируя, вполголоса запѣлъ прологъ изъ „Паяцовъ“. Около него стояли Бобрицкій, Софья Марковна и Подгаевскій; Подгаевскій покачивалъ головою и намѣревался подтягивать. Петръ Алексѣевичъ въ лѣнивой позѣ сидѣлъ на диванѣ; Бернгардтъ ходилъ изъ угла въ уголъ: онъ не хотѣлъ даже серьезно говорить съ Каменскимъ, унижать себя. А Игнатій съ Каменскимъ незамѣтно вышли на балконъ. Игнатія мало интересовала закуска, и онъ думалъ, что, пожалуй, вышло неловко это всеобщее нападеніе на Каменскаго. Спорить больше ему не хотѣлось, хотя онъ и былъ немного обиженъ, такъ какъ любилъ оставаться въ горячихъ разговорахъ побѣдителемъ. Онъ стоялъ противъ Каменскаго и машинально повторялъ:

— Да-а-съ, батенька!

Лицо Каменскаго было строго и разсѣянно. Облокотившись на перила балкона, онъ старался собрать мысли, такъ какъ твердо рѣшилъ опять завести разговоръ.

А Марья Ивановна, полуосвѣщенная свѣтомъ, падавшимъ изъ гостиной на балконъ, глядѣла въ садъ и говорила тихо и восторженно:

— Какъ хорошо!

Въ саду было очень темно и тепло. Ночныя неопредѣленныя облака неподвижно дремали въ темнотѣ надъ садомъ. Дремотно гдѣ-то щелкалъ соловей, невнятно доносился ароматъ резеды съ цвѣтника у балкона...

X.

Гриша сидѣлъ за ужиномъ, мрачно покусывая ногти.

Когда собрались въ столовую, произошла маленькая неловкость.

— How did you get aequainted with him?—вдругъ спросила профессорша Наталью Борисовну, указывая глазами на Каменскаго.

— Энгельса зашелъ попросить,—пробормоталъ Петръ Алексѣевичъ.

А Каменскій мягко, но серьезно замѣтилъ:

— Я знаю англійскій языкъ, такъ что вы говорите лучше на какомъ-нибудь другомъ.

И когда Софья Марковна смѣшалась и покраснѣла, онъ добавилъ снисходительно:

— Да вы не конфузьтесь. Языки надо знать, это ведетъ людей къ сближенію. Вѣдь вся бѣда людей съ древнѣйшихъ

временъ и до этого вечера состоитъ въ неумѣньи и безсознательномъ нежеланіи общаться съ людьми.

Онъ вызывалъ на бесѣду, и лицо его становилось все сосредоточеннѣе. Но кругомъ шелъ оживленный разговоръ о знакомыхъ, объ опер̀; занималъ всѣхъ и ужинъ — молодыя картошки съ зеленью, бифштексъ, вина... Къ ужину вышелъ и военный докторъ, похожій на цыгана. Заспанный, добродушный, онъ все старался казаться трезвымъ и поэтому расшаркивался, подымалъ плечи и хриплымъ голосомъ говорилъ любезности дамамъ.

Тогда Каменскій, обращаясь какъ будто къ одному Игнатію, произнесъ цѣлую рѣчь. Голосъ его сталъ торжественнымъ, глаза строгими и выразительными.

Онъ опять началъ съ того, что̀ нужно въ жизни. Современный человѣкъ,—говорилъ онъ,—отличается тѣмъ, что умѣетъ становиться на всевозможныя точки зрѣнія и ни одной не признавать безусловно справедливой, ни одной не увлекаться сердечно. Жизнь стала слишкомъ сложна, и сложная общественная организація парализуетъ нашу волю и растягиваетъ насъ въ разныя стороны. Мы одурманили себя ненужными дѣлами, мы загипнотизированы книгами и разучились говорить языкомъ сердца. Мы слишкомъ заняты, по словамъ Лаодзи и Аміеля, слишкомъ много читаемъ пустого и безплоднаго, когда надо стараться упрощать жизнь, стараться быть искреннимъ, вникающимъ въ свою душу, когда нужно отдаться Богу, служить только Ему, остальное же все приложится. Мы устали отъ вѣроученій, отъ научныхъ гипотезъ о мірѣ, устали отъ распрей за счастье личности, слишкомъ много пролили крови, вырывая это счастье другъ у друга, когда жизнь наша должна состоять въ подавленіи личныхъ желаній и исполненіи закона любви. Злоба—смерть, любовь—жизнь, говорилъ онъ. Жизнь только въ жизни духа, а не въ жизни тѣла. Плодъ же духа — любовь, радость, миръ, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе... Это повторяли людямъ всѣ великіе учители человѣчества, начиная съ Будды...

— Ну, знаете, батенька, Будда былъ довольно-таки ограниченный субъектъ! — перебилъ Игнатій.

Каменскій, не слушая, продолжалъ говорить. Онъ настаивалъ на томъ, что мы сами создаемъ себѣ милліоны терзаній только потому, что не хотимъ прислушаться къ тому, что̀ говоритъ намъ сердце голосомъ любви, всепрощенія и благоволенія ко всему живущему; настаивалъ на томъ, что мы гибнемъ, развивая въ себѣ звѣрскія похоти, тысячи ненужныхъ потребностей и желаній. „Желаете и не имѣете; убиваете и зави-

дуете и не можете достигнуть“, напомнилъ онъ слова апостола Іакова.

— Это все очень не ново!—послышались голоса,—это все давно слышанное. Къ сожалѣнію, не такъ просто все развязывается. И любить по закону нельзя. Странный рецептъ: возьми да полюби!

Гриша терялся — съ обѣихъ сторонъ говорили правду!

Размахивая полами сюртука, Подгаевскій ходилъ по комнатѣ и кричалъ надъ ухомъ Каменскаго:

— Я ска-жу вамъ словами такого же апостола, Павла: „Освободившись отъ грѣха, вы стали рабами праве-дности!“

— Лучше быть рабомъ праведности, чѣмъ похоти, — пробовалъ возражать Каменскій.

Но Подгаевскій былъ уже пьянъ. Пьянъ былъ и „Вася“, который все наклонялся и что-то бормоталъ на ухо Петру Алексѣевичу, воображая, что говоритъ шопотомъ. А Петръ Алексѣевичъ сидѣлъ съ раскраснѣвшимся лицомъ и мутнымъ взглядомъ.

Ахъ, что̀ кому до насъ,
Когда праздничекъ у насъ!—

запѣлъ онъ вдругъ фальшиво и рѣзко.

Дамы встали и начали прощаться. Поднялся и Каменскій.

— Что̀ же вы?—спросилъ Петръ Алексѣевичъ.—Уже уходите? Напрасно! Давайте споемъ.

Каменскій пожалъ плечами.

— Какой вы веселый! — сказалъ онъ, нахмуриваясь.

— Веселый!—повторилъ Петръ Алексѣевичъ и вдругъ прибавилъ съ непріятной улыбкой. — Кстати о трудѣ! Шкапъ-то скоро будетъ готовъ?

— Въ четвергъ принесу.

— Послѣ дождичка?

— А развѣ въ четвергъ будетъ дождь?

— Да вотъ Брюсъ пишетъ — будетъ.

— Я въ Брюса, къ сожалѣнію, не вѣрю. До свиданія!

— Жаль! А закусить развѣ не хотите? Вѣдь хочется, небось?

Каменскій посмотрѣлъ на него долгимъ взглядомъ, пожалъ окружающимъ руки и попелъ изъ дома черезъ балконъ.

Петръ Алексѣевичъ поднялся.

— Николка! — крикнулъ онъ на весь домъ.

И когда вбѣжалъ лакей, прибавилъ:

— Лошадей намъ! Вася, Илюша—въ „Добро пожаловать!“ Ѣдемъ!

— Петръ Алексѣевичъ, — сказала Наталья Борисовна: — я тебя прошу, не ѣзди!

— Мамаша! Оставьте! Стыдно при чужихъ людяхъ...

Ахъ, что̀ кому до насъ—

запѣлъ онъ снова, обнялъ доктора и Подгаевскаго и пошелъ въ кабинетъ...

Домъ опустѣлъ. Было слышно, какъ въ столовой убирали посуду. Гриша сидѣлъ въ своей комнатѣ у открытаго окна, стиснувъ зубы.

— Въ наше время такихъ бы не слушали,—со злобой говорилъ на балконѣ Бернгардтъ.

— Вы и теперь не слушаете,—отвѣчалъ злобно и Каменскій.

— Мы жизнью жертвовали!

— Однако вы живы.

— Не каламбурьте! Вы увлекаете общество отъ полезной и честной работы въ свою келью подъ елью.

— Это что̀ же вы называете работой? Неужели эта дача похожа на рабочій домъ?

— Я не про эту дачу говорю. Вы не ехидничайте. Любовь!.. А вѣдь у васъ злоба кипитъ, вы сами просите борьбы... Вы, напримѣръ, меня ненавидите сейчасъ.

— Повѣрьте мнѣ, какъ брату, — горячо возразилъ Каменскій:—у меня никакой нѣтъ злобы противъ васъ. Запомните слова Паскаля: „Есть три рода людей: одни тѣ, которые, найдя Бога, служатъ Ему, другіе, которые заняты исканіемъ Его, и третьи, которые, не найдя Его, все-таки не ищутъ Его“...

— Опять тексты!

— Да, тексты!—повторилъ Каменскій снова съ сердцемъ...

— Покойной ночи! — послышался немного погодя голосъ Игнатія.

— Прощайте! — отвѣтилъ грустно и важно Каменскій.

XI.

На зарѣ Гришу разбудили удары грома. Онъ открылъ глаза. День былъ сѣрый и дождливый. Отъ надвигающихся тучъ въ комнатѣ темнѣло; въ сумракѣ мелькалъ красноватый отблескъ молніи, послѣ чего начинался гдѣ-то вверху смутный рокотъ. Онъ приближался тяжкими раскатами, такъ что дрожали стекла, и вдругъ разражался трескомъ и рѣзкими ударами надъ самой крышей дома... И начиналъ сыпать дождь, сначала осторожно, потомъ все шире и шире, и затихшій садъ, густыя чащи сочной зелени у раскрытыхъ оконъ стояли не шелохнувшись, насыщаясь влагою. Тяжелый запахъ цвѣтущихъ тополей наполнялъ сырой воздухъ.

Гриша хотѣлъ уже вставать, какъ въ столовой послышались тяжелые шаги Петра Алексѣича. Онъ что-то невнятно приказывалъ лакею, который звенѣлъ ключами, отворяя шкапъ.

— Гриша! — раздался вдругъ его голосъ въ гостиной.

Гриша не отвѣтилъ.

Петръ Алексѣевичъ подошелъ къ порогу и раздвинулъ портьеры. Онъ былъ въ шляпѣ и крылаткѣ, которая сползла у него съ плечъ.

— Ты спишь? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Гриша и нахмурился. — А что?

— Да такъ... Я, знаешь, хотѣлъ спросить кое-что...

— Именно?

— Именно... Гм!.. Ну, да все равно... Я хотѣлъ тебѣ сказать вотъ что: не замѣчалъ ли ты, что свинья одно изъ самыхъ ироническихъ животныхъ?.. Это во-первыхъ...

Языкъ Петра Алексѣевича заплетался.

— Во-вторыхъ, я зашелъ къ тебѣ на минутку... — продолжалъ онъ медленно. — Я хотѣлъ тебѣ передать, что встрѣтилъ сейчасъ Каменскаго... Въ городъ, братъ, уже претъ!.. И знаешь, что онъ мнѣ сказалъ? Онъ сказалъ, что я — новая интеллигенція, такъ называемая, „честная“, но со всѣми признаками самаго обыкновеннаго буржуя, т.-е. настоящей свиньи... И что будто это порожденіе послѣднихъ дней... Это недурно! А главное, изреченіе!

И тономъ Каменскаго Петръ Алексѣевичъ прибавилъ:

— „Ибо ради васъ имя Божіе хулится у язычниковъ!..“ Какъ тебѣ это нравится?

Гриша молчалъ.

— Молчишь? — опять заговорилъ Петръ Алексѣевичъ. — Молчи, братъ! Только знаешь что? Ты о себѣ подумай... подумай и лучше застрѣлись, если ничего не выдумаешь... Непремѣнно застрѣлись, если не станешь ничѣмъ инымъ, какъ иронизирующей свиньей!

Дождь лилъ, ровно и однообразно шумя по травѣ и деревьямъ. Мягкими переливами звучалъ подъ дождемъ голосъ иволги.

Гриша лежалъ на кровати и зло, загадочно улыбался...

1895 г.

ВЕЛГА.

Слышишь, какъ жалобно кричитъ чайка надъ шумящимъ взволнованнымъ моремъ?

Въ туманной дали, на западѣ, теряются его темныя воды; въ туманную даль, на сѣверъ, уходитъ каменистый берегъ. Холодно и вѣтрено. Глухой шумъ зыби, то ослабѣвая, то усиливаясь, — точно ропотъ сосноваго бора, когда по его вершинамъ идетъ и разрастается буря, — глубокими и величавыми вздохами разносится вмѣстѣ съ криками чайки... Видишь, какъ безпріютно вьется она въ тускломъ осеннемъ туманѣ, качаясь по холодному вѣтру на упругихъ крыльяхъ? — Это къ непогодѣ.

День съ самаго утра хмурится. Здѣсь, на этомъ непривѣтливомъ сѣверномъ морѣ, на его пустынныхъ островахъ и прибрежьяхъ, круглый годъ ненастье. Теперь же осень, а сѣверъ еще печальнѣе осенью. Море угрюмо вздулось и становится темно-желѣзнаго цвѣта. Издали необозримая равнина его кажется выше берега, она уходитъ въ туманный просторъ на западъ, а вѣтеръ все быстрѣе гонитъ съ запада волны и далеко разноситъ крикъ чайки.

— Крі-э! — жалобно и пронзительно звучитъ по вѣтру.

Утромъ она безпокойно и криво летала надъ самымъ прибоемъ. Море непрерывно крутящимися валами окаймляло берегъ. Здѣсь оно, налетая на него съ грохотомъ и шумомъ, рыло подъ собою гравій, тамъ, какъ кипящій снѣгъ, разсыпàлось съ шипѣньемъ и широко взлизывалось на берегъ, но тотчасъ же скользило, какъ стекло, назадъ, подпирая собою новый крутящійся валъ, а вдали расшибалось о камни и высоко взвивалось въ воздухъ. И далеко гудѣлъ берегъ отъ прибоя... Чайка съ крикомъ бросалась между волнами, плавно скользя по водѣ въ ихъ ухабы, выносилась

на новой волнѣ до высокаго гребня и взлетала вся въ брызгахъ и пѣнѣ. Вѣтеръ вольно носилъ ее низко надъ моремъ.

Но потомъ она словно устала. Надвигается ненастный вечеръ, и безсильно качается чайка по вѣтру, все дальше уходитъ, бѣлѣя въ туманѣ, отъ берега въ море... Слышишь, какъ жалобно раздаются ея радостныя стенанія?

Вонъ она уже еле-еле виднѣется въ сумракѣ. Быстро спускается темная бурная ночь; чаще и чаще мелькаютъ въ морѣ сѣдыя космы пѣны. Шумъ прибоя растетъ, ледяной вѣтеръ вздымаетъ и бѣшено срываетъ волны, разнося по воздуху брызги и рѣзкій запахъ моря.

— Кріэ!.. — доносится откуда-то издалека, снизу.

Слушай, я разскажу тебѣ, подъ шумъ бушующаго сѣвернаго моря, старую сѣверную легенду.

I.

Было это давно, въ незапамятное время.

У холоднаго сѣвернаго моря жила молодая и сильная Велга. На закатъ были воды, на востокъ — песчаный берегъ, близко за селеніемъ сходившійся съ небомъ. Что было тамъ, къ востоку, Велга не знала и не хотѣла знать. Она никогда не ходила къ востоку. Не ходилъ и отецъ ея, не ходила и мать, не ходила и старшая сестра, Снеггаръ. Они знали только море.

Возлѣ моря прошло дѣтство Велги. Быстро прошло оно, и весело было ей въ дѣтствѣ! Зимой, когда море только подъ самымъ краемъ неба чернѣло волнами, а у береговъ было покрыто бѣлымъ снѣгомъ, Велга спала въ мягкомъ гагачьемъ пуху и, просыпаясь, видѣла передъ собой живой свѣтъ очага среди темной и низкой хижины. Лѣтомъ, когда свѣтитъ солнце, дуетъ теплый вѣтеръ и вода легко плещется въ морѣ, Велга искала на пескахъ яички зуйковъ и плавунчиковъ, или бѣгала къ прибою, ложилась ничкомъ на берегъ, а волны съ шумомъ обдавали ее... Такъ забавлялась она лѣтомъ, и всегда съ Велгой были Ирвальдъ и Снеггаръ.

Толстая Снеггаръ часто смѣялась и пѣла, да не умѣла она такъ звонко кричать и такъ смѣло кидаться въ шумящее море, какъ Велга. Но Ирвальдъ умѣлъ, и разъ Велга сказала ему:

— Отчего ты не братъ мнѣ, Ирвальдъ? Отчего у меня нѣтъ брата, котораго я любила бы такъ, какъ тебя, Ирвальдъ? Я бы не скучала безъ тебя долгую зиму.

Онъ взглянулъ на нее, улыбнулся и вдругъ кинулся къ морю.

— Смотри, смотри: гагара!—закричалъ онъ ей.

И они, какъ вѣтеръ, гнались другъ за другомъ, убѣгали

туда, гдѣ въ прибрежныхъ пещерахъ звонко раздается голосъ, гдѣ у берега громоздятся высокія скалы, а тяжелая вода съ шумомъ поднимается и скользитъ между ними, шипитъ и кипитъ, опускаясь, и съ журчаньемъ, струями сливается съ плоскаго камня. Тамъ дразнили они волны, близко подбѣгая къ нимъ...

Зачѣмъ такъ быстро прошло дѣтство Велги?

Все нетерпѣливѣе проводила она долгія зимы въ хижинѣ, занесенной снѣгомъ. Стало ей четырнадцать лѣтъ, а Ирвальду— шестнадцать, и часто уходилъ онъ теперь за рыбой въ море. Но зато какъ радовалась Велга, когда Ирвальдъ возвращался!

— Милый Ирвальдъ, — говорила она ему, — мнѣ хочется плакать, что такъ долго тебя не было, и хочется смѣяться, что я опять вижу тебя!

Но ужъ выросла и Снеггаръ большая. Ирвальдъ забывать сталъ о Велгѣ. Онъ часто сидѣлъ возлѣ Снеггаръ и глядѣлъ въ ея веселое лицо. А Велга издали слѣдила за ними. Не хотѣлось ей при сестрѣ разговаривать съ Ирвальдомъ. Но, когда онъ уходилъ по берегу къ своему дому, Велга догоняла его и провожала до самаго порога.

— Милый Ирвальдъ, — говорила она ему, — зачѣмъ ты такъ долго сидѣлъ возлѣ Снеггаръ? Зачѣмъ горе мѣшаетъ моей радости?

И стала Велга пѣть на берегу моря звонкія пѣсни сквозь слезы. А когда съ ней встрѣчались подруги, она замолкала, и лицо ея становилось сурово и гордо.

II.

Хижина отца Велги стояла вдалекѣ отъ рыбачьяго селенья, на каменистомъ прибрежьѣ, засыпанномъ жесткими песками, и въ часы прилива море добѣгало до ея порога.

Если же приливъ былъ въ бурю, то оно хлестало даже въ окна, затянутыя кишками гагары. Тогда Снеггаръ обрывала пѣсню, бросала въ испугѣ работу и уходила отъ оконъ. Старая мать Велги бормотала заклятія и съ тревогой прислушивалась къ завыванію вѣтра. Но сама Велга не боялась бури. Она вмѣстѣ съ отцомъ выходила на мокрый порогъ хижины, скатывала на вѣтру сѣти, а потомъ вбѣгала въ воду, и холодная вода, поднимаясь и опускаясь, обнимала и мыла ея босыя ноги, обдавая ихъ шипящею, сѣрою пѣной и опутывая мокрыми блѣдно-зелеными травами. Велга разрывала ихъ ногами и вдыхала сильной грудью свѣжій, влажный вѣтеръ, поднимала навстрѣчу ему голову, а вѣтеръ трепалъ ея русые волосы. Такъ стояла она, молодая и стройная, и

лицо ея было смѣло, бирюзовые глаза зорко глядѣли вдаль. Но только птицы св. Петра носились тамъ крикливыми стаями и по водѣ взбѣгали, распустивъ крылышки, на самые высокіе гребни взметывающихся и разсыпающихся водяныхъ бугровъ.

Дѣвушки стали называть Велгу печальною и злою, потому что никогда не смѣялась Велга и не пѣла съ сестрой за работой. Но никогда до пятнадцати лѣтъ не бывала Велга печальною и злою. Сердце ея было отважно, какъ у молодой птицы, и радовалась Велга на бури и море, на солнце и землю, на свою дѣвичью свободу. Только безъ Ирвальда грустила она: сильно хотѣлось ей разсказать ему, какъ хорошо жить на свѣтѣ.

Ирвальдъ давно былъ въ морѣ. Утомилась Велга ходить по прибрежью и слѣдить за волнами: хотѣлось ей крикнуть черезъ море, что утомилась она ожидать Ирвальда, что нельзя ему любить Снеггаръ, если Велга не можетъ жить безъ него.

А когда подулъ теплый вѣтеръ съ заката, и стало опускаться къ морю солнце, Велга пришла къ сестрѣ и сказала ей:

— Милая Снеггаръ, хочешь, я разскажу тебѣ, какъ ласковъ лѣтній вѣтеръ, какъ легко пахнетъ море водой и какъ мнѣ грустно безъ Ирвальда?

— Не хочу, — отвѣчала Снеггаръ, праздно и спокойно сидя у порога.

Велга ушла отъ нея, сѣла на берегу и долго слушала, какъ плещется теплая вода въ сумеркахъ. Слезы, какъ теплая вода, падали на ея руки.

Увидавъ Ирвальда, она вскрикнула, а онъ засмѣялся и приказалъ ей носить изъ лодки рыбу и сѣсти на берегъ. Она послушно и долго трудилась съ нимъ, а когда сталъ подниматься надъ моремъ большой блѣдный мѣсяцъ, она утомилась, сѣла въ пустую лодку и вздохнула ночнымъ вѣтромъ.

— Ирвальдъ, — сказала она, — я ждала тебя — и безпокойно билось и томилось мое сердце. Но когда ты пріѣхалъ, такъ легко стало мнѣ!

А Ирвальдъ сидѣлъ, глядѣлъ на мѣсяцъ. Стыдно стало Велгѣ, что онъ не отвѣтилъ ей, и она, опустивъ глаза, спросила его тихо:

— Ты слышалъ мои слова, Ирвальдъ?

— Да, — сказалъ Ирвальдъ.

И тогда совсѣмъ низко наклонила Велга голову и проговорила:

— Возьми меня въ свой домъ, Ирвальдъ! Я буду ходить съ тобой въ море, буду пѣть тебѣ пѣсни и работать съ тобой. Такъ сладко жить на свѣтѣ съ тобой!

— Мы никогда не будетъ жить съ тобой, — твердо отвѣтилъ ей Ирвальдъ. — Завтра я опять уйду въ море, а когда вернусь, возьму за руку Снеггаръ. Вмѣстѣ проведемъ мы зиму, а лѣтомъ уплывемъ, какъ двѣ гагары.

— А я? — медленно сказала Велга и почувствовала, какъ тяжело застучало ея сердце. — Я останусь одна? — громко сказала Велга.

— Да, — отвѣтилъ Ирвальдъ.

Тогда Велга быстро прыгнула на берегъ и быстро пошла по берегу. И когда далеко ушла, кинулась на сѣрый камень и закричала мѣсяцу, что ей больно въ сердцѣ, и зарыдала и упала на камень.

III.

Слышишь, какъ дико завываетъ вѣтеръ во мракѣ? Непривѣтливо сѣверное море!

Осень наступила на утро, и зашумѣли въ тускломъ туманѣ отяжелѣвшія волны. И когда пахнуло на Велгу холоднымъ вѣтромъ, вскочила она и бросилась въ воду. Но волна поднялась и далеко отшвырнула ее на берегъ.

— Море не хочетъ, чтобы я умерла, — сказала себѣ Велга. — Прежде я должна убить Ирвальда.

И молча возвратилась она домой. Высохли на щекахъ ея слезы, и спокойно было ея суровое лицо, но темно на сердцѣ.

— Снеггаръ, — сказала она сестрѣ, — уѣхалъ Ирвальдъ?

— Да, — отвѣчала Снеггаръ.

— Когда вернется онъ? — спросила Велга.

— Когда пачнетъ падать мокрый снѣгъ и потемнѣетъ море, — отвѣчала Снеггаръ.

Тогда Велга съѣла рыбы и ушла на порогъ хижины. Тамъ сѣла она на вѣтру и просидѣла весь день, скорбно сдвинувъ брови. На ночь она вернулась подъ кровлю, а утромъ опять вышла за двери, ожидая Ирвальда. И такъ проводила она дни и ночи, пока не пошелъ первый, мокрый снѣгъ.

„Скоро вернется Ирвальдъ, — думала Велга, и сладостная горечь обиды томительно вливалась въ ея сердце. — Я убью его, а потомъ и сама успокоюсь въ могилѣ“.

Но Ирвальдъ не возвращался. Ужъ надвигались сумерки, и все чаще стала Велга подниматься съ порога и, стоя, напряженно глядѣть въ море. И въ сумеркахъ изъ хижины вышелъ старый отецъ Велги. Вѣтеръ развѣвалъ его длинные сѣдые волосы.

— Велга, дитя мое, — сказалъ онъ ласково, — отчего ты покинула родной домъ? Вотъ поднимается зловѣщая ночная

буря, передъ которой неутѣшно тоскуетъ сердце человѣка. Помоги мнѣ укрѣпить подпорками стѣны, положить камней на кровлю изъ кожи тюленей, и укроемся подъ кровлю отъ непогоды и ночи.

Отъ нѣжныхъ словъ дрогнуло сердце Велги жалостью къ самой себѣ, къ отцу и къ Ирвальду. Она поспѣшно стала помогать въ работѣ. Вѣтеръ валилъ ихъ съ ногъ и застилалъ весь воздухъ водяною пылью, словно въ морѣ бушевала вьюга. Въ самыя окна хлестали волны косматой пѣной, и въ испугѣ поспѣшила Велга подъ кровлю.

Тамъ, въ темнотѣ ночи, вдругъ вспомнила она, какъ много лѣтъ тому назадъ, когда Ирвальдъ былъ еще ребенкомъ, онъ остался ночевать въ ихъ хижинѣ. Онъ былъ въ эту ночь ея гостемъ, и она сама постлала ему постель и поцѣловала его, по обычаю гостепріимства, передъ сномъ. Она вспомнила милое ей лицо его, и еще больше овладѣли ея сердцемъ жалость и любовь къ нему. Тогда она, забывъ, что хотѣла убить его, быстро встала съ ложа и въ тревогѣ стала слушать. Ей чудились въ шумѣ вѣтра его крики, и всю ночь трепетала она отъ страха и, обезсиленная, забылась сномъ лишь подъ утро.

Море же стало стихать; въ воздухѣ повѣяло дыханіемъ зимняго мороза. И когда Велга проснулась и отворила на дневной свѣтъ дверь дома, навстрѣчу ей переступила порогъ Снеггаръ.

— Велга! — сказала она. — Буря унесла Ирвальда на дикіе острова Ледяного моря и разбила его лодку. Онъ одинъ теперь въ морѣ и ждетъ смерти отъ холода, голода и толстыхъ клювовъ морскихъ птицъ.

— Кто сказалъ тебѣ? — крикнула Велга.

— Я была у вѣщей Чарны, и она гадала мнѣ на кишкахъ гагары, — отвѣчала Снеггаръ и, закрывъ лицо руками, стала плакать.

— Снеггаръ...—нѣжно хотѣла проговорить Велга.

Но брови ея сурово сдвинулись, и она сильной рукой распахнула дверь дома.

IV.

Она быстро пошла по прибрежью на сѣверъ. Въ холодный темный вечеръ вступила она въ хижину Чарны, теплую отъ костра, пылающаго краснымъ пламенемъ.

— Научи меня, о, вѣщая! — воскликнула она передъ Чарной. — Укажи путь къ Ирвальду!

— Поспѣши!—сказала Чарна.—Два дня и двѣ ночи надо плыть къ Ирвальду. Не поспѣешь къ разсвѣту третьяго дня,—

онъ погибнетъ. Но скажи мнѣ, Велга, слыхала ли ты о пустыняхъ Ледяного моря, гдѣ такъ же дико и печально, какъ въ первые дни міра?

Какъ пойманная рыба, затрепетало сердце Велги.

— Пожалѣй меня, Чарна,—отвѣчала она.—Горько мнѣ разстаться съ жизнью. Но, если такъ надо, скажи: что̀ будетъ со мной?

— Два дня и двѣ ночи проведешь ты въ тоскѣ и страхѣ среди моря,—сказала Чарна.—А когда ступишь на островъ, гдѣ томится Ирвальдъ, обратишься ты въ чайку, и не узна̀етъ онъ, для кого ты погибла.

Какъ первый снѣгъ, поблѣднѣла Велга, но глаза ея сверкнули радостью, и она отвѣчала Чарнѣ:

— Я иду, Чарна!

— Поспѣши, — сказала Чарна.

Противъ вѣтра, по мокрому песку прибрежья побѣжала Велга къ шумящему, темному морю. Хотѣлось ей крикнуть: „прости“ сестрѣ, отцу и матери, но безпокойно билась у берега лодка на волнахъ, и быстро прыгнула въ нее Велга. На закатъ, гдѣ едва свѣтила кровавая полоса зари, направила она лодку и стояла, качаясь на волнахъ, и слезы горѣли на ея глазахъ, а вѣтеръ развѣвалъ въ темнотѣ ея бѣлую одежду и дулъ въ лицо съ Ледяного моря.

V.

На разсвѣтѣ увидала она себя окруженной блѣднымъ моремъ у песчанаго пустыннаго острова. Никого не было на томъ островѣ. Только вода взбѣгала на его песокъ и бѣлѣла пѣной. „Водяные пастушки“ на высокихъ и тонкихъ ногахъ бѣгали у прибоя и искали среди раковинъ пищи. Но и „водяныхъ пастушковъ“ было мало. На зиму улетаютъ они къ берегамъ, гдѣ дуютъ теплые вѣтры.

А Ледяное море уже начиналось. Цѣлый день плыла Велга и вступила въ тѣ безграничныя воды, что̀ уходятъ на край свѣта и сливаются съ небомъ. Все тяжелѣе стучали волны въ дно лодки, потому что уже нѣтъ земли подъ тѣми волнами. Дикія сѣверныя птицы живутъ въ тѣхъ моряхъ, вдали отъ людей, на скалистыхъ островахъ. Онѣ сильны и одѣты плотнымъ пухомъ; онѣ всю зиму могутъ плавать среди льдовъ и глубоко ныряютъ въ ледяную воду. Тысячи ихъ гнѣздились на островахъ, и каждый островъ, какъ снѣгомъ, бѣлѣлъ птицами. Тамъ были гнѣзда на уединенныхъ утесахъ и въ норахъ, подъ утесами. И въ сумеркахъ проплыла Велга мимо самаго большого острова.

Онъ весь, съ верху до низу, былъ покрытъ, какъ сѣрою корой, засыхающимъ пометомъ птицъ, ихъ перьями и пухомъ. Птицы длинными рядами сидѣли на всѣхъ уступахъ скалъ. Внизу гнѣздились тѣ, что были поменьше, наверху стояли и дремали самыя большія и прожорливыя, съ бѣлыми животами и черными спинами, съ толстыми шеями и маленькими головами, съ блестящими глазами въ кольцахъ бѣлаго пуха и съ огромными уродливыми клювами, съ крѣпкими грубыми лапами и короткими руками безъ пальцевъ. Птицы громко разговаривали, а какъ только наступили сумерки и Велга, обезсиленная борьбой съ морознымъ вѣтромъ, причалила къ берегу на отдыхъ, тысячи ихъ поднялись съ шумомъ надъ нею, а самыя большія загоготали и заревѣли дико и радостно, стараясь перекричать другъ друга... И какъ снѣгъ поблѣднѣла Велга, собрала послѣднія силы и опять прыгнула въ лодку.

И къ вечеру послѣдняго дня показался среди пасмурнаго тумана высокій и дикій утесъ на краю свѣта, тотъ, до котораго доходили только могучіе викинги и вбили въ него желѣзныя кольца, чтобы привязывать лодки. Яростный шумъ и гулъ буруновъ сливался тамъ съ тысячеголосыми криками хищныхъ птицъ, кружившихся въ туманѣ. А Ирвальдъ лежалъ у прибоя, обезсиленный предсмертнымъ сномъ отъ холода и голода. Онъ былъ блѣденъ, какъ морская пѣна, и въ кудряхъ его былъ мокрый песокъ.

— Ирвальдъ! — крикнула Велга страстно и звонко.

Отъ голоса ея мгновенно очнулся Ирвальдъ. Хотѣла Велга крикнуть ему, что она любитъ его, какъ въ дѣтствѣ, но не коснулись ея ноги земли, когда она прыгнула съ лодки на берегъ: въ воздухѣ повисла она крылатою бѣлою чайкой, и крикъ ея раздался жалобно-радостнымъ крикомъ чайки надъ Ирвальдомъ. Онъ мгновенно очнулся отъ крика,—голосъ друга коснулся его сердца,—но, взглянувъ, онъ увидѣлъ лишь чайку, взлетѣвшую съ крикомъ надъ лодкой...

Онъ уплылъ на востокъ. Она долго вилась надъ водой, провожая Ирвальда. А когда онъ сокрылся вдали, закачалась она безпріютною чайкой по вѣтру. Такъ тоскуетъ она и донынѣ, вспоминая утесы въ туманѣ, гдѣ когда-то томился Ирвальдъ. Но въ стенаньяхъ ея звучитъ радость.

1895 г.

БЕЗЪ РОДУ-ПЛЕМЕНИ.

I.

Съ вечера я спалъ крѣпко, потому что слишкомъ измучился за день, но потомъ мнѣ стало сниться, что я иду по какимъ-то станціоннымъ дворамъ и запаснымъ путямъ, среди паровозовъ и вагоновъ, ищу мужа Зины и хочу непремѣнно убѣдить его, что я вовсе не врагъ ему. Я любилъ Зину, но теперь не думаю о себѣ, желаю только ея счастія. Казалось даже, что я говорилъ ему это, но онъ все уходилъ отъ меня и я плохо его видѣлъ, а моя нѣжность къ Зинѣ возрастала, все кругомъ темнѣло, странно вытягиваясь коридоромъ, и вотъ этотъ коридоръ—слабо освѣщенный, насквозь видный рядъ вагоновъ—уже бѣжитъ, дрожа подо мною, и какая-то красивая дѣвушка, перебивая мои слова веселымъ шопотомъ, зоветъ и уводитъ меня за руку все дальше по узкому коридору поѣзда. Я едва поспѣваю за нею, въ поѣздѣ темнѣетъ, вагоны бѣгутъ, увлекая меня за собою, — падаютъ все ниже и ниже, точно сама земля падаетъ подъ ними, и радость, страсть и отчаяніе достигаютъ во мнѣ такого напряженія, что я дѣлаю усиліе крикнуть — и просыпаюсь.

Такъ начался этотъ день. Очнувшись, я долго и тупо глядѣлъ на стѣну, изумленный спокойнымъ видомъ комнаты. Давно день, ставни открыты, и на часахъ—половина десятаго... Боже, какой тяжелый вздоръ снился мнѣ! И что̀ это напоминаетъ онъ непріятное и какъ будто неестественное? Ахъ, да! Зина повѣнчалась вчера съ Богаутомъ...

Вотъ теперь я ужъ твердо вѣрю въ это. Правда, я ждалъ этого—и все-таки продолжалъ ходить къ Соймоновымъ. И вдругъ однажды вечеромъ—темнота и тишина во всемъ домѣ; старикъ Соймоновъ одинъ сидитъ въ темномъ кабинетѣ, усиленно куритъ, задыхаясь болѣе обыкновеннаго, и говоритъ

мнѣ, какъ только я появляюсь на порогѣ, неестественно равнодушно:

— А Катерина Семеновна съ Зиной по лавкамъ поѣхали.

И, попыхтѣвъ, продолжаетъ иронически:

— Великое переселеніе народовъ, что̀ называется.. Къ семейному торжеству готовимся... Нынче, знаете, весьма скоропалительно выходятъ эти исторіи!

Онъ хочетъ смягчить свои слова ироніей, но я понимаю его и стараюсь только объ одномъ — получше попадать ему въ тонъ, чтобы поскорѣе и поприличнѣе уйти.

И я ушелъ, пришибленный, точно выгнанный изъ дому. Чтобы заглушить чувство боли, я усиленно развивалъ въ себѣ злобу, презрѣніе къ этимъ свадебнымъ приготовленіямъ. Я бродилъ по городу и, когда однажды встрѣтилъ жениха, проѣхавшаго съ какими-то картонками въ колескѣ, остановился и расхохотался. Катается на чужихъ лошадяхъ и доволенъ! Какъ домой, является въ чужую семью, гдѣ портнихи и бѣлошвейки завалили всѣ комнаты матеріями и выкройками!.. А потомъ будутъ сумерки, освѣщенная церковь, суета около паперти... Подкатываютъ кареты, и щеголь-приставъ горячится, чтобы сохранить порядокъ въ этой церемоніи... И церемонія совершается въ образцовомъ порядкѣ!

Но даже попытки злиться не удавались мнѣ. Я ходилъ на службу, и тоска, боль дурманили мнѣ голову. А тутъ еще Елена! Она одинока, измучена бѣганьемъ по урокамъ, бросила семью и живетъ впроголодь; но зато у нея есть цѣли и надежды, мечты о курсахъ, о наукѣ, о работѣ для общества. У меня нѣтъ пока никакихъ цѣлей, и вольно же ей было мечтать увлечь и меня за собою! Всегда рѣзко-бодрая, она измѣнилась за послѣднее время. То грустно-ласкова со мной, то хмурится, точно ей больно. А когда я заявилъ ей третьягодня о своемъ отъѣздѣ, она вспыхнула, взглянула на меня изумленными глазами, потомъ неловко и кротко улыбнулась и, едва выговоривъ: „до свиданія“, — ушла... Я разсѣянно посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

Но вотъ эти сумерки наступили, и я очнулся. Я минута за минутой пережилъ въ воображеніи все, что̀ должно происходить въ церкви, и жгучая злоба, ревность разрывали мнѣ сердце. Я плакалъ и кого-то умолялъ сжалиться надо мною. Если бы вошла она въ эту минуту! Я обезумѣлъ бы отъ счастья, цѣловалъ бы ея ноги! Иногда я порывался бѣжать къ ней и у нея искать спасенія отъ моей скорби. Но она-то и мучила меня. Выхода не было, и я метался по своей комнатѣ... Потомъ острая боль стала замирать. Совсѣмъ стемнѣло;

затихающій гулъ соборнаго колокола медленно и ровно раскачивался надъ городомъ. Я зналъ, что все уже кончилось тамъ, въ церкви. Острую боль замѣнила тупая, скучная, и я крѣпко заснулъ.

Вотъ опять день, но мнѣ теперь легче. То, что̀ снилось, такъ странно слилось со всѣмъ пережитымъ за послѣднее время. Надо встать, собраться и куда-нибудь уѣхать...

II.

Я долго мылся холодной водой, потомъ, не спѣша, сталъ одѣваться, что-то обдумывая. За стѣной малороссійской скороговоркой ругала кухарку хозяйка. Мимо окна мягко прокатилъ по немощеной мостовой извозчикъ; стуча сапогами по деревянному тротуару, прошли два семинариста. Мнѣ бы тоже давно пора итти—на службу, но я уже давно бросилъ думать о службѣ.

— Вы жъ, панычу, справди уѣдете сёгодня? — спросила Одарка, входя въ комнату съ кипящимъ самоваромъ въ рукахъ.

— Что̀?—машинально проговорилъ я и, помню, долго глядѣлъ на нее безъ отвѣта. „Да,—думалъ я:—Зина уѣдетъ сегодня съ мужемъ въ Крымъ. Значитъ, мнѣ тоже надо уѣхать отсюда“.

— Непремѣнно уѣду,—отвѣтилъ я твердо.—Непремѣнно.

И, какъ только Одарка скрылась, заварилъ чаю и нѣсколько разъ прошелся изъ угла въ уголъ, оглядывая, съ чего начать сборы въ дорогу. Но вдругъ дверь снова распахнулась: почтальонъ!

Я быстро схватилъ письмо — и мгновенно разочаровался. „Пожалуйста, не уходи никуда завтра. Мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобой. Елена“. „Какое бабье письмо!“—подумалъ я со злобой. Не уходи, серьезно поговорить! Что̀ я могу сказать ей? Взволнованный, я кинулъ письмо на столъ и опустился въ кресло.

День облачный, вѣтреный—стоитъ уже конецъ сентября—и вѣтеръ проноситъ по улицѣ пыль и листья. Въ открытую форточку долетаетъ тревожный шумъ тополей. Улица, гдѣ я такъ однообразно провелъ почти два года, безлюдная, тихая и вся въ деревьяхъ. Деревья на бульварѣ и около тротуаровъ—старыя и развѣсистыя. Теперь они шумятъ сухой листвою; вѣтеръ гонитъ облака пыли и качаетъ ихъ изъ стороны въ сторону... А пять мѣсяцевъ тому назадъ, въ теплые апрѣльскіе дни, они кудрявились нѣжной, мелкой зеленью, голубое небо сіяло между ихъ вершинами, и я бродилъ подъ ними по мягкой, влажной землѣ, чему-то радуясь!

Пять мѣсяцевъ... И мнѣ хочется твердо и опредѣленно сказать себѣ, что я очень глупо провелъ эти пять мѣсяцевъ. Убѣдить себя въ этомъ мнѣ тѣмъ легче, что я не только не люблю Зины теперь, но даже со стыдомъ вспоминаю все, что̀ говорилъ ей.

Въ мартѣ образовался у насъ „музыкально-драматическій кружокъ“, и я самъ написалъ объ этомъ событіи корреспонденцію въ „Лѣтопись Юга“. Корреспонденціи увеличиваютъ мое жалованье въ земской управѣ рублей на восемь, на десять въ мѣсяцъ, и я аккуратно сообщаю въ „Лѣтопись“ обо всѣхъ выдающихся городскихъ событіяхъ. Съ кривой улыбкой я пишу газетнымъ жаргономъ о положеніи народной столовой и чайной, о полковыхъ праздникахъ и дамскомъ благотворительномъ кружкѣ, о домѣ трудолюбія, гдѣ бѣдные старики и старухи, измученные и обездоленные жизнью, обречены подъ конецъ этой жизни выполнять идіотскую работу — трепать, напримѣръ, мочало... Пишу о томъ, что сельскохозяйственное общество „заслушало“ и „передало въ комиссію“ чрезвычайно любопытный докладъ подъ заглавіемъ: „Къ вопросу объ урегулированіи свиноводства“, и тутъ же добавляю, что „нельзя не отмѣтить и другого отраднаго факта: въ средѣ мѣстнаго интеллигентнаго общества, по иниціативѣ супруги начальника губерніи, возникла благая мысль организовать въ нашемъ богоспасаемомъ городкѣ кружокъ съ цѣлью проведенія въ жизнь и доставленія публикѣ здоровыхъ и разумныхъ развлеченій...“ Съ той же улыбкой я отправился и въ дворянскій клубъ, на одинъ изъ вечеровъ „кружка“, въ качествѣ скрипача, участвующаго въ концертѣ.

Утомленный однообразной зимней жизнью — службой, обѣдами въ кухмистерской и скучными вечерами въ своей студенческой комнаткѣ, гдѣ всегда пахнетъ дешевымъ глицериновымъ мыломъ и гдѣ вся мебель состоитъ изъ стола, кровати, двухъ-трехъ стульевъ и плетеной корзины, — я былъ возбужденъ клубомъ. Я былъ доволенъ, что меня знакомятъ съ семьями вице-губернатора и предсѣдателя суда, съ чиновниками особыхъ порученій и съ богатымъ молодымъ помѣщикомъ Вечесловомъ, который такъ хорошо играетъ въ любительскихъ спектакляхъ... Всѣ они такіе свѣжіе, бодрые и всѣ хотятъ незамѣтно обласкать тебя... Въ клубѣ — свѣтло, просторно, зеркала, бархатная мебель, пахнетъ дорогимъ табакомъ и оживленно идетъ говоръ. А главное, я не чувствую себя лишнимъ на этотъ разъ: я сыгралъ, какъ настоящій скрипачъ, одну вещь грустную, нѣжную, похожую на колыбельную пѣсенку, а другую — бойкую, въ темпѣ мазурки, съ

рѣзкими ударами смычка,—исполнилъ все, что̀ полагается, и былъ одобренъ... Вотъ тутъ-то и состоялось мое знакомство съ Соймоновыми.

Всѣ они мнѣ понравились: и самъ докторъ, пожилой человѣкъ, похожій на помѣщика, съ одышкой, и его жена, болтливая, молодящаяся дама, и ея падчерица, Зина, высокая дѣвушка съ темно-синими глазами и длинными рѣсницами.

— Зиночка, матушка! Что̀ это ты сидишь такая сонная?— сказалъ Александръ Данилычъ, подводя меня къ дочери.— Я вотъ тебѣ еще жениха привелъ. Сергѣй Николаевичъ Вѣтвицкій.

— Ну, садитесь и разсказывайте,—проговорила Зина. Она улыбнулась и подняла рѣсницы, но только на мгновеніе перевела глаза на меня, а потомъ снова стала равнодушно глядѣть въ сторону, сидя прямо и машинально играя вѣеромъ.

Я спросилъ:

— Съ чего начать прикажете?

— Въ качествѣ жениха—съ того, кто вы такой, откуда? „Имя, родина, родные?“

— Зовусь Магометомъ я,—сказалъ я съ шутливой грустью.

— Полюбивъ, мы умираемъ?—добавила Зина. Потомъ пристально и задумчиво посмотрѣла на меня.

— Вы не декадентъ?—спросила она.

— Почему?—отвѣтилъ я, невольно смущаясь отъ ея взгляда.

— Да такъ... про васъ ходятъ слухи, что вы нелюдимъ, гордецъ... потомъ у васъ такое лицо...

— Какое?—спросилъ я живо.

— Больное,—отвѣтила Зина, подумавъ.—Вы больны?

Я посмотрѣлъ на ея глаза и губы, на все ея красивое тѣло высокой и уже вполнѣ развившейся дѣвушки, услыхалъ запахъ ея духовъ...

— Боленъ,—отвѣтилъ я шутливо, съ болью чувствуя все обаяніе ея.

— Чѣмъ?

— Жаждой того, чего у меня нѣтъ,—сказалъ я.—А хочу я многаго... Любви, здоровья, крѣпости духа, денегъ, дѣятельности...

Къ удивленію моему, она, помолчавъ, быстро и серьезно отвѣтила:

— Я очень понимаю васъ. У меня тоже ничего нѣтъ. Только не нужно говорить объ этомъ...

Я хотѣлъ что-то возразить, но удержался и только съ радостью почувствовалъ, что между нами уже установилась какая-то тонкая связь.

— Ну, а почему же вы думаете, что я гордецъ и нелюдимъ?—спросилъ я.

— Потому что у васъ очень надменный и грустный взглядъ,—сказала Зина.—Мнѣ кажется, что вы никогда никого не любили и что вы большой эгоистъ.

Я былъ задѣтъ за живое, но опять сдержалъ себя и сталъ говорить полушутливымъ тономъ:

— Можетъ-быть... Кого любить? За что?

— Виновата,—вдругъ сказала Зина.—Мнѣ нужно подойти къ тетушкѣ.

И она съ привѣтливой и радостной улыбкой пошла навстрѣчу старухѣ, сопровождаемой бѣлокурымъ и женственнымъ молодымъ человѣкомъ, — старухѣ съ лошадинымъ лицомъ и совиными глазами, которые посмотрѣли на меня очень удивленно. Я, какъ истый пролетарій, опять почувствовалъ себя лишнимъ и надулся. А когда Зина вернулась ко мнѣ, началъ притворно-лѣниво и очень некстати глумиться надъ жандармскимъ полковникомъ, надъ любительницей-пѣвицей, пожилой, некрасивой и сильно декольтированной дѣвушкой, надъ віолончелистомъ...

— Посмотрите,—говорилъ я: — какой онъ маленькій, плюгавый. Лицо — конфетное, но зато волосы совсѣмъ какъ у Рубинштейна...

— А это кто, не знаете?—продолжалъ я, все болѣе раздражаясь и все болѣе желая вовлечь ее въ разговоръ.—Вотъ тотъ пожилой господинъ съ артистической наружностью и лицомъ алкоголика? Посмотрите, какъ у него запухли глаза и какъ онъ смотритъ всегда—точно сонный, съ холоднымъ презрѣніемъ. Это настоящій клубный посѣтитель, и про него непремѣнно говорятъ, что онъ—умница, золотая голова, только спился, опустился и долженъ всѣмъ...

— Это Алексѣй Алексѣевичъ Бахтинъ, мой дядя, — отвѣтила Зина съ неловкой улыбкой.

III.

Таковъ былъ первый вечеръ. Однако я часто началъ бывать у Соймоновыхъ, и Зина сперва радовалась мнѣ. Мы даже говорили другъ другу, что мы—большіе друзья, но что-то мѣшало нашей дружбѣ: общее у насъ было одно—жажда жизни,—въ остальномъ мы были чужды другъ другу. Это я чувствовалъ больше всего, когда у Соймоновыхъ собирались гости. Наши разговоры,—даже наединѣ, — не удовлетворяли меня. Наступили апрѣльскіе дни, мнѣ хотѣлось куда-нибудь за городъ, въ степь... Но она неизмѣнно отвѣчала:

— Я вовсе не хочу, чтобы мы сдѣлались басней города. Вотъ соберемся какъ-нибудь компаніей. Вы вѣдь, все равно, знаете, что я только для васъ поѣду.

И я ограничивался тѣмъ, что провожалъ ее въ лавки или въ народную чайную, гдѣ она, въ числѣ другихъ дамъ-благотворительницъ, дежурила по пятницамъ. А вечеромъ я одинъ уходилъ за городъ, къ вокзалу за рѣку или въ городской садъ, гдѣ еще не началась лѣтняя ресторанная жизнь.

По вечерамъ въ саду совсѣмъ никого не было. Чистый весенній воздухъ холодѣлъ, въ пустынномъ, еще черномъ саду казалось, что стоитъ ясный октябрьскій вечеръ. Только звѣзды по-весеннему, ласково теплились надъ вершинами деревьевъ и соловьи въ чащахъ пробовали свои голоса. Рѣзко пахло пробивавшейся изъ земли травой и самой землею — холодной и влажной... Дома же я до поздней ночи игралъ у раскрытаго окна на скрипкѣ, и скрипка звонко и жалобно пѣла въ ладъ съ моимъ сердцемъ.

Потомъ было одно время, когда Зина рѣзко измѣнилась ко мнѣ. Въ серединѣ мая подготовительныя управскія работы къ экстренному собранію не позволяли мнѣ ходить къ Соймоновымъ. И вотъ какъ-то въ воскресенье я сидѣлъ въ своей комнатѣ и спѣшилъ окончить кое-какія статистическія выкладки. Съ самаго утра перепадалъ теплый, золотой дождикъ, и обмытая имъ майская зелень и самый воздухъ, казалось, молодѣли отъ него. Громъ рокоталъ то въ той, то въ другой сторонѣ, но поминутно, между клубами дымчатыхъ и бѣлыхъ облаковъ, вздымавшихся по небу, сіяла яркая лазурь и выглядывало жаркое солнце. Я засмотрѣлся въ окно, на голубыя лужи подъ деревьями, какъ вдругъ мимо окна быстро прошла Зина. Съ минуту я сидѣлъ неподвижно, изумленный ея появленіемъ, потомъ схватилъ шляпу и кинулся на улицу... Ахъ, какой это былъ славный день!

— Мнѣ было грустно безъ васъ,—говорила Зина, смущенно улыбаясь:—я сама, наконецъ, рѣшилась итти къ вамъ.

И я въ упоеніи цѣловалъ ея душистыя руки съ колючими перстнями и не зналъ, что̀ сказать ей, отъ счастья...

А потомъ я не зналъ, что̀ сказать, отъ сомнѣній. И по цѣлымъ ночамъ обдумывалъ на тысячи ладовъ, что̀ можетъ выйти изъ моего брака съ Зиной. „Мы разные люди, — думалъ я,—она даже мало интеллигентна. Наконецъ у нея ничего нѣтъ, и куда я возьму ее? Въ эту комнату?“

И потянулись томительные вечера, которые я неизмѣнно проводилъ у Соймоновыхъ... Да и любилъ ли я ее?

Помню, въ одинъ холодный и дождливый вечеръ мнѣ было

особенно скучно. Зина что-то шила, я перелистывалъ журналъ, нашелъ чье-то стихотвореніе:

Укоръ ли намъ неся, прощальный ли привѣтъ,
Какъ дальнихъ волнъ прибой, осенній вѣтеръ стонетъ...

— Не правда ли, хорошо? — спросилъ я, прочитавъ эти двѣ строки.

— Да, красиво,—отвѣтила Зина.

— А по-моему,—сказалъ Александръ Данилычъ:—все это собачья старость и больше ничего.

Зина звонко расхохоталась...

А тутъ у Соймоновыхъ почти каждый день началъ бывать помощникъ присяжнаго повѣреннаго Богаутъ, молодой человѣкъ, здоровый и жизнерадостный, какъ нѣмецъ, всегда и со всѣми любезный и ласковый. Я же сталъ проводить вечера въ обществѣ Елены, милой и простой дѣвушки изъ духовнаго званія. Мы ѣли съ ней колбасу, пили чай, слушали у окна музыку военнаго оркестра, доносившуюся изъ сада, и говорили о марксистахъ и народникахъ... О чемъ иномъ мы могли говорить съ ней? Что-то очень милое было въ ея простомъ, русскомъ лицѣ, что-то трогательное было въ ея открытомъ взглядѣ и въ томъ, какъ она, доставая изъ кармана юбки роговую гребеночку, причесывала свои стриженые волосы на косой рядъ. Но я уже замѣчалъ, что она мою товарищескую нѣжность и нашу выдумку говорить на „ты“ начинаетъ принимать за любовь. Я смѣялся и надъ марксистами и надъ народниками, говорилъ, что я могъ бы стать общественнымъ человѣкомъ только при исключительныхъ условіяхъ, — напримѣръ, если бы настали дни настоящаго общественнаго подъема, — или если бы я самъ хоть немного былъ счастливъ лично... Она смотрѣла на меня въ такія минуты пристально, жадно и, увлекаясь страстностью моихъ словъ о личномъ счастьѣ, о тоскѣ существованія среди поголовнаго мѣщанства, говорила задумчиво и убѣжденно:

— Ты не понимаешь самого себя...

IV.

Въ надеждѣ, что она придетъ какъ разъ въ мое отсутствіе, я отправляюсь въ кухмистерскую обѣдать.

Въ самомъ дѣлѣ, какой скучный день! Прохожихъ мало, бѣлые каменные дома въ пыли. Вѣтеръ несетъ по мостовой эту бѣлесую пыль и шуршитъ на бульварахъ тощими и почернѣвшими акаціями... Вотъ присутственныя мѣста на площади, вотъ главная улица. Тутъ больше прохожихъ и про-

ѣзжихъ; возлѣ магазиновъ экипажи... Мнѣ же все кажется, что въ городѣ—праздникъ, потому что Зина вчера повѣнчалась и сегодня дѣлаетъ съ мужемъ визиты... Шибко прокатилъ на парѣ сѣрыхъ, бойкихъ и злыхъ лошадей полицеймейстеръ. Пристяжная круто отвернула отъ коренника голову, полицеймейстеръ весело оглядывается, по-офицерски заложивъ руки въ карманы. Это онъ къ Соймоновымъ, должно-быть... И я безсознательно прибавляю шагу; сердце забилось сильнѣе, и тянетъ еще разъ взглянуть на ихъ домъ...

Но зачѣмъ?

И, преодолѣвъ себя, я сворачиваю на тихую Старо-Замковую улицу, гдѣ уже второй годъ обѣдаю въ польской „кондитерской“.

Я быстро подошелъ къ дверямъ—и внезапно струсилъ. А если тутъ Елена? Вѣдь часто случалось, что мы обѣдали вмѣстѣ. Можетъ случиться и сегодня...

Въ нерѣшимости я прошелъ мимо оконъ, заглянулъ въ столовую. Въ столовой пусто, значитъ, можно итти смѣло...

Но невеселыя мысли и тутъ преслѣдовали меня.

Знаете вы этихъ забитыхъ трудомъ и бѣдностью старушекъ, которыя встрѣчаются иногда на улицахъ, въ кухмистерскихъ и присутственныхъ мѣстахъ въ дни выдачи пенсій? Почему-то всѣ онѣ маленькаго роста, ходятъ въ старенькихъ бурнусахъ и убогихъ шляпкахъ, смотрятъ на все робкими, недоумѣвающими глазами и возбуждаютъ мучительную жалость своимъ покорнымъ видомъ... Какъ нарочно, и сегодня одна изъ нихъ тутъ.

Я старался глядѣть только въ тарелку, но не могъ забыть о своей сосѣдкѣ. „Вѣрно, думалось мнѣ, она даетъ уроки языковъ или музыки, живетъ одна въ чистой комнаткѣ, гдѣ горитъ лампадка въ часы ея недолгаго отдыха, когда темнѣетъ субботній вечеръ и тихо рѣетъ надъ городомъ звонъ ко всенощной... Чувствуетъ ли она, какъ горько на старости лѣтъ, безъ семьи, безъ близкихъ, отдыхать только въ субботній вечеръ? Знаетъ ли она, какъ тяжело глядѣть на нее, когда плетется она въ своемъ старомъ бурнусѣ съ урока въ кухмистерскую или вечеромъ въ лавочку за осьмушкой чаю?“

Дома я усердно принимаюсь за уборку вещей въ дорогу. Но какія же у меня вещи?

Я открылъ корзинку, въ которой въ безпорядкѣ навалено бѣлье, выдвинулъ изъ-подъ кровати чемоданъ съ письмами, бумагами и нотами—и опустилъ руки.

Тутъ всѣ мои воспоминанія. Этотъ чемоданъ—мой старый

товарищъ. Въ первый разъ онъ отправился со мной въ путешествіе еще тогда, когда я только-что „вступалъ въ жизнь“, ѣхалъ на югъ въ университетскій городъ.

Удивительно живо помню я эти дни въ пути! Помню даже, какъ смотрѣлся въ зеркало на вокзалѣ въ Курскѣ и думалъ, что похожъ на Шопена; помню, какъ по вагону ходили полосы свѣта и тѣни — отъ яркаго мартовскаго солнца и клубовъ дыма, плывущихъ мимо оконъ. Снѣжныя поля блестѣли золотой слюдой, сіяющая даль манила къ югу, къ чему-то молодому и веселому... А потомъ—большой, шумный городъ, весна, во всемъ что-то нѣжное, легкое, южное... Сѣверный уѣздный городокъ, гдѣ осталась моя семья, разорившаяся помѣщичья семья, былъ отъ меня далеко, и я не понималъ тогда, что потерялъ послѣднюю связь съ родиной. Развѣ есть у меня теперь родина? Если нѣтъ работы для родины, нѣтъ и связи съ нею. А у меня нѣтъ даже и этой связи съ родиной—своего угла, своего пристанища... И я быстро постарѣлъ, вывѣтрился нравственно и физически, сталъ бродягой въ поискахъ работы для куска хлѣба, а свободное время посвятилъ меланхолическимъ размышленіямъ о жизни и смерти, жадно мечтая о какомъ-то неопредѣленномъ счастьѣ... Такъ сложился мой характеръ и такъ просто прошла моя молодость.

Собственно говоря, и вспоминать-то нечего. А все-таки при взглядѣ на этотъ истрепанный чемоданъ я опускаю руки, подавленный воспоминаніями. Каждый разъ, какъ мнѣ приходится укладывать въ него мой скарбъ, я говорю себѣ: вотъ еще невозвратно прошло столько-то лѣтъ; еще часть моей жизни оторвана... И мнѣ больно говорить это себѣ. Вспоминаются одинъ за другимъ дни, проведенные въ этой комнатѣ,—дни, полные неопредѣленныхъ, часто сладкихъ надеждъ и мечтаній. Вспоминаются и далекіе дни, тѣ, что̀ уже въ туманѣ. О нихъ говорятъ связки писемъ. Вотъ письма родныхъ, которые гдѣ-то тамъ, на сѣверѣ, все еще ждутъ меня къ праздникамъ и грустятъ обо мнѣ съ нѣжною любовью, какъ о мальчикѣ... Вотъ письма первой любви, первыхъ товарищей... И при взглядѣ на каждое изъ нихъ у меня сжимается сердце.

Рѣзкій звонокъ заставилъ меня быстро вскочить съ кресла и кинуться къ шляпѣ. Елена! И я заметался по комнатѣ, готовый даже выпрыгнуть въ окошко. А между тѣмъ уже слышенъ ея голосъ:

— Дома Вѣтвицкій?

Я распахнулъ дверь, пробѣжалъ черезъ кухню, а оттуда—по двору къ калиткѣ...

V.

До поздняго вечера я бродилъ за городомъ.

Кругомъ было поле, безжизненное, унылое. Наплывали угрюмыя тучи, вѣтеръ усиливался, и сухой бурьянъ летѣлъ по пашнямъ въ непривѣтную, темную даль. И на душѣ у меня становилось тоже все темнѣе и темнѣе.

Въ смутномъ, волнующемся сумракѣ городского сада я сидѣлъ подъ старыми деревьями на забытой скамейкѣ. Вотъ гдѣ, думалось мнѣ, унынiе теперь—на кладбищѣ! Развѣ въ смерти есть что-нибудь ужасное, сильное? Смерть — ничто, пустота. И только однимъ этимъ и пугаетъ насъ смерть. И на кладбищѣ такъ же: сумерки, ни души кругомъ; могилы и могилы, заросшiя травою; трава теперь высохла, пожелтѣла и тихо шелеститъ отъ вѣтра...

— А гдѣ Елена?—приходило мнѣ иногда въ голову.

Я вдругъ вспоминаю чью-то легенду о вѣтрѣ и душахъ повѣсившихся людей и въ испугѣ поднимаюсь со скамьи. Зачѣмъ я такъ скверно спрятался отъ нея? Зачѣмъ не поговорилъ съ ней? Но что же я могъ сказать ей? Это все равно, что мнѣ отправиться сейчасъ къ Зинѣ...

Я опять сажусь и пристально гляжу въ одну точку, стараясь охватить то, что творится въ моей душѣ.

Звѣзды въ мутномъ небѣ свѣтятъ блѣдно и сумрачно. Вѣтеръ поднимаетъ пыль на дорожкахъ почти темнаго сада, и съ деревьевъ сыплются листья. Точно напряженный шопотъ, не смолкаетъ надо мною порывисто усиливающiйся шумъ и шелестъ деревьевъ. А когда вѣтеръ, какъ духъ, какъ живой, убѣгаетъ, кружась, въ дальнiя аллеи, старые тополи гудятъ тамъ такъ угрюмо, жутко...

Когда я наконецъ рѣшилъ вернуться домой, была уже ночь. Подавленный тоской, подгоняемый вѣтромъ, я безсильно брелъ по улицамъ. Вотъ и нашъ домишко ярко свѣтитъ окнами въ черномъ мракѣ подъ деревьями. Кругомъ шумъ вѣтра и листьевъ, а тамъ тихо, и сухiя вѣтки плюща сонно качаются надъ окномъ моей комнаты. Въ ней, за стеклами, спокойнымъ, ровнымъ свѣтомъ горитъ лампа... Зачѣмъ я ѣду? Кто гонитъ меня въ эту даль, гдѣ полутемный поѣздъ, одинокая ночь и долгiй замирающiй стонъ паровоза?

Въ страхѣ я остановился.

— Елена!—хотѣлось крикнуть мнѣ.

И, точно угадавъ мое желанiе, она неслышно вышла изъ темноты подъ деревьями.

— Можно къ тебѣ?—спросила она деревяннымъ голосомъ.

Я растерялся, смущенно пробормоталъ:

— Конечно... Конечно, можно...

Въ темнотѣ я долго не могъ попасть ключомъ въ замочную скважину, наконецъ отворилъ дверь и неестественно-шутливо проговорилъ:

— Прошу!

— Я только на минутку, — отвѣтила она сухо, входя въ комнату и не глядя на меня.

Я подвинулъ ей кресло, сѣлъ противъ нея и взялъ ее за руку.

— Снимай,—сказалъ я ласково, указывая глазами на перчатку,—посиди у меня.

Она взглянула на меня, улыбнулась, но вдругъ губы ея дрогнули и на глазахъ показались слезы.

— Елена!—сказалъ я укоризненно.

Она не отвѣтила. Я повторилъ свои слова, но уже безъ нѣжности и пожалъ плечами.

— Елена!—снова началъ я съ раздраженіемъ. — Надо же взять себя въ руки,—прибавилъ я, чувствуя, что говорю глупости.

Она упорно молчала. Зубы ея были стиснуты, въ голубыхъ глазахъ, пристально устремленныхъ на огонь, стояли слезы.

Я съ шумомъ отодвинулъ кресло, быстро застегнулъ на всѣ пуговицы пиджакъ и, заложивъ руки въ карманы, заходилъ по комнатѣ. Но, повернувъ раза два или три, снова бросился въ кресло и, прикрывъ глаза, спросилъ съ холодной насмѣшливостью:

— Что же тебѣ угодно отъ меня?

Она быстро и удивленно взглянула на меня, хотѣла что-то сказать, но вдругъ закрыла лицо руками и разразилась громкими рыданіями. И рыдая, комкая къ глазамъ платокъ, заговорила отрывистымъ рѣзкимъ голосомъ:

— Ты не смѣешь такъ говорить!.. Какъ ты... смѣешь... когда я... такъ... относилась къ тебѣ? Ты обманывалъ меня...

— Зачѣмъ ты врешь?—перебилъ я ее:—ты отлично знаешь, что я относился къ тебѣ по-дружески. Но я не хочу вашей мѣщанской любви... Оставьте меня въ покоѣ!

— А я не хочу твоей декадентской дружбы! — крикнула Елена и отняла платокъ отъ глазъ.—Зачѣмъ ты ломался?—заговорила она твердо, сдерживая рыданія и глядя на меня въ упоръ съ ненавистью.—Почему ты вообразилъ, что мной можно было играть?

Я опять рѣзко перебилъ ее:

— Ты съ ума сошла! Когда я игралъ тобою? Мы оба оди-

ноки, оба искали поддержки другъ въ другѣ,—и, конечно, не нашли,—и больше между нами ничего не было.

— А, ничего!—снова крикнула Елена злобно и радостно.—Какой же такой любви вамъ угодно? Почему ты даже мысли не допускаешь ровнять меня съ собою? Я одна, меня ждетъ ужасная жизнь гдѣ-нибудь въ сельскомъ училищѣ, я мелкая общественная единица, но я лучше тебя. А ты? Ты даже вообразить себѣ не можешь, какъ я васъ ненавижу всѣхъ — неврастениковъ, эгоистовъ! Все для себя! Все ждете, что ваша ничтожная жизнь обратится въ нѣчто необыкновенное!

— Да!—сказалъ я со злобою, подымаясь.—Я люблю жизнь, безнадежно люблю! Мнѣ дана только одна жизнь и та на какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ, изъ которыхъ пятнадцать ушло на дѣтство и четверть уйдетъ на сонъ. И при этомъ я никогда не зналъ счастья! Смѣшно, не правда ли?

Но Елена опять прижала платокъ къ глазамъ и зарыдала съ новой силой.

— И поэтому ты... — заговорила она гадливо. — И потому ты сегодня такъ низко и спрятался отъ меня? Ты опять лжешь, чтобы закрыться пышными фразами...

Я съ неимовѣрной быстротой схватилъ прессъ-папье и со всего размаху ударилъ имъ по столу.

— Уйди!—крикнулъ я бѣшено.

И мгновенно похолодѣлъ отъ ужаса за сдѣланное. Я увидалъ, какъ Елена вскочила, сразу оборвавъ рыданія, и лицо ея перекосилось отъ дѣтскаго страха.

— Уйди! — закричалъ я опять, но уже другимъ, жалкимъ голосомъ.

Она распахнула дверь, и вѣтеръ, какъ шалый, со стукомъ рванулъ къ себѣ раму, съ шелестомъ и шумомъ деревьевъ ворвался въ комнату и мгновенно вырвалъ свѣтъ изъ лампы. Я упалъ на постель, уткнулся лицомъ въ подушку и заскрежеталъ зубами, упиваясь своею скорбью и своимъ отчаяньемъ. Тополи гудѣли и бушевали во мракѣ...

1897 г.

ПОЗДНЕЙ НОЧЬЮ.

Былъ ли это сонъ, или часъ ночной таинственной жизни, которая такъ похожа на сновидѣніе? Казалось мнѣ, что осенній грустный мѣсяцъ уже давнымъ-давно плыветъ надъ землей, что наступилъ часъ отдыха отъ всей лжи и суеты дня. Казалось, что уже весь, до послѣдняго нищенскаго угла заснулъ Парижъ. Долго спалъ я, и наконецъ медленно отошелъ отъ меня сонъ, какъ заботливый и неторопливый врачъ, сдѣлавшій свое дѣло и оставившій больного уже тогда, когда онъ вздохнулъ полной грудью и, открывъ глаза, улыбнулся застѣнчивой и радостной улыбкой возвращенія къ жизни. Очнувшись, открывъ глаза, я увидалъ себя въ тихомъ и свѣтломъ царствѣ ночи.

Я неслышно ходилъ по ковру въ своей комнатѣ на пятомъ этажѣ и подошелъ къ одному изъ оконъ. Я смотрѣлъ то въ комнату, большую и полную легкаго сумрака, то въ верхнее стекло окна на мѣсяцъ. Мѣсяцъ тогда обливалъ меня свѣтомъ, и, поднявъ глаза кверху, я долго смотрѣлъ въ его лицо. Мѣсячный свѣтъ, проходя сквозь бѣлесыя кружева гардинъ, смягчалъ сумракъ въ глубинѣ комнаты. Отсюда мѣсяца не было видно. Но всѣ четыре окна были озарены ярко, какъ и то, что̀ было возлѣ нихъ. Мѣсячный свѣтъ падалъ изъ оконъ блѣдно-голубыми, блѣдно-серебристыми арками, и въ каждой изъ нихъ былъ дымчатый тѣневой крестъ, мягко ломавшійся по озареннымъ кресламъ и стульямъ. И въ креслѣ у крайняго окна сидѣла та, которую я любилъ, — вся въ бѣломъ, похожая на дѣвочку, блѣдная и прекрасная, усталая ото всего, что̀ мы пережили и что̀ такъ часто дѣлало насъ злыми и безпощадными врагами.

Отчего она тоже не спала въ эту ночь?

Избѣгая глядѣть на нее, я сѣлъ на окно, рядомъ съ ней...

Да, поздно, — вся пятиэтажная стѣна противоположныхъ домовъ темна. Окна тамъ чернѣютъ, какъ слѣпые глаза. Я заглянулъ внизъ, — узкій и глубокій коридоръ улицы тоже теменъ и пустъ. И такъ во всемъ городѣ. Только блѣдный сіяющій мѣсяцъ, слегка наклоненный, катится и въ то же время остаётся недвижимымъ среди дымчатыхъ бѣгущихъ облаковъ, одиноко бодрствуя надъ городомъ. Онъ глядѣлъ мнѣ прямо въ глаза, свѣтлый, но немного на ущербѣ и оттого— печальный. Облака дымомъ илыли мимо него. Около мѣсяца они были свѣтлы и таяли; дальше сгущались, а за гребнемъ крышъ проходили уже совсѣмъ угрюмой и тяжелой грядой...

Давно не видалъ я мѣсячной ночи! И вотъ мысли мои опять возвратились къ далекимъ, почти забытымъ осеннимъ ночамъ, которыя видѣлъ я когда-то въ дѣтствѣ, среди холмистой и скудной степи средней Россіи. Тамъ мѣсяцъ глядѣлъ подъ мою родную кровлю, и тамъ впервые узналъ и полюбилъ я его кроткое и блѣдное лицо. Я мысленно покинулъ Парижъ, и на мгновеніе померещилась мнѣ вся Россія, точно съ возвышенности я взглянулъ на огромную низменность. Вотъ золотисто-блестящая пустынная ширь Балтійскаго моря. Вотъ — хмурыя страны сосенъ, уходящія въ сумракъ къ востоку, вотъ—рѣдкіе лѣса, болота и перелѣски, ниже которыхъ, къ югу, начинаются безконечныя поля и равнины. На сотни верстъ скользятъ по лѣсамъ рельсы желѣзныхъ дорогъ, тускло поблескивая при мѣсяцѣ. Сонные разноцвѣтные огоньки мерцаютъ вдоль путей и одинъ за другимъ убѣгаютъ на мою родину. Передо мной слегка холмистыя поля, а среди нихъ — старый, сѣрый помѣщичій домъ, ветхій и кроткій при мѣсячномъ свѣтѣ... Неужели это тотъ же самый мѣсяцъ, который глядѣлъ когда-то въ мою дѣтскую комнату, который видѣлъ меня потомъ юношей и который груститъ теперь вмѣстѣ со мной о моей неудавшейся молодости? Это онъ успокоилъ меня въ свѣтломъ царствѣ ночи...

— Отчего ты не спишь?—услыхалъ я робкій голосъ.

И то, что она первая обратилась ко мнѣ послѣ долгаго и упорнаго молчанія, больно и сладко кольнуло мнѣ въ сердце. Я тихо отвѣтилъ:

— Не знаю... А ты?

И опять мы долго молчали. Мѣсяцъ замѣтно опустился къ крышамъ и уже глубоко заглядывалъ въ нашу комнату.

— Прости!—сказалъ я, подходя къ ней.

Она не отвѣтила и закрыла глаза руками.

Я взялъ ея руки и отвелъ ихъ отъ глазъ. По щекамъ ея

катились слезы, а брови были подняты и дрожали, какъ у ребенка. И я опустился у ея ногъ на колѣни, прижался къ ней лицомъ, не сдерживая ни своихъ ни ея слезъ.

— Но развѣ ты виноватъ?—шептала она смущенно.—Развѣ не я во всемъ виновата?

И улыбалась сквозь слезы радостной и горькой улыбкой.

А я говорилъ ей, что мы оба виноваты, потому что оба нарушали заповѣдь радости, для которой мы должны жить на землѣ. Мы опять любили другъ друга, какъ могутъ любить только тѣ, которые вмѣстѣ страдали, вмѣстѣ заблуждались, но зато вмѣстѣ встрѣчали и рѣдкія мгновенія правды. И только блѣдный, грустный мѣсяцъ видѣлъ наше счастье...

1899 г.

АНТОНОВСКІЯ ЯБЛОКИ.

I.

Осень, идутъ безпрерывные дожди; на улицѣ дребезжатъ извозчичьи экипажи, и съ гуломъ, съ грохотомъ катятся среди толпы тяжелыя конки; по цѣлымъ днямъ сижу я за работой, гляжу въ окно, на мокрыя вывѣски и сѣрое небо, и все деревенское далеко отъ меня. Но по вечерамъ я читаю старыхъ поэтовъ, родныхъ мнѣ по быту, по душѣ и даже по мѣстности,—средней полосѣ Россіи. А ящики моего письменнаго стола полны антоновскими яблоками, и здоровый ароматъ ихъ—запахъ меда и осенней свѣжести—переноситъ меня въ помѣщичьи усадьбы, въ тотъ міръ, который скудѣлъ, дробился, а теперь уже гибнетъ, о которомъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ будутъ знать только по нашимъ разсказамъ...

Вспоминается мнѣ ранняя погожая осень. Августъ былъ съ теплыми дождиками, какъ будто нарочно выпадавшими для сѣва,—съ дождиками въ самую пору, въ серединѣ мѣсяца, около праздника св. Лаврентія. А „осень и зима хороши живутъ, коли на Лаврентія вода тиха и дождикъ". Потомъ бабьимъ лѣтомъ паутины много сѣло на поля. Это тоже добрый знакъ: „Много тенетника на бабье лѣто—осень ядреная"... Помню раннее, свѣжее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохшій и порѣдѣвшій садъ, помню кленовыя аллеи, тонкій ароматъ опавшей листвы и—запахъ яблокъ. Воздухъ такъ чистъ, точно его совсѣмъ нѣтъ, по всему саду раздаются голоса и скрипъ телѣгъ. Это тархане, мѣщане-садовники, наняли мужиковъ и насыпаютъ яблоки, чтобы въ ночь отправлять ихъ въ городъ,—непремѣнно въ ночь, когда такъ славно лежать на возу, смотрѣть въ звѣздное небо, чувствовать запахъ дегтя въ свѣжемъ воздухѣ и слушать, какъ осторожно поскрипываетъ въ темнотѣ длинный

обозъ по большой дорогѣ. Мужикъ, насыпающій яблоки, ѣстъ ихъ съ сочнымъ трескомъ одно за однимъ, но ужъ таково заведеніе—никогда мѣщанинъ не оборветъ его, а еще скажетъ:

— Вали, ѣшь досыта, —дѣлать нечего! На сливаньи всѣ медъ пьютъ.

И прохладную тишину утра нарушаетъ только сытое квохтанье дроздовъ на коралловыхъ рябинахъ въ чащѣ сада, голоса да гулкій стукъ ссыпаемыхъ въ мѣры и кадушки яблокъ. Въ порѣдѣвшемъ саду далеко видна дорога къ большому шалашу, усыпанная соломой, и самый шалашъ, около котораго мѣщане обзавелись за лѣто цѣлымъ хозяйствомъ. Всюду сильно пахнетъ яблоками, тутъ — особенно. Въ шалашѣ устроены постели, стоитъ одноствольное ружье, позеленѣвшій самоваръ, въ уголкѣ—посуда. Около шалаша валяются рогожи, ящики, всякіе истрепанные пожитки, вырыта земляная печка. Въ полдень на ней варится великолѣпный кулешъ съ саломъ, вечеромъ грѣется самоваръ, и по саду, между деревьями, разстилается длинной полосой голубоватый дымъ. Въ праздничные же дни около шалаша—цѣлая ярмарка, и за деревьями поминутно мелькаютъ красные уборы. Толпятся бойкія дѣвки-однодворки въ сарафанахъ, сильно пахнущихъ краской, приходятъ „барскія“ въ своихъ красивыхъ и грубыхъ, дикарскихъ костюмахъ, молодая старостиха, беременная, съ широкимъ соннымъ лицомъ и важная, какъ холмогорская корова. На головѣ ея „рога“,—косы положены по бокамъ макушки и покрыты нѣсколькими платками, такъ что голова кажется огромной; ноги, въ полусапожкахъ съ подковками, стоятъ тупо и крѣпко; безрукавка—плисовая, занавѣска длинная, а панева — черно-лиловая съ полосами кирпичнаго цвѣта и обложенная на подолѣ широкимъ золотымъ „прозументомъ“...

— Хозяйственная бабочка! — говоритъ о ней мѣщанинъ, покачивая головою.—Переводятся теперь такія...

А мальчишки въ бѣлыхъ замашныхъ рубашкахъ и коротенькихъ порточкахъ, съ бѣлыми раскрытыми головами, все подходятъ. Идутъ по-двое, по-трое, мелко перебирая босыми ножками, и косятся на лохматую овчарку, привязанную къ яблонѣ. Покупаетъ, конечно, одинъ, ибо и покупки-то всего на копейку или на яйцо, но покупателей много, торговля идетъ бойко, и худой чахоточный мѣщанинъ въ длинномъ сюртукѣ и рыжихъ сапогахъ — веселъ. Вмѣстѣ съ братомъ, картавымъ, шустрымъ полуидіотомъ, который живетъ у него „изъ милости“, онъ торгуетъ съ шуточками, прибаутками и даже иногда „тронетъ“ на тульской гармо-

никѣ. И до вечера въ саду толпится народъ, слышится около шалаша смѣхъ и говоръ, а иногда и топотъ пляски...

Къ ночи въ погоду становится очень холодно и росисто. Надышавшись на гумнѣ ржанымъ ароматомъ новой соломы и мякины, бодро идешь домой къ ужину мимо садоваго вала. Голоса на деревнѣ или скрипъ воротъ раздаются по студеной зарѣ необыкновенно ясно. Темнѣетъ. И вотъ еще запахъ: въ саду—костеръ, и крѣпко тянетъ душистымъ дымомъ вишневыхъ сучьевъ. Въ темнотѣ, въ глубинѣ сада—сказочная картина: точно въ уголкѣ ада, пылаетъ около шалаша багровое пламя, окруженное мракомъ, и чьи-то черные, точно вырѣзанные изъ чернаго дерева силуэты двигаются вокругъ костра, межъ тѣмъ какъ гигантскія тѣни отъ нихъ ходятъ по яблонямъ. То по всему дереву ляжетъ черная рука въ нѣсколько аршинъ, то четко нарисуются двѣ ноги—два черныхъ столба. И вдругъ все это скользнетъ съ яблони—и тѣнь упадетъ по всей аллеѣ, отъ шалаша до самой калитки...

Поздней ночью, когда на деревнѣ погаснутъ огни, когда въ небѣ уже высоко блещетъ брилліантовое семизвѣздіе Стожаръ, еще разъ пробѣжишь въ садъ. Шурша по сухой листвѣ, какъ слѣпой, доберешься до шалаша. Тамъ на полянкѣ немного свѣтлѣе, а надъ головой бѣлѣетъ Млечный Путь.

— Это вы, барчукъ?—тихо окликаетъ кто-то изъ темноты.

— Я. А вы не спите еще, Николай?

— Намъ нельзя-съ спать. А, должно, ужъ поздно? Вонъ, кажись, пассажирный поѣздъ идетъ...

Долго прислушиваемся и различаемъ дрожь въ землѣ. Дрожь переходитъ въ шумъ, растетъ, и вотъ, какъ будто уже за самымъ садомъ, ускоренно выбиваютъ шумный тактъ колеса: громыхая и стуча, несется поѣздъ... ближе, ближе, все громче и сердитѣе... И вдругъ начинаетъ стихать, глохнуть, точно уходя въ землю...

— А гдѣ у васъ ружье, Николай?

— А вотъ возлѣ ящика-съ.

Вскинешь кверху тяжелую, какъ ломъ, одностволку и съ маху выстрѣлишь. Багровое пламя съ оглушительнымъ трескомъ блеснетъ къ небу, ослѣпитъ на мигъ и погаситъ звѣзды, а бодрое эхо кольцомъ грянетъ и раскатится по горизонту, далеко-далеко замирая въ чистомъ и чуткомъ воздухѣ.

— Ухъ, здòрово! — скажетъ мѣщанинъ. — Потращайте, потращайте, барчукъ, а то просто бѣда! Опять всю дулю на валу отрясли...

А черное небо чертятъ огнистыми полосками падающія звѣзды. Долго глядишь въ его темно-синюю глубину, пере-

полненную созвѣздіями, пока не поплыветъ земля подъ ногами. Тогда встрепенешься и, пряча руки въ рукава, быстро побѣжишь по аллеѣ къ дому... Какъ холодно, росисто, и какъ хорошо жить на свѣтѣ!

II.

„Ядреная антоновка—къ веселому году“. Деревенскія дѣла хороши, если антоновка уродилась: значитъ, и хлѣбъ уродился... Вспоминается мнѣ урожайный годъ.

На ранней зарѣ, когда еще кричатъ пѣтухи и по-черному дымятся избы, распахнешь, бывало, окно въ прохладный садъ, наполненный лиловатымъ туманомъ, сквозь который ярко блеститъ кое-гдѣ утреннее солнце, и не утерпишь—велишь поскорѣе засѣдлывать лошадь, а самъ побѣжишь умываться на прудъ. Мелкая листва почти вся облетѣла съ прибрежныхъ лозинъ, и сучья сквозятъ на бирюзовомъ небѣ. Вода подъ лозинами стала прозрачная, ледяная и какъ будто тяжелая. Она мгновенно прогоняетъ ночную лѣнь, и, умывшись и позавтракавъ въ людской съ работниками горячими картошками и чернымъ хлѣбомъ съ крупной сырой солью, съ наслажденіемъ чувствуешь подъ собой скользкую кожу сѣдла, проѣзжая по Выселкамъ на охоту. Осень—пора престольныхъ праздниковъ, и народъ въ это время прибранъ, доволенъ, видъ деревни совсѣмъ не тотъ, что̀ въ другую пору. Если же годъ урожайный, и на гумнахъ возвышается цѣлый золотой городъ, а на рѣкѣ звонко и рѣзко гогочутъ по утрамъ гуси,—такъ въ деревнѣ и совсѣмъ не плохо. Къ тому же наши Выселки споконъ вѣку, еще со временъ дѣдушки славились „богатствомъ“. Старики и старухи жили въ Выселкахъ очень подолгу, — первый признакъ богатой деревни, — и были все высокіе, большіе и бѣлые, какъ лунь. Только и слышишь, бывало: „Да,—вотъ Агаѳья восемьдесятъ три годочка отмахала!“—или разговоры въ такомъ родѣ:

— И когда это ты умрешь, Панкратъ? Небось тебѣ лѣтъ сто будетъ?

— Какъ изволите говорить, батюшка?

— Сколько тебѣ годовъ, спрашиваю!

— А не знаю-съ, батюшка.

— Да Платона Аполлоныча-то помнишь?

— Какъ же-съ, батюшка,—явственно помню.

— Ну, вотъ видишь. Тебѣ, значитъ, никакъ не меньше ста.

Старикъ, который стоитъ передъ бариномъ вытянувшись, кротко и виновато улыбается. Что̀ жъ, молъ, дѣлать,—вино-

ватъ, зажился. И онъ, вѣроятно, еще болѣе зажился бы, если бы не объѣлся въ Петровки луку.

Помню я и старуху его. Все, бывало, сидитъ на скамеечкѣ, на крыльцѣ, согнувшись, тряся головой, задыхаясь и держась за скамейку руками,—все о чемъ-то думаетъ. „О добрѣ своемъ, небось“, говорили бабы, потому что „добра“ у нея въ сундукахъ было, правда, много. А она будто и не слышитъ; подслѣповато смотритъ куда-то вдаль изъ-подъ грустно приподнятыхъ бровей, трясетъ головой и точно силится вспомнить что-то. Большая была старуха, вся какая-то темная. Панева — чуть не прошлаго столѣтія, чуньки — покойницкія, шея — желтая и высохшая, рубаха съ канифасовыми косяками всегда бѣлая-бѣлая, — „совсѣмъ хоть въ гробъ клади“. А около крыльца большой камень лежалъ: сама купила себѣ въ селѣ на могилку, такъ же, какъ и саванъ,— отличный саванъ, съ ангелами, съ крестами и съ молитвой, напечатанной по краямъ.

Подъ-стать старикамъ были и дворы въ Выселкахъ: кирпичные, строенные еще дѣдами. А у богатыхъ мужиковъ—у Савелія, у Игната, у Дрона — избы были въ двѣ-три связи, потому что дѣлиться въ Выселкахъ еще не было моды. Въ такихъ семьяхъ водили пчелъ, гордились жеребцомъ-битюгомъ сиво-желѣзнаго цвѣта и держали усадьбы въ порядкѣ. На гумнахъ темнѣли густые и тучные коноплянники, стояли овины и риги, крытые вприческу; въ пунькахъ и амбарчикахъ были желѣзныя двери, за которыми хранились холсты, прялки, новые полушубки, наборная сбруя, мѣры, окованныя мѣдными обручами. На воротахъ и на санкахъ были выжжены кресты. И помню, мнѣ порою казалось на рѣдкость заманчивымъ быть мужикомъ. Когда, бывало, ѣдешь солнечнымъ утромъ по деревнѣ, все думаешь о томъ, какъ хорошо косить, молотить, спать на гумнѣ въ ометахъ, а въ праздникъ встать вмѣстѣ съ солнцемъ, подъ густой и музыкальный благовѣстъ изъ села, умыться около бочки и надѣть чистую замашную рубаху, такіе же портки и несокрушимые сапоги со подковками. Если же, думалось, къ этому прибавить здоровую и красивую жену въ праздничномъ уборѣ, да поѣздку къ обѣднѣ, а потомъ обѣдъ у бородатаго тестя, — обѣдъ съ горячей бараниной на деревянныхъ тарелкахъ и съ ситниками, съ сотовымъ медомъ и брагой, — такъ большаго и желать невозможно!

Складъ мелкопомѣстной дворянской жизни, который теперь сталъ сбиваться уже на мѣщанскій, въ прежніе года, да еще и на моей памяти,—очень недавно,—имѣлъ много общаго со складомъ богатой мужицкой жизни по своей домовитости и

сельскому, старосвѣтскому благополучію. Такова, напримѣръ, была усадьба тетки Анны Герасимовны Кологривовой, жившей отъ Выселокъ верстахъ въ двѣнадцати. Пока, бывало, доѣдешь до этой усадьбы, уже совсѣмъ ободняется. Съ собаками на сворахъ ѣхать приходится шагомъ, да и спѣшить не хочется, — такъ весело въ открытомъ полѣ въ солнечный и прохладный день! Мѣстность—ровная, видно далеко. Небо—легкое и такое просторное и глубокое. Солнце сверкаетъ сбоку, и дорога, укатанная послѣ дождей телѣгами, замаслилась и блеститъ, какъ рельсы. Вокругъ раскидываются широкими косяками свѣжія, пышно-зеленыя озими. Взовьется откуда-нибудь ястребокъ въ прозрачномъ воздухѣ и замретъ на одномъ мѣстѣ, трепеща острыми крылышками. А въ ясную даль убѣгаютъ четко видные телеграфные столбы, и проволоки ихъ, какъ серебряныя струны, скользятъ по склону яснаго неба. На нихъ сидятъ копчики,—совсѣмъ черные значки на нотной бумагѣ.

Крѣпостного права я не зналъ и не видѣлъ, но, помню, у тетки Анны Герасимовны чувствовалъ его. Въѣдешь во дворъ и сразу ощутишь, что тутъ оно еще вполнѣ живо. Усадьба — небольшая, но вся старая, прочная, окруженная столѣтними березами и лозинами. Надворныхъ построекъ — невысокихъ, но домовитыхъ — множество, и всѣ онѣ точно слиты изъ темныхъ дубовыхъ бревенъ подъ соломенными крышами. Выдѣляется величиной или, лучше сказать, длиной только почернѣвшая людская, изъ которой выглядываютъ послѣдніе могиканы дворового сословія—какіе-то ветхіе старики и старухи, дряхлый поваръ въ отставкѣ, похожій на Донъ-Кихота. Всѣ они, когда въѣзжаешь во дворъ, подтягиваются и низко-низко кланяются. Сѣдой кучеръ, направляющійся отъ каретнаго сарая взять лошадь, еще у сарая снимаетъ шапку и по всему двору идетъ съ обнаженной головой. Онъ у тетки ѣздилъ форейторомъ, а теперь возитъ ее къ обѣднѣ,—зимой въ возкѣ, а лѣтомъ въ крѣпкой, окованной желѣзомъ телѣжкѣ, въ родѣ тѣхъ, на которыхъ ѣздятъ попы. Садъ у тетки славился своею запущенностью, соловьями, горлинками и яблоками, а домъ—крышей. Стоялъ онъ во главѣ двора, у самаго сада,—вѣтви липъ обнимали его,—былъ невеликъ и приземистъ, но казалось, что ему и вѣку не будетъ,—такъ основательно глядѣлъ онъ изъ-подъ своей необыкновенно высокой и толстой соломенной крыши, почернѣвшей и затвердѣвшей отъ времени. Мнѣ его передній фасадъ представлялся всегда живымъ: точно старое лицо глядитъ изъ-подъ огромной шапки впадинами глазъ, — окнами съ перламутровыми отъ дождей и солнца стеклами. А по бокамъ этихъ

глазъ были крыльца, — два старыхъ, большихъ крыльца съ колоннами. На фронтонѣ ихъ всегда сидѣли сытые голуби, между тѣмъ какъ тысячи воробьевъ дождемъ пересыпались съ крыши на крышу... И уютно чувствовалъ себя гость въ этомъ гнѣздѣ, подъ бирюзовымъ осеннимъ небомъ!

Войдешь въ домъ и прежде всего услышишь запахъ яблокъ, а потомъ уже другіе: старой мебели краснаго дерева, сушенаго липоваго цвѣта, который съ іюня лежитъ на окнахъ... Во всѣхъ комнатахъ, — въ лакейской, въ залѣ, въ гостиной,—прохладно и сумрачно: это оттого, что домъ окруженъ садомъ, а верхнія стекла оконъ цвѣтныя: синія и лиловыя. Всюду—тишина и чистота, хотя, кажется, кресла, столы съ инкрустаціями и зеркала въ узенькихъ и витыхъ золотыхъ рамахъ никогда не трогались съ мѣста. И вотъ слышится покашливанье: выходитъ тетка. Она небольшая, но тоже, какъ и все кругомъ, прочная. На плечахъ у нея накинута большая персидская шаль. Выйдетъ она важно, но привѣтливо, и сейчасъ же, подъ безконечные разговоры про старину, про наслѣдства, начинаютъ появляться угощенія: сперва „дули“, яблоки, — антоновскія, „бель-барыня“, боровинка, „плодовитка“,—а потомъ удивительный обѣдъ: вся насквозь розовая вареная ветчина съ горошкомъ, щи, фаршированная курица, индюшка, маринады и красный квасъ, — крѣпкій и сладкій-пресладкій... Окна въ садъ подняты, и оттуда вѣетъ бодрой осенней прохладой...

III.

За послѣдніе годы одно поддерживало угасающій духъ помѣщиковъ,—охота.

Лѣтъ двадцать тому назадъ такія усадьбы, какъ усадьба Анны Герасимовны, были еще не рѣдкость. Были и разрушающіяся, но все еще жившія на широкую ногу усадьбы съ огромнымъ помѣстьемъ, съ садомъ въ двадцать десятинъ. Правда, сохранились нѣкоторыя изъ такихъ усадебъ еще и до сего времени, но въ нихъ уже нѣтъ жизни... Нѣтъ троекъ, нѣтъ верховыхъ „киргизовъ“, нѣтъ гончихъ и борзыхъ собакъ, нѣтъ дворни и нѣтъ самого обладателя всего этого — помѣщика-охотника, въ родѣ моего покойнаго шурина Арсенія Семеныча Климентьева.

Къ теткѣ я ѣздилъ до самой глубокой осени, до поры, когда прекращалась охота съ борзыми. Но мои поѣздки имѣли всегда главной цѣлью усадьбу Арсенія Семеныча. Старое гнѣздо Анны Герасимовны было только перепутьемъ.

Съ конца сентября сады и гумна пустѣли. Погода, по обыкновенію, круто измѣнялась и дѣлала меня на время затворникомъ. Вѣтеръ по цѣлымъ днямъ рвалъ и трепалъ деревья, дожди поливали ихъ съ утра до ночи. Иногда къ вечеру между хмурыми низкими тучами пробивался на западѣ трепещущій золотистый свѣтъ низкаго солнца; воздухъ дѣлался чистъ и ясенъ, а солнечный свѣтъ ослѣпительно сверкалъ между листвою, между вѣтвями, которыя живою сѣткою двигались и волновались отъ вѣтра. Но зато становилось еще холоднѣе не только на дворѣ, но, казалось, даже и въ домѣ съ еще лѣтними рамами и съ раскрытымъ балкономъ. Холодно и ярко сіяло на сѣверѣ надъ тяжелыми свинцовыми тучами жидкое голубое небо, а изъ-за этихъ тучъ медленно выплывали хребты снѣговыхъ горъ-облаковъ. Стоишь у окна и думаешь: „Авось, Богъ дастъ, распогодится“. Но вѣтеръ не унимался. Онъ волновалъ садъ, рвалъ непрерывно бѣгущую изъ трубы людской струю дыма и снова нагонялъ зловѣщія космы пепельныхъ облаковъ. Они бѣжали низко и быстро—и скоро, точно дымъ, затуманивали солнце. Погасалъ его блескъ, закрывалось окошечко въ голубое небо, а въ саду становилось пустынно и скучно, и снова начиналъ сѣять дождь... сперва тихо, осторожно, потомъ все гуще и наконецъ превращался въ ливень съ бурей и темнотою. Наступала долгая, тревожная ночь...

Изъ такой трепки садъ выходилъ почти совсѣмъ обнаженнымъ, поломаннымъ, засыпаннымъ мокрыми листьями и какимъ-то притихшимъ, смирившимся. Но зато какъ красивъ онъ былъ, когда снова наступала ясная погода, прозрачные и холодные дни начала октября, прощальный праздникъ осени! Сохранившаяся листва теперь будетъ висѣть на деревьяхъ уже до первыхъ зазимковъ. Черный садъ будетъ сквозить на холодномъ бирюзовомъ небѣ и покорно ждать зимы, пригрѣваясь послѣ полудня въ солнечномъ блескѣ. А поля уже рѣзко чернѣютъ пашнями и ярко зеленѣютъ закустившимися озимями... Пора на охоту!

И вотъ я вижу себя въ усадьбѣ Арсенія Семеныча, въ большомъ домѣ, въ залѣ, полной солнца и дыма отъ трубокъ и папиросъ. Народу много, — все люди загорѣлые, съ обвѣтренными лицами, въ поддевкахъ и длинныхъ сапогахъ. Только-что очень сытно пообѣдали, раскраснѣлись и возбуждены шумными разговорами о предстоящей охотѣ, но не забываютъ допивать водку и послѣ обѣда. А на дворѣ трубитъ рогъ и завываютъ на разные голоса собаки. Черный борзой, любимецъ Арсенія Семеныча, пользуясь суматохой,

взлѣзаетъ среди гостей на столъ и начинаетъ пожирать съ блюда остатки зайца подъ соусомъ. Но вдругъ онъ испускаетъ страшный визгъ и, опрокидывая тарелки и рюмки, срывается со стола: Арсеній Семенычъ, вышедшій изъ кабинета съ арапникомъ и револьверомъ, внезапно оглушаетъ залу выстрѣломъ. Зала еще болѣе наполняется дымомъ, а Арсеній Семенычъ стоитъ и смѣется.

— Жалко, что промахнулся! — говоритъ онъ, играя глазами.

Онъ высокъ ростомъ, худощавъ, но широкоплечъ и строенъ, а лицомъ — красавецъ-цыганъ. Глаза у него блестятъ дико, онъ очень ловокъ, въ шелковой малиновой рубахѣ, въ бархатныхъ шароварахъ и длинныхъ сапогахъ. Напугавъ и собаку и гостей выстрѣломъ, онъ декламируетъ баритономъ:

Пора, пора сѣдлать проворнаго донца
И звонкій рогъ за плечи перекинуть! —

и громко говоритъ:

— Ну, однако нечего терять золотое время!

Я сейчасъ еще чувствую, какъ жадно и емко дышала молодая грудь холодомъ яснаго и сырого дня подъ вечеръ, когда, бывало, ѣдешь съ шумной ватагой Арсенія Семеныча, возбужденный музыкальнымъ гамомъ собакъ, брошенныхъ въ чернолѣсье, въ какой-нибудь Красный Бугоръ или Гремячій Островъ, уже однимъ своимъ названіемъ волнующій охотника. Ѣдешь на зломъ, сильномъ и приземистомъ „киргизѣ“, крѣпко сдерживая его поводьями, и чувствуешь себя слитымъ съ нимъ почти воедино. Онъ фыркаетъ, просится на рысь, шумно шуршитъ копытами по глубокимъ и легкимъ коврамъ черной осыпавшейся листвы, и каждый звукъ гулко раздается въ пустомъ, сыромъ и свѣжемъ лѣсу. Тявкнула гдѣ-то вдалекѣ собака, ей страстно и жалобно отвѣтила другая, третья—и вдругъ весь лѣсъ загремѣлъ, точно онъ весь стеклянный, отъ бурнаго лая и крика. Крѣпко грянулъ среди этого гама выстрѣлъ — и все „заварилось“ и покатилось куда-то вдаль.

— Береги-и! — завопилъ кто-то отчаяннымъ голосомъ на весь лѣсъ.

„А, береги!“ — мелькнетъ въ головѣ опьяняющая мысль. Гикнешь на лошадь и, какъ сорвавшійся съ цѣпи, помчишься по лѣсу, уже ничего не разбирая по пути. Только деревья мелькаютъ передъ глазами, да лѣпитъ въ лицо грязью изъ-подъ копытъ лошади. Выскочишь изъ лѣсу, увидишь на зеленяхъ пеструю, растянувшуюся по землѣ стаю собакъ и

еще сильнѣе наддашь киргиза наперерѣзъ звѣрю,—по зелёнямъ, взметамъ и жнивьямъ, пока наконецъ не перевалишься въ другой островъ и не скроется изъ глазъ стая вмѣстѣ со своимъ бѣшенымъ лаемъ и стономъ. Тогда, весь мокрый и дрожащій отъ напряженія, осадишь вспѣненную, хрипящую лошадь и жадно глотаешь ледяную сырость лѣсной долины. Вдали замираютъ крики охотниковъ и лай собакъ, а вокругъ тебя—мертвая тишина. Полураскрытый строевой лѣсъ стоитъ неподвижно, и кажется, что ты попалъ въ какіе-то заповѣдные чертоги, въ безконечныя амфилады сказочныхъ покоевъ и колоннъ. Крѣпко пахнетъ отъ овраговъ грибной сыростью, перегнившими листьями и мокрой древесной корою. И сырость изъ овраговъ становится все ощутительнѣе, въ лѣсу холоднѣетъ и темнѣетъ, становится жутко... Пора на ночевку. Но собрать собакъ послѣ охоты трудно. Долго и безнадежно-тоскливо звенятъ рога въ лѣсу, долго слышатся крикъ, брань и визгъ собакъ... Наконецъ уже совсѣмъ въ темнотѣ вваливается ватага охотниковъ въ усадьбу какого-нибудь почти незнакомаго холостяка-помѣщика и наполняетъ шумомъ весь дворъ усадьбы, которая озаряется фонарями, свѣчами и лампами, вынесенными навстрѣчу гостямъ изъ дому...

Случалось, что у такого гостепріимнаго сосѣда охота жила по нѣскольку дней. На ранней утренней зарѣ, по ледяному вѣтру и первому мокрому зазимку, уѣзжали въ лѣса и въ поле, а къ сумеркамъ опять возвращались, всѣ въ грязи, съ раскраснѣвшимися лицами, пропахнувъ лошадинымъ потомъ, шерстью затравленнаго звѣря,—и начиналась попойка. Въ свѣтломъ и людномъ домѣ очень тепло послѣ цѣлаго дня на холодѣ въ полѣ. Всѣ ходятъ изъ комнаты въ комнату въ разстегнутыхъ поддевкахъ, безпорядочно пьютъ и ѣдятъ, шумно передавая другъ другу свои впечатлѣнія надъ убитымъ матерымъ волкомъ, который, оскаливъ зубы, закативъ глаза, лежитъ съ откинутымъ на сторону пушистымъ хвостомъ среди залы и окрашиваетъ своей блѣдной и уже холодной кровью полъ. Послѣ водки и ѣды чувствуешь такую сладкую усталость, такую нѣгу молодого сна, что какъ черезъ воду слышишь говоръ. Обвѣтренное лицо горитъ, а закроешь глаза—вся земля такъ и поплыветъ подъ ногами. А когда ляжешь въ постель, въ мягкую перину, гдѣ-нибудь въ угловой старинной комнатѣ съ образничкой и лампадой, замелькаютъ передъ глазами призраки огнисто-пестрыхъ собакъ, во всемъ тѣлѣ заноетъ ощущеніе скачки, и не замѣтишь, какъ потонешь вмѣстѣ со всѣми этими образами и ощущеніями въ сладкомъ и здоровомъ снѣ, забывъ даже, что эта комната была когда-то мо-

лельной старика, имя котораго окружено мрачными крѣпостными легендами, и что онъ умеръ въ этой молельной, — вѣроятно, на этой же кровати.

Когда случалось проспать охоту, отдыхъ былъ особенно пріятенъ. Проснешься и долго лежишь въ постели. Во всемъ домѣ — тишина. Слышно, какъ осторожно ходитъ по комнатамъ садовникъ, растапливая печи, и какъ дрова трещатъ и стрѣляютъ. Впереди—цѣлый день покоя въ безмолвной уже по-зимнему усадьбѣ. Не спѣша одѣнешься, побродишь по саду, найдешь въ мокрой листвѣ случайно забытое холодное и мокрое яблоко, и почему-то оно покажется необыкновенно вкуснымъ, совсѣмъ не такимъ, какъ другія. Потомъ примешься за книги, — дѣдовскія книги, въ толстыхъ кожаныхъ переплетахъ съ сафьяномъ и золотыми звѣздочками на корешкахъ. Славно пахнутъ эти, похожія на церковные требники книги своей пожелтѣвшей, толстой и шершавой бумагой! Какой-то пріятной кисловатой плѣсенью, старинными духами... Хороши и замѣтки на ихъ поляхъ, крупно и съ круглыми мягкими росчерками сдѣланныя гусинымъ перомъ. Развернешь книгу и читаешь: „Мысль, достойная древнихъ и новыхъ философовъ, цвѣтъ разума и чувства сердечнаго“. И невольно увлечешься и самой книгой. Это—„Дворянинъ-философъ“, аллегорія, изданная лѣтъ сто тому назадъ иждивеніемъ какого-то „кавалера многихъ орденовъ“ и напечатанная въ типографіи приказа общественнаго призрѣнія, — разсказъ о томъ, какъ „дворянинъ-философъ, имѣя время и способность разсуждать, къ чему разумъ человѣка возноситься можетъ, получилъ нѣкогда желаніе сочинить планъ свѣта на пространномъ мѣстѣ своего селенія“. Потомъ наткнешься на „сатирическія и философскія сочиненія господина Вольтера“ и долго упиваешься милымъ и манернымъ слогомъ перевода: „Государи мои! Эразмъ сочинилъ въ шестомнадесять столѣтіи похвалу дурачеству (манерная пауза,—точка съ запятою); вы же приказываете мнѣ превознесть предъ вами разумъ...“ Потомъ отъ екатерининской старины перейдешь къ романтическимъ временамъ, къ альманахамъ, къ сантиментально-напыщеннымъ и длиннымъ романамъ... Кукушка выскакиваетъ изъ часовъ и насмѣшливо-грустно кукуетъ надъ тобою въ пустомъ домѣ. И понемногу въ сердце начинаетъ закрадываться сладкая и странная тоска...

Вотъ „Тайны Алексиса“, вотъ „Викторъ, или дитя въ лѣсу“. „Бьетъ полночь! — читаешь съ улыбкой. — Священная тишина заступаетъ мѣсто дневного шума и веселыхъ

пѣсенъ поселянъ. Сонъ простираетъ мрачныя крылья свои надъ поверхностью нашего полушарія; онъ стрясаетъ съ нихъ мракъ и мечты... Мечты!.. Какъ часто продолжаютъ онѣ токмо страданія злощастнаго!..“ И замелькаютъ передъ глазами любимыя старинныя слова: скалы и дубравы, блѣдная луна и одиночество, привидѣнія и призраки, „ероты“, розы и лиліи, „проказы и рѣзвости младыхъ шалуновъ“, лилейная рука, Людмилы и Алины... А вотъ журналы съ именами Жуковскаго, Батюшкова, лицеиста Пушкина. И съ грустью вспомнишь бабушку, ея полонезы на клавикордахъ, ея томное чтеніе стиховъ изъ „Евгенія Онѣгина“. И старинная, мечтательная жизнь встанетъ передъ тобою... Хорошія дѣвушки и женщины жили когда-то въ дворянскихъ усадьбахъ! Ихъ портреты глядятъ на меня со стѣны, аристократически-красивыя головки въ старинныхъ прическахъ кротко и женственно опускаютъ свои длинныя рѣсницы на печальные и нѣжные глаза...

IV.

Запахъ антоновскихъ яблокъ исчезаетъ изъ помѣщичьихъ усадебъ. Эти дни были такъ недавно, а межъ тѣмъ мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ прошло чуть не цѣлое столѣтіе. Перемерли старики въ Выселкахъ, умерла Анна Герасимовна, застрѣлился Арсеній Семенычъ... И вотъ я уже пишу имъ эпитафіи.

Я надолго покинулъ родныя „палестины“, какъ любятъ говорить у насъ, а когда недавно заглянулъ въ нихъ, невесело встрѣтили меня онѣ. Старыя книги, старые портреты, разрозненные и никому ненужные, затерялись по городамъ, по мѣщанскимъ хуторкамъ, по ястребинымъ гнѣздамъ новыхъ помѣщиковъ,—гнѣздамъ, на которыя раздробились прежнія помѣстья. На весь нашъ уѣздъ приходится теперь три-четыре состоятельныхъ дворянина, но и они живутъ въ деревнѣ уже новою жизнью, — чаще всего только лѣтомъ. Наступаетъ царство мелкопомѣстныхъ, обѣднѣвшихъ до нищенства, и чахнущихъ сѣрыхъ деревушекъ. Идетъ ноябрь, глухая пора деревенской жизни.

Скверное было утро, когда я покинулъ поѣздъ на нашемъ полустанкѣ, затерянномъ среди полей. И поля послѣ долгой городской жизни показались мнѣ мучительно убогими и скучными, когда мужикъ подъ дождемъ потащилъ меня на телѣгѣ къ старой нашей усадьбѣ... Деревушки надъ лощинами кажутся издали кучами навоза. Въ лѣсу, — голомъ, мокромъ и черномъ, — синеватый туманъ и шумитъ сырой вѣтеръ, а

на проселочной дорогѣ—пустынно, какъ въ киргизской степи. Навстрѣчу попалась свадьба, — три телѣги съ бабами, покрывшимися отъ дождя армяками и подолами верхнихъ юбокъ. Бабы кричатъ пьяными голосами пѣсни, стараясь возбудить въ себѣ удальство и веселость. Одна стоитъ среди телѣги, машетъ платкомъ, съ криками погоняетъ веревочными вожжами лошадь, но лошадь неловко тычетъ ногами, колокольчики звенятъ вразбивку, телѣга не въ ладъ стучитъ по дорогѣ, удалая пѣсня выходитъ фальшивой... Слава Богу, показываются болѣе подходящія къ этому сѣрому дню фигуры. Ѣдетъ кабатчикъ, возвращаясь изъ города съ винными ящиками, въ которыхъ тяжело бултыхается въ штофахъ зеленая влага, прокатилъ на дрожкахъ, весь закиданный грязью изъ-подъ колесъ, урядникъ, а за нимъ въ телѣжкѣ попъ, рослый, рыжій, въ большой шапкѣ и въ тулупѣ съ поднятымъ воротникомъ, который повязанъ полотенцемъ, свернутымъ въ жгутъ на груди и завязаннымъ на спинѣ въ узелъ... А вотъ изъ-за бугра, сбѣгающаго къ лощинѣ, показываются и деревья нашего сада...

Однако первымъ впечатлѣніямъ не слѣдуетъ довѣрять. Проходитъ два-три дня, погода мѣняется, становится свѣжей, и усадьба и деревня начинаютъ казаться иными. Начинаешь улавливать связь между прежней жизнью и теперешней, и то, что вспомнилось мнѣ при запахѣ антоновскихъ яблокъ, — здоровье, простота и домовитость деревенской жизни, — снова проступаетъ и въ новыхъ впечатлѣніяхъ. Прошло почти пятнадцать лѣтъ, многое измѣнилось кругомъ, но я опять чувствую себя дома почти такъ же, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ: по-юношески грустно, по-юношески бодро. И мнѣ хорошо среди этой сиротѣющей и смиряющейся деревенской жизни.

Дни стоятъ синеватые, пасмурные. Утромъ я сажусь въ сѣдло и съ одной собакой, съ ружьемъ и съ рогомъ уѣзжаю въ поле. Вѣтеръ звонитъ и гудитъ въ дуло ружья, вѣтеръ крѣпко дуетъ навстрѣчу, иногда съ сухимъ снѣгомъ. Цѣлый день я скитаюсь по пустымъ равнинамъ... Голодный и прозябшій, возвращаюсь я къ сумеркамъ въ усадьбу, и на душѣ становится такъ тепло и отрадно, когда замелькаютъ огоньки Выселокъ и потянетъ изъ усадьбы запахомъ дыма, жилья. Помню, у насъ въ домѣ любили въ эту пору „сумерничать“, не зажигать огня и вести въ полутемнотѣ бесѣды. Войдя въ домъ, я нахожу зимнія рамы уже вставленными, и это еще болѣе настраиваетъ меня на мирный зимній ладъ. Въ лакейской работникъ топитъ печку, и я, какъ въ дѣтствѣ,

сажусь на корточки около вороха соломы, рѣзко пахнущей уже зимней свѣжестью, и гляжу то въ пылающую печку, то на окна, за которыми, синѣя, грустно умираютъ сумерки. Потомъ иду въ людскую. Тамъ свѣтло и людно: дѣвки рубятъ капусту, мелькаютъ сѣчки, я слушаю ихъ дробный, дружный стукъ и дружныя, печально-веселыя деревенскія пѣсни... Иногда вечеромъ заѣдетъ какой-нибудь мелкопомѣстный сосѣдъ и надолго увезетъ меня къ себѣ... Хороша и мелкопомѣстная жизнь!

Хуторянинъ любитъ осень, любитъ длинные вечера, долгую темную ночь въ тепломъ и уютномъ кабинетѣ. Встаетъ онъ рано. Крѣпко потянувшись на лежанкѣ, отчего со стукомъ падаетъ на полъ кирпичъ съ ея угла („Давно, давно пора вмазать этотъ кирпичъ, — да все не соберешься!“), онъ идетъ къ столу и, подымая брови и хмурясь, крутитъ толстую папиросу изъ дешеваго, чернаго табаку или просто изъ махорки. Блѣдный свѣтъ ранняго ноябрьскаго утра озаряетъ простой, съ голыми стѣнами кабинетъ, желтыя и заскорузлыя шкурки лисицъ надъ кроватью и корпастую фигуру въ шароварахъ и распоясанной косовороткѣ, а въ зеркалѣ отражается заспанное лицо татарскаго склада. Въ полутемномъ, теплomъ домикѣ мертвая тишина. За дверью въ коридорѣ похрапываетъ старая кухарка, жившая въ господскомъ домѣ еще дѣвчонкою. Это, однако, не мѣшаетъ барину хрипло крикнуть на весь домъ:

— Лукерья! Самоваръ!

Потомъ, надѣвъ сапоги, накинувъ на плечи поддевку и не застегивая ворота рубахи, баринъ выходитъ на крыльцо. Въ запертыхъ сѣняхъ пахнетъ псиной; лѣниво потягиваясь, съ визгомъ зѣвая и улыбаясь, окружаютъ его гончія.

— Отрыжъ! — медленно, снисходительнымъ басомъ говоритъ баринъ и черезъ садъ идетъ на гумно. Грудь его широко дышитъ рѣзкимъ воздухомъ зари и запахомъ озябшаго за ночь, обнаженнаго сада. Свернувшіеся и почернѣвшіе отъ мороза листья шуршатъ подъ сапогами въ березовой аллеѣ, вырубленной уже наполовину. Вырисовываясь на низкомъ сумрачномъ небѣ, спятъ нахохленныя галки на гребнѣ риги... Славный будетъ день для охоты! И, остановившись среди аллеи, баринъ долго глядитъ въ осеннее поле, на пустынныя, зеленыя озими, по которымъ вдалекѣ бродятъ телята. Двѣ гончія суки повизгиваютъ около его ногъ, а Заливай уже за садомъ: перепрыгивая по колкимъ жнивьямъ, онъ какъ будто зоветъ и просится въ поле. Но что̀ сдѣлаешь теперь съ гончими? Звѣрь теперь въ полѣ, на взметахъ, на

чернотропѣ, а въ лѣсу онъ боится, потому что въ лѣсу вѣтеръ шуршитъ листвою... Эхъ, кабы борзыя!

Въ ригѣ начинается молотьба. Медленно расходясь, гудитъ барабанъ молотилки. Лѣниво натягивая постромки, упираясь ногами по навозному кругу и качаясь, идутъ лошади въ приводѣ. Посреди привода, вращаясь на скамеечкѣ, сидитъ погонщикъ и однотонно покрикиваетъ на нихъ, всегда хлестая кнутомъ только одного бураго мерина, который лѣнивѣе всѣхъ и совсѣмъ спитъ на ходу, благо глаза у него завязаны.

— Ну, ну, дѣвки, дѣвки!—строго кричитъ степенный подавальщикъ, облачаясь въ широкую холщевую рубаху.

Дѣвки торопливо разметаютъ токъ, бѣгаютъ съ носилками, метлами.

— Съ Богомъ! — говоритъ подавальщикъ, и первый пукъ старновки, пущенный на пробу, съ жужжаньемъ и визгомъ пролетаетъ въ барабанъ и растрепаннымъ вѣеромъ возносится изъ-подъ него кверху. А барабанъ гудитъ все настойчивѣе, работа закипаетъ, и скоро всѣ звуки сливаются въ общій пріятный шумъ молотьбы. Баринъ стоитъ у воротъ риги и смотритъ, какъ въ ея темнотѣ мелькаютъ красные и желтые платки, руки, грабли, солома, и все это мѣрно двигается и суетится подъ гулъ барабана и однообразный крикъ и свистъ погонщика. Хоботье облаками летитъ къ воротамъ. Баринъ стоитъ, весь посѣрѣвшій отъ него. Часто онъ поглядываетъ въ поле... Скоро-скоро забѣлѣютъ поля, скоро покроетъ ихъ зазимокъ...

Зазимокъ, первый снѣгъ! Борзыхъ нѣтъ, охотиться въ ноябрѣ не съ чѣмъ; но наступаетъ зима, начинается „работа“ съ гончими. И вотъ опять, какъ въ прежнія времена, съѣзжаются мелкопомѣстные другъ къ другу, пьютъ на послѣднія деньги, по цѣлымъ днямъ пропадаютъ въ снѣжныхъ поляхъ. А вечеромъ на какомъ-нибудь глухомъ хуторѣ далеко свѣтятся въ темнотѣ зимней ночи окна флигеля. Тамъ, въ этомъ маленькомъ флигелѣ, плаваютъ клубы дыма, тускло горятъ сальныя свѣчи, настраивается гитара...

На сумерки буенъ вѣтеръ загулялъ,
Широки мои ворота растворялъ—

начинаетъ кто-нибудь грудным теноромъ. И прочіе нескладно, прикидываясь, что они шутятъ, подхватываютъ съ грустной, безнадежной удалью:

Широки мои ворота растворялъ,
Бѣлымъ снѣгомъ путь-дорогу заметалъ...

1900 г.

РУДА.

Эпитафія.

За крайней избой нашей степной деревушки пропадала во ржи наша прежняя дорога къ городу. И у дороги, въ хлѣбахъ, при началѣ уходившаго къ горизонту моря колосьевъ, стояла бѣлоствольная и развѣсистая, плакучая береза. Глубокія колеи дороги зарастали травой съ желтыми и бѣлыми цвѣтами, береза была искривлена степнымъ вѣтромъ, а подъ ея легкой, сквозной сѣнью уже давнымъ-давно возвышался ветхій, сѣрый голубецъ,—крестъ съ треугольной тесовой кровелькой, подъ которой хранилась отъ непогодъ суздальская икона Божіей Матери—покровительницы полей.

Шелковисто-зеленое, бѣлоствольное дерево въ золотыхъ хлѣбахъ! Впрочемъ, въ дѣтствѣ намъ все казалось хорошо. Тогда и хлѣба были гуще, и лѣто жарче, и небо синѣе, и зимы морознѣе, и деревня веселѣе и богаче... Когда-то тотъ, кто первый пришелъ на это мѣсто, поставилъ на своей десятинѣ крестъ съ кровелькой, призвалъ попа и освятилъ „Покровъ Пресвятыя Богородицы“. И съ тѣхъ поръ старая икона дни и ночи охраняла старую степную дорогу, незримо простирая свое благословеніе на трудовое крестьянское счастье. Въ дѣтствѣ мы чувствовали страхъ къ сѣрому кресту, никогда не рѣшались заглянуть подъ его кровельку,—однѣ ласточки смѣли залетать туда и даже вить тамъ гнѣзда. Но и благоговѣніе чувствовали мы къ нему, потому что слышали, какъ наши матери шептали въ темныя осеннія ночи:

— Пресвятая Богородица, защити насъ Покровомъ Твоимъ!

Осень приходила къ намъ свѣтлая и тихая, такъ мирно и спокойно, что, казалось, конца не будетъ яснымъ днямъ. Она дѣлала дали нѣжно-голубыми и глубокими, небо—чистымъ и кроткимъ. Тогда можно было различить самый отдален-

ный курганъ въ степи, на открытой и просторной равнинѣ желтаго жнивья. Осень убирала и березу въ золотой уборъ. А береза радовалась и не замѣчала, какъ недолговѣченъ этотъ уборъ, какъ листокъ за листкомъ осыпается онъ, пока, наконецъ, не оставалась вся раздѣтая на его золотистомъ коврѣ. Очаровашая осенью, она была счастлива и покорна, и вся сіяла, озаренная изъ-подъ низу отсвѣтомъ сухихъ листьевъ. А радужныя паутинки тихо летали возлѣ нея въ блескѣ солнца, тихо садились на сухое, колкое жнивье... И народъ называлъ ихъ красиво и нѣжно—„пряжей Богородицы“.

Зато жутки были дни и ночи, когда осень сбрасывала съ себя кроткую личину. Безпощадно трепалъ тогда вѣтеръ обнаженныя вѣтви березы! Избы стояли нахохлившись, какъ куры въ непогоду, туманъ въ сумерки низко бѣжалъ по голымъ равнинамъ, волчьи глаза свѣтились ночью на задворкахъ. Нечистая сила часто скидывается ими, и было бы страшно въ такія ночи, если бы за околицей деревни не было стараго голубца. А съ начала ноября и до апрѣля бури неустанно заносили снѣгами и поля, и деревню, и березу по самый голубецъ. Бывало, выглянешь изъ сѣней въ поле, а жесткая вьюга свиститъ подъ голубцомъ, дымится по острымъ сугробамъ и со стономъ проносится по равнинѣ, заметая на бѣгу слѣды по ухабистой дорогѣ. Заблудившійся путникъ съ надеждой крестился въ такую пору, завидѣвъ въ дыму мятели торчавшій изъ сугробовъ крестъ, зная, что здѣсь бодрствуетъ надъ дикой снѣжной пустыней сама Царица Небесная, что охраняетъ Она свою деревню, свое мертвое до поры, до времени поле.

Поле долго было мертвымъ, но степные люди были прежде выносливы. И вотъ, наконецъ, крестъ начиналъ вырастать изъ осѣдающихъ сѣрыхъ снѣговъ. Обтаивала и горбатая унавоженная дорога, наступали теплые и густые марговскіе туманы. Отъ тумановъ и дождей чернѣли и дымились въ сумрачные дни крыши избъ, а собаки по сугробамъ залѣзали на нихъ, такъ какъ улица превращалась въ сплошную лужу. Потомъ туманы сразу смѣнялись солнечными днями. И все снѣжное поле насыщалось водою, растоплялось и, растопленное, ярко блестѣло подъ солнцемъ, дрожа безчисленными ручьями. Въ одинъ-два дня степь принимала новый видъ: по-весеннему темнѣли равнины, окаймленныя блѣдно-синеватой далью. Выпускали шершавый скотъ изъ хлѣвовъ; обезсилѣвшія за зиму лошади и коровы бродили и лежали на выгонѣ, а галки садились на ихъ худыя спины и дергали клювами шерсть для своихъ гнѣздъ. Но дружная весна къ хоро-

шимъ кормамъ,—скотъ отгуляется по теплымъ росамъ! Уже пѣли жаворонки въ ясные полдни, уже мальчишки-пастухи загорали отъ вѣтровъ и солнца, которые просушивали землю. Когда же обмывалъ ее весенній дождь и пробуждалъ первый громъ, Господь благословлялъ въ тихія звѣздныя почи расти хлѣбамъ и травамъ, и, успокоенная за свои нивы, кротко глядѣла изъ голубца старая икона. Тонко пахло въ чистомъ ночномъ воздухѣ зеленями, мирно было въ степи, тихо въ темной деревнѣ, гдѣ уже не вздували огня съ Благовѣщенья, и замирали по вечерней зарѣ пѣсни дѣвушекъ, прощавшихся со своими обрученными подругами.

А потомъ все мѣнялось не по днямъ, а по часамъ. Зеленѣлъ выгонъ, зеленѣли ветлы передъ избами, зеленѣла береза... Шли дожди, протекали жаркіе іюньскіе дни, зацвѣтали цвѣты, наступали веселые сѣнокосы... Что̀ иное можно сказать о степной деревушкѣ? Люди родились, вырастали, женились, уходили въ солдаты, работали, пировали праздники... Главное же мѣсто въ ихъ жизни все-таки занимала степь—ея смерть и возрожденіе. Пустѣла и покрывалась снѣгами степь,—и деревня болѣе полугода жила въ забытьѣ; тогда немало умирало народа отъ холода, голода и черныхъ избъ, немало замерзало въ мятели. Наступала весна, наступала и работа, скрашенная веселыми днями... Или они только снились намъ въ дѣтствѣ? Помню, какъ мягко и беззаботно шумѣлъ лѣтній вѣтеръ въ шелковистой листвѣ березы, путая эту листву и склоняя до самыхъ колосьевъ тонкія, гибкія вѣтви; помню солнечное утро на Троицу, когда даже бородатые мужики, какъ истые потомки русичей, улыбались изъ-подъ огромныхъ березовыхъ вѣнковъ; помню грубыя, но могучія пѣсни на Духовъ день, когда мы съ закатомъ уходили въ ближній дубовый лѣсокъ и тамъ варили кашу, разставляли ее въ черепкахъ по холмикамъ и „молили кукушку“ быть милостивой вѣщуньей; помню „игры солнца“ подъ Петровъ день, помню величальныя пѣсни и шумныя свадьбы, помню трогательные молебны передъ кроткой Заступницей всѣхъ скорбящихъ,—въ полѣ, подъ открытымъ небомъ...

Жизнь не стоитъ на мѣстѣ,—старое уходитъ, и мы провожаемъ его часто съ великой грустью. Да, но не тѣмъ ли и хороша жизнь, что она пребываетъ въ неустанномъ обновленіи? Дѣтство миновало. Потянуло насъ заглянуть дальше того, **что̀** мы видѣли за околицей деревни, тѣмъ сильнѣе потянуло, **что** и деревня становилась все скучнѣй, и береза уже не такъ **густо** зеленѣла весной, и крестъ у дороги ветшалъ, и люди **истощили** поле, которое охранялъ онъ. И такъ какъ бѣда

не ходитъ одна, то само небо, казалось, стало гнѣваться на людей. Знойные и сухіе вѣтры разгоняли тучи, подымая вихри по дорогѣ, солнце нещадно палило хлѣба и травы. Подсыхали до срока тощіе ржи и овсы. Было больно смотрѣть на нихъ, потому что нѣтъ ничего печальнѣе и смиреннѣе тощей ржи. Какъ безпомощно склоняется она отъ горячаго вѣтра легкими пустыми колосьями, какъ сиротливо шелеститъ! Сухая пашня сквозитъ между ея стеблями, видны среди нихъ сухіе васильки... И дикая серебристая лебеда, предвѣстница запустѣнія и голода, заступаетъ мѣсто тучныхъ хлѣбовъ у старой проселочной дороги. Нищіе и слѣпые все чаще стали съ жалобными припѣвами обходить деревню. А деревня безмолвно стояла на припекѣ — равнодушная, печальная.

Тогда, точно въ горести, потемнѣлъ отъ пыльныхъ вѣтровъ кроткій ликъ Богоматери. Проходили годы,—Она казалась безучастной къ судьбѣ своего поля. И люди стали забывать Ее. Еще нѣсколько лѣтъ потомились они въ степи и мало-по-малу стали уходить по дорогѣ къ городу. А вскорѣ прошелъ слухъ, что вотъ-вотъ „всѣхъ погонятъ на новыя мѣста“. И оставшіеся въ деревнѣ съ радостью ухватились за эту вѣсть. Они прожили зиму въ ожиданіяхъ, а весной собрали свой скудный скарбъ, забили досками окна избъ, запрягли лошадей и навсегда ушли изъ деревни на поиски новаго счастья. Про „новыя“ мѣста они знали одно,—что тамъ лѣсу и звѣрей много; но помощи было ждать неоткуда,—нужно было итти. И деревня опустѣла.

— Ни души!—сказалъ вѣтеръ, облетѣвъ всю деревню и закрутивъ въ безцѣльномъ удальствѣ пыль на дорогѣ.

Но береза не отвѣтила ему, какъ отвѣчала прежде. Она слабо зашевелила вѣтвями и опять задремала. Она уже знала, что выгонъ въ деревнѣ заросъ высокой сорной травой, что глухая крапива поднялась у пороговъ, что полынь серебрится на полураскрытыхъ крышахъ. Степь вокругъ была мертва, а десятокъ уцѣлѣвшихъ избъ можно было издалека принять за кибитки кочевниковъ, покинутыя въ полѣ послѣ битвы или чумы. И голубецъ уже покосился подъ березой, на верхушкѣ которой торчали сухіе бѣлые сучья. Теперь, въ сумерки, когда за темными полями слабо алѣлъ закатъ, ночевали на ней только грачи да воро́ны, которые немало видѣли перемѣнъ на этомъ свѣтѣ...

Вотъ новые люди стали появляться на степи. Все чаще приходятъ они по дорогѣ изъ города и располагаются станомъ у деревни. Ночью они жгутъ костры, разгоняя темноту,

и тѣни далеко убѣгаютъ отъ нихъ по дорогамъ. Съ разсвѣтомъ они выходятъ въ поле и длинными буравами сверлятъ землю. Вся окрестность чернѣетъ кучами, точно могильными холмами. Люди безъ сожалѣнія топчутъ рѣдкую рожь, еще вырастающую кое-гдѣ безъ сѣва, безъ сожалѣнія закидываютъ ее землею, потому что ищутъ они источниковъ новаго счастья,— ищутъ ихъ уже въ нѣдрахъ земли, гдѣ таятся талисманы будущаго.

— Руда! Скоро этотъ край закипитъ народомъ, задымитъ трубами заводовъ, проложитъ крѣпкіе желѣзные пути на мѣстѣ старой дороги и выстроитъ городъ на мѣстѣ дикой деревушки. И то, что̀ освящало здѣсь старую жизнь — сѣрый, упавшій на землю крестъ будетъ забытъ всѣми... Чѣмъ-то освятятъ новые люди свою новую жизнь? Чье благословеніе призовутъ они на свой бодрый и шумный трудъ?

1900 г.

НАДЪ ГОРОДОМЪ.

Глядя на колокольню снизу, съ церковнаго двора, мы сами чувствовали, до чего мы еще малы, и было жутко немного, потому что облака въ ясномъ весеннемъ небѣ медленно уходили отъ насъ, а высокая бѣлая колокольня, суживаясь кверху и блестя золотымъ крестомъ подъ облаками, медленно, плавно валилась на церковный дворъ — и крестъ былъ похожъ на человѣчка съ распростертыми руками... Потомъ мы вперегонки кидались къ узкой двери въ колокольню.

Длинная, почти отвѣсная лѣстница тотчасъ же за дверью терялась въ темнотѣ. Въ темнотѣ, стиснутые холодными кирпичными стѣнами, храбро лѣзли мы другъ за другомъ впередъ. Свѣтъ, какъ мы знали, долженъ былъ открыться внезапно — и, правда, скоро впереди мелькалъ проблескъ. Еще нѣсколько шаговъ, поворотъ — и мы въ низкомъ помѣщеніи, блѣдно озаренномъ рѣшетчатымъ окномъ. Надъ головой—тяжелый накатъ изъ бревенъ, перекрещивающіяся въ пыли и паутинѣ балки, на полу—цѣлые вороха известковаго птичьяго помета, изогнутая мѣдная купель среди кирпичей и мусора, суздальскія облупившіяся иконы, кадило съ оборванными цѣпями... Черничка-галка, съ пухомъ въ клювѣ, сидитъ на подоконникѣ и выжидательно коситъ однимъ глазомъ. Таинственно въ этой старой кладовкѣ! Но осматриваться некогда. Голоса и топотъ ногъ опередившихъ насъ раздаются уже надъ нами,— звонко и весело, какъ всегда весной въ колокольнѣ. И, кинувъ нѣсколько быстрыхъ взглядовъ на мусоръ и балки, мы спѣшили по темнымъ изломамъ лѣстницъ дальше...

Вотъ, наконецъ, и первый пролетъ: сразу стало свѣтло, просторно, въ арки широко видно небо. Внизу — церковный дворъ, мощеный камнемъ, красная крыша сторожки въ углу ограды и береза у желѣзныхъ воротъ... Хорошо глядѣть на

все это сверху—видѣть у себя подъ ногами верхушку березы! Съ высоты все кажется красивѣе, меньше; дворъ послѣ весеннихъ дождей сталъ бѣлъ, опрятенъ, между его высохшими плитами пробивается первая травка, а верхушка березы закудрявилась легкими, прозрачными кружевами зелени, необыкновенно нѣжной и свѣжей. И какъ тепло! Выйдетъ солнце изъ-за облака — чувствуешь на лицѣ горячую ласку свѣта. Воробьи на березѣ задорно зачиликаютъ въ этомъ блескѣ, извозчикъ, проѣзжающій мимо, хлестнетъ лошадь, — и совсѣмъ по-лѣтнему затрещатъ по мостовой колеса...

— Идите сюда! — раздается чей-то крикъ сверху. И, переглянувшись, мы устремляемся къ гнилой и крутой лѣстницѣ во второй ярусъ, болѣе узкій и какъ будто болѣе зыбкій, чѣмъ первый, и снова попадаемъ въ полутемныя нѣдра колокольни, раздѣленныя бревенчатыми потолками. Опять грубый и безпорядочный видъ балокъ и лѣстницъ, мѣшающихся въ сумракѣ; опять — холодокъ и запахъ кирпичныхъ стѣнъ... Всюду запустѣніе старой башни, все велико, покрыто пылью и птичьимъ пометомъ... Лѣстницы, подъ которыми валялись кирпичи и бревна, были шатки, колѣни у насъ дрожали, сердце учащенно билось; но въ узкія окошечки возлѣ лѣстницы мы видѣли лазурь, высоту, къ которой стремились. На подоконникахъ, на лѣстницахъ и балкахъ сидѣли сытые голуби, сизые и „жаркіе“, и такъ какъ мы уже чувствовали себя въ одномъ мірѣ съ ними, то намъ было очень жаль, что они такъ поспѣшно, пугая и себя и насъ, разсыпàлись куда попало при нашемъ приближеніи, торопливо хлопая свистящими крыльями. Это, впрочемъ, не мѣшало имъ тотчасъ же опускаться на другія лѣстницы и снова начинать гулкое, сердито-ласковое воркованье, топчась на одномъ мѣстѣ съ раздувающимися зобами. А въ одномъ углу сидѣла на яйцахъ бѣлая голубка — и съ какимъ любопытствомъ мы смотрѣли на нее сверху! Тутъ было совсѣмъ почти темно, только въ длинное и узкое окошечко голубой лентой сіяло небо...

— Васька идетъ! — радостно говорилъ кто-нибудь изъ насъ, заглянувъ въ это окошечко и увидавъ подъ колокольней звонаря Ваську. И тогда мы еще болѣе ускоряли шаги, чтобы поспѣть къ звону. Ощущеніе высоты было уже очень сильно, когда мы выскакивали во второй пролетъ. Но нужно было сдѣлать еще шаговъ тридцать — къ колоколамъ, въ третій ярусъ. Мелькомъ мы заглядывали внизъ—и не узнавали березы у ограды: такъ мала и низка стала она! Теперь даже огромный куполъ церкви былъ наравнѣ съ

нами, а подъ нимъ — разноцвѣтныя крыши города, сбѣгающаго къ рѣкѣ, улицы и переулки межъ ними, грязные дворы, сады и пустоши... Вонъ во дворѣ чиновника баба развѣшиваетъ бѣлье по веревкѣ; вонъ мѣщанинъ, въ жилеткѣ и ситцевой рубахѣ, выходитъ изъ тесоваго, похожаго на собачій, домика возлѣ сарая; рядомъ, на почтовомъ дворѣ, лѣниво бродятъ съ хомутами въ рукахъ ямщики, запрягая двухъ одровъ въ телѣжку; а вонъ скучные каменные дома купца-богача близъ базарной площади, на скатѣ которой, надъ мелкой рѣкой, стоитъ старый приземистый соборъ съ синимъ куполомъ въ бѣлыхъ звѣздахъ... Улицы пусты, — всѣ эти мѣщане, купцы, старухи и молодыя кружевницы сидятъ по своимъ домишкамъ и, должно-быть, не знаютъ, какой просторъ зеленыхъ полей развертывается вокругъ города; а мы вотъ знаемъ и побѣжимъ еще выше, гдѣ уже совсѣмъ жутко, особенно когда подумаешь, что приближаешься къ самому шпицу колокольни, сіяющей надъ городомъ своимъ золотымъ крестомъ...

Теперь дѣтство кажется мнѣ далекимъ сномъ, но до сихъ поръ мнѣ пріятно думать, что хоть иногда поднимались мы надъ мѣщанскимъ захолустьемъ, которое угнетало насъ длинными днями и вечерами, хожденіемъ въ училище, гдѣ гибло наше дѣтство, полное мечтами о путешествіяхъ, о героизмѣ, о самоотверженной дружбѣ, о птицахъ, растеніяхъ и животныхъ, о завѣтныхъ книгахъ! Птицы любятъ высоту, — и мы стремились къ ней. Матери говорили, что мы растемъ, когда видимъ во снѣ, что летаемъ, — и на колокольнѣ мы росли, чувствовали за своими плечами крылья... Когда мы, запыхавшись, одолѣвали наконецъ послѣдній ярусъ колокольни, мы видѣли вокругъ себя только лазурь да волнистую степь. Городъ, какъ пестрый планъ, лежалъ далеко подъ нами, маленькій и скученный, а въ сердцахъ у насъ было то, что̀ должны испытывать на полетѣ ласточки. Въ ожиданіи Васьки затѣвали мы драки, бѣгали другъ за другомъ, стуча сапогами подъ мѣдными шлемами колоколовъ, и громко кричали въ нихъ, возбуждая въ мѣди эхо. Пробираясь по лѣсенкѣ среди веревокъ, привязанныхъ за колокольные языки, къ главному колоколу, украшенному барельефами херувимовъ и надписью, какой купецъ отливалъ его, мы по очереди ударяли въ края колокола: ударишь и слушаешь — и кажется, что гдѣ-то далеко идетъ пѣвучій благовѣстъ къ ранней обѣднѣ! И однажды, поднявшись на верхнюю ступеньку, вдругъ увидалъ я на колоколѣ барельефный ликъ строгаго и прекраснаго Ангела Великаго

Совѣта и прочиталъ сильное и краткое велѣніе: „Благовѣствуй землѣ радость велію...“

Какъ поразила меня даже въ то время эта надпись! Благовѣствовать взбирался на колокольню дурачокъ Васька; но даже эта жалкая фигура не мѣшаетъ мнѣ вспоминать предвечернее время весенняго дня, ясное небо въ аркахъ колокольни и ту могучую дрожь, которой гудѣла вершина колокольни вмѣстѣ со всѣми нами, когда, послѣ долгихъ раскачиваній била, Васька оглушалъ насъ первымъ ударомъ, спугивалъ голубей со всѣхъ карнизовъ и уже весь отдавался любимому дѣлу, утопая въ звонкомъ и непрерывномъ гудѣніи мѣди. Отъ этого гудѣнія у насъ верезжало въ ушахъ, во всемъ тѣлѣ; казалось, что вся колокольня съ вершины до основанія полна голосовъ, гула и пѣнія. Не спуская глазъ съ мотающихся рукъ Васьки, стояли мы, охваченные восторгомъ передъ гигантской силой звуковъ, замирая отъ захватывающей духъ гордости, точно сами мы были участниками въ возвышенномъ назначеніи колокола благовѣствовать радость. Затерявшіеся въ звукахъ, мы какъ будто сами носились по воздуху вмѣстѣ съ ихъ разливающимися волнами и ждали только одного — чтобы поскорѣе отвѣтилъ своимъ низкимъ басомъ соборный колоколъ, и чтобы Васька, въ волненіи соревнованія, поднялся съ лѣстницы во весь ростъ и уже изо всѣхъ силъ ударилъ звониломъ. Боже, какой трезвонъ начинался тогда надъ нашимъ убогимъ мѣстечкомъ и какъ мечталъ я хоть когда-нибудь побыть на мѣстѣ Васьки!

Странное желаніе это и теперь иногда посѣщаетъ меня. Отдыхая порой въ городишкѣ, гдѣ протекло мое отрочество, я вспоминаю эту чуть ли не единственную его радость—наши похожденія на колокольнѣ. Сидя въ лѣтніе вечера подъ окномъ, я слушаю зачинающійся въ разныхъ концахъ города, перепутывающійся и мѣрно дрожащій гулъ колоколовъ, и этотъ гулъ погружаетъ меня въ думы о томъ, какъ протекаютъ тысячи тысячъ нашихъ жизней. Товарищи моихъ дѣтскихъ дней, тѣ, что безпечно играли когда-то въ лодыжки подъ заборами, тѣ, которымъ дѣтство сулило такъ много,—гдѣ они? А матери и отцы ихъ, уже сгорбленные и пригнутые къ землѣ страданіями и близостью смерти, плетутся съ желтыми восковыми свѣчами въ рукахъ предъ алтарь Бога, Который всегда казался имъ жестокимъ и карающимъ, требующимъ вѣчныхъ покаянныхъ слезъ и вздоховъ... И мнѣ вспоминается далекое время, когда Васька такъ звучно и тяжко ударялъ въ большой колоколъ. Я мысленно взбираюсь на колокольню и уже

въ свои руки беру веревку, привязанную къ колокольному билу. Трудно раскачивать его, но нужно раскачивать сильнѣе, чтобы съ перваго же удара дрогнулъ воздухъ. А когда отвѣтятъ другіе колокола, нужно позабыться, затеряться въ бурныхъ звукахъ и хоть на мгновеніе повѣрить и напомнить людямъ, что „Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ!“

1900 г.

НОВАЯ ДОРОГА.

I.

— Напрасно уѣзжаете! — говорятъ мнѣ знакомые, поздникъ вечеромъ прощаясь со мной на вокзалѣ. — Добрые люди только съѣзжаются въ Петербургъ. Чего вы тамъ не видали? Лѣсовъ, сугробовъ? А потомъ еще эта новая дорога, на которой дня не проходитъ безъ крушеній!

— Богъ милостивъ!—отвѣчаю я.

Провожающіе пожимаютъ плечами. Наступаютъ тѣ непріятныя минуты разлуки, когда сказать уже нечего, улыбки дѣлаются фальшивыми, а время начинаетъ итти страшно медленно.

Наконецъ раздается второй звонокъ. Махая шляпами, провожающіе уходятъ и, оборачиваясь, кланяются уже съ искренней привѣтливостью.

— Готово! — кричитъ кто-то около паровоза, и паровозъ тяжко стукается буферами въ вагоны. Слышно, какъ онъ сдержанно сипитъ горячимъ паромъ, изрѣдка кидая клубы дыма, и платформа пустѣетъ. Остаются только высокій красивый офицеръ, съ продолговатымъ, нагло-серьезнымъ лицомъ въ полубачкахъ, и дама въ траурѣ. Дама кутается въ ротонду и тоскливо смотритъ на офицера заплаканными черными глазами. Потомъ съ неловкой поспѣшностью очень сытаго человѣка проходитъ большой рыжеусый помѣщикъ съ ружьемъ въ чехлѣ и въ оленьей дохѣ поверхъ сѣраго охотничьяго костюма, а за нимъ приземистый, но очень широкій въ плечахъ генералъ. Потомъ изъ конторы быстро выходитъ начальникъ станціи. Онъ только-что велъ съ кѣмъ-то непріязненный споръ и поэтому, рѣзко скомандовавъ: „третій“, такъ далеко швыряетъ папиросу, что она долго пры-

гаетъ по платформѣ, разсыпая по вѣтру красныя искры. И тотчасъ же на всю платформу звонитъ гулкій вокзальный колоколъ, раздаются гремучіе свистки оберъ-кондуктора, мощные взревыванія паровоза—и мы плавно трогаемся.

Офицеръ идетъ по платформѣ, раскланиваясь, ускоряя шаги и все болѣе отставая отъ вагоновъ; паровозъ отрывистѣе и рѣзче кидаетъ изъ-подъ цилиндровъ горячимъ паромъ... Но вотъ мелькнулъ послѣдній фонарь платформы, офицера точно сдернуло—и поѣздъ очутился въ темнотѣ. Она сразу развернулась, усѣянная тысячами золотыхъ огней въ предмѣстьяхъ, а поѣздъ увѣренно несется въ нее мимо товарныхъ складовъ и вагоновъ, грозно предупреждая кого-то дрожащимъ ревомъ. Свѣтлыя отраженія оконъ все быстрѣе бѣгутъ по рельсамъ и шпаламъ, ускользающимъ въ разныя стороны, потомъ по снѣгу. Скоро въ вагонѣ станетъ тепло и уютно, и, безпорядочно громоздя вещи по диванамъ, пассажиры начнутъ располагаться на ночь. Сѣдой, строгій, но очень вѣжливый старичокъ-кондукторъ въ пенснэ на кончикѣ носа не спѣша проходитъ среди этой тѣсноты и пунктуально переписываетъ билеты, наклоняясь къ фонарику своего помощника.

Воздухъ въ поляхъ, послѣ города, кажется необыкновеннымъ, — и, какъ всегда, я до поздней ночи стою въ сѣняхъ вагона, отворивъ боковую дверь, и напряженно гляжу противъ вѣтра въ темныя снѣжныя поля. Вагонъ дрожитъ и дребезжитъ отъ быстраго бѣга, вѣтеръ сыплетъ въ лицо снѣжной пылью, свѣтъ фонаря въ сѣняхъ прыгаетъ, мѣшаясь съ тѣнями. И, качаясь, я хожу отъ двери къ двери по холоднымъ сѣнямъ, уже побѣлѣвшимъ отъ снѣга... Прежде въ пути всегда хотѣлось пѣть, кричать подъ грохочущій маршъ поѣзда. Теперь не то. Плывутъ, бѣгутъ смутные силуэты холмовъ и кустарниковъ, съ мгновеннымъ глухимъ ропотомъ проносятся подъ колесами чугунные мостики, въ далекихъ, чуть бѣлѣющихъ поляхъ мелькаютъ огоньки глухихъ деревушекъ. И, щурясь отъ вѣтра, я съ грустью гляжу въ эту темную даль, гдѣ забытая жизнь родины мерцаетъ такими блѣдными тихими огоньками...

Возвратясь въ вагонъ, вижу въ полусумракѣ фигуры лежащихъ; тѣсно отъ шубъ и поднятыхъ спинокъ диванова, пахнетъ табакомъ и апельсинами... Согрѣваясь послѣ холоднаго вѣтра, долго смотрю полузакрытыми глазами, какъ покачивается мѣховое пальто, повѣшенное у двери, и думаю о чемъ-то неясномъ, что сливается съ дрожащимъ сумракомъ вагона и незамѣтно убаюкиваетъ. Славная вещь—этотъ сон

въ пути! Сквозь дремоту чувствуешь иногда, что поѣздъ затихаетъ. Тогда слышатся громкіе голоса подъ окнами, шарканье ногъ по каменной платформѣ, а въ вагонѣ — ровное дыханіе и храпъ спящихъ. Что-то безпокоитъ глаза... Это тусклый и лучистый, желтоватый блескъ замерзшаго окна, за которымъ вокзальный фонарь. Онъ мутно и непріятно озаряетъ сумракъ вагона.

— Не знаете, какая станція?—спрашиваетъ кто-то страннымъ испуганнымъ голосомъ...

Потомъ звонокъ бьетъ гдѣ-то далеко-далеко, усыпительно, хлопаютъ двери вагоновъ и доносится жалобный гулъ паровоза, напоминающій о безконечной дали и ночи. Что-то начинаетъ вздрагивать и поталкивать подъ бокъ; металлическилучистый блескъ фонарей проходитъ по стекламъ и гаснетъ; пружины дивана покачиваются все ровнѣе и ровнѣе, и наконецъ непрерывно возрастающій бѣгъ поѣзда снова погружаетъ въ дремоту...

Внезапное прикосновеніе чьей-то руки извѣщаетъ передъ утромъ о пересадкѣ. Испуганно вскакиваю, торопливо забираю вещи и черезъ большую, но сонную и тускло освѣщенную станцію иду на какую-то длинную платформу, занесенную свѣжимъ глубокимъ снѣгомъ, къ маленькому поѣзду, составленному изъ самыхъ разнокалиберныхъ вагоновъ... Новая дорога! Тишина, маленькіе вагоны, душистый дымъ березовыхъ дровъ, запахъ хвои... Славно!

Въ полудремотѣ попадаю въ вагонъ-миксть, тѣсный, съ квадратными окнами, и тотчасъ же снова крѣпко засыпаю. И къ утру оказываюсь уже далеко отъ Петербурга. И начинается настоящій русскій зимній путь, одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ совсѣмъ забыли въ Петербургѣ...

II.

Будитъ меня чей-то мучительный кашель. Открываю глаза: вижу станового, стараго служаку въ рыжей снотовой шубѣ поверхъ сѣрой полицейской шинели. Отъ натуги глаза у него вытаращены и полны слезъ, обвѣтренное лицо красно, сѣдые усы взъерошены. Онъ необыкновенно жарко раскурилъ огромнѣйшую папиросу изъ дешеваго крѣпкаго табаку, а въ старомъ вагончикѣ и безъ того сумрачно, потому что окна полузанесены снѣгомъ. Поѣздъ трясетъ и гремитъ, какъ телѣга.

— Вотъ такъ кашель! — говоритъ становой, отдуваясь, такъ просто и добродушно, точно мы росли вмѣстѣ.—Только и полегчаетъ, когда немножко покуришь!

— Ну, значитъ, Петербургъ далеко! — думаю я и заглядываю въ окна. О, какой бѣлый, чистый снѣгъ! Бѣлое безжизненное небо и бѣлое безконечное поле съ кустарниками и перелѣсками. Проволоки телеграфныхъ столбовъ лѣниво плывутъ за окнами, точно имъ скучно подыматься, опускаться и вытягиваться вслѣдъ за поѣздомъ, а столбамъ надоѣло бѣжать за ними. Поѣздъ на подъемахъ скрипитъ и качается, а подъ уклоны бѣжитъ, какъ старикъ, пустившійся догонять кого-нибудь. Однообразно бѣлѣютъ поля, машетъ вдали крыльями птица, чернѣютъ кустарники и деревушки — и все это кругами уходитъ назадъ. Вѣтеръ лѣниво развѣваетъ дымъ паровоза, и кустарники, по которымъ разстилается этотъ дымъ, будто курятся и плаваютъ по снѣжному полю...

Пассажировъ, кромѣ меня и станового, который, впрочемъ, скоро слѣзетъ на разъѣздѣ, всего-на-всего одинъ: бородатый коренастый старикъ—желѣзнодорожный артельщикъ съ сумкой черезъ плечо, похожій на уѣзднаго лавочника. Онъ усердно занимается насыпкой папиросъ и чаепитіемъ, все утро слышно, какъ онъ съ наслажденіемъ схлебываетъ съ блюдечка горячую жидкость.

— Не угодно ли-съ?—говоритъ онъ, указывая глазами на жестяной чайникъ. — А то что жъ на вокзалахъ-то платить по гривеннику за стаканчикъ!

Около двери, гдѣ я помѣщаюсь, по ногамъ несетъ холодомъ; сижу, закутавши колѣни, и смотрю то на свѣжія выемки около линіи, то на новенькіе тесовые станціи и разъѣзды, то на бѣлое поле съ перелѣсками, и кажется, что стволы деревьевъ трепещутъ и сливаются, а весь перелѣсокъ идетъ кругомъ: ближнія деревья, трепеща, бѣгутъ назадъ, а дальнія постепенно заходятъ впередъ... Потомъ мы съ артельщикомъ пьемъ чай, потомъ я отправляюсь бродить по вагонамъ и площадкамъ... Необыкновенно пріятно смотрѣть на мелькающій въ воздухѣ снѣгъ: настоящей Русью пахнетъ!

Станціи и разъѣзды часты, но они теряются среди окружающаго ихъ пустыннаго и огромнаго пейзажа зимнихъ полей. Еще не завладѣла новая дорога краемъ и не вызвала къ себѣ его обитателей. Постоитъ поѣздъ на пустой станціи и опять бѣжитъ среди перелѣсковъ... Ѣдемъ все же съ опозданіемъ: стояли въ полѣ, и никто не зналъ почему, и всѣ сидѣли въ томительномъ ожиданіи, слушая, какъ уныло шумитъ вѣтеръ за стѣнами неподвижныхъ вагоновъ, и какъ жалобно кричитъ бочкообразный паровозъ, имѣющій манеру трогать съ мѣста такъ, что пассажиры падаютъ съ диванова. Качаясь на неровномъ бѣгу поѣзда, я хожу изъ вагона въ

вагонъ и вездѣ вижу обычную жизнь русскаго захолустнаго поѣзда. Въ первомъ и второмъ классѣ пусто, а въ третьемъ— мѣшки, полушубки, сундуки, на полу соръ и подсолнухи, почти всѣ спятъ, лежа въ самыхъ тяжелыхъ и безобразныхъ позахъ. Неспящіе сидятъ и до одуренія накуриваются; жаркій воздухъ синѣетъ отъ ѣдкаго и сладковатаго дыма махорки. Одинъ лотерейщикъ, молодой воръ, съ бѣгающими глазами, не дремлетъ. Онъ собираетъ въ кучку мужиковъ и полупьяныхъ рабочихъ, и они, пробуя свое счастье, изрѣдка, точно на смѣхъ, выигрываютъ то карандашъ въ двѣ копейки, то какой-нибудь бокалъ изъ дутаго стекла. Слышится споръ и говоръ, неистово кричитъ ребенокъ, поѣздъ стучитъ и громыхаетъ, а солдатъ, въ новой ситцевой рубахѣ и въ черномъ галстукѣ, сидитъ надъ спящими на своемъ сундучкѣ и, поставивъ ногу на противоположную лавочку, съ безсмысленными глазами и вытянутой верхней губой, рычитъ на тульской гармоникѣ: „Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою“...

— Станція Бѣлый Боръ, остановки восемь минутъ... — кричитъ кондукторъ, рослый мужикъ въ тяжелой длинной шинели, и, проходя по нашему вагону, съ такой силой хлопаетъ дверями, точно хочетъ заколотить ихъ навѣкъ.

Это значитъ, что начинаются лѣса. Послѣ Бѣлаго Бора черезъ двѣ станціи — уѣздный городъ, по имени котораго и называются эти лѣса, смѣшанное чернолѣсье и краснолѣсье. Проходитъ еще часъ, полтора — и вдали, изъ-за лѣса, показываются главы и кресты монастыря, которымъ далеко извѣстенъ этотъ городъ. Боръ вокругъ него вырубаютъ нещадно, новая дорога идетъ какъ завоеватель, рѣшившій во что бы то ни стало расчистить лѣсныя чащи, скрывающія жизнь въ своей вѣковой тишинѣ. И долгій свистокъ, который даетъ поѣздъ, проходя передъ городомъ по мосту надъ лѣсной рѣчкой, какъ бы извѣщаетъ обитателей этихъ мѣстъ объ этомъ шествіи.

На нѣсколько минутъ вокругъ насъ закипаетъ суматоха. За деревяннымъ, кирпичнаго цвѣта вокзаломъ видны тройки, громыхаютъ бубенчики, кричатъ наперебой извозчики; зимній день сѣръ и тепелъ, и похоже на масленицу. По платформѣ гуляютъ барышни и молодые люди, среди которыхъ даетъ тонъ высокій телеграфистъ, мѣстный красавецъ, франтъ въ дымчатомъ пенснэ и кавказской папахѣ. Двери въ вагонѣ поминутно растворяются, со двора несетъ холодомъ, пахнетъ снѣгомъ и хвойнымъ лѣсомъ. Статный лакей въ одномъ фракѣ и безъ шапки носитъ жареные пирожки, и странно видѣть среди лѣса его крахмальную рубашку и бѣлый галстукъ. Въ

нашъ вагонъ набирается много барышень, которыя кого-то провожаютъ и шепчутся, играя глазами; купецъ съ подушкой ломится къ своему мѣсту, давя на пути все встрѣчное, а худой и очень высокій священникъ, запыхавшись и сдвинувъ съ потнаго лба на затылокъ бобровую шапку, вбѣгаетъ въ вагонъ и убѣгаетъ, униженно прося носильщика о помощи. Онъ укладываетъ безчисленное количество узловъ и кулечковъ на диваны и подъ диваны, извиняется предъ всѣми за безпокойство и притворно-весело бормочетъ:

— Ну, теперь такъ! Вотъ это сюда... А вотъ это, я думаю, и подъ лавочку можно... Я не потревожу васъ? Ну, и чудесно, покорнѣйше благодарю!

Въ толпѣ ковыляетъ хромой разносчикъ съ корзиной лимоновъ, монашенки съ убитыми лицами жалобно просятъ на обитель... Вагонъ везутъ назадъ и опять останавливаютъ. Долго слышится, какъ кондуктора переругиваются и гремятъ по окнамъ сигнальной веревкой, протягивая ее отъ паровоза по поѣзду... Наконецъ поѣздъ трогается.

И опять передъ окнами мелькаютъ березы и сосны въ снѣгу, поля и деревушки, а надъ ними — сѣрое небо...

III.

Эти березы и сосны становятся все непривѣтливѣй; онѣ хмурятся, собираясь толпами все плотнѣе и плотнѣе. Идетъ молодой легкій снѣжокъ, но отъ сплошныхъ чащей въ вагонахъ темнѣетъ, и кажется, что хмурится и погода. Омрачается и радость возвращенія къ тихому лѣсному дню... Новая дорога все дальше уводитъ въ новый, еще неизвѣстный мнѣ край Россіи, и отъ этого я еще живѣе чувствую то, что̀ такъ полно чувствовалось въ юности: всю красоту и всю глубокую печаль русскаго пейзажа, такъ нераздѣльно связаннаго съ русской жизнью. Новую дорогу мрачно обступили лѣса и какъ бы говорятъ ей:

— Иди, иди, мы разступаемся передъ тобою. Но неужели ты снова только и сдѣлаешь, что къ нищетѣ людей прибавишь нищету природы?

Зимній день въ лѣсахъ очень коротокъ, и вотъ уже синѣютъ за окнами сумерки, и мало-по-малу заползаетъ въ сердце безпричинная, смутная, настоящая русская тоска. Петербургъ представляется далекимъ оазисомъ на окраинѣ огромной снѣжной пустыни, которая обступила меня со всѣхъ сторонъ на тысячи верстъ. Вагонъ опять пустѣетъ. Опять со мною только артельщикъ и двое спящихъ,—кавалеристъ

и помощникъ начальника станціи. Кавалеристъ, молодой человѣкъ въ крѣпко-натянутыхъ рейтузахъ, спитъ, какъ убитый, богатырски растянувшись на спинѣ; помощникъ лежитъ внизъ лицомъ, слабо покачиваясь, точно приноравливаясь къ толчкамъ бѣгущаго поѣзда. И тяжело смотрѣть на его старое пальто и старыя калоши, свѣсившіяся съ дивана.

Все сгущается сумракъ въ холодномъ, дребезжащемъ, неуклюжемъ вагонѣ. Мелькаютъ стволы высокихъ сосенъ въ сугробахъ, толпами тѣснятся на пригоркахъ монахини-елочки въ своихъ черныхъ бархатныхъ одеждахъ... Порою чаща разступается, и далеко развертывается унылая болотная низменность, угрюмо синѣетъ амфитеатръ лѣсовъ за нею, и полосою дыма виситъ молочно-свинцовый туманъ надъ лѣсами. А потомъ снова около самыхъ оконъ зачастятъ сосны и ели въ снѣгу, глухими чащами надвинется чернолѣсье, потемнѣетъ въ вагонѣ... Стекла въ окнахъ дребезжатъ и перезваниваютъ, плавно ходитъ на петляхъ непритворенная въ другое отдѣленіе дверь, а колеса, перебивая другъ друга, словно подъ землею, ведутъ свой торопливый и невнятный разговоръ.

— Болтайте, болтайте!—важно и задумчиво говорятъ имъ угрюмыя и высокія чащи сосенъ.—Мы разступаемся, но что-то несете вы въ нашъ тихій край?

Огоньки робко, но весело свѣтятъ въ маленькихъ новыхъ домикахъ лѣсныхъ станцій. Новая жизнь чувствуется въ каждомъ изъ нихъ. Но въ двухъ шагахъ отъ этого казеннаго домика начинается совсѣмъ другой міръ. Тамъ чернѣютъ затерянные среди лѣсовъ рѣдкіе поселки темнаго и унылаго лѣсного народа. На платформахъ стоятъ люди изъ этихъ деревушекъ,—нѣсколько нищихъ въ рваныхъ полушубкахъ, лохматыхъ, съ простуженными горлами, но такихъ смиренныхъ и съ такими чистыми, почти дѣтскими глазами. Опустивъ кнуты, они выглядываютъ пассажира почти безнадежно, потому что на нѣсколько человѣкъ изъ нихъ рѣдко приходится даже одинъ пассажиръ. И, тупо глядя на поѣздъ, они тоже какъ бы говорятъ ему своими взглядами:

— Дѣлайте, какъ знаете, — намъ податься некуда. А что изъ этого выйдетъ, мы не знаемъ.

Гляжу и я на этотъ молодой, замученный народъ... На великую пустыню Россіи медленно сходитъ долгая и молчаливая ночь...

Ночь эта будетъ теплая, съ мягко падающимъ, ласковымъ снѣжкомъ. На минуту поѣздъ останавливается передъ длиннымъ и низкимъ строеніемъ на разъѣздѣ. Освѣщенныя окошечки его, какъ живые глаза, выглядываютъ изъ вѣкового

сосноваго лѣса, занесеннаго снѣгами. Паровозъ, лязгая колесами по рельсамъ, плавно прокатываетъ мимо поѣзда, приводитъ къ нему десятокъ товарныхъ вагоновъ и двумя жалобными криками объявляетъ, что онъ готовъ. Крики гремучими переливами далеко бѣгутъ по лѣсной округѣ, перекликаясь другъ съ другомъ...

— Сейчасъ нехорошее мѣсто будетъ! — со вздохомъ говоритъ стоящій за мной на площадкѣ вагона мѣщанинъ.—Тутъ сейчасъ подъемъ версты въ три, а потомъ насыпь. Смотрѣть жутко! Тутъ дня не проходитъ безъ бѣды...

Я смотрю, какъ уходятъ отъ насъ и скрываются въ лѣсу огоньки станціи. Какой странѣ принадлежу я, одиноко скитающійся?—думается мнѣ. Что общаго осталось у насъ съ этой лѣсной глушью? Она безконечно велика, и мнѣ ли разобраться въ ея печаляхъ, мнѣ ли помочь имъ? Какъ прекрасна, какъ дѣвственно богата эта страна! Какія величавыя и мощныя чащи стоятъ вокругъ, тихо задремывая въ эту теплую январскую ночь, полную нѣжнаго и чистаго запаха молодого снѣга и зеленой хвои! И какая жуткая даль!

Я гляжу впередъ, на этотъ новый путь, который съ каждымъ часомъ все непривѣтливѣе встрѣчаютъ угрюмые лѣса. Стиснутая черными чащами и освѣщенная впереди паровозомъ, дорога похожа на безконечный туннель. Столѣтнія сосны замыкаютъ ее и, кажется, не хотятъ пускать впередъ поѣздъ. Но поѣздъ борется: равномѣрно отбивая тактъ тяжелымъ, отрывистымъ дыханіемъ, онъ, какъ гигантскій драконъ, вползаетъ по уклону, и голова его изрыгаетъ вдали красное пламя, которое ярко дрожитъ подъ колесами паровоза на рельсахъ и, дрожа, злобно озаряетъ угрюмую аллею неподвижныхъ и безмолвныхъ сосенъ. Аллея замыкается мракомъ, но поѣздъ упорно подвигается впередъ. И дымъ, какъ хвостъ кометы, плыветъ надъ нимъ длинною бѣлесою грядою, полной огненныхъ искръ и окрашенной изъ-подъ низу кровавымъ отраженіемъ пламени.

1901 г.

СОСНЫ.

I.

Вечеръ, тишина занесеннаго снѣгомъ дома, шумная лѣсная вьюга наружи...

Утромъ у насъ въ Платоновкѣ умеръ сотскій Митрофанъ, а въ сумеркахъ у меня сидѣлъ священникъ изъ Ростовицы, о. Василій, опоздавшій причастить Митрофана, пилъ чай и долго разсказывалъ о томъ, какъ много народу померзло въ нынѣшнемъ году...

— Чѣмъ не сказочный боръ? — думаю я, прислушиваясь къ шуму лѣса за окнами и къ высокимъ жалобнымъ нотамъ вѣтра, налетающаго вмѣстѣ съ снѣжными вихрями на крышу. И мнѣ представляется путникъ, который кружится въ нашихъ дебряхъ и чувствуетъ, что не найти ему теперь выхода вовѣки.

— Есть ли живъ-человѣкъ въ этихъ хижинахъ?—говоритъ онъ, съ трудомъ различая въ бѣлой крутящейся мглѣ Платоновку.

Но морозный вѣтеръ захватываетъ ему дыханіе, ослѣпляетъ снѣгомъ, и мгновенно пропадаетъ огонекъ, который, казалось, мелькнулъ сквозь вьюгу. Да и человѣчьи ли это хижины? Не въ такой ли же черной сторожкѣ жила Баба-Яга? „Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ! Пріюти странника въ ночь!..“

Лежа весь вечеръ, я представляю себѣ, какъ пугливо и зыбко мерцаютъ мои освѣщенныя окошечки, совсѣмъ одинокія среди бушующаго лѣса, съ головы до ногъ посѣдѣвшаго отъ вьюги! Домъ стоитъ у широкой просѣки, въ затишьѣ, но когда ураганъ гигантскимъ призракомъ на снѣжныхъ крыльяхъ проносится надъ лѣсомъ, сосны, которыя высоко царятъ надъ всѣмъ окружающимъ, отвѣчаютъ урагану столь угрюмой и грозной окта-

вой, что въ просѣкѣ дѣлается страшно. Снѣгъ при этомъ бѣшено и безпорядочно мчится по лѣсу, непритворенная дверь въ сѣняхъ съ необыкновенной силой бьетъ въ стѣну, а собаки, которыя лежатъ въ нихъ, утопая въ снѣгу, какъ въ пуховыхъ постеляхъ, жалобно взвизгиваютъ сквозь сонъ, дрожа крупной дрожью... И мнѣ опять вспоминается Митрофанъ, который ждетъ могилы въ такую мрачную ночь.

Въ комнатѣ тепло и тихо. Окна промерзли, стекла кажутся ледяжками, холодно играютъ разноцвѣтными огоньками, точно мелкими драгоцѣнными камнями. Лежанка натоплена жарко, а къ шуму и стуку я такъ привыкъ, что могу не замѣчать ихъ. Лампа на столѣ горитъ ровнымъ, сонным свѣтомъ. Ровно, чуть внятно звенитъ въ ней выгорающій керосинъ, монотонно и неясно, точно подъ землей, баюкаетъ кто-то ребенка за стѣною въ кухнѣ,—не то сама Ѳедосья, не то ея Анютка, которая съ малолѣтства во всемъ подражаетъ своимъ вѣчно вздыхающимъ теткамъ, матери. И, прислушиваясь къ этому знакомому съ дѣтства напѣву, къ этимъ шумамъ и стукамъ, весь отдаешься во власть долгаго вечера.

Ходитъ сонъ по сѣнямъ,
А дрема по дверямъ—

поетъ въ душѣ жалобная пѣсня, а вечеръ рѣетъ надъ головою неслышною тѣнью, завораживаетъ сонным звономъ въ лампѣ, похожимъ на замирающее нытье комара, и таинственно дрожитъ и убѣгаетъ на одномъ мѣстѣ темнымъ волнистымъ кругомъ, кинутымъ на потолокъ лампой. Одни часики живутъ своей торопливой жизнью,—все куда-то спѣшатъ и что-то приговариваютъ...

Но вотъ въ сѣнцахъ слышенъ пѣвучій визгъ шаговъ по сухому бархатистому снѣгу. Хлопаютъ двери въ прихожей, и кто-то топаетъ въ полъ валенками. Слышу, какъ чья-то рука шаритъ по двери, ищетъ скобку, а затѣмъ чувствую холодъ и свѣжій запахъ январской мятели, сильный, какъ запахъ разрѣзаннаго арбуза.

— Спите?—спрашиваетъ Ѳедосья осторожнымъ шопотомъ.

— Нѣтъ... А что? Это ты, Ѳедосья?

— Я-съ,—отвѣчаетъ Ѳедосья, мѣняя голосъ на громкій и естественный.—Ай я васъ разбудила?

— Нѣтъ... Ты что?

Вмѣсто отвѣта Ѳедосья оборачивается къ двери,—хорошо ли притворила?—и, улыбнувшись, становится къ печкѣ. Ей просто хотѣлось провѣдать меня. Это небольшая, но плотно сбитая баба въ полушубкѣ; голова у нея закутана шалью

и похожа на сычиную, на полушубкѣ и на шали таетъ снѣгъ.

— Тамъ пыль!—говоритъ она съ удовольствіемъ и, ежась, прижимается къ печкѣ.—Что̀, давно вечеръ-то по часамъ?

— Половина десятаго.

Ѳедосья киваетъ головою и задумывается. За день она передѣлала сотни мелкихъ дѣлъ. Теперь она въ туманѣ отдыха. Глядя на свѣтъ совершенно безсмысленными, удивленными глазами, она съ наслажденіемъ затягивается долгимъ и глубокимъ зѣвкомъ и, зѣвая, бормочетъ:

— Ахъ, Господи, что̀ жъ это зѣвается, куда это дѣвается! Вотъ жалко Митрофана-то! Цѣлый день съ ума не идетъ, а тутъ еще наши: выѣхали, нѣтъ ли? Поѣдутъ—замерзнутъ!

И вдругъ быстро прибавляетъ:

— Постойте,—въ какомъ ухѣ звенитъ?

— Въ правомъ,—отвѣчаю я.—Нынче они не поѣдутъ...

— Вотъ и не угадали! А я было про мужика своего загадала. Боюсь, обморозится...

И, увлеченная думами о вьюгѣ, Ѳедосья начинаетъ:

— Такъ-то на Сороки было, на Сорокъ Мучениковъ. Вотъ, разскажу вамъ, страсть-то была! Вы-то, извѣстное дѣло, не помните, вамъ тогда, небось, пяти годочковъ не было, а я-то явственно помню. Сколько тогда народу померзло, сколько обморозилось—конца-края не было!..

Я не слушаю, я наизусть знаю разсказы о всѣхъ мятеляхъ, которыя помнитъ Ѳедосья. Она говоритъ долго, много разъ поминая о покойникѣ. А я только машинально ловлю ея слова, и они странно переплетаются съ тѣмъ, что̀ я слышу внутри себя. „Не въ томъ царствѣ, не въ томъ государствѣ,—пѣвуче и глухо говоритъ во мнѣ голосъ старика-пастуха, который часто разсказываетъ мнѣ сказки,—не въ томъ царствѣ, не въ томъ государствѣ, а у самомъ у томъ, у какомъ мы живемъ, жилъ, стало-быть, молодой вьюноша...“

Лѣсъ гудитъ, точно вѣтеръ дуетъ въ тысячу эоловыхъ арфъ, заглушенныхъ стѣнами и вьюгой. „Ходитъ сонъ по сѣнямъ, а дрема по дверямъ“, и, намаявшись за день, поѣвши „сосноваго“ хлѣбушка съ болотной водицей, спятъ теперь по Платоновкамъ наши былинные люди, смыслъ жизни и смерти которыхъ Ты, Господи, вѣси!

Вдругъ вѣтеръ со всего размаху хлопаетъ дверью въ стѣну и, какъ огромное стадо птицъ, съ шумомъ и свистомъ проносится по крышѣ.

— Охъ, Господи!—говоритъ Ѳедосья, вздрагивая и хмурясь.—Хоть бы ужъ спать скорѣй въ страсть такую! Ужи-

нать-то будете?—прибавляетъ она, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы взяться за скобку.

— Рано еще...

— А мой сгадъ — нечего третьихъ пѣтуховъ ждать! По-ужинали бы и спали бы, спали себѣ! Ну, видно, пойтить прилечь пока. Назяблась я, грѣшная... И какъ это завтра опять въ погребъ лѣзть, какъ его откапывать—самъ домовой не знаетъ!

Дверь медленно отворяется и затворяется, и я опять остаюсь одинъ... Я уже собираюсь ложиться въ постель, — вдругъ торопливый стукъ въ окно... хлопаютъ двери въ прихожей.

— Идите скорѣй! — говоритъ Ѳедосья, появляясь на порогѣ.—Тамъ голосятъ бабы, такъ голосятъ!..

По головѣ у меня пробѣгаетъ нервный холодъ, какъ отъ ледяной щетки, я спѣшу за Ѳедосьей на крыльцо. Вѣтеръ широко распахиваетъ передъ нами дверь въ сѣнцахъ, съ торжествомъ бьетъ ею въ стѣну и встрѣчаетъ насъ цѣлымъ ураганомъ морознаго снѣга. Гулъ лѣса вырывается изъ шума вьюги, какъ звуки органа изъ церкви.

— Стойте!—говоритъ Ѳедосья.—Слушайте.

И въ то же мгновеніе до слуха долетаетъ несказанно-тоскливый и пронзительный женскій крикъ. Онъ съ такой силой отчаянія взвивается вмѣстѣ съ вихрями снѣга, что у непривычнаго человѣка могутъ волосы стать дыбомъ: это бабы выскочили изъ избы, какъ полагается по обряду, „въ первую полночь“ послѣ смерти родственника и съ крикомъ падаютъ въ сугробы на всѣ четыре стороны. Вѣтеръ рветъ распущенные волосы этихъ древнихъ плакальщицъ и далеко раскидываетъ ихъ крики.

— Охъ, Божья Матушка! — шепчетъ сквозь слезы Ѳедосья.—Какъ хорошо причитаютъ-то!

II.

Въ городѣ некогда думать о покойникахъ. Совсѣмъ иное въ деревнѣ. Зимы наши темны и долги, лѣса пустынны и велики, а деревушки такъ малы подъ ними! Тайное сознаніе этого всѣхъ роднитъ и сближаетъ, и смерть въ деревнѣ—событіе. Она прошла по лѣсамъ чѣмъ-то большимъ и темнымъ, и посѣщеніе ея долго будетъ чувствоваться во всемъ. Лежитъ покойникъ въ избушкѣ подъ стѣною бора, и кажется, что даже сосны стоятъ съ другимъ выраженіемъ надъ нею...

Возвратясь въ комнату, я долго хожу изъ угла въ уголъ. „Въ этотъ день, въ эту мятель умеръ Митрофанъ,—думаю я.—Умеръ... Исчезъ куда-то и ужъ больше никогда не вернется тотъ самый Митрофанъ, который чуть не вчера стоялъ вотъ на этомъ порогѣ, а теперь лежитъ „подъ святыми“ и называется покойникомъ, существомъ иного, намъ чуждаго міра...“

Это былъ высокій и худой, но хорошо сложенный мужикъ, легкій на ходу и стройный, съ небольшой, откинутой назадъ головой и съ бирюзово-сѣрыми, живыми глазами. Зиму и лѣто его длинныя ноги были аккуратно обернуты сѣрыми онучами и обуты въ лапти, зиму и лѣто онъ носилъ коротенькій изорванный полушубокъ. На головѣ у него всегда была самодѣльная заячья шапка шерстью внутрь. И какъ привѣтливо глядѣло изъ-подъ этой шапки его обвѣтренное лицо съ облупившимся носомъ и рѣдкой бородкой! Это былъ Слѣдопытъ, настоящій лѣсной крестьянинъ - охотникъ, въ которомъ все производило цѣльное впечатлѣніе: и фигура, и шапка, и заплатанные на колѣняхъ портки, и запахъ курной избы, и одностволка. Появляясь на порогѣ моей комнаты и вытирая полою полушубка мокрое отъ мятели коричневое лицо, оживленное бирюзовыми глазами, онъ тотчасъ же наполнялъ комнату свѣжестью лѣсного воздуха и принимался разсказывать... И сколько было этихъ разговоровъ въ нашихъ скитаніяхъ подъ монотонный напѣвъ сосенъ!

— А хорошо у насъ,—говорилъ онъ мнѣ часто.—Главное дѣло—лѣсу много. Правда, хлѣбушка, случается, не хватаетъ, али чего прочаго, да вѣдь на Бога жаловаться некуда: есть лѣсъ — въ лѣсу зарабатывай. Мнѣ, можетъ, еще труднѣй другого, у меня однихъ дѣтей сколько, а я все-таки иду да иду! Волка ноги кормятъ. Сколько годовъ я тутъ прожилъ и все не нажился... Я и не помню ничего, что̀ было. Былъ будто одинъ-два дня лѣтомъ, али, скажемъ, весной—и больше ничего. Зимнихъ денъ больше вспоминается, а все тоже похожи другъ на дружку. И ничего не скушно, а хорошо. Идешь по лѣсу — лѣсъ изъ лѣсу выходитъ, синѣетъ, а тамъ проталина, крестъ изъ села виденъ... Придешь, заснешь — глядь, ужъ опять утро и опять пошелъ на работу... была бы шея—хомутъ найдется! Говорятъ—живете вы, молъ, въ лѣсу, пнямъ молитесь, а спроси его, какъ надо жить—не знаетъ. Видно, живи какъ батракъ: исполняй что̀ приказано—и шабашъ.

И Митрофанъ дѣйствительно прожилъ всю свою жизнь такъ, какъ будто былъ въ батракахъ у жизни. Нужно было

пройти всю ея тяжелую лѣсную дорогу—Митрофанъ шелъ безпрекословно... И разладила его путь только болѣзнь, когда пришлось пролежать больше мѣсяца въ темнотѣ избы,—передъ смертью.

— За траву не удержишься!—говорилъ онъ мнѣ, снисходительно улыбаясь, когда я совѣтовалъ ему съѣздить въ больницу.

И кто знаетъ,—не правъ ли былъ онъ?

— Умеръ, погибъ, не выдержалъ,—значитъ, такъ надо!—думаю я. И, рѣшительно надѣвъ шубу и шапку, подхожу къ лампѣ. На мгновеніе шумъ мятели за окномъ смущаетъ меня, но затѣмъ я говорю себѣ: „Вздоръ!“—и дую на свѣтъ.

Въ темныхъ пустыхъ комнатахъ, черезъ которыя я прохожу, мутно сѣрѣютъ окна. Отъ налетающихъ вихрей они то свѣтлѣютъ, то темнѣютъ,—совсѣмъ какъ въ корабельной каютѣ въ качку. Въ прихожей холодно, какъ въ сѣнцахъ, и пахнетъ сырой, промерзлой корой дровъ, заготовленныхъ на топку. Громадная старинная икона Божіей Матери съ мертвымъ Іисусомъ на колѣняхъ чернѣетъ въ углу. И я робко крещусь и спѣшу выйти въ сѣни.

Тамъ повторяется прежнее: вѣтеръ рветъ съ меня шапку и съ головы до ногъ осыпаетъ меня морознымъ снѣгомъ. Но, охъ, какъ хорошо поглубже вздохнуть холоднымъ воздухомъ и почувствовать, какъ легка и тонка стала шуба, насквозь пронизанная вѣтромъ! На мгновеніе я останавливаюсь и дѣлаю усиліе взглянуть... Новый порывъ вѣтра прямо въ лицо перехватываетъ мнѣ дыханіе, и я успѣваю разглядѣть только два-три вихря, промчавшихся по просѣкѣ въ поле. Гулъ лѣса снова вырывается изъ шума вьюги, какъ гулъ органа. Я крѣпко нагибаю голову, погружаюсь почти по поясъ въ сугробъ и долго иду, самъ не зная, куда...

Ни деревни ни лѣса не видно. Но я знаю, что деревня направо и что въ концѣ ея, у плоскаго болотнаго озерка, теперь занесеннаго снѣгомъ,—изба Митрофана. И я иду,—долго, упорно и мучительно,—и вдругъ въ двухъ шагахъ отъ меня вспыхиваетъ сквозь дымъ вьюги огонекъ. Кто-то бросается мнѣ на грудь и чуть не сбиваетъ меня съ ногъ. Наклоняюсь,—собака, которую я подарилъ Митрофану. Она отскакиваетъ при моемъ движеніи съ жалобно-радостнымъ визгомъ назадъ и бросается къ избѣ, точно хочетъ показать, что̀ тамъ дѣлается. А у избы, около окошечка, свѣтлымъ облакомъ кружится снѣжная пыль. Огонекъ освѣщаетъ ее снизу, изъ сугроба. Утопая въ снѣгу, я добираюсь до окна и торопливо заглядываю въ него. Тамъ, внизу, въ слабо освѣ-

щенной избѣ, лежитъ у окна что-то длинное, бѣлое и высокое. Племянникъ Митрофана, Тимошка, стоитъ, наклонившись надъ столомъ, и читаетъ псалтырь. Въ глубинѣ избы, на нарахъ, видны въ полумракѣ фигуры спящихъ бабъ и дѣтей... Жутко имъ ночевать съ покойникомъ!

И поспѣшно, точно совершивъ что-то запретное, подгоняемый вѣтромъ въ спину и ничего не видя, я почти бѣгу домой. А дома я быстро раздѣваюсь и тотчасъ же завертываюсь съ головой въ одѣяло, стараясь ни о чемъ не думать и не слушать глухихъ и шумныхъ голосовъ этой мрачной ночи...

III.

Утро. Выглядываю въ кусочекъ окна, не зарисованный морозомъ, и не узнаю лѣса. Какое великолѣпіе и спокойствіе!

Надъ глубокими, свѣжими и пушистыми снѣгами, завалившими чащи елей,—синее, огромное и удивительно нѣжное небо. Такія яркія, радостныя краски бываютъ у насъ только по утрамъ въ аѳанасьевскіе морозы. И особенно хороши они сегодня, надъ свѣжимъ снѣгомъ и зеленымъ боромъ. Солнце еще за лѣсомъ, просѣка въ голубой тѣни. Въ колеяхъ саннаго слѣда, смѣлымъ и четкимъ полукругомъ прорѣзаннаго отъ дороги къ дому, тѣнь совершенно синяя. А на вершинахъ сосенъ, на ихъ пышныхъ зеленыхъ вѣнцахъ уже играетъ золотистый солнечный свѣтъ. И сосны, какъ хоругви, замерли подъ глубокимъ небомъ.

Пріѣхали братья изъ города. Они привезли съ собой много бодрости морознаго утра. Пока въ прихожей обметали вѣниками валенки, обивали отъ снѣга тяжелые воротники шубъ и вносили покупки въ рогожныхъ кулькахъ, пересыпанныхъ сухой снѣжной пылью, какъ мукою, въ комнатахъ нахолодилось и металлически запахло морознымъ воздухомъ.

— Градусовъ сорокъ будетъ! — съ трудомъ выговариваетъ кучеръ, входя съ новымъ кулькомъ. Лицо у него багровое,— по голосу чувствуется, что оно задеревенѣло отъ морозу, — усы, борода и углы воротника на тулупѣ смерзлись въ ледяныя сосульки...

— Митрофановъ братъ пришелъ,—докладываетъ Ѳедосья, просовывая голову въ дверь:—тесу на гробъ проситъ.

Я выхожу къ Антону, и онъ спокойно разсказываетъ о смерти Митрофана и дѣловито переводитъ разговоръ на тесъ. Равнодушіе это или сила?.. Скрипя сапогами по замерзшему снѣгу на крыльцѣ, мы выходимъ изъ дому и, переговариваясь,

идемъ къ сараю. Воздухъ крѣпко сжатъ утреннимъ морозомъ, голоса наши раздаются какъ-то странно, паръ отъ дыханія вьется при каждомъ словѣ, точно мы куримъ. Тонкій остистый иней садится на рѣсницы.

— Ну, и денекъ Господь послалъ!—говоритъ Антонъ, останавливаясь у сарая, гдѣ уже пригрѣваетъ, и, щурясь отъ солнца, глядитъ на густую зеленую стѣну хвои вдоль просѣки и глубокое ясное небо надъ нею.—Эхъ, кабы и завтра-то такъ же! Ладно бы похоронили!

Потомъ мы отворяемъ скрипучія ворота насквозь промерзшаго сарая. Антонъ долго гремитъ досками и наконецъ взваливаетъ на плечо длинную сосновую тесину. Сильнымъ движеніемъ подкинувъ и поправивъ ее на плечѣ, онъ говоритъ: „Ну, покорнѣйше благодаримъ васъ!“—и осторожно выходитъ изъ сарая. Слѣды лаптей похожи на медвѣжьи, а самъ Антонъ идетъ присѣдая, приноравливаясь къ колебаніямъ доски, и тяжелая зыбкая доска, перегнувшись черезъ его плечо, мѣрно покачивается въ ладъ съ его движеніями. Когда же онъ, утонувъ почти по поясъ въ сугробъ, скрывается за воротами, я слышу замирающій скрипъ его шаговъ. Вотъ такъ тишина! Двѣ галки звонко и радостно сказали что-то другъ другу. Одна изъ нихъ съ разлету опустилась на самую верхнюю вѣточку густо-зеленой, стройной ели, закачалась, едва не потерявъ равновѣсія,—и густо посыпалась и стала медленно опускаться радужная снѣжная пыль. Галка засмѣялась отъ удовольствія, но тотчасъ же смолкла... Солнце поднимается, и все тише становится въ просѣкѣ...

Послѣ обѣда всѣ поочередно ходятъ смотрѣть Митрофана. Деревня тонетъ въ снѣгу. Снѣжныя, бѣлыя избушки кольцомъ расположились вокругъ ровной бѣлой поляны, и на этой ярко сверкающей подъ солнцемъ полянѣ очень уютно и пригрѣваетъ. Домовито пахнетъ дымкомъ, печенымъ хлѣбомъ. Мальчишки возятъ другъ друга на ледяжкахъ, собаки сидятъ на крышахъ избъ... Совсѣмъ дикарская деревушка! Вонъ молодая плечистая баба въ замашной рубахѣ любопытно выглянула изъ сѣнецъ... Вонъ худой, похожій на старичка-карлика, дурачокъ Пашка въ дѣдовской шапкѣ идетъ за водовозкой. Въ обмерзлой кадушкѣ тяжко плескается дымящаяся, темная и вонючая вода, а полозья визжатъ, какъ поросенокъ... Но вотъ и изба Митрофана.

Какая она маленькая, низенькая, и какъ все будничпо вокругъ нея! Лыжи стоятъ у дверей въ сѣнцы. Въ сѣнцахъ дремлетъ и жуетъ жвачку корова. Стѣна избы, выходящая въ сѣнцы, сильно подалась отъ нихъ, и поэтому дверь надо

отворять съ большими усиліями. Она отлипаетъ наконецъ, и въ лицо пахнуло теплымъ избянымъ запахомъ. Въ полумракѣ стоятъ нѣсколько бабъ у печки и, пристально глядя на покойника, шопотомъ переговариваются. А покойникъ подъ коленкоромъ лежитъ въ этой напряженной тишинѣ и слушаетъ, какъ плаксиво и жалостно читаетъ псалтырь Тимошка.

— Совсѣмъ талый! — съ умиленіемъ говоритъ одна изъ бабъ и, приглашая посмотрѣть покойника, осторожно приподнимаетъ коленкоръ.

О, какой важный и серьезный сталъ Митрофанъ! Голова— маленькая, гордая и спокойно-печальная, закрытые глаза глубоко ввалились, большой носъ обрѣзался; большая грудь, приподнятая послѣднимъ вздохомъ, точно закаменѣла, а ниже ея, въ глубокой впадинѣ живота, лежатъ большія восковыя руки. Чистая рубаха красиво оттѣняетъ худобу и желтизну. Баба тихо взяла одну руку,—видно, какъ тяжела эта ледяная рука,—подняла и опять положила. Митрофанъ остался совершенно равнодушенъ и продолжалъ спокойно слушать, что̀ читаетъ Тимошка. Можетъ, онъ знаетъ даже и то, какъ ясенъ и торжествененъ сегодняшній день,—его послѣдній день въ родной деревнѣ?

День этотъ кажется очень дологъ въ мертвой тишинѣ. Солнце медленно проходитъ свой небесный путь, и вотъ красноватый, парчевый лучъ уже скользнулъ въ полутемную избу и косо озарилъ лобъ покойника. Когда же я выхожу изъ избы на улицу, солнце прячется между стволами сосенъ за частый ельникъ, теряя свой блескъ.

Опять я бреду вдоль просѣки. Снѣга на полянѣ и крыши избъ, которыя точно облиты сахаромъ, алѣютъ. Въ просѣкѣ, въ тѣни, чувствуется, какъ рѣзко морозитъ къ ночи. Еще чище и нѣжнѣй стали краски зеленоватаго неба къ сѣверу, еще тоньше рисуется мачтовый сосновый лѣсъ на его фонѣ. А съ востока уже встала большая блѣдная луна. Гаснетъ закатъ, она подымается все выше... Собака, съ которой я хожу вдоль просѣки, забѣгаетъ иногда въ ельникъ и, выскакивая, вся въ снѣгу, изъ его таинственно-свѣтлыхъ и темныхъ дебрей, замираетъ вмѣстѣ съ своей рѣзкой черной тѣнью на ярко озаренной дорогѣ. Мѣсяцъ уже высоко... Въ деревушкѣ — ни звука, робко краснѣетъ огонекъ изъ тихой избы Митрофана... И большая, остро содрогающаяся изумрудомъ звѣзда на сѣверо-востокѣ кажется звѣздою у Божьяго трона, съ высоты котораго Господь незримо присутствуетъ надъ снѣжной лѣсной страной...

IV.

А на слѣдующій день, въ воскресенье, нѣсколько человѣкъ съ воплями и причитаніями провожаютъ гробъ Митрофана по лѣсной дорогѣ къ селу.

Воздухъ попрежнему былъ рѣзокъ и морозенъ, и милліоны мельчайшихъ иглъ и крестиковъ тускло поблескивали на солнцѣ, кружась въ воздухѣ. Боръ и воздухъ слегка затуманивались,—только на горизонтѣ къ югу ясно и зелено было ледяное небо. Снѣгъ пѣлъ и визжалъ подъ санями, когда я бѣжалъ на лыжахъ въ Роставицу и мужики обгоняли меня... Все-таки я пришелъ раньше ихъ и долго мерзъ на паперти, пока наконецъ увидалъ среди бѣлой сельской улицы бѣлые зипуны и бѣлый большой гробъ изъ новаго тесу. Отворили дверь въ церковь, откуда вмѣстѣ съ запахомъ воска тоже пахнуло холодомъ: бѣдная лѣсная церковка промерзла вся насквозь,—весь иконостасъ и всѣ иконы побѣлѣли отъ густого матоваго инея. И когда она наполнилась сдержаннымъ говоромъ, стукомъ шаговъ и паромъ отъ дыханія, когда съ трудомъ опустили тяжелый разлатый гробъ на полъ, торопливымъ, простуженнымъ голосомъ заговорилъ и запѣлъ священникъ. Жидкія синеватыя струйки дыма вились надъ гробомъ, изъ котораго страшно выглядывалъ острый коричневый носъ и лобъ въ вѣнчикѣ. Кадило въ рукахъ священника было почти пусто, дешевый ладанъ, брошенный въ еловые уголья, издавалъ запахъ лучины, а самъ священникъ, повязанный по ушамъ платкомъ, былъ въ большихъ валенкахъ и въ старомъ мужицкомъ полушубкѣ, поверхъ котораго торчала старая риза. Онъ, наперебой съ дьячкомъ, въ полчаса справилъ службу и только „со святыми упокой“ пропѣлъ не спѣша и стараясь придать своему голосу трогательные оттѣнки,—печаль о бренности всего земного и радость за брата, отошедшаго, послѣ земного подвига, въ лоно безконечной жизни, „иде же праведные упокоеваются“. Напутствуемый протяжнымъ пѣніемъ, гробъ съ мерзлымъ покойникомъ вынесли изъ церкви, понесли его по улицѣ и за селомъ, на пригоркѣ, опустили въ неглубокую яму, которую и закидали мерзлой глинистой землей и снѣгомъ. Въ снѣгъ воткнули елочку и, покряхтывая отъ мороза, торопливо разошлись и разъѣхались.

Глубокая тишина царила теперь на лѣсной полянкѣ, по которой торчало изъ сугробовъ нѣсколько низкихъ деревянныхъ крестовъ. Беззвучно кружились въ воздухѣ безчисленныя морозныя остинки, гдѣ-то высоко надъ головой тянулъ сдержанный, глухой и глубокій гулъ: такъ шумитъ подъ вечеръ

въ отдаленіи море, когда оно скрыто за горами. Мачтовыя сосны, высоко поднявшія на своихъ глинисто-красноватыхъ голыхъ стволахъ зеленыя кроны, тѣсной дружиной окружали съ трехъ сторонъ пригорокъ. Подъ нимъ широко синѣла еловыми лѣсами низменность. Длинный земляной бугоръ могилы, пересыпанный снѣгомъ, лежалъ на скатѣ у моихъ ногъ. Онъ казался то совсѣмъ обыкновенной кучей земли, то значительнымъ—думающимъ и чувствующимъ. И глядя на него, я долго силился поймать то неуловимое, что̀ знаетъ только одинъ Богъ,—тайну ненужности и въ то же время значительности всего земного.

— Митрофанъ!—сказалъ я громко, подходя къ могилѣ.

Могила молчала... Чтобы показать себѣ, какъ все это просто, я сталъ на нее, поднимая лыжи. Мысли путались попрежнему, и попрежнему я не понималъ ни себя, ни окружающаго, ни жизни, ни смерти бѣднаго лѣсного Слѣдопыта. И я крѣпко двинулъ ноги подъ гору. Облако холодной снѣжной пыли взвилось мнѣ навстрѣчу, а по могилѣ и по всему дѣвственно-бѣлому, пушистому косогору правильно и красиво прорѣзались два параллельныхъ слѣда. Не удержавшись, я упалъ подъ горой въ густой и необыкновенно зеленый пышный ельникъ, набилъ въ рукава снѣгу, и это отрезвило меня. Задѣвая за ельникъ лыжами, я быстро пошелъ зигзагами между его кустами. Траурныя сороки съ рѣзкимъ стрекотаніемъ, игриво качаясь въ воздухѣ, перелетали надъ ними. Минуты текли за минутами—я все такъ же равномѣрно и ловко совалъ ногами по снѣгу. И уже ни о чемъ не хотѣлось думать. Тонко пахло свѣжимъ снѣгомъ и хвоей, славно было чувствовать себя близкимъ этому снѣгу, лѣсу, зайцамъ, которые любятъ объѣдать молодые побѣги елочекъ... Небо мягко затуманивалось чѣмъ-то бѣлымъ и обѣщало долгую тихую погоду... И только отдаленный, чуть слышный гулъ сосенъ сдержанно и немолчно говорилъ и говорилъ о какой-то вѣчной, величавой жизни.

1901 г.

СКИТЪ.

Были свѣтлыя майскія сумерки, когда я подъѣзжалъ верхомъ къ караулкѣ. Лошадь шла по узкой дорогѣ среди березоваго и дубоваго лѣса, полнаго свѣжей поросли осинокъ и орѣшника, и въ полусумракѣ раздавался трескъ каждаго сухого сучка подъ копытомъ. Въ старомъ заказѣ все было молодо, зелено, соловьи нѣжно и отчетливо выщелкивали по сторонамъ, звонко перекликаясь съ эхо. Уже и солнце давно зашло, и алыя пятна заката слабѣли, сквозя по лѣсу, но не было замѣтно, чтобы лѣсъ готовился ко сну. Горлинки журчали гдѣ-то поблизости, кукушка глухо и настойчиво куковала въ отдаленіи... Въ майскія ночи, когда, какъ говоритъ народъ, „заря зарю встрѣчаетъ“, сонъ слабъ и недологъ, до утра брезжитъ надъ землей полусвѣтъ.

А на полянѣ было и совсѣмъ свѣтло. Въ лощинѣ зеркаломъ стоялъ большой, полный прудъ, лѣсъ окружалъ поляну высокій и живописный, и налѣво рисовался надъ столѣтними березами и дубами блѣдный и прозрачный кругъ мѣсяца. Старикъ-караульщикъ, николаевскій солдатъ, сидѣлъ у пруда на пнѣ и заботливо подбрасывалъ сухіе прутики въ жаркій и проворный костерчикъ, разведенный въ земляной печкѣ подъ котелкомъ. Какъ всегда, онъ былъ „прибранъ на случай смерти“: чистые, хотя и заплатанные портки и рубаха, онучи аккуратно подвязаны оборочками. Онъ сидѣлъ, поставивъ на колѣни руки и положивъ въ ладони голову, смотрѣлъ на огонь, а самъ напѣвалъ тихимъ и тонкимъ, совсѣмъ женскимъ голосомъ.

— Или карасиковъ наловилъ, Мелитонъ?—спросилъ я, соскакивая съ лошади.

Онъ поднялся, вытянулся во весь ростъ и мгновенно принялъ безстрастное выраженіе, стараясь скрыть свою постоян-

ную печаль. Но печаль эта всегда чувствовалась, неловко было смотрѣть въ бирюзовые грустные глаза подъ сдвинутыми бровями и видѣть вмѣстѣ съ этимъ солдатскую подтянутость. Росту Мелитонъ былъ высокаго, фигура у него была худая и костлявая. Густыя сѣрыя брови, усы, сходившіеся на щекахъ со щетинистыми бакенбардами, и пробритый подбородокъ придавали ему суровый видъ; но лысина, эти бирюзовые глаза и чистая крестьянская одежда, свидѣтельствующая о готовности лечь „подъ святые“ когда угодно, говорили о кроткой, отшельнической жизни.

Когда картошки въ чугунчикѣ стали сипѣть, Мелитонъ потыкалъ въ нихъ сухой щепочкой и снялъ чугунчикъ съ огня. Огонь сталъ потухать,—только красная грудка жара свѣтилась въ земляной печкѣ. Возлѣ нея пахло сгорѣвшими дубовыми листьями, а когда старикъ сталъ чистить картошки, запахло такъ вкусно, что я попросилъ и себѣ парочку. И мы молча стали ужинать возлѣ неподвижнаго потемнѣвшаго пруда, въ тишинѣ непогасавшей весенней зари. Закатъ за деревьями направо алѣлъ нѣжно и прозрачно, и казалось, что за лѣсомъ разсвѣтаетъ.

— Мелитонъ, — спросилъ я съ юношеской простодушностью:—правда, тебя сквозь строй прогоняли?

— Правда-съ,—отвѣтилъ онъ просто и кратко.

Онъ ушелъ въ избу, а я долго сидѣлъ одинъ, глядя на свѣтъ зари и на тлѣющіе уголья. Появился онъ изъ сумрака неслышно и принесъ съ собой большой ломоть ржаного хлѣба, ножикъ, сдѣланный изъ старой косы, и горсть соли. Когда онъ клалъ все это на траву, я опять спросилъ:

— А правда, ты умѣешь заговаривать и отворять кровь?

— Когда рука была потверже, отворялъ, — отвѣтилъ онъ, съ трудомъ садясь на пень.

Нервно и ласково виляя хвостомъ, появился и Крутикъ, маленькій, веселый, но отчаянно злой, несмотря на свою ласковость. Онъ тоже сѣлъ возлѣ огня, съ удовольствіемъ зѣвнулъ, облизнулся и сталъ слѣдить глазами за каждымъ движеніемъ Мелитона, чистившаго горячія картошки. Соловьи пѣли попрежнему страстно и отчетливо, съ нѣжной удалью.

— Жена-то у тебя давно померла?—спросилъ я.

— Восьмой годъ-съ. Да вѣдь ихъ у меня двѣ были.

— А дѣти?

— Дѣтей у меня шесть человѣкъ было.

— Живы?

— Нѣтъ-съ, померли.

И опять Мелитонъ замолчалъ, со старческой осторожностью

пережевывая горячую картошку. Я вглядывался въ его лицо, пока онъ сидѣлъ съ опущенными глазами: нѣтъ, никогда не проникнуть мнѣ въ тайну его печальной молчаливости! Онъ кротко и безпомощно взглянулъ на меня,—я отвернулся. Было мнѣ тогда девятнадцать лѣтъ, все умиляло меня: лѣсъ, небо, дубовая караулка, пучки какихъ-то травъ и вѣнички въ сѣнцахъ подъ крышей, между сухой листвой рѣшетника... На ногахъ старика лыковые лапти, на тѣлѣ—чистая замашная рубаха... Какъ хорошо и самому прожить такую же чистую и простую жизнь!

— Для кого онъ собираетъ и вяжетъ эти вѣнички? — думалъ я. Вяжутъ ихъ изъ перекати-поля, и у старосвѣтскихъ помѣщиковъ еще до сихъ поръ чистятъ ими платье. Они очень душисты; въ дѣтствѣ я самъ собиралъ ихъ... Воспоминаніе объ этомъ и какая-то связь между воспоминаніями и Мелитономъ еще болѣе тронули меня, и я сказалъ, подымаясь:

— Совсѣмъ у тебя скитъ, Мелитонъ!

Старикъ улыбнулся.

— Въ скиту часовенки бываютъ-съ,—сказалъ онъ, бросая корки хлѣба Крутику, и залилъ водой изъ чугунчика уголья. Они зашипѣли и померкли. И тотчасъ же стало видно, что въ лѣсу—свѣтлая лунная ночь, что поляна освѣщена сіяющимъ мѣсяцемъ, а чащи почернѣли и отдѣлились отъ нея. И ночь казалась еще прекраснѣе отъ того, что къ сѣверу за лѣсомъ теплилась заря. Крутикъ, какъ только поужиналъ, тотчасъ же принялся за свою ночную работу. Онъ съ звонкимъ лаемъ хлопоталъ то тамъ, то здѣсь за караулкой, и было похоже, что весь лѣсъ полонъ злыми и неугомонными собачонками. Мелитонъ зажегъ лампочку въ избѣ, настилалъ мнѣ на коникѣ сѣна,—окошечки подъ ея старой нахлобученной крышей засіяли, какъ два золотые глаза... Потомъ онъ вынесъ лампочку въ сѣни. Я вошелъ туда, и онъ опять улыбнулся мнѣ.

— А то вотъ-съ на мою коечку ложитесь, — сказалъ онъ, указывая глазами на свою кровать.

Подъ крышей мягко и фантастично переламывались наши большія тѣни. Въ углу, направо отъ входа, было устроено нѣчто въ родѣ койки на высокихъ ножкахъ изъ бревенъ. На ней было постлано сѣно, прикрытое попоной и возвышавшееся къ изголовью.

— Да какой теперь сонъ,—сказалъ я:—скоро ужъ и разсвѣтать станетъ.

— Скоро-съ,—согласился Мелитонъ безстрастно.

И правда, мы только подремали. Въ темной избѣ было прохладно, въ окошечки виднѣлись зеленоватые кусочки лунной ночи. Но что-то не давало мнѣ спать; достаточно было тонкаго напѣва комара, чтобы очнуться. Я слушалъ Крутика, соловьевъ, думалъ о чемъ-то, чего не вспомнишь, какъ всегда въ безсонную ночь... Не спалъ и Мелитонъ. Его донимали блохи.

— Ну, ужъ погоди, окаянный, отучу я тебя спать подъ койкой!—бормоталъ онъ изрѣдка.

Потомъ онъ кашлялъ, вздыхалъ и что-то шепталъ... Наконецъ я услыхалъ его шаги подъ окнами. Я высунулся изъ окна на прохладу ночного воздуха. Мелитонъ меня не замѣчалъ. Онъ сидѣлъ на порогѣ, опустивъ голову, не спѣша растиралъ на ладони листовой табакъ и опять напѣвалъ грустнымъ женскимъ голосомъ.

— Ахъ, Господи-Батюшка!—прошепталъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, покачивая головой и высѣкая огонь. И, закуривъ трубку, оперся на руку и запѣлъ внятнѣе, задушевнѣе...

Слышно было, что разсказывалъ онъ въ пѣснѣ про зеленые сады и напоминалъ кому-то съ добрымъ укоромъ тѣ мѣста, гдѣ „скончалась-распрощалась ахъ да прежняя любовь“... А ночь такъ и сіяла. Мѣсяцъ выбрался на середину неба надъ самымъ прудомъ. Изрѣдка по водѣ что-то струисто поблескивало, точно серебристый ужъ. У противоположнаго берега воды какъ будто не было. Тамъ была свѣтлая бездна въ другое, подземное небо. Вѣковые дубы и березы на томъ берегу казались теперь выше и стройнѣе, чѣмъ днемъ. Таинственно въ росистой и темной чащѣ лѣса ночью! Но еще таинственнѣе былъ тотъ лѣсъ, который, вверхъ корнями, темнѣлъ подъ берегомъ, уходя внизъ вершинами. А налѣво уже занималась утренняя заря; небо тамъ стало стеклянно-зеленое, за опушкой лѣса, далеко въ полѣ, начали свѣжо и отчетливо перекликаться перепела... Я закрылъ глаза... Когда же очнулся, былъ уже день. Прудъ дымился, поляна посѣдѣла отъ холодной крупной росы, зеленый лѣсъ неподвижно стоялъ вокругъ пруда, и зелень его была еще пышнѣе и гуще. Все точно умылось къ утру и ждало его въ спокойной и ясной тишинѣ. А потомъ въ окна потянуло свѣжестью, въ прудѣ заквакали лягушки, и пѣтухъ, сильно и выпукло захлопавъ крыльями, заоралъ въ сѣнцахъ хриплымъ басомъ. Мелитонъ, согнувшись, шелъ отъ пруда съ тяжелымъ, полнымъ ведромъ, изъ котораго плескалась вода, и оставлялъ за собой длинный зеленый слѣдъ по сѣдой полянѣ...

Въ тотъ же день я уѣхалъ на югъ, а потомъ за границу

и совсѣмъ не замѣтилъ, какъ прошла осень. Изрѣдка только вспоминалась мнѣ Россія. И тогда она казалась мнѣ такой глухой, что въ голову приходили Гостомыслъ, древляне, татарщина... Какая темная, сырая осень! Тучи низко идутъ надъ полями и грязными поселками, въ туманномъ отъ мелкаго дождя полѣ одиноко сидитъ грачъ на пашнѣ, а на межахъ вѣтеръ качаетъ бурьянъ. Въ голомъ, рѣдкомъ лѣсу почернѣла отъ дождя стѣна караулки, передъ порогомъ стоитъ лужа, полная гнилыхъ листьевъ. Въ избѣ темно и сыро. А ночью бушуетъ въ лѣсу буря, а ночь длится чуть не двадцать часовъ... Какое нужно терпѣніе, чтобы покорно пережить эту безконечную осень!

Когда я вернулся въ Россію, все было подъ снѣгомъ. Двое сутокъ поѣздъ мчалъ меня по снѣжнымъ равнинамъ и лѣсамъ. Въ Россіи былъ голодъ; но почти весь декабрь стояли хмурые дни, и густой иней нарасталъ подъ сѣрымъ и низкимъ небомъ на деревьяхъ и телеграфныхъ проволокахъ: это предвѣщало урожай. И первое, что̀ сказалъ мнѣ на станціи нашъ кучеръ, было слово „иней“.

Отъ инея посѣрѣли и стали кудрявыми шапки, бороды, лошади и тяжелая, холодная волчья полсть въ саняхъ. Въ сумеркахъ сливались небо, воздухъ и глубокіе снѣга, завалившѐе весь дворъ станціи. Я сѣлъ въ бѣгунки одинъ, послалъ впередъ троечныя сани съ вещами, приказалъ ѣхать веселѣе. Кучеръ, стоя въ саняхъ, перевалился черезъ высокій сугробъ на выѣздъ въ поле и шибко погналъ по глубокой снѣжной дорогѣ. Я отсталъ.

Морозило; иней на межахъ насѣдалъ на бурьяны такъ густо, что они, какъ огромные серебряные папоротники, лежали, пригнувшись къ землѣ. Потомъ уже ничего нельзя было разглядѣть въ сѣдой мглѣ ночи. Чувствуешь только запахъ снѣга и слышишь какой-то шопотъ: это шуршатъ полозья. И поминутно теряется представленіе о томъ, куда ѣдешь.

Но вотъ во мглѣ на горизонтѣ стало свѣтлѣть. Пробиваясь сквозь нее малиновымъ шаромъ, сталъ подыматься большой мѣсяцъ, еще мутный, перерѣзанный пополамъ лиловатой длинной тучкой. Подымаясь, онъ оставивъ тучку ниже себя, а самъ становился все золотистѣе и прозрачнѣй, и отъ лошади и саней обозначались тѣни. Когда же я подъѣхалъ къ заказу, въѣхалъ въ сумракъ, лежавшій отъ него по полю и испещренный узорами свѣта, — вся снѣжная даль направо была озарена ярко и сіяла.

А въ лѣсу было сказочное мертвое царство. Деревья въ пушистомъ иней казались огромными; они низко опу-

стили свои тяжелыя, кудрявыя вершины, и мѣсяцъ серебрилъ ихъ. Порою, на снѣжной полянѣ, онъ смотрѣлъ прямо на меня, порою я въѣзжалъ въ сумракъ, и мѣсяцъ таинственно сквозилъ за снѣжными деревьями... Но вотъ красновато-золотистой звѣздой засвѣтился огонекъ въ караулкѣ, и по всему чуткому, морозному лѣсу пошелъ звонкій, разбѣгающійся по чащамъ лай Крутика.

У дубка передъ караулкой я привязалъ лошадь. Съ дубка бенгальскимъ огнемъ сыпались искры снѣга, а Крутикъ извивался у меня подъ ногами. Я постоялъ и послушалъ глубокую тишину лѣса, осторожно подошелъ къ завалинкѣ и заглянулъ въ верхній кусочекъ полузамерзшаго окна... И глухая, отшельническая жизнь старика снова поразила меня своей мужицкой, древне-русской суровостью. Въ глубинѣ слабо освѣщенной, закопченной избы онъ стоялъ передъ иконой и, закрывая глаза, кланялся ей въ поясъ, точно сокрушаемый великими грѣхами. Должно-быть, онъ только-что выкупался,— конечно, въ ледяныхъ сѣнцахъ, гдѣ рѣшетникъ въ инеѣ сверкалъ при лампочкѣ своей серебряной бахромою. Рѣдкіе волосы его были мокры и причесаны, подбородокъ чисто пробритъ, длинная бѣлая рубаха аккуратно подпоясана. И когда онъ закидывалъ назадъ голову и долго стоялъ такъ съ закативпимися подъ лобъ глазами, я видѣлъ на его лицѣ такую старческую скорбь, такую восторженно-грустную готовность принять желанную смерть!

Говорилъ онъ опять мало, хотя былъ ласковъ. Въ избѣ было тепло и сыро, какъ въ банѣ; я скинулъ шубу и сидѣлъ на лавкѣ у столика. А старикъ стоялъ передо мною, отвѣчалъ не спѣша и все прикрывалъ глаза. Наконецъ, уже собираясь уѣзжать, я какъ будто мимоходомъ спросилъ:

— Мелитонъ, отчего ты такой скучный?

Онъ удивился.

— Я-съ?—спросилъ онъ растерянно.—Я ничего-съ... Извѣстно, старость.

— Или горе у тебя какое?—сказалъ я, глядя ему въ глаза.

— Избави Богъ-съ! — сказалъ онъ поспѣшно. — Я караулю-съ...

— Да нѣтъ, я не про то,—сказалъ я, смутившись.—Я такъ спросилъ...

Онъ понялъ, успокоился и нѣжно улыбнулся, прикрывая глаза.

— А я думалъ обида какая-съ, — сказалъ онъ ласково.— А что я невеселый, такъ какое же веселье? И грѣховъ много-съ...

— Какіе же у тебя грѣхи, Мелитонъ!

— Грѣхи-съ у всякаго есть,—сказалъ онъ со вздохомъ, кротко и серьезно. — На то и живемъ-съ, чтобы за грѣхи каяться.

— Да ты и то какъ святой живешь. Ты вонъ постишься цѣлый вѣкъ...

Онъ опять удивился и даже слегка нахмурился.

— Ѣмъ-съ, какъ всѣ,—сказалъ онъ скороговоркой. — Живутъ хуже моего-съ, всѣ такъ живутъ...

— Ну, прощай!—сказалъ я, надѣвая шубу и отворяя дверь на морозный воздухъ лунной ночи.

Морозило крѣпко, и Большая Медвѣдица, какъ брильянтовая, висѣла по небу надъ снѣжной поляной. Мелитонъ безъ шапки и въ одной рубахѣ стоялъ на порогѣ.

— Прощай, Мелитонъ!—сказалъ я, садясь въ сани.—Иди въ избу, простудишься!

— Ничего-съ,—смиренно отвѣтилъ Мелитонъ.—Счастливой дороги-съ!

Лошадь въ свѣтломъ полѣ бѣжала шибко и бодро, полозья пѣли и визжали по затвердѣвшему снѣгу, вѣтеръ съ сѣвера слегка обжигалъ лицо, сковывая усы и рѣсницы. Я отвертывался отъ него, прикрываясь пахучимъ на морозѣ енотовымъ воротникомъ...

1901 г.

ТУМАНЪ.

Вторыя сутки мы были въ морѣ. На разсвѣтѣ первой ночи мы встрѣтили густой туманъ, который закрылъ горизонты, задымилъ мачты и медленно возросталъ вокругъ насъ, сливаясь съ сѣрымъ моремъ и сѣрымъ небомъ. Была зима, но всѣ послѣдніе дни стояла оттепель. На Кавказскихъ горахъ таяли снѣга, а море дышало обильными предвесенними испареніями. И вотъ раннимъ сумрачнымъ утромъ машина внезапно затихла, а пассажиры, разбуженные этой неожиданной остановкой, гремучими свистками и топотомъ ногъ по палубѣ, полусонные, озябшіе и встревоженные, одинъ за другимъ стали появляться у рубки. Шелъ безпорядочный говоръ, а сѣрыя космы тумана, какъ живыя, медленно ползли по пароходу.

Помню, что вначалѣ это сильно безпокоило. Колоколъ почти непрерывно звонилъ на бакѣ, изъ трубы съ тяжкимъ хрипомъ вырывался угрожающій ревъ; и всѣ тупо смотрѣли на растущій туманъ. Онъ вытягивался, изгибался, плылъ дымомъ и порою такъ густо окутывалъ пароходъ, что мы казались другъ другу призраками, двигающимися во мглѣ. Похоже было на хмурыя осеннія сумерки, когда непріятно дрогнешь отъ сырости и чувствуешь, какъ зеленѣетъ лицо. Потомъ туманъ сдѣлался немного свѣтлѣй, ровнѣй и, значитъ, безнадежнѣе. Пароходъ снова шелъ, но такъ робко, что дрожь отъ работающей машины была почти беззвучна. Не переставая звонить, онъ направлялся теперь все дальше отъ береговъ, къ югу, гдѣ непроницаемая густота тумана наливалась уже настоящими сумерками, — тоскливой аспидной мутью, за которой въ двухъ шагахъ чудился конецъ свѣта, жуткая пустыня пространства. Съ рей, съ навѣсовъ и снастей капала вода. Мокрая угольная пыль, летѣвшая изъ трубы,

чернымъ дождемъ сыпалась возлѣ нея. Хотѣлось хоть что-нибудь разсмотрѣть въ ненастной дали, но туманъ окутывалъ, какъ сонъ, притуплялъ слухъ и зрѣніе; пароходъ былъ похожъ на воздушный корабль, передъ глазами была сѣрая муть, на рѣсницахъ—холодная паутина, и матросъ, который курилъ невдалекѣ отъ меня, обсасывая мокрые соленые усы, казался мнѣ порою такимъ, точно я видѣлъ его во снѣ... Въ шесть часовъ мы снова стали.

Вспыхнуло сквозь туманъ живымъ глазкомъ электричество въ фонарѣ на мачтѣ, черными клубами величаво повалилъ дымъ изъ жерла тяжелой и приземистой трубы и повисъ въ воздухѣ. Колоколъ безъ смысла и однообразно звонилъ на носу, гдѣ-то мрачнымъ и тоскливымъ голосомъ простонала „сирена“... можетъ-быть, и не существующая, а созданная напряженнымъ слухомъ, которому всегда чудится что-нибудь въ таинственной безбрежности тумана... Туманъ темнѣлъ все угрюмѣе. Вверху онъ сливался съ сумракомъ неба, внизу бродилъ вокругъ парохода, едва касаясь воды, которая слабо плескалась въ пароходные бока. Наступала долгая зимняя ночь.

Тогда, чтобы вознаградить себя за тоскливый день, истомившій всѣхъ ожиданіями бѣды, пассажиры сбились вмѣстѣ съ моряками въ каютъ-компаніи. Вокругъ парохода была уже непроглядная тьма, а внутри его, въ нашемъ маленькомъ міркѣ, было свѣтло, шумно и людно. Играли въ карты, пили чай, вина, лакеи бѣгали изъ буфета въ буфетъ, хлопая пробками. Я лежалъ внизу, въ своемъ помѣщеніи, слушалъ топотъ ногъ, раздававшійся надъ головою. Кто-то заигралъ манерно-печальный модный вальсъ на піанино, и мнѣ захотѣлось на люди. Я одѣлся и вышелъ.

Должно-быть, всѣмъ было весело въ тотъ вечеръ. По крайней мѣрѣ казалось такъ, и было пріятно, что вечеръ прошелъ незамѣтно. Всѣ забыли про туманъ и опасности, танцовали, пѣли, ходили съ сіяющими глазами. Потомъ устали и захотѣли спать... И большая, душная и жаркая каютъ-компанія, въ которой уже болѣзненно-ярко блестѣли огни, наконецъ опустѣла. А когда я заглянулъ туда черезъ полчаса, то тамъ былъ уже полный мракъ, какъ почти и всюду на пароходѣ. Сверху доносился иногда звонъ колокола и былъ очень странень въ наступившей тишинѣ. Потомъ и онъ сталъ слышенъ все рѣже и рѣже... И все точно вымерло.

Я прошелся внизу, по коридорамъ, посидѣлъ въ рубкѣ, прислонясь къ холодной мраморной стѣнѣ... Вдругъ и въ ней погасло электричество, а я сразу точно ослѣпъ. Вну-

тренно напѣвая то, что пѣли и играли въ этотъ вечеръ, я ощупью добрался до трапа, поднялся на нѣсколько ступеней къ верхней палубѣ—и остановился, пораженный красотою и печалью лунной ночи.

О, какая странная была эта ночь! Былъ уже очень поздній,—можетъ-быть, предразсвѣтный часъ. Пока мы пѣли, пили, говорили другъ другу вздоръ и смѣялись, здѣсь, въ этомъ чуждомъ намъ мірѣ неба, тумана и моря, взошла кроткая, одинокая и всегда печальная луна, и воцарилась глубокая полночь... совершенно такая же, какъ пять, десять тысячъ лѣтъ тому назадъ... Туманъ тѣсно стоялъ вокругъ, и было жутко глядѣть въ него. Среди тумана, озаряя круглую прогалину для парохода, вставало нѣчто подобное свѣтлому мистическому видѣнію: желтый мѣсяцъ поздней ночи, опускаясь на югъ, замеръ на блѣдной завѣсѣ мглы и, какъ живой, глядѣлъ изъ огромнаго, широко-раскинутаго кольца. И что-то апокалиптическое было въ этомъ кругѣ... что-то неземное, полное молчаливой тайны, стояло въ гробовой тишинѣ,—во всей этой ночи, въ пароходѣ и въ мѣсяцѣ, который удивительно близокъ былъ на этотъ разъ къ землѣ и прямо смотрѣлъ мнѣ въ лицо съ грустнымъ и безстрастнымъ выраженіемъ.

Медленно поднялся я на послѣднія ступеньки трапа и прислонился къ его периламъ. Подо мной былъ весь пароходъ. По выпуклымъ деревяннымъ мосткамъ и палубамъ тускло блестѣли кое-гдѣ продольныя полоски воды,—слѣды тумана. Отъ перилъ, канатовъ и скамеекъ, какъ паутина, падали легкія дымчатыя тѣни. Въ срединѣ парохода, въ трубѣ и машинѣ, чувствовалась колоссальная и надежная тяжесть, въ мачтахъ—высота и зыбкость. Но весь пароходъ все-таки представлялся легко и стройно выросшимъ кораблемъ-привидѣніемъ, оцѣпенѣвшимъ на этой блѣдно-освѣщенной прогалинѣ среди тумана. Вода низко и плоско лежала передъ правымъ бортомъ. Таинственно и совершенно беззвучно колеблясь, она уходила въ легкую дымку подъ мѣсяцъ и поблескивала въ ней, словно тамъ появлялись и исчезали золотыя змѣйки. Блескъ этотъ терялся въ двадцати шагахъ отъ меня,—дальше онъ мерцалъ уже чуть видно, какъ мертвый глазъ. А когда я смотрѣлъ кверху, мнѣ опять чудилось, что этотъ мѣсяцъ—блѣдный образъ какого-то мистическаго видѣнія, что эта тишина—тайна, часть того, что за предѣлами познаваемаго...

Внезапно зазвонили на бакѣ въ колоколъ. Звуки уныло побѣжали одинъ за другимъ, нарушая молчаніе ночи, и тот-

часъ же послышался гдѣ-то впереди смутный шумъ и ропотъ. Мгновенно предчувствіе опасности заставило меня впиться глазами въ сумрачный туманъ, и вдругъ кровавый сигнальный огонь, похожій на крупный рубинъ, выросъ изъ тумана и сталъ быстро приближаться къ намъ. Подъ нимъ мутно-золотыми пятнами расплывались и шли длинной цѣпью освѣщенныя окна, а въ шумѣ колесъ, который былъ похожъ сперва на приближающійся шумъ каскада, уже выдѣлялись звуки быстро вертящихся лопастей, и можно было различить, какъ шипитъ и сыплется вода. Вахтенный на нашемъ пароходѣ съ поспѣшностью очнувшагося отъ сна человѣка машинально и нескладно забилъ въ колоколъ, а затѣмъ тяжко захрипѣла труба, и изъ нея съ трудомъ пробился широкій и мрачный гулъ, потрясающій весь остовъ парохода. Изъ тумана раздался тогда отвѣтный голосъ, похожій на гулкій крикъ паровоза, но онъ быстро затерялся въ туманѣ, а за нимъ медленно сталъ таять и шумъ колесъ, и красный сигнальный огонь. Въ этомъ крикѣ и шумѣ чувствовалось что-то задорное и суетное,—вѣрно, и капитанъ встрѣчнаго парохода былъ молодъ и дерзокъ, — но что̀ значила эта суетная смѣлость передъ лицомъ такой ночи!

„Гдѣ мы?“—пришло мнѣ въ голову. Вахтенные, вѣроятно, уже снова дремлютъ, пассажиры спятъ непробуднымъ сномъ,—туманъ сбилъ меня съ толку... Я не представляю себѣ, гдѣ мы, потому что въ этихъ мѣстахъ на Черномъ морѣ я никогда не бывалъ... Я не понимаю молчаливыхъ тайнъ этой ночи, какъ и вообще ничего не понимаю въ жизни. Я совершенно одинокъ, я не знаю, зачѣмъ я существую. И зачѣмъ эта странная ночь, и зачѣмъ стоитъ этотъ сонный корабль въ сонномъ морѣ? А главное—зачѣмъ все это не просто, а полно какого-то глубокаго и таинственнаго значенія?

Околдованный тишиной ночи, тишиной, подобной которой никогда не бываетъ на землѣ, я отдавался въ ея полную власть. На мгновеніе мнѣ почудилось, что въ невыразимой дали гдѣ-то прокричалъ пѣтухъ... Я усмѣхнулся. „Этого не можетъ быть“—подумалъ я съ какой-то странной радостью; и все, чѣмъ я жилъ когда-то, показалось мнѣ такимъ маленькимъ и жалкимъ! Если бы въ этотъ часъ выплыла на мѣсяцъ наяда, — я не удивился бы... Не удивился бы, если бы утопленница вышла изъ воды и, блѣдная отъ мѣсяца, сѣла въ лодку, спущенную около оконъ пассажирскихъ каютъ... Теперь мѣсяцъ смотритъ прямо въ эти круглыя окошечки и озаряетъ угасающимъ свѣтомъ спящихъ, а они лежатъ, какъ мертвые... Не разбудить ли кого-нибудь? Но нѣтъ,—зачѣмъ?

Мнѣ никто не нуженъ теперь, и я никому не нуженъ, и всѣ мы чужды другъ другу...

И невыразимое спокойствіе великой и безнадежной печали овладѣло мною. Думалъ я о томъ, что̀ всегда влекло меня къ себѣ,—о всѣхъ жившихъ на этой землѣ, о людяхъ древности, которыхъ всѣхъ видѣлъ этотъ мѣсяцъ и которые, вѣрно, казались ему всегда настолько маленькими и похожими другъ на друга, что онъ даже не замѣчалъ ихъ исчезновенія съ земли. Но теперь и они были чужды мнѣ: я не испытывалъ моего постояннаго и страстнаго стремленія пережить всѣ ихъ жизни, — слиться со всѣми, которые когда-то жили, любили, страдали, радовались и прошли и безслѣдно скрылись во тьмѣ временъ и вѣковъ. Одно я зналъ безъ всякихъ колебаній и сомнѣній,—это то, что есть что-то высшее даже по сравненію съ глубочайшею земною древностью... можетъ-быть, та тайна, которая молчаливо хранилась въ этой ночи... И впервые мнѣ пришло въ голову, что, можетъ-быть, именно то великое, что̀ обыкновенно называютъ смертью, загляпуло мнѣ въ эту ночь въ лицо, и что я впервые встрѣтилъ ее спокойно и понялъ такъ, какъ должно человѣку...

Утромъ, когда я открылъ глаза и почувствовалъ, что пароходъ идетъ полнымъ ходомъ, и что въ открытый люкъ тянетъ теплый, легкій вѣтерокъ съ прибрежій, я вскочилъ съ койки, снова полный безсознательной радости жизни. Я быстро умылся и одѣлся и, такъ какъ по коридорамъ парохода громко звонили, созывая къ завтраку, распахнулъ дверь каюты и, весело стуча ярко-вычищенными сапогами по трапу, побѣжалъ наверхъ. Улыбаясь, я сидѣлъ потомъ на верхней палубѣ и чувствовалъ къ кому-то дѣтскую благодарность за все, что̀ должны переживать мы. И ночь и туманъ, казалось мнѣ, были только затѣмъ, чтобы я еще болѣе любилъ и цѣнилъ утро. А утро было ласковое и солнечное, — ясное бирюзовое небо весны сіяло надъ пароходомъ, и вода легко бѣжала и плескалась вдоль его бортовъ.

1901 г.

КОСТЕРЪ.

У поворота съ большой дороги, у высокаго столба, указывающаго путь на проселокъ, горѣлъ въ темнотѣ костеръ. Я ѣхалъ въ тарантасѣ тройкой, слушалъ звонъ поддужнаго колокольчика и вдыхалъ свѣжесть степной ночи. Костеръ разгорался ярко и, чѣмъ ближе я подъѣзжалъ къ нему, тѣмъ все рѣзче отдѣлялось пламя отъ нависшаго надъ нимъ мрака. А вскорѣ стало можно различить и самый столбъ, озаренный изъ-подъ низу, и черныя фигуры людей, сидѣвшихъ на землѣ. Казалось, что они, точно заговорщики, проводятъ ночь въ какомъ-то хмуромъ подземельѣ, и что темные своды этого подземелья дрожатъ отъ переплетающихся языковъ пламени.

Когда его отблескъ коснулся головъ тройки, люди, сидѣвшіе у костра, повернулись и стали вслушиваться. Позы у нихъ были внимательныя, лица красныя. Собака вдругъ вырѣзалась на огненномъ фонѣ и залаяла. Тревожно, не спуская съ насъ взгляда, поднялся съ земли одинъ изъ сидѣвшихъ. Въ низкомъ пространствѣ, озаренномъ костромъ, фигура его была огромна.

— Гирла-а! — гортанно и глухо крикнулъ онъ на собаку.

Отчего такъ тянетъ ночью къ костру, къ людямъ, ночующимъ въ степи у дороги? Когда долго ѣдешь проселкомъ, видишь только звѣздное небо и сумракъ надъ сливающимися равнинами, грусть одиночества томитъ, и волнуетъ каждый огонекъ вдали. Остановивъ лошадей, я поклонился и попросилъ спичекъ:

— Добрый вечеръ! Нельзя ли закурить у васъ?

За лаемъ собаки, человѣкъ, который выжидательно всталъ передо мною, крѣпкій, широкогрудый старикъ въ бараньей шапкѣ и накинутомъ на плечи кожухѣ, не разслышалъ меня и злобно топнулъ ногою.

— Атъ, каторжна!—крикнулъ онъ на овчарку и, не спуская съ меня подозрительнаго взгляда, громко прибавилъ гортаннымъ, цыганскимъ говоромъ:—Добрый вичеръ пану! А що милости его завгодно будэ?

Ноздри у него были вырѣзаны рѣзко, борода доходила до самыхъ глазъ. И въ этихъ черныхъ расширенныхъ глазахъ, въ черныхъ жесткихъ волосахъ, густо вьющихся изъ-подъ шапки, въ жесткой, кудрявой бородѣ—во всемъ чувствовалась дикость и внимательность степного человѣка, у котораго совѣсть не спокойна.

— Да вотъ, закурить нечѣмъ, — повторилъ я притворно-просто.—Дайте, пожалуйста, пару спичекъ.

— А хиба жъ есть спички у цыганъ?—спросилъ старикъ и обернулся къ двумъ другимъ, сидѣвшимъ у костра, которые тоже осматривали и лошадей и тарантасъ.—Може, панъ, отъ костра запалить?

Старикъ отошелъ къ костру, наклонился и спокойно кинулъ на ладонь руки раскаленный уголь. Я поспѣшилъ приставить къ нему папиросу и кинулъ два-три быстрыхъ взгляда на маленькій таборъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ былъ рыжій оборванный мужикъ, повидимому, бродяга-рабочій съ низовъ, другой — молодой цыганъ изъ тѣхъ, которые часто встрѣчаются на большихъ южныхъ ярмаркахъ. Онъ сидѣлъ, горделиво откинувъ голову назадъ, и, охвативъ руками поднятыя худыя колѣни, искоса смотрѣлъ на меня. Синевато-смуглое лицо его было изящно, какъ у восточнаго принца, фигура—высока и стройна, какъ у бедуина. Бѣлки глазъ странно выдѣлялись на этомъ лицѣ—и глаза казались изумленными. И одѣтъ онъ былъ щеголемъ: тонкіе сапоги, новый картузъ, городской пиджакъ, шелковая лиловая рубаха и длинная серебряная цѣпочка на шеѣ.

— Може, панъ блукае? — спросилъ старикъ, кидая уголь въ костеръ.

— Нѣтъ,—пробормоталъ я и еще разъ глянулъ за костеръ, который слѣпилъ меня своимъ яркимъ мерцаніемъ. И тогда изъ темноты выдѣлились сѣрыя полы большого разлатаго шатра, брошенная дуга и оглобли телѣги, а возлѣ нихъ—самоваръ, горшки и большая перина, на которой лежала толстая цыганка въ лохмотьяхъ, кормившая грудью полуголаго ребенка. Надо всѣмъ же этимъ стояла дѣвушка лѣтъ пятнадцати и пристально смотрѣла на меня меланхолично-призывными глазами необыкновенной красоты. Она выдѣлилась изъ сумрака внезапно — и я увидалъ грубые смоляные волосы, страстную нѣжность глазъ, губъ и всего древне-египетскаго

овала лица, однимъ взглядомъ охватилъ всѣ формы стройнаго дѣвичьяго тѣла подъ лиловымъ тонкимъ платьемъ, изъ котораго она выросла. Но столько было вопросительнаго ожиданія во всѣхъ лицахъ, а въ глазахъ бродяги столько дерзости, что я смутился и тронулъ за рукавъ кучера.

— Може, проводить пана?—повторилъ старикъ живо.

— Нѣтъ, спасибо, — поспѣшилъ я отвѣтить и, еще разъ жадно взглянувъ за костеръ, откинулся въ задокъ тарантаса.—Пошелъ!

Лошади тронули, копыта дружно застучали, а колокольчикъ такъ и залился жалобнымъ стономъ, перебивая лай бросившейся за нами собаки. Я едва успѣлъ кивнуть головой табору...

Не было больше тепла и запаха горящаго бурьяна, въ лицо вѣяло свѣжестью ночи, и опять, темнѣя въ сумракѣ, бѣжали навстрѣчу мнѣ поля. Черная дуга высоко вырѣзывалась на небѣ и, качаясь, задѣвала звѣзды. Но еще ярче, чѣмъ у костра, видѣлъ я теперь черные волосы, чѣжнострастные глаза и старое серебряное монисто на шеѣ... И въ запахѣ росистыхъ травъ и одинокомъ звонѣ колокольчика, въ звѣздахъ и въ небѣ было уже новое чувство, — томящее, непонятное и отъ этого еще болѣе сладостное. И казалось, что я поступилъ непоправимо, безразсудно, покинувъ что-то близкое, созданное именно для меня и только по какой-то роковой случайности уходящее отъ меня все дальше и дальше...

1901 г.

ВЪ АВГУСТѢ.

Уѣхала дѣвушка, которую я любилъ, которой я ничего не сказалъ о своей любви, и такъ какъ мнѣ шелъ тогда двадцать второй годъ, то казалось, что я остался одинъ во всемъ свѣтѣ. Былъ конецъ августа; въ малорусскомъ городѣ, гдѣ я жилъ, стояло знойное затишье. И когда однажды въ субботу я вышелъ послѣ работы отъ бондаря, на улицахъ было такъ пусто, что, не заходя домой, я побрелъ куда глаза глядятъ за городъ. Шелъ я по тротуарамъ мимо закрытыхъ еврейскихъ магазиновъ и старыхъ торговыхъ рядовъ; въ соборѣ звонили къ вечернѣ, отъ домовъ ложились длинныя тѣни, но было еще такъ жарко, какъ бываетъ въ южныхъ городахъ въ концѣ августа, когда даже въ садахъ, жарившихся на солнцѣ цѣлое лѣто, все покрыто пылью. Мнѣ было тоскливо, несказанно тоскливо, а вокругъ меня все замирало отъ полноты счастія,—въ садахъ, въ степи, на баштанахъ и даже въ самомъ воздухѣ и густомъ солнечномъ блескѣ.

На пыльной площади, у водопровода стояла красивая большая хохлушка въ расшитой бѣлой сорочкѣ и черной плахтѣ, плотно обтягивавшей ей бедра, въ башмакахъ съ подковками на босую ногу. Было въ ней что-то общее съ Венерой Милосской, если только можно вообразить себѣ Венеру загорѣлой, съ карими веселыми глазами и съ такой ясностью чела, которая бываетъ, кажется, только у хохлушекъ и полекъ. Наполнивъ ведра, она положила коромысло на плечо и пошла прямо навстрѣчу мнѣ, — стройная, несмотря на тяжесть плескавшейся воды, слегка покачивая станомъ и постукивая башмаками по деревянному тротуару... И помню, какъ почтительно я посторонился, давая ей дорогу, и какъ долго смотрѣлъ за нею! А въ улицу, которая шла съ площади подъ гору, на Подолъ, видна была огромная, мягко-синѣющая

долина рѣки, луга, лѣса, смуглые золотистые пески за ними и даль, нѣжная южная даль...

Кажется, никогда не любилъ я такъ Малороссію, какъ въ ту пору, никогда не хотѣлъ такъ жить, какъ въ ту осень, а между тѣмъ толковалъ я тогда только о борьбѣ съ жизнью, учился только бондарному ремеслу. И теперь, постоявъ на площади, я рѣшилъ отправиться въ гости къ толстовцамъ, за городъ. Спускаясь подъ гору на Подолъ, я встрѣтилъ много парныхъ извозчиковъ, которые шибко везли пассажировъ съ пятичасового поѣзда изъ Крыма. Огромныя ломовыя лошади медленно тащили въ гору гремящія телѣги съ ящиками и тюками, и запахъ москательныхъ товаровъ, ванили и рогожи, извозчики, пыль и люди, которые ѣхали откуда-то, гдѣ должно быть хорошо,—все опять заставило мое сердце сжаться отъ какихъ-то мучительно-тоскливыхъ и сладкихъ стремленій. Я свернулъ въ тѣсный переулочекъ между садами и долго шелъ по предмѣстью. „Панычи“ этого предмѣстья, мастеровые и мѣщане, дико и чудесно „гукали“ въ лѣтнія ночи по долинѣ да пѣли хорами на церковный ладъ красивыя и печальныя казацкія пѣсни. Теперь „панычи“ молотили. На окраинѣ, тамъ, гдѣ голубыя и бѣлыя мазанки стояли уже на левадѣ, при началѣ долины, мелькали на токахъ цѣпы. Но въ затишьѣ долины было жарко такъ же, какъ въ городѣ, и я поспѣшилъ взобраться на гору, въ открытую, ровную степь.

Тихо, покойно и просторно было тамъ. Вся степь, насколько хваталъ глазъ, была золотая отъ густого и высокаго жнивья. На широкомъ, безконечномъ шляхѣ лежала глубокая пыль: казалось, что идешь въ бархатныхъ башмакахъ. И все вокругъ,—и жнивья, и дорога, и воздухъ,—сіяло отъ низкаго вечерняго солнца. Прошелъ черный отъ загара, пожилой хохолъ въ тяжелыхъ сапогахъ, въ бараньей шапкѣ и толстой свиткѣ цвѣта ржаного хлѣба, и палка, которой онъ попирался, блестѣла на солнцѣ, какъ стеклянная. Крылья грачей, перелетавшихъ надъ жнивьями, тоже блестѣли и лоснились, и нужно было закрываться полями жаркой шляпы отъ этого блеска и зноя. Далеко, почти на горизонтѣ, можно было различить телѣгу и пару воловъ, которые медленно влекли ее, да шалашъ сторожа на бахчахъ... Ахъ, славно было среди этой тишины и простора! Но всю душу мою тянуло къ югу, за долину, въ ту сторону, куда уѣхала она...

Въ полуверстѣ отъ дороги, надъ долиной краснѣла черепичная кровля маленькаго хутора, — помѣстье толстовцевъ,

братьевъ Павла и Виктора Тимченковъ. И я пошелъ туда по сухому, колкому жнивью. Вокругъ хаты было пусто. Я заглянулъ въ окошечко—тамъ гудѣли однѣ мухи, гудѣли цѣлыми роями: на стеклахъ, подъ потолкомъ, въ горшкахъ, стоявшихъ на лавкахъ. Къ хатѣ былъ пристроенъ скотникъ; и тамъ не оказалось никого. Ворота были открыты, и солнце сушило дворъ, заваленный навозомъ...

— Вы куда? — внезапно окликнулъ меня женскій голосъ.

Я обернулся: на обрывѣ надъ долиной, на межѣ бахчи сидѣла жена старшаго Тимченки, Ольга Семеновна. Не вставая, она подала мнѣ руку, и я сѣлъ съ ней рядомъ.

— Скучно? — спросилъ я, помолчавъ и глядя ей прямо въ лицо.

Она опустила глаза на свои босыя ноги. Маленькая, загорѣлая, въ грязной рубахѣ и старенькой плахтѣ, она была похожа на дѣвочку, которую послали стеречь баштаны и которая грустно проводила долгій солнечный день. И лицомъ она была похожа на дѣвочку-подростка изъ русскаго села. Однако, я никакъ не могъ привыкнуть къ ея одеждѣ, къ тому, что она босыми ногами ходитъ по навозу и колкому жнивью, даже стыдился смотрѣть на эти ноги. Да она и сама все поджимала ихъ и часто искоса поглядывала на свои испорченные ногти. А ноги были маленькія и красивыя.

— Мужъ ушелъ на леваду молотить, — сказала она: — а Викторъ Николаичъ уѣхалъ... Павловскаго опять арестовали за отказъ отъ солдатчины. Вы помните Павловскаго?

— Помню, — сказалъ я машинально.

И мы смолкли и долго смотрѣли на синеву долины, на лѣса, пески и меланхолично зовущую даль. Солнце еще грѣло насъ; круглые, тяжелые арбузы лежали среди длинныхъ пожелтѣвшихъ плетей, перепутанныхъ, какъ змѣи, и тоже грѣлись.

— Отчего вы не откровенны со мной? — началъ я. — Зачѣмъ вы насилуете себя? Вы любите меня.

Она съежилась, подобрала ноги и прикрыла глаза; потомъ сдунула волосъ, упавшій на щеку, и съ рѣшительной улыбкой сказала:

— Дайте мнѣ папироску.

Я далъ. Она затянулась раза два, закашлялась, далеко бросила папиросу и задумалась.

— Я съ самаго утра такъ сижу, — сказала она. — Куры приходятъ съ самой левады расклевывать арбузы... И не знаю, почему вамъ кажется здѣсь скучно. Мнѣ очень нравится здѣсь, очень...

Надъ долиной, верстахъ въ двухъ отъ хутора, куда я пришелъ на закатѣ, я сѣлъ, снялъ шляпу... Сквозь слезы я смотрѣлъ въ даль, и гдѣ-то далеко мнѣ грезились южные знойные города, синій степной вечеръ и образъ какой-то женщины, который сливался съ дѣвушкой, которую я любилъ, но дополнялъ ее своею таинственностью и той дѣтской печалью, которая была въ глазахъ маленькой женщины на баштанахъ...

1901 г.

ОСЕНЬЮ.

I.

Около одиннадцати часовъ вечера въ гостиной наступило на минуту молчаніе, и, воспользовавшись этимъ, она встала съ мѣста и какъ бы мелькомъ взглянула на меня.

— Ну, мнѣ пора,—сказала она съ легкимъ вздохомъ, и у меня дрогнуло сердце отъ предчувствія какой-то большой радости и тайны между нами.

Я не отходилъ отъ нея весь вечеръ и весь вечеръ ловилъ въ ея глазахъ затаенный блескъ, разсѣянность и едва замѣтную, но какую-то новую ласковость. Теперь въ тонѣ, какимъ она какъ бы съ сожалѣніемъ сказала, что ей пора уходить, мнѣ почудился скрытый смыслъ, — то, что она знала, что я выйду съ нею.

— Вы тоже?—полуутвердительно спросила она.—Значитъ, вы проводите меня, — прибавила она вскользь и, слегка не выдержавъ роли, застѣнчиво улыбнулась, оглядываясь.

— Ну, до свиданья, — ласково сказала она хозяйкѣ.

Стройная и гибкая, она легкимъ и привычнымъ движеніемъ руки захватила юбку чернаго платья и еще разъ, уже всѣмъ, улыбнулась на прощанье. И въ этой улыбкѣ, въ молодомъ изящномъ лицѣ, въ черныхъ глазахъ и волосахъ, даже, казалось, въ тонкой ниткѣ жемчуга на шеѣ и блескѣ брильянтовъ въ серьгахъ — во всемъ была застѣнчивость дѣвушки, которая любитъ впервые. И пока ее просили передать поклоны ея мужу, а потомъ помогали ей въ прихожей одѣваться, я считалъ секунды, боясь, что кто-нибудь выйдетъ съ нами.

Но вотъ дверь, изъ которой на мгновеніе упала въ темный дворъ полоса свѣта, мягко захлопнулась. Подавляя нервную дрожь и чувствуя во всемъ тѣлѣ необычную

легкость, я взялъ ея руку и заботливо сталъ сводить съ крыльца.

— Вы хорошо видите? — спросила она, глядя подъ ноги.

И въ голосѣ ея опять послышалась поощряющая привѣтливость.

Я, наступая на лужи и листья, наугадъ повелъ ее по двору, мимо обнаженныхъ акацій и уксусныхъ деревьевъ, которыя гулко и упруго, какъ корабельныя снасти, гудѣли подъ влажнымъ и сильнымъ вѣтромъ южной ноябрьской ночи.

— Какой штормъ теперь въ морѣ!—заговорилъ я.

— Теперь, должно-быть, очень поздно,—перебила она безпокойно, прислушиваясь къ шуму деревьевъ:—я уже третій вечеръ не дома, и мнѣ ужасно стыдно передъ своими.

— Какъ поздно? — возразилъ я, на мгновеніе растерявшись.—И неужели вы домой?—прибавилъ я, останавливаясь.

Она тоже пріостановилась.

— А куда же? — спросила она.

За рѣшетчатыми воротами свѣтился фонарь экипажа. Я взглянулъ ей въ лицо.

— Къ морю, — выговорилъ я тихо.

Тогда, не отвѣчая, она взяла своей маленькой, узкой отъ перчатки рукой желѣзный прутъ воротъ и безъ моей помощи откинула половину ихъ въ сторону. Поспѣшно прошла она къ экипажу и сѣла въ него, такъ же быстро сѣлъ и я рядомъ съ нею...

II.

Мы мелькомъ взглянули другъ на друга, но, помню, долго не могли сказать ни слова. То, что̀ тайно волновало насъ послѣдній мѣсяцъ, было теперь сказано, и мы замолчали только потому, что сказали это слишкомъ ясно и неожиданно. Я прижалъ ея руку къ своимъ губамъ и, взволнованный, отвернулся и сталъ пристально глядѣть въ сумрачную даль бѣгущей навстрѣчу намъ улицы. Я еще боялся ея, и когда на мой вопросъ,—не холодно ли ли ей,—она только со слабой улыбкой шевельнула губами, не въ силахъ отвѣтить, я понялъ, что и она боится меня. Но на пожатіе руки она отвѣтила благодарно и крѣпко.

Южный вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ на бульварахъ, колебалъ пламя рѣдкихъ газовыхъ фонарей на перекресткахъ и скрипѣлъ вывѣсками надъ дверями запертыхъ лавокъ. Иногда какая-нибудь сгорбленная фигура вырастала вмѣстѣ съ своею шаткою тѣнью подъ большимъ качающимся фона-

ремъ таверны, но исчезалъ фонарь за нами — и опять на улицѣ было пусто, и только сырой вѣтеръ мягко и непрерывно билъ по лицамъ. Изъ-подъ переднихъ колесъ брызгами сыпалась въ разныя стороны грязь, и она, казалось, съ интересомъ слѣдила за ними. Я взглядывалъ иногда на ея опущенныя рѣсницы и склоненный подъ шляной профиль, чувствовалъ всю ее такъ близко отъ себя, слышалъ тонкій запахъ ея волосъ, и меня волновалъ даже гладкій и нѣжный мѣхъ соболя на ея шеѣ.

Потомъ мы свернули на широкую, пустую и длинную улицу, казавшуюся безконечной. Здѣсь почти совсѣмъ не было фонарей, и только въ рѣдкихъ домахъ свѣтились окна сквозь жалюзи и ставни. Когда же мы миновали старые еврейскіе ряды и базаръ, мостовая сразу оборвалась подъ нами. Отъ толчка на новомъ поворотѣ она покачнулась, и я невольно обнялъ ее. Она взглянула впередъ, потомъ обернулась ко мнѣ. Мы встрѣтились лицомъ къ лицу, въ ея глазахъ не было больше ни страха ни колебанія, — легкая застѣнчивость сквозила только въ напряженной улыбкѣ,—и тогда я, не сознавая, что дѣлаю, на мгновеніе крѣпко прильнулъ къ ея губамъ. Не выпуская моей руки изъ своей, она отвѣтила робкимъ и быстрымъ поцѣлуемъ и, смутившись, проговорила, чтобы сказать что-нибудь:

— Дай мнѣ пледъ...

III.

Въ темнотѣ мелькали высокіе силуэты телеграфныхъ столбовъ вдоль дороги, — наконецъ пропали и они, свернули куда-то въ сторону и скрылись. Небо, которое надъ городомъ было черно и все-таки отдѣлялось отъ его слабо освѣщенныхъ улицъ, совершенно слилось здѣсь съ землею, и насъ окружилъ вѣтреный мракъ. Я оглянулся назадъ. Огни города тоже исчезали, — они были разсыпаны точно гдѣ-то въ темномъ морѣ,—а впереди мерцалъ только одинъ огонекъ, такой одинокій и отдаленный, точно онъ былъ на краю свѣта. То была старая молдаванская корчма на большой дорогѣ, и оттуда несло сильнымъ вѣтромъ, который путался и торопливо шуршалъ въ изсохшихъ стебляхъ кукурузы.

— Куда мы ѣдемъ? — спросила она, сдерживая дрожь въ голосѣ.

Но глаза ея блестѣли, — наклонившись къ ней, я различалъ ихъ въ темнотѣ, — и въ нихъ было странное и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливое выраженіе.

— Къ дачамъ за маякомъ, — сказалъ я. — Ты боишься?

Она закрыла глаза и съ улыбкой покачала головой.

— Тамъ теперь жутко,—сказалъ я.—Я люблю тебя, я хотѣлъ бы затеряться съ тобой въ темнотѣ этой непонятной ночи... Слушай, какъ все это случилось?

— Не знаю, — отвѣтила она медленно. — Скажи лучше, правда, что ты любилъ меня и раньше... до сегодняшняго вечера?

Вѣтеръ торопливо шуршалъ и бѣжалъ, путаясь въ кукурузѣ, лошади быстро неслись ему навстрѣчу. Снова куда-то мы свернули, и вѣтеръ сразу измѣнился, сталъ влажнѣе и прохладнѣе и еще безпокойнѣй заметался вокругъ насъ, играя, какъ крыльями, капюшономъ моего плаща. Она низко наклонила противъ вѣтра голову, потомъ повернулась ко мнѣ.

— А вѣдь правда! — сказала она вполголоса. — Куда мы ѣдемъ? И что будетъ завтра, послѣзавтра?.. Откуда ты и кто ты?—прибавила она съ изумленной улыбкой, раскрывая блестѣвшіе въ темнотѣ глаза.—Ты понимаешь, что я хочу сказать? Я какъ будто въ первый разъ вижу тебя, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ такъ хорошо съ тобой, точно я во снѣ!

Я полной грудью вдыхалъ вѣтеръ. Мнѣ все сильнѣе хотѣлось, чтобы все темное, слѣпое и непонятное, что было въ этой ночи, было еще непонятнѣе и смѣлѣе. Ночь, которая казалась въ городѣ обычной ненастной ночью, была здѣсь, въ полѣ, совсѣмъ иная. Въ ея темнотѣ и вѣтрѣ было теперь что-то большое и властное, и вотъ наконецъ послышался сквозь шорохъ бурьяновъ какой-то ровный, однообразный, величавый шумъ.

— Море? — спросила она.

— Море, — сказалъ я. — Это уже послѣднія дачи.

А въ поблѣднѣвшей темнотѣ, къ которой мы приглядѣлись, вырастали влѣво отъ насъ огромные и угрюмые силуэты тополей въ дачныхъ садахъ, спускавшихся къ морю. Шорохъ колесъ и топотъ копытъ по грязи, отдаваясь отъ садовыхъ оградъ, на минуту сталъ явственнѣе, но скоро ихъ заглушилъ приближающійся гулъ деревьевъ, въ которыхъ метался вѣтеръ, и шумъ моря. Промелькнуло нѣсколько наглухо забитыхъ домовъ, смутно бѣлѣвшихъ въ темнотѣ и казавшихся мертвыми... Потомъ тополи разступились, и внезапно въ пролетъ между ними пахнуло влажностью, — тѣмъ вѣтромъ, который прилетаетъ къ землѣ съ огромныхъ водяныхъ пространствъ и кажется ихъ свѣжимъ дыханіемъ...

Она взглянула на меня.

— Пріѣхали? — спросила она удивленно.

Лошади остановились.

И тотчасъ же ровный и величавый ропотъ, въ которомъ чувствовалась огромная тяжесть воды, и безпорядочный гулъ деревьевъ въ безпокойно дремавшихъ садахъ стали слышнѣе, и мы быстро пошли по листьямъ и лужамъ, по какой-то высокой аллеѣ, къ обрывамъ...

IV.

Море гудѣло подъ ними грозно. Оно какъ будто хотѣло выдѣлиться изъ всѣхъ шумовъ этой тревожной и сонной ночи. Огромное, теряющееся въ пространствѣ, оно лежало глубоко внизу, далеко бѣлѣя сквозь сумракъ бѣгущими къ землѣ гривами пѣны. Но гораздо болѣе страшенъ былъ безпорядочный гулъ старыхъ тополей за оградой сада, мрачнымъ островомъ выраставшаго на скалистомъ прибрежьѣ. Чувствовалось, что въ этомъ безлюдномъ мѣстѣ властно царитъ теперь ночь поздней осени, и старый большой садъ, забитый на зиму домъ и раскрытыя бесѣдки по угламъ ограды были жутки своей заброшенностью. Одно море гудѣло ровно, побѣдно и, казалось, все величавѣе въ сознаніи своей силы. Влажный вѣтеръ валилъ съ ногъ на обрывѣ, и, остановясь надъ нимъ, мы долго не въ состояніи были насытиться его мягкой, до глубины души проникающей свѣжестью. Потомъ, скользя по мокрымъ глинистымъ тропинкамъ и остаткамъ деревянныхъ лѣстницъ, мы стали спускаться внизъ, къ сверкающему пѣной прибою.

— Не упади!—крикнулъ я на послѣднемъ обрывѣ, протягивая къ ней руки.

Она покорно отдалась въ нихъ, и это былъ послѣдній мигъ смущенія. Ставъ на гравій, мы тотчасъ же отскочили въ сторону отъ волны, разбившейся о камни.

— Посмотри скорѣй вверхъ, — сказала она.

Я взглянулъ на обрывъ,—тамъ высились и гудѣли черные тополи, а подъ ними, какъ бы въ отвѣтъ имъ, жаднымъ и бѣшенымъ прибоемъ играло море. Высокія, долетающія до насъ волны съ грохотомъ пушечныхъ выстрѣловъ рушились на берегъ, крутили и сверкали цѣлыми водопадами снѣжной пѣны, рыли песокъ и камни и, убѣгая назадъ, увлекали спутанныя водоросли, илъ и гравій, который гремѣлъ и скрежеталъ въ ихъ влажномъ шумѣ. И весь воздухъ былъ полонъ тонкой, прохладной пылью, все вокругъ дышало вольной свѣжестью моря. Темнота блѣднѣла, и море уже ясно видно было на далекое пространство.

— И мы одни! — сказала она, закрывая глаза отъ вѣтра.

V.

Мы были одни. Я цѣловалъ ея губы, упиваясь ихъ нѣжностью и влажностью, цѣловалъ глаза, которые она подставляла мнѣ, прикрывая ихъ съ улыбкой, цѣловалъ похолодѣвшее отъ морского вѣтра лицо, а когда она сѣла на камень, сталъ передъ нею на колѣни, обезсиленный радостью.

— А завтра?—говорила она надъ моей головою.

И я поднималъ голову и смотрѣлъ ей въ лицо. За мною жадно бушевало море, надъ нами высились и гудѣли тополи...

— Что̀ завтра?—повторилъ я ея вопросъ и почувствовалъ, какъ у меня дрогнулъ голосъ отъ слезъ непобѣдимаго счастья.— Что̀ завтра? — сказалъ я, смѣясь, и поцѣловалъ ея грудь сквозь одежду.

Она долго не отвѣчала мнѣ, потомъ протянула мнѣ руку, и я сталъ снимать перчатку, цѣлуя и руку и перчатку и наслаждаясь ихъ тонкимъ, женственнымъ запахомъ.

— Да!—сказала она медленно, и я близко видѣлъ въ звѣздномъ свѣтѣ ея блѣдное и счастливое лицо. — Когда я была дѣвушкой, я безъ конца мечтала о счастьѣ, но все оказалось такъ скучно и обыденно, что теперь эта, можетъ-быть, единственная счастливая ночь въ моей жизни кажется мнѣ непохожей на дѣйствительность и преступной. Завтра я съ ужасомъ вспомню эту ночь, но теперь мнѣ все равно... Я люблю тебя,—говорила она нѣжно, тихо и вдумчиво, какъ бы говоря только для самой себя.

Рѣдкія, голубоватыя звѣзды мелькали между тучами надъ нами, и небо понемногу расчищалось, и тополи на обрывахъ чернѣли рѣзче, и море все болѣе отдѣлялось отъ далекихъ горизонтовъ. Была ли она лучше другихъ, которыхъ я любилъ, я не знаю, но въ эту ночь она была несравненной. И когда я цѣловалъ платье на ея колѣняхъ, а она тихо смѣялась сквозь слезы и обнимала мою голову, я смотрѣлъ на нее съ восторгомъ безумія, и въ тонкомъ звѣздномъ свѣтѣ ея блѣдное, счастливое и усталое лицо казалось мнѣ прекраснымъ, какъ у безсмертной.

1901 г.

НОВЫЙ ГОДЪ.

— Послушай,—сказала жена:—мнѣ жутко.

Была лунная зимняя полночь, мы ночевали на хуторѣ въ Тамбовской губерніи, по пути въ Петербургъ съ юга, и спали въ дѣтской, единственной теплой комнатѣ во всемъ домѣ. Открывъ глаза, я увидалъ легкій сумракъ, наполненный голубоватымъ свѣтомъ, полъ, покрытый попонами, и бѣлую лежанку. Надъ квадратнымъ окномъ, въ которое виднѣлся свѣтлый снѣжный дворъ, торчала щетина соломенной крыши, серебрившаяся инеемъ. Было такъ тихо, какъ можетъ быть только въ полѣ въ зимнія ночи.

— Ты спишь,—сказала жена недовольно:—а я задремала давеча въ возкѣ и теперь не могу...

Она полулежала на большой старинной кровати у противоположной стѣны. Когда я подошелъ къ ней, она заговорила веселымъ шопотомъ:

— Слушай, ты не сердишься, что я разбудила тебя? Мнѣ, правда, стало жутко немного и какъ-то очень хорошо. Я почувствовала, что мы съ тобой совсѣмъ, совсѣмъ одни тутъ, и на меня напалъ чисто-дѣтскій страхъ...

Она подняла голову и прислушалась.

— Слышишь, какъ тихо?—спросила она чуть слышно.

Мысленно я далеко оглянулъ снѣжныя поля вокругъ насъ,—всюду было мертвое молчаніе русской зимней ночи, среди которой таинственно приближался Новый годъ... Такъ давно не ночевалъ я въ деревнѣ, и такъ давно не говорили мы съ женой мирно! Я нѣсколько разъ поцѣловалъ ее въ глаза и волосы съ той спокойной любовью, которая бываетъ только въ рѣдкія минуты, и она внезапно отвѣтила мнѣ порывистыми поцѣлуями влюбленной дѣвушки. Потомъ долго прижимала мою руку къ своей загорѣвшейся щекѣ.

— Какъ хорошо! — проговорила она со вздохомъ и убѣжденно. И, помолчавъ, прибавила:—Да, все-таки ты единственный близкій мнѣ человѣкъ! Ты чувствуешь, что я люблю тебя?

Я пожалъ ея руку.

— Какъ это случилось?—спросила она, открывая глаза.—Выходила я не любя, живемъ мы съ тобой дурно, ты говоришь, что изъ-за меня ты ведешь пошлое и тяжелое существованіе... И однако все чаще мы чувствуемъ, что мы нужны другъ другу. Откуда это приходитъ и почему только въ нѣкоторыя минуты? Съ Новымъ годомъ, Костя! — сказала она, стараясь улыбнуться, и нѣсколько теплыхъ слезъ упало на мою руку.

Положивъ голову на подушку, она заплакала, и, вѣрно, слезы были пріятны ей, потому что изрѣдка она поднимала лицо, улыбалась сквозь слезы и цѣловала мою руку, стараясь продлить ихъ нѣжностью. Я гладилъ ея волосы, давая понять, что я цѣню и понимаю эти слезы. Я вспомнилъ прошлый Новый годъ, который мы, по обыкновенію, встрѣчали въ Петербургѣ въ кружкѣ моихъ сослуживцевъ, хотѣлъ вспомнить позапрошлый — и не могъ, и опять подумалъ то, что̀ часто приходитъ мнѣ въ голову: годы сливаются въ одинъ, безпорядочный и однообразный, полный сѣрыхъ служебныхъ дней, умственныя и душевныя способности слабѣютъ, и все болѣе неосуществимыми кажутся надежды имѣть свой уголъ, поселиться гдѣ-нибудь въ деревнѣ или на югѣ, копаться съ женой и дѣтьми въ виноградникахъ, ловить въ морѣ лѣтомъ рыбу... Я вспомнилъ, какъ ровно годъ тому назадъ жена съ притворной любезностью заботилась и хлопотала о каждомъ, кто, считаясь нашимъ другомъ, встрѣчалъ съ нами новогоднюю ночь, какъ она улыбалась нѣкоторымъ изъ молодыхъ гостей и предлагала загадочно-меланхолическіе тосты, и какъ чужда и непріятна была мнѣ она въ тѣсной петербургской квартиркѣ...

— Ну, полно, Оля!—сказалъ я.

— Дай мнѣ платокъ,—тихо отвѣтила она и по-дѣтски, прерывисто вздохнула.—Я уже не плачу больше.

Лунный свѣтъ воздушно-серебристой полосою падалъ на лежанку и озарялъ ее странною, яркою блѣдностью. Все остальное было въ сумракѣ, и въ немъ медленно плавалъ дымъ моей папиросы. И отъ попонъ на полу, отъ теплой, озаренной лежанки, — ото всего вѣяло глухой деревенской жизнью, уютностью родного дома...

— Ты рада, что мы заѣхали сюда? — спросилъ я.

— Ужасно, Костя, рада, ужасно! — отвѣтила жена съ порывистой искренностью. — Я думала объ этомъ, когда ты уснулъ. По-моему,—сказала она уже съ улыбкой,—вѣнчаться надо бы два раза. Серьезно, какое это счастье—стать подъ вѣнецъ сознательно, поживши, пострадавши съ человѣкомъ! И непремѣнно жить дома, въ своемъ углу, гдѣ-нибудь подальше ото всѣхъ... „Родиться, жить и умереть въ родномъ домѣ"—какъ говоритъ Мопассанъ!

Она задумалась и опять положила голову на подушку.

— Это сказалъ Сенъ-Бевъ,—поправилъ я.

— Все равно, Костя. Я, можетъ-быть, и глупая, какъ ты постоянно говоришь, но все-таки одна люблю тебя... Хочешь, пойдемъ гулять?

— Гулять? Куда?

— По двору. Я надѣну валенки, твой полушубочекъ... Развѣ ты уснешь сейчасъ?

Черезъ полчаса мы одѣлись и, улыбаясь, остановились у двери.

— Ты не сердишься?—спросила жена, взявъ мою руку.

Она ласково заглядывала мнѣ въ глаза, и лицо ея было необыкновенно мило въ эту минуту, и вся она казалась такой женственной въ сѣрой шали, которой она по-деревенски закутала голову, и въ мягкихъ валенкахъ, дѣлавшихъ ее ниже ростомъ.

Изъ дѣтской мы вышли въ коридоръ, гдѣ было темно и холодно, какъ въ погребѣ, и въ темнотѣ добрались до прихожей. Потомъ заглянули въ залу и гостиную... Скрипъ двери, ведущей въ залу, раздался по всему дому, а изъ сумрака большой, пустой комнаты, какъ два огромные глаза, глянули на насъ два высокихъ окна въ садъ. Третье было прикрыто полуразломанными ставнями.

— Ау!—крикнула жена на порогѣ.

— Не надо, — сказалъ я: — лучше посмотри, какъ тамъ хорошо.

Она притихла, и мы несмѣло вошли въ комнату. Очень рѣдкій и низенькій садъ, вѣрнѣе, кустарникъ, раскиданный по широкой снѣжной полянѣ, былъ виденъ изъ оконъ, и одна половина его была въ тѣни, далеко лежавшей отъ дома, а другая, освѣщенная, четко и нѣжно бѣлѣла подъ звѣзднымъ небомъ тихой зимней ночи. Кошка, неизвѣстно какъ попавшая сюда, вдругъ спрыгнула съ мягкимъ стукомъ съ подокопника и мелькнула у насъ подъ ногами, блеснувъ золотисто-оранжевыми глазами. Я вздрогнулъ, и жена тревожнымъ шопотомъ спросила меня:

— Ты боялся бы здѣсь одинъ?

Прижимаясь другъ къ другу, мы прошли по залѣ въ гостиную, къ двойнымъ стеклянным дверямъ на балконъ. Тутъ еще до сихъ поръ стояла огромная кушетка, на которой я спалъ, пріѣзжая въ деревню студентомъ. Казалось, что еще вчера были эти лѣтніе дни, когда мы всей семьей обѣдали на балконѣ... Теперь въ гостиной пахло плѣсенью и зимней сыростью, тяжелые, промерзлые обои кусками висѣли со стѣнъ... Было больно и не хотѣлось думать о прошломъ, особенно передъ лицомъ этой прекрасной зимней ночи. Изъ гостиной виденъ былъ весь садъ и бѣлоснѣжная равнина подъ звѣзднымъ небомъ, — каждый сугробъ чистаго, дѣвственнаго снѣга, каждая елочка среди его бѣлизны.

— Тамъ утонешь безъ лыжъ, — сказалъ я въ отвѣтъ на просьбу жены пройти черезъ садъ на гумно. — А бывало, я по цѣлымъ ночамъ сидѣлъ зимой на гумнахъ, въ овсяныхъ ометахъ... Теперь зайцы, небось, приходятъ къ самому балкону.

Оторвавъ большой, неуклюжій кусокъ обоевъ, висѣвшій у двери, я бросилъ его въ уголъ, и мы вернулись въ прихожую и черезъ большія бревенчатыя сѣни вышли на морозный воздухъ. Тамъ я сѣлъ на ступени крыльца, закуривая папиросу, а жена, хрустя валенками по снѣгу, сбѣжала на сугробы и подняла лицо къ блѣдному мѣсяцу, уже низко стоявшему надъ черной длинной избой, въ которой спали сторожъ усадьбы и нашъ ямщикъ со станціи.

— Мѣсяцъ, мѣсяцъ, тебѣ золотые рога, а мнѣ золотая казна!—заговорила она, кружась, какъ дѣвочка, по широкому бѣлому двору.

Голосъ ея звонко раздался въ воздухѣ и былъ такъ странен въ тишинѣ этой мертвой усадьбы. Кружась, она прошла до ямщицкой кибитки, чернѣвшей въ тѣни передъ избой, и было слышно, какъ она бормотала на ходу:

Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ,
Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожитъ печальная луна...

— Никогда я ужъ не буду гадать о суженомъ! — сказала она, возвращаясь къ крыльцу, запыхавшись и весело дыша морозной свѣжестью, и сѣла на ступени возлѣ меня.—Ты не уснулъ, Костя? Можно съ тобой сѣсть рядомъ, миленькій, золотой мой?

Большая рыжая собака медленно подошла къ намъ изъ-за крыльца, съ ласковой снисходительностью виляя пушистымъ хвостомъ, и она обняла ее за широкую шею въ густомъ мѣху, а собака глядѣла черезъ ея голову умными вопросительными глазами и все такъ же равнодушно-ласково, вѣроятно, сама того не замѣчая, махала хвостомъ. Я тоже гладилъ этотъ густой, холодный и глянцевитый мѣхъ, глядѣлъ на блѣдное человѣческое лицо мѣсяца, на длинную черную избу, на сіяющій снѣгомъ дворъ, и думалъ, подбадривая себя:

— Въ самомъ дѣлѣ, неужели уже все потеряно? Кто знаетъ, что̀ принесетъ мнѣ этотъ Новый годъ?

— А что̀ теперь въ Петербургѣ?—сказала жена, поднимая голову и слегка отпихивая собаку. — О чемъ ты думаешь, Костя? — спросила она, приближая ко мнѣ помолодѣвшее на морозѣ лицо.—Я думаю о томъ, что вотъ мужики никогда не встрѣчаютъ Новаго года, и во всей Россіи теперь всѣ давнымъ-давно спятъ...

Но говорить не хотѣлось. Было уже холодно, въ одежду пробирался морозъ. Вправо отъ насъ видно было въ ворота блестящее, какъ золотая слюда, поле, и голая лозинка съ тонкими обледянѣвшими вѣтвями, стоявшая далеко въ полѣ, казалась сказочнымъ стекляннымъ деревомъ. Днемъ я видѣлъ тамъ остовъ дохлой коровы, и теперь собака вдругъ насторожилась и остро приподняла уши: далеко по блестящей слюдѣ побѣжало отъ лозинки что-то маленькое и темное, — можетъ-быть, лисица, — и въ чуткой тишинѣ долго замирало чуть уловимое, таинственное потрескиваніе наста.

Прислушиваясь, жена спросила:

— А если бы мы остались здѣсь?

Я подумалъ и отвѣтилъ:

— А ты бы не соскучилась?

И какъ только я сказалъ, мы оба почувствовали, что не могли бы выжить здѣсь и года. Уйти отъ людей, никогда не видать ничего, кромѣ этого снѣжнаго поля! Положимъ, можно заняться хозяйствомъ... Но какое хозяйство можно завести въ этихъ жалкихъ остаткахъ усадьбы, на сотнѣ десятинъ земли? И теперь всюду такія усадьбы,—на сто верстъ въ окружности нѣтъ ни одного дома, гдѣ бы чувствовалось что-нибудь живое! А въ деревняхъ—голодъ...

Заснули мы крѣпко, а утромъ, прямо съ постели, нужно было собираться въ дорогу. Когда за стѣною заскрипѣли полозья и около самаго окна прошли по высокимъ сугробамъ лошади, запряженныя гусемъ, жена, полусонная, грустно улыбнулась, и чувствовалось, что ей жаль покидать теплую деревенскую комнату...

— Вотъ и Новый годъ! — думалъ я, поглядывая изъ скрипучей, опушенной инеемъ кибитки въ сѣрое поле. — Какъ-то мы проживемъ эти новые триста шестьдесятъ пять дней?

Но мелкій лепетъ бубенчиковъ спутывалъ мысли, думать о будущемъ было непріятно. Выглядывая изъ кибитки, я уже едва различалъ мутный, сѣро-сизый пейзажъ усадьбы, все болѣе уменьшающійся въ ровной снѣжной степи и постепенно сливающійся съ туманной далью морознаго туманнаго дня. Покрикивая на заиндивѣвшихъ лошадей, ямщикъ стоялъ, и, видимо, былъ совершенно равнодушенъ и къ Новому году, и къ пустому полю, и къ своей и къ нашей участи. Съ трудомъ добравшись подъ тяжелымъ армякомъ и полушубкомъ до кармана, онъ вытащилъ трубку, и скоро въ зимнемъ воздухѣ запахло сѣрой и душистой махоркой. Запахъ былъ родной, пріятный, и меня трогали и воспоминаніе о хуторѣ, и наше временное примиреніе съ женою, которая дремала, прижавшись въ уголъ возка и закрывъ большія, сѣрыя отъ инея рѣсницы. Но, повинуясь внутреннему желанію поскорѣе забыться въ мелкой суетѣ и привычной обстановкѣ, я дѣланно-весело покрикивалъ:

— Погоняй, Степанъ, потрогивай! Опоздаемъ!

А далеко впереди уже бѣжали туманные силуэты телеграфныхъ столбовъ, и мелкій лепетъ бубенчиковъ такъ шелъ къ моимъ думамъ о безсвязной и безсмысленной жизни, которая ждала меня впереди...

1901 г.

ТИШИНА.

Мы пріѣхали въ Женеву подъ дождемъ, ночью, но къ разсвѣту отъ дождя осталась только свѣжесть въ воздухѣ. Отворивъ дверь на балконъ, мы почувствовали упоительную прохладу ранняго осенняго утра. Въ улицахъ таялъ молочный туманъ съ озера, солнце тускло, но уже бодро блистало въ туманѣ, а влажный вѣтеръ тихо покачивалъ кроваво-красные листья дикаго винограда на столбахъ балкона. Мы умылись и одѣлись быстро и вышли изъ отеля, освѣженные крѣпкимъ сномъ, готовые на какія угодно скитанія и съ молодымъ предчувствіемъ чего-то хорошаго, что̀ сулитъ намъ день.

— Славное утро опять послалъ намъ Богъ!—сказалъ мнѣ товарищъ. — Ты замѣтилъ, что первый день послѣ нашего пріѣзда куда-нибудь—непремѣнно погожій? Не курить, ѣсть только молоко, зелень, жить на воздухѣ и просыпаться вмѣстѣ съ солнцемъ—какъ это облагораживаетъ духъ! Скоро объ этомъ будутъ говорить не доктора, а поэты... Не кури, не кури—это дастъ ощущеніе, давно не испытанное, ощущеніе чистоты и юношеской свѣжести.

Но гдѣ озеро? И на минуту мы остановились въ недоумѣніи. Вдалекѣ все было въ легкомъ свѣтломъ туманѣ, а мостовая въ концѣ улицы блестѣла подъ солнцемъ, какъ золотая. И мы быстро пошли къ тому, что̀ казалось мокрой и блестящей мостовой.

Солнце на пустой набережной уже сильно пригрѣвало сквозь туманъ, и все сіяло передъ глазами. Но долины, озеро и дальнія Савойскія горы еще дышали холодомъ. Выйдя на набережную, мы невольно остановились въ томъ радостномъ изумленіи, которое испытываешь всегда, внезапно увидавъ просторъ моря, озера или долинъ съ высоты. Савойскія горы таяли въ свѣтломъ утреннемъ пару, и подъ солнцемъ

едва можно было различить ихъ: приглядишься—и уже только тогда увидишь тонкую золотистую линію хребта, вырѣзывающуюся въ небѣ, а потомъ почувствуешь и самую массивность горныхъ громадъ. Вблизи, въ огромномъ пространствѣ долины, въ прохладной и влажной свѣжести тумана, лежало голубое, прозрачное и глубокое озеро. Оно еще дремало, какъ дремали и косые паруса лодокъ, столпившихся у города. Точно сѣрыя поднятыя крылья возвышались они въ воздухѣ, но были еще безпомощны въ тишинѣ утра. Двѣ-три чайки низко и плавно скользнули надъ водою, и одна изъ нихъ вдругъ блеснула мимо насъ и метнулась въ улицу. Мы разомъ обернулись за ней и видѣли, какъ она, испуганная непривычнымъ зрѣлищемъ, сдѣлала рѣзкій и быстрый поворотъ назадъ... Счастливы люди, въ города которыхъ залетаютъ чайки въ солнечное утро!

И насъ потянуло въ горы, на озеро, куда-то въ даль... Пока испарялся туманъ, мы сходили въ городъ, купили въ кабачкѣ вина и сыру, полюбовались чистотой и привѣтливостью улицъ, живописными тополями и платанами въ тихихъ золотыхъ садахъ. Бирюзовое небо стало уже ярко и чисто надъ ними.

— Знаешь,—говорилъ мнѣ товарищъ:—мнѣ часто не вѣрится, что я дѣйствительно въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ, бывало, только мечталъ, глядя на карту, и все хочется напомнить себѣ объ этомъ. Чувствуешь ты, что вотъ за этими горами, такъ близко отъ насъ—Италія? Чувствуешь ты югъ въ этой удивительной осени? А вонъ Савойя—родина тѣхъ самыхъ мальчиковъ-савояровъ съ обезьянками, о которыхъ читалъ въ дѣтствѣ такія трогательныя исторіи!

У мостковъ пристани дремали на солнцѣ и лодки и лодочники. Въ голубой прозрачной водѣ видны были песчаное дно, сваи и кили лодокъ. Было совсѣмъ лѣтнее утро, и только по тому спокойствію, которое царило въ прозрачномъ воздухѣ, чувствовалось, что это спокойствіе послѣднихъ дней осени. Отъ тумана не осталось и слѣда, озеро было необыкновенно далеко видно по долинѣ. И, снявъ пиджаки, мы засучили рукава и взялись за весла. Пристань отошла, стала отдаляться. Уходилъ и сіявшій подъ солнцемъ городъ, набережная, парки... Впереди вода блестѣла ослѣпительно, около лодки становилась все глубже, тяжелѣй и прозрачнѣй. Весело было погружать въ нее весла, чувствовать ея упругость и смотрѣть, какъ взлетаютъ изъ-подъ веселъ брызги. А когда я оглядывался, я видѣлъ раскраснѣвшееся лицо моего спутника и голубую ширь, вольно и спокойно лежавшую среди покатыхъ

горъ, покрытыхъ желтѣющими лѣсами, виноградникам виллами въ паркахъ. На минуту мы опустили весла· наступила глубокая тишина. Прикрывъ глаза, мы д слышали только однообразное журчаніе воды, бѣгущей ı бортовъ лодки. И даже по звуку можно было угадать, чиста и прозрачна она.

— Ѣдемъ?—спросилъ я.

— Погоди—слушай!

Я совсѣмъ поднялъ весла, и журчаніе стало медленно зə мирать. Съ веселъ упала капля, другая... Солнце все жарче пригрѣвало намъ лица... И вотъ издалека-издалека долетѣлъ до насъ мѣрный и звонкій голосъ колокола, одиноко звонившаго гдѣ-то въ горахъ. Такъ далеко былъ онъ, что порою мы едва улавливали его.

— Помнишь колоколъ Кёльнскаго собора? — вполголоса спросилъ меня товарищъ. — Я проснулся раньше тебя, еще утренняя заря чуть брезжила, — сталъ у раскрытаго окна и долго слушалъ, какъ онъ одиноко и звонко кричалъ надъ своимъ старымъ городомъ. Помнишь органъ въ соборѣ и всю средневѣковую красоту его? Рейнъ, старые города, старыя картины, Парижъ... Но это не то, это лучше...

Звонъ колокола, чистый и нѣжный, доносился до насъ, сладко было слушать его, сидѣть съ закрытыми глазами и чувствовать ласку солнца на лицѣ и мягкую прохладу отъ воды. Съ отдаленнымъ, глухимъ и сердитымъ ропотомъ колесъ прошелъ верстахъ въ двухъ отъ насъ весь бѣлый и сверкающій пароходикъ. Плавные, стекловидные перекаты воды долго и широко бѣжали къ намъ и наконецъ ласково заколыхали лодку.

— Вотъ мы и въ горахъ, — сказалъ мнѣ товарищъ, когда пароходъ сталъ, сокращаясь, удаляться. — Жизнь осталась гдѣ-то тамъ, за этими горами, а мы вступаемъ въ благословенную страну той тишины, которой нѣтъ имени на нашемъ языкѣ.

Медленно работая веслами, онъ говорилъ и слушалъ, а озеро все шире обнимало насъ. Звонъ колокола казался то ближе, то дальше.

„Гдѣ-то въ горахъ,—думалъ я,—пріютилась маленькая колокольня и одна славитъ своимъ звонкимъ голосомъ миръ и тишину воскреснаго утра, призывая итти къ ней по горнымъ тропинкамъ, надъ голубымъ озеромъ...“

Далеко по горамъ пестрѣли нѣжными осенними красками лѣса и рощи, одиноко проводили ясный осенній день живописныя виллы въ садахъ... Чтобы вымыть стаканъ, я зачерпнулъ въ

ъ воды и бросилъ ее въ воздухъ. Она взвилась и блеснула воздухѣ.

Помнишь ты „Манфреда“?—сказалъ товарищъ. — Манъ въ Бернскихъ Альпахъ, у водопада. Полдень. Онъ износитъ заклинанія, беретъ въ пригоршни воды и бросаетъ ее въ воздухъ. Въ радугѣ водопада появляется Дѣва Горъ... Какъ это прекрасно! Вотъ сейчасъ я подумалъ, что имъ можно поклоняться, какъ поклонялись огню... До чего это понятно — обожествленіе природы! Какое это великое счастье — жить, существовать въ мірѣ, дышать, видѣть небо, воду, солнце! И все же мы несчастны! Въ чемъ дѣло? Въ кратковременности нашей, въ одиночествѣ, въ неправильности нашей жизни? Вотъ на этомъ озерѣ были когда-то Шелли, Байронъ... потомъ Мопассанъ, одинокій и носившій въ своемъ сердцѣ жажду счастья цѣлаго міра. И всѣ мечтатели, всѣ любившіе и молодые когда-то, всѣ, которые приходили сюда за счастьемъ, всѣ уже прошли и скрылись навсегда. Такъ пройдемъ и мы съ тобой... Хочешь вина?

Я подставилъ стаканъ, онъ налилъ и прибавилъ съ грустной улыбкой:

— Мнѣ кажется, что когда-нибудь я сольюсь съ этой предвѣчной тишиной, у преддверія которой мы стоимъ, и что счастье только къ ней. Помнишь Иссена: „Ты слышишь, Майя, тишину?“ Слышишь ли ты ее, эту тишину горъ?

Мы долго глядѣли на горы и на чистое нѣжное небо надъ ними, въ которомъ была безнадежная грусть осени. Мы представили самихъ себя далеко въ сердцевинѣ горъ, гдѣ не бывала еще нога человѣка... Солнце стоитъ надъ глубокими и со всѣхъ сторонъ замкнутыми долинами, орелъ паритъ въ огромномъ пространствѣ между ними и небомъ... И только насъ двое, и мы идемъ все дальше въ глубину горъ, какъ тѣ, что гибнутъ въ поискахъ эдельвейса...

Не спѣша работая веслами и прислушиваясь къ замирающему звону, мы говорили о путешествіи въ Савойю, о томъ, сколько времени мы можемъ пробыть тамъ-то и тамъ-то, но мысли наши снова невольно возвращались къ мечтамъ о счастьѣ. Красота новой для насъ природы, красота искусства и религіи всюду волновала насъ юношеской жаждой возвысить до нея нашу жизнь, наполнить ее истинными радостями и раздѣлить эти радости съ людьми. Женщины, за которыми мы всюду слѣдили въ пути, дразнили насъ жаждой любви, возвышенной, романтической, утонченно-чувственной, почти обожествляющей тотъ идеально-женствен-

ный образъ, который мелькалъ передъ нами... Но не сказочное ли это счастье, которое уходитъ за темные лѣса и горы все дальше по мѣрѣ того, какъ идешь за нимъ?

Товарищу, съ которымъ я пережилъ такъ много въ пути, одному изъ немногихъ, которыхъ я люблю, посвящаю эти немногія строки. Посылаю мой привѣтъ всѣмъ друзьямъ нашимъ по скитаніямъ, мечтамъ и чувствамъ

1901 г.

НАДЕЖДА.

Помнишь ли ты одинъ изъ послѣднихъ дачныхъ дней, проведенныхъ нами въ прошломъ году у моря? Есть особая прелесть въ этихъ осеннихъ дняхъ, сѣрыхъ и прохладныхъ, когда, возвращаясь изъ города на дачу, встрѣчаешь только однихъ ломовыхъ, нагруженныхъ мебелью запоздалыхъ дачниковъ. Уже прошли сентябрьскіе ливни, переулки между садами стали грязны, сады желтѣютъ и рѣдѣютъ, до весны остаются наединѣ съ моремъ... Вдоль узкоколейной дороги, пробѣгающей пятнадцать верстъ среди садовыхъ оградъ и рѣшетокъ, только и видишь теперь, что закрытыя фруктовыя лавочки, будки, гдѣ продавали лѣтомъ воды, да покинутые газетные кіоски. По всему пути, отъ дорогихъ виллъ въ итальянскомъ и греческомъ стилѣ и до выбѣленныхъ известкой домишекъ на отдаленномъ каменистомъ побережьѣ, то и дѣло мелькаютъ раскрытые балконы, увитые длинными сухими гирляндами дикаго винограда, закрытыя ставни, наглухо забитыя двери, завернутыя въ рогожу нѣжныя южныя растенія. И чѣмъ дальше отъ города — тѣмъ все тише, безлюдней. Паровикъ ходитъ уже рѣдко, и требовательные свистки его на остановкахъ далеко отдаются въ чистомъ воздухѣ. Шагаешь вдоль пути между садами и слушаешь... Вотъ поѣздъ снова гдѣ-то остановился и два раза жалобно и гулко крикнулъ, но гдѣ, близко или далеко, не опредѣлишь. Свистокъ похожъ на эхо, эхо на свистокъ, а замерло то и другое, растаялъ глухой, удаляющійся шумъ за садами — и опять настала полная, ничѣмъ не нарушаемая тишина. Не спѣша шагаешь и шагаешь по шпаламъ, сердце бьется ровно, итти и дышать осенней прохладой легко и пріятно... Остаться бы на этихъ дачахъ до весны, слушать по ночамъ шумъ бушующаго въ темнотѣ моря, бродить по пѣлымъ днямъ на обрывахъ!

Образъ одинокой женщины на террасѣ зимней виллы рисуется воображенію, длинная аллея тополей, усыпанная гравіемъ, съ синевой моря въ перспективѣ, зоветъ въ свои ворота...

Мы часто заглядывали въ такія аллеи, любуясь старыми мраморными статуями среди цвѣтниковъ и деревьевъ,—дешевыми поддѣлками подъ классическія изваянія боговъ и богинь,— ихъ матовой бѣлизной среди зеленыхъ тиссовъ, мелкими желтыми листьями, которые усыпали садовыя дорожки и ступени балконовъ. День былъ сѣрый и спокойный, — прохладный октябрьскій день тона Пювисъ-де-Шавання, — въ свѣжемъ, бодрящемъ воздухѣ пахло моремъ и увядающими цвѣтниками. Море выглядывало то тамъ, то здѣсь изъ-за кустовъ и деревьевъ, оно наполняло своимъ присутствіемъ всю окрестность, его свобода и дыханіе чувствовались все время и всюду. Уходя все дальше отъ города, мы строили неосуществимые планы путешествій и связывали съ ними мечты о той утонченной, несбыточной любви, которая, казалось, была разлита вокругъ насъ въ этой тишинѣ, прохладѣ, морскомъ воздухѣ, въ нѣжно-разнообразной красотѣ легкихъ лиловатыхъ тоновъ неба и осеннихъ садовъ. Помнишь мраморную нимфу въ чьемъ-то большомъ запущенномъ паркѣ, что въ свободной и женственной позѣ сидѣла на глыбѣ камня среди фонтана? Лѣтомъ, когда паркъ былъ тѣнистъ и зноенъ, когда солнечныя пятна золотымъ дождемъ осыпали нимфу, изъ камня со всѣхъ сторонъ бѣжало множество холодныхъ и чистыхъ ключей, и, склонивъ голову, нимфа точно прислушивалась къ ихъ непрерывному журчанію. Теперь оно смолкло, въ садахъ было свѣжо, тихо, и сквозь низкорослыя акаціи, сквозь вѣтви обнаженныхъ тополей и кустарники цвѣта сухой земли свободно чувствовался просторъ морского побережья... Зачѣмъ такъ прекрасны надежды, которыя неосуществимы? Зачѣмъ эта вѣчная мечта о красотѣ, о любви, слитой со всѣмъ міромъ, о счастьѣ, что̀ недоступно намъ уже по одной кратковременности нашей на землѣ?

Перекидываясь мыслями вслухъ, мы шли, а воздушно-голубоватое море все шире открывалось то тамъ, то здѣсь за деревьями и красными черепичными крышами дачъ на обрывахъ. И какъ разъ въ то время, когда мы дошли до того мѣста, гдѣ сады и дачи на полверсты прерываются, гдѣ всегда внезапно останавливаешься, пораженный просторомъ моря, почти на чертѣ горизонта увидали мы паруса „Надежды“

Уже вечерѣло, и среди спокойныхъ сѣрыхъ облаковъ, длинными грядами закрывавшихъ небо, появились оранжевые от-

тѣнки,—признакъ того, что холодѣетъ. Къ горизонту было свѣтлѣе, а прохлада послѣ дождей и безъ того очистила воздухъ и необыкновенно расширила дали. Въ морѣ былъ штиль, и оно развертывалось безграничной равниной нѣжно-зеленоватой, отчасти сиреневой стали, которая смѣлымъ и вольнымъ полукругомъ касалась вдали неба. Внизу, по извилистой линіи заливовъ, зеленая вода была такъ прозрачна, что даже съ обрыва видны были темно-лиловыя спины камней подъ нею; дальше ея поверхность кое-гдѣ морщилась, какъ поверхность шелковой ткани, подъ набѣгавшимъ легкимъ вѣтромъ, доносившимъ до насъ свѣжій морской запахъ, а еще дальше спокойный просторъ моря убѣгалъ къ горизонту длинными и тонко начерганными полосами теченій и оттѣнковъ. У горизонта онѣ терялись, — казалось, что за горизонтомъ снова начинаются спокойныя нѣжно-зеленоватыя водяныя поля; но, должно-быть, тамъ, гдѣ была „Надежда“, былъ ровный попутный бризъ. И, поднявъ въ нѣсколько ярусовъ паруса, сузившись въ отдаленьи, „Надежда“, какъ сказочная плавучая колокольня, четко сѣрѣла на той зыбкой грани, гдѣ море касалось неба. Она была одна и необыкновенно подчеркивала эту ровную ширь, во всей полнотѣ воскрешая своими парусами поэзію стараго моря. И даже съ прибрежья, несмотря на огромное для глаза разстояніе, видно было теперь, какое это славное, сильное судно, изящное и гордое, точно королевскій бригъ. Лѣтомъ оно вернулось изъ Австраліи, и мы встрѣтили его, какъ друга, смотрѣли на него, какъ на живое. Сколько странъ и морей видѣло оно, сколько океанскихъ волнъ омывало его острую, высокую грудь! Гавань была переполнена судами, но все это были тяжелые и неуклюжіе пароходы, дымившіе черными, приземистыми трубами, нагруженные черепицей, желѣзомъ, хлѣбомъ и бочками съ масломъ, по цѣлымъ днямъ грохотавшіе лебедками. Они знали только свои грузы, а на „Надеждѣ“ странствовали и учились молодые моряки, и какъ выдѣлялась въ этомъ плавучемъ городѣ судовъ легкая и вольная „Надежда“, входившая въ гавань подъ шестью ярусами своихъ парусовъ! Теперь она снова покидала насъ... И все, о чемъ мы такъ юношески мечтали, глядя съ мола въ море, вѣчно что-то обѣщающее за своими зыбкими горизонтами, все, чѣмъ оно волновало насъ въ этотъ осенній день въ тишинѣ опустѣвшихъ дачныхъ садовъ,—все съ необыкновенной силой охватило насъ при видѣ далекой „Надежды“.

Коснувшись горизонта, она вырѣзалась и какъ бы замерла на немъ, уменьшаясь такъ незамѣтно, что только зоркій глазъ

могъ замѣтить это уменьшеніе. Куда она держала путь? Къ югу, къ Босфору, Средиземному морю... Завтра передъ ней откроются болѣе нѣжныя дали, тонко засинѣютъ новые берега... Лиловато-сѣрая, стройная и царственно-прекрасная, одинокая на послѣдней грани огромной, зеленовато-стальной равнины моря, она удалялась незамѣтно, но неуклонно. И уже новые горизонты развертывались передъ тѣми, которые были на ней. Глядя на нее, мы сами чувствовали эти горизонты. Мы какъ бы сами были на ней, мы прозрѣвали то новое и манящее, что обѣщаетъ всякая даль, какъ, можетъ-быть, воочію увидятъ наши потомки все, что мы только предчувствуемъ и что волнуетъ насъ несбыточными надеждами, чувствомъ красоты жизни и мечтами о томъ, какъ будутъ счастливы люди въ будущемъ...

Поздно ночью, когда набѣгающій вѣтеръ безпокойно и осторожно, точно ища чего-то, шелестѣлъ сухими вѣтвями дикаго винограда на нашемъ балконѣ и доносилъ полусонный шумъ волнъ, я мысленно провожалъ „Надежду“ на пути въ темномъ морѣ. День прошелъ среди будничныхъ заботъ и дѣлъ, но весь день мнѣ казалось, что я видѣлъ ночью какой-то печальный и поэтичный сонъ. „Надежда“ была теперь уже далеко. Но какъ сладко было хотя мысленно слѣдить за ней!

1902 г.

Оглавленіе

II тома.

Разсказы 1892—1902 гг.

	стр.
Перевалъ.	3
Танька.	6
Кастрюкъ	15
На хуторѣ	24
Вѣсти съ родины	29
На чужой сторонѣ	37
На край свѣта.	42
Учитель	48
Байбаки	81
На Донцѣ	95
На дачѣ.	105
Велга	139
Безъ роду-племени	147
Поздней ночью.	160
Антоновскія яблоки	163
Руда. Эпитафія	178
Надъ городомъ	183
Новая дорога	188
Сосны	196
Скитъ	207
Туманъ	214
Костеръ	219
Въ августѣ	222
Осенью	226
Новый годъ.	232
Тишина	238
Надежда	243